ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Неверова Евгения Владимировна

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЮЖНО-КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Вылегжанин А.Н.

Москва – 2018

Оглавление

Введение....4

Глава 1. Принципы изменения правового титула на территорию в международном праве 17

§ 1.1. Обзор ключевых понятий, употребляемых в международном праве о территории.....18

§ 1.2. Характеристика «классических» международно-правовых доктрин об изменении титула на территорию 27

§ 1.3. Современные тенденции международно-правового решения вопросов территории 43

Глава 2. Российско-японский спор о суверенитете над южно-курильскими островами: юридически значимые фактические обстоятельства.....67

§ 2.1. Характеристика фактических обстоятельств, prima facie значимых для российско-японского спора о суверенитете над южно-курильскими островами.....68

§ 2.2. Изложение российско-японских разногласий о суверенитете над южно-курильскими островами в исторических материалах 75

§2.3. Международно-правовые документы, применимые к российско-японскому спору о суверенитете над южно-курильскими островами.....97

Глава 3. Международно-правовой анализ позиций России и Японии в споре о суверенитете над южно-курильскими островами 120

§ 3.1. Международно-правовая позиция Японии.....120

§ 3.2. Международно-правовая позиция России.....129

§ 3.3. Соотношение доводов Японии и России о суверенитете над южно-курильскими островами с точки зрения теории международного права.....138

Глава 4. Концепция создания международно-правового механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов.....182

§ 4.1. Существующие международно-правовые концепции разрешения спора.....182

§ 4.2. Авторская концепция создания международно-правового механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов 198

§ 4.3. Анализ правовых последствий совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов.....212

Заключение 221

Список использованной литературы.....228

Приложения.....253

Приложение 1. Карты Курильских островов.....253

Приложение 2. Закон Японии о специальных мерах по содействию решению проблемы Северных территорий от 31 августа 1982 г. 257

Приложение 3. Совместная Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительства Китайской Народной Республики по вопросу о Гонконге275

Приложение 4. Рекомендация по тексту защитной клаузулы для российско-японского соглашения о совместной деятельности на южно-курильских островах / о создании особого правового режима на южно-курильских островах 297

Введение

Актуальность диссертационного исследования. На сегодня у многих государств сохраняются оспариваемые территориальные притязания на сухопутные или морские территории; имеются несогласия с толкованием применимых международно-правовых документов (международных соглашений, решений международных судов или арбитражей) по установлению государственной границы или иной линии, разграничивающей пределы суверенных прав; наличествуют и разногласия между соседними государствами о делимитации границ[1]. Территориальные споры неоспоримо пагубны как для двусторонних отношений спорящих государств, так и для всеобщего мира и безопасности, поскольку такие споры представляют *постоянный* риск вооруженного конфликта[2]. С этим мнением согласна и отечественная международно-правовая доктрина. Так, Б.М. Клименко совершенно верно указывает: «Даже при отсутствии вооруженных столкновений территориальные споры и разногласия могут надолго осложнять отношения между государствами»[3].

Это высказывание как нельзя лучше описывает разногласия между Россией и Японией о суверенитете над южно-курильскими островами (именуемыми в Японии «Северными территориями» (北方領土, *Hoppō Ryōdo*)) – островами *Кунашир, Итуруп, Шикотан*, и группой островов, называемых *Хабомаи*[4]. Наличие этих разногласий вот уже более семидесяти лет препятствует заключению между двумя соседними государствами мирного договора по итогам Второй мировой войны[5], а также расширению сотрудничества между ними в иных областях – прежде всего, экономической[6].

---

[1] The World Factbook. Disputes – International // Central Intelligence Agency [сайт]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2070.html (дата обращения: 07.11.2017); Чамаров В.Б. Международно-правовые проблемы разграничения государственных территорий и морских пространств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2001. – С. 4.

[2] Huth P.K. Standing Your Ground: Territorial Disputes and International Conflict. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2001. – P. 4–5; Goertz G., Diehl P.F. Territorial Changes and International Conflict. Studies in International Conflict. Volume 5. – London & New York: Routledge, 2002. – P. 105 – 125.

[3] Клименко Б.М. Мирное решение территориальных споров. – М.: Междунар. отношения, 1982. – С. 4; Клименко Б.М. Государственные границы – проблема мира. – М.: Междунар. отношения, 1964. – С. 83 – 100.

[4] В русскоязычных источниках и на картах также встречаются названия «Южные Курилы» и «Малая Курильская гряда». В литературе и источниках на английском и французском языках наиболее распространены, соответственно, наименования “Southern Kurils” или “Southern Kuril Islands” (иногда слово “Kuril” пишется как “Kurile”) и “les îles Kouriles du sud”. В Японии для обозначения южно-курильских островов также используется словосочетание «Тисима ретто» (千島列島, *Chishima rettō*), буквально означающее «тысяча островов».

[5] См. п. 1 Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 г., которая прекратила состояние войны. Русские Курилы: история и современность (Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / авт.-сост.: В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, А.Ю. Плотников (отв. секретарь), С.А. Пономарев. – М.: Алгоритм, 2015. – С. 186).

[6] Stephan J.J. The Kuril Islands. Russo-Japanese Frontier in the Pacific. – Oxford: Clarendon Press, 1974. – P. 4.

Курильские острова, входящие согласно законодательству Российской Федерации в Сахалинскую область[7], – это цепочка вулканических островов, отделяющих Охотское море от иных районов Тихого океана; на островах обнаружены месторождения серы, полиметаллических руд, железа, песков, запасы золота, серебра, ртути, меди, олова, других металлов, включая единственное в мире месторождение рения. Острова богаты строительными материалами (продуктами вулканической деятельности), обладают энергетическим потенциалом (благодаря геотермальной энергии), а примыкающие морские районы и реки островов изобилуют лососевыми и другими морскими живыми ресурсами[8]. Весь архипелаг состоит из тридцати шести островов и множества скал вулканического происхождения, занимающих площадь 15 600 кв.км[9]. На Курильских островах присутствует около 100 вулканов, в том числе действующих. Климат на южно-курильских островах мягче северо-курильских благодаря теплым океаническим течениям, и они отличаются относительно богатой флорой. В их прибрежных водах присутствует множество водорослей, включая ламинарию и красные водоросли (источник агар-агара). Вместе с тем, экономический потенциал спорных островов освоен слабо, проблемы развития экономики указанного региона оцениваются как серьезные, системные, комплексные, не поддающиеся решению исключительно за счет рыночных механизмов регулирования, но непременно требующие привлечения ресурсов бюджета[10]. Сотрудничество Японии как обладающего необходимыми финансовыми ресурсами и технологиями соседа выглядит крайне привлекательно с точки зрения решения таких проблем. При этом неоднократные попытки СССР (1956 г.) и России найти взаимоприемлемое решение и усилить экономическое сотрудничество сталкивались с критикой как недопустимый «дипломатический торг» территориями[11], противоречащий морали и праву[12].

---

[7] О. Итуруп относится к Курильскому району Сахалинской области, а о-ва Шикотан, Кунашир и Хабомаи – к Южно-курильскому району. См.: Закон Сахалинской области № 25-ЗО от 23 марта 2011 г. «Об административно-территориальном устройстве Сахалинской области»: (с изменениями и дополнениями). Доступ из правовой базы «Гарант».

[8] По информации на вебсайте Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации; URL: http://www.mnr.gov.ru/maps/?region=65 (дата обращения: 07.11.2017). См. более подробно вебсайт Единой государственной системы информации «Об обстановке в Мировом океане»; URL: http://pacificinfo.ru/data/cdrom/kis/html/4_2_7_3.html (дата обращения: 07.11.2017).

[9] Stephan J.J., The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific. – Oxford: Clarendon Press, 1974. – P. 11 – 21.

[10] Постановление Правительства РФ № 793 от 4 августа 2015 г. «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016 – 2025 годы». – С. 7, 8 – 9. URL: http://government.ru/docs/19217/ (дата обращения: 07.11.2017).

[11] Русские Курилы .... – С. 180.

[12] Там же. – С. 176, 230 – 233, 262 – 264.

Бесспорно, территориальные притязания, тесно связанные с понятиями суверенитета[13] и международной политики[14], – это «сложное место» в международном праве. В их случае нередко ярче, чем в других ситуациях, проявляется распространенный журналистский (а порой даже профессионально-юридический) скептицизм о роли и предназначении международного права в мире, особенно если территориальные споры решаются сугубо политическим волеизъявлением или, что еще печальнее, путем применения вооруженных сил.

В настоящей работе на конкретном, важном для России примере территориального спора показано, что необоснованный и разрушительный скептицизм в праве неуместен. Территориальные проблемы – это международно-правовые проблемы, при которых существует два или более возможных решений, которые обосновываются международным правом. Международное право здесь применяется для толкования или установления фактов конкретного спора[15] и выбора одного из возможных решений согласованным волеизъявлением государств – сторон спора. Поэтому и рассматривать, и решать территориальные проблемы нужно путем корректной реализации всех тех норм международного права, которые применимы в конкретном случае. Международный Суд ООН отметил, рассматривая морские территориальные споры, что каждый такой спор юридически уникален[16]. Это можно сказать и о разногласиях в отношении островов.

Это не означает, что следует абстрагироваться от политических реалий – призывать к этому значило бы сделать всякую предлагаемую модель урегулирования территориального спора утопией. Напротив, как будет показано далее, нормы действующего международного права, применимые к территориальным спорам, позволяют охватить все обстоятельства конкретной рассматриваемой ситуации. Судебная и арбитражная практика разрешения территориальных споров включают учет и тех обстоятельств, которые традиционно относят к неправовым, политическим соображениям (*policy considerations*)[17].

Важных правовых и неправовых факторов в случае российско-японских разногласий спора немало. Помимо большого количества международных документов, заключенных на

---

[13] Crawford J. Chance, Order, Change: The Course of International Law. – The Hague: Hague Academy of International Law, 2014. – P. 86 – 114.

[14] См.: Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. – 2016, № 4. – С. 21 – 37.

[15] Koskenniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 27 – 28, 282 – 299.

[16] См. подробнее в: Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М.: Юридическая литература, 2004. – С. 18 – 19, 40.

[17] Kaikobad K.H. Some Observations on the Doctrine of Continuity and Finality of Boundaries // British Year Book of International Law, 1983. – London, 1985. – Vol. 54, 1. – P. 140.

протяжении длительного существования разногласий, требуется учитывать и интересы России и Японии, которые и обусловливают ценность спорных территорий и нежелание двух государств отступиться от своих позиций[18]. В публикациях в первую очередь отмечаются интересы стратегические и военные: суверенитет над южно-курильскими островами означает выход в Тихий океан для Тихоокеанского флота ВМФ России, который базируется во Владивостоке[19]. Кроме того, острова отличаются выгодным географическим расположением, образуя своеобразный «пояс безопасности» для континента[20]. Для Японии в контексте военно-стратегических интересов, южно-курильские острова ранее служили базой для нападения на Пёрл-Харбор (США) в 1941 г. Современные экономические интересы обусловлены потенциалом 200-мильной исключительной экономической зоны (ИЭЗ) вокруг этих островов, последствиями реализации суверенитета не только над богатыми запасами полезных ископаемых на суше, но также и над морскими минеральными и живыми ресурсами в территориальном море и на континентальном шельфе вокруг островов[21]. Немаловажно и то, что разрешение данных разногласий может повлечь последствия для других споров. Для России, по мнению некоторых авторов, уступка островов в пользу Японии способна «пробудить» территориальные притязания на другие российские территории, например, Калининградскую область, Карельский перешеек[22]. Если же Япония откажется от притязаний на южно-курильские острова, то Южная Корея или КНР могут заявить, что она должна отказаться и от своих притязаний на о. Такэсима (кор. Токто)[23] и о-ва Сенкаку (кит. Дяоюйдао)[24]. Наконец, аналитики считают, что отстаивание собственной международно-правовой позиции – это вопрос национальной чести и исторической справедливости и для России, и для Японии.

---

[18] Eveno C. Le contentieux des îles Kouriles / Centre d'Études Supérieures de la Marine. – [S.l., s.a.]. – P. 13 – 18.

[19] Важны не только сами острова и их бухты как места для проведения военных и военно-морских операций, но и около 20 судоходных проливов между ними (Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 185 – 186).

[20] См. в целом: Тимохин К.В. Островные территории в международном праве и практике Международного суда ООН: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2008. – С. 50; Kazumine A. The Strategic Value of Territorial Islands from the Perspective of National Security // Review of Island Studies. October 9, 2013. Translated from "Toshono senryakuteki kachi" = Tosho Kenkyu Journal, Vol. 1 (June 2012), p. 54–69. URL: http://islandstudies.oprf-info.org/research/a00008/ (дата обращения: 07.11.2017); Takahashi R.M. The Kuriles: Passage or Obstruction to Regional Peace? // International Law Studies. – 1991, Autumn. – Vol. 68: Readings on International Law from the Naval War College Review, 1978-1994. Reprinted from the Naval War College Review. – P. 232, 237.

[21] Вылегжанин А.Н. Морские природные ресурсы (международно-правовой режим) / А.Н. Вылегжанин; Предисловие академика РАН А.Г. Гранберга. – М., 2001. – С. 9 и далее; Тимохин К.В. Указ. соч. – С. 6, 48 – 49, 52 – 53.

[22] Курицын В.М. Проблема Курильских островов // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 5 – 6.

[23] Bowman G. Why Now Is the Time to Resolve the Dokdo /Takeshima Dispute // Case Western Reserve Journal of International Law. – 2013. – Vol. 46. – P. 443 – 462.

[24] Eveno Ch. Op. cit. – P. 25 – 26; Heflin W.B. Diyaou /Senkaku Islands Dispute: Japan and China, Oceans Apart // Asian-Pacific Law & Policy Journal. – 2000. – Vol. 1. – P. 1 – 10, 18 – 22.

Большинство населения России воспринимает занятие островов в 1945 г. как легитимную реализацию международно-правовой ответственности Японии за агрессию во время Второй мировой войны [25] . Японское население, со своей стороны, желает «восстановить справедливость» – добиться возврата четырех южно-курильских островов Японии, переданных ей Симодским трактатом от 7 февраля 1855 г.; в честь этого 7 февраля с 1981 г. празднуется как «День Северных территорий». Последние социальные опросы, проведенные в России и Японии, показывают, что 78% россиян возражают против передачи спорных островов Японии[26], а в Японии за возврат Северных территорий выступает 25% населения[27].

Сейчас мы наблюдаем новые политико-правовые попытки сближения России и Японии в трудном вопросе заключения мирного договора и разрешения рассматриваемых территориальных разногласий. В мае 2016 г. состоялись переговоры между Президентом РФ В.В. Путиным и Премьер-министром Японии С. Абэ. Помимо общей информации о том, что переговоры затронули вопрос мирного договора с Японией, их содержание раскрыто не было. Это дало толчок различным предположениям о том, что российское руководство вновь рассматривает возможность территориальных уступок. Позднее СМИ опровергли эту информацию; Президент заявил: «Мы не связываем одно с другим (т.е. мирный договор с уступками – *Е.Н.*), мы обсуждаем все опции, все направления отношений»[28]. Источник из МИД РФ прокомментировал «слухи», сказав, что «примитивно» считать, что «новый подход» заключается в передаче островов в обмен на экономическую помощь [29] . Напомним, что предложение российской стороны в 2010 г. создать в регионе свободную экономическую зону было отвергнуто Японией, не желающей ни на шаг отступить от требования по немедленному

---

[25] См. также: Скуратова А.Ю. Юридические итоги Великой Победы над фашистской Германией и современные попытки их искажения / А.Н. Вылегжанин, Г.В. Игнатенко, А.Ю. Скуратова // Российский ежегодник международного права, 2010. — СПб.: Россия-Нева. — Т. 2011. — С. 9 – 27.

[26] Опрос был проведен в мае 2016 г. «Левада-центром» «по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 800 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны». Также важно упомянуть, что от решения проблемы зависит и рейтинг руководства страны. Так, 32% участников опроса признали, что рейтинг Президента Путина «значительно снизится» в случае передачи Японии всех четырех островов. (URL: http://www.levada.ru/2016/08/05/spor-rossii-i-yaponii-vokrug-kurilskih-ostrovov/ (дата обращения: 07.11.2017)).

[27] Опрос проводился одной из крупнейших национальных газет «Майнити Симбун» в начале ноября 2016 г. среди «1 540 семей с членами в возрасте более 18 лет по всей стране, исключая жителей запретных зон вокруг АЭС Фукусима-1». При этом «ответило всего 949 человек, или 62 процента [опрошенных]». 57% опрошенных граждан Японии высказались, что Японии не следует настаивать на возврате всех четырех островов. В 2013 г. эти показатели составили 29% (за возврат всех четырех островов) и 67% (за гибкость в определении позиции) (URL: http://mainichi.jp/english/articles/20161107/p2a/00m/0na/019000c (дата обращения: 07.11.2017)).

[28]Путин отверг готовность «продать» Курильские острова, 20.05.2016 [Электронный ресурс] // РБК-Daily. URL: http://www.rbc.ru/politics/20/05/2016/573f1c229a79472926ea774f (дата обращения: 07.11.2017).

[29] Там же.

возврату спорных территорий[30]. Иными словами, для приемлемого компромисса, к которому неоднократно призывало российское руководство[31], потребуется качественно новый подход к решению российско-японских разногласий о южно-курильских островах, и намерение выработать такое решение было подтверждено в ходе последних переговоров в Токио и Нагато 15 – 16 декабря 2016 г.[32]

Как в советское, так и в настоящее время отечественные правоведы и иные специалисты трудились и трудятся над этой проблемой. Однако зачастую в их исследованиях упускаются правовые нюансы позиции Японии. Отсутствуют глубокие исследования ее международно-правовых доводов, в особенности тех, которые предметно представлены в зарубежной, т.е. японской и западной, литературе. Последняя заслуживает самого пристального внимания как «взгляд со стороны». Представляется, что академическое исследование относимых к спору факторов и правовых аргументов на основании критического сопоставления официальных позиций спорящих государств, а также правоведов, в том числе представляющих разные правовые системы, повышает шансы на формулирование полной и более перспективной концепции разрешения спора.

Степень научной разработанности темы исследования. В отечественной доктрине отсутствуют комплексные научные исследования территориального спора между Россией и Японией о принадлежности южно-курильских островов с точки зрения международного права с учетом широкого круга мнений как японских, так и западных специалистов.

Правовая позиция Российской Федерации спору о суверенитете над южно-курильскими островами затрагивалась в работах В.Н. Еремина, В.В. Ермошина, В.М. Курицына, И.А. Латышева, Г.М. Мелкова, В.С. Михайлова, С.М. Пунжина, В.С. Симкина, Ю.Б. Улановского, В.Б. Чамарова. Специальные публикации о международно-правовых аспектах данного спора за последние годы принадлежат авторству Р.В. Винниковой, О.И. Ильинской, В.В. Гаврилова, Б.И. Ткаченко, О.Н. Хлестова.

Общие вопросы норм международного права о суверенитете над территорией рассматривали в своих трудах С.Н. Бабурин, Ю.Г. Барсегов, А.Н. Вылегжанин, Б.М. Клименко, А.С. Орлов, Г.И. Тункин, М.В. Яновский. Среди перечисленных авторов наиболее полный

---

[30] Eveno Ch. Op. cit. – P. 23.

[31] В.В. Путин в прошлом использовал для оценки этого подхода термин «хикивакэ», означающий ничью. При этом позиция его оценивается как крайне твердая – Россия не намерена передавать Кунашир и Итуруп, и даже о передаче островов Хабомаи и Шикотана не может идти речи. См.: Hakamada S. On Trenin's Proposal for Russia to Return Four Disputed Islands to Japan, 28 February 2013 // GFL Commentary. – P. 3 – 4.

[32] См.: Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), п. 1, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

обзор и анализ вопросов, связанных с международно-правовым регулированием территории, содержится в работах Б.М. Клименко о государственной территории и границах и Ю.Г. Барсегова о международно-правовом статусе территории. Современное понимание проблем территориального суверенитета, а также способов и оснований приобретения территории раскрыто в диссертационных исследованиях С.В. Гузея, Л.Х. Коче, Т.Ч. Но, К.В. Тимохина и В.Б. Чамарова.

Предмет диссертационного исследования составляют положения международных договоров, международные обычаи, общие принципы международного права, международная судебная и арбитражная практика и юридическая доктрина по вопросам об основаниях приобретения и передачи титула на территорию, разрешении территориальных споров в целом и спора о суверенитете над южно-курильскими островами в частности. Особое внимание в рамках предмета исследования занимают правовые оценки *зарубежными* правоведами территориального спора России и Японии о суверенитете над южно-курильскими островами.

Объектом диссертационного исследования являются отношения России и Японии в связи со спором о суверенитете над южно-курильскими островами, а также связанные с этим действия третьих государств (США, КНР и др.). В более общем смысле в объект исследования также входят отношения между государствами, государствами и международными организациями, органами международной адъюдикации, по разрешению споров о суверенитете над сухопутными территориями.

Цель диссертационного исследования состоит в исследовании, обобщении, сопоставлении и критическом анализе существующих в зарубежной и отечественной международно-правовой литературе правовых оценок позиций России и Японии в рамках спора о суверенитете над южно-курильскими островами. Выводы исследования призваны лечь в основу концепции совместного хозяйственного освоения данных территорий, которая должна содействовать разрешению территориальной проблемы в соответствии с действующим международным правом о территории.

Для достижения цели исследования диссертантом поставлены следующие **задачи**:

- выявление современной международно-правовой теории об основаниях приобретения, сохранения, передачи и утраты правового титула на территорию согласно международному праву и критический анализ такой теории;
- исследование и анализ практики международных судов и арбитражей, прежде всего, Международного Суда ООН, по разрешению территориальных споров, выявление закономерностей разрешения таких споров;
- формулирование метода разработки концепции разрешения территориальных споров;

- исследование, обобщение и анализ правовых оценок позиций России и Японии в рамках спора о суверенитете над южно-курильскими островами;
- моделирование возможного исхода спора о суверенитете над южно-курильскими островами;
- оценка относительной силы и выявление сильных и слабых сторон разработанных зарубежной и отечественной доктриной концепций разрешения спора о суверенитете над южно-курильскими островами;
- изучение опыта заключения и имплементации Китайско-британской совместной декларации по вопросу о Гонконге и российско-японских договоренностей о ведении совместного промысла морских живых ресурсов в районе южно-курильских островов;
- формулировка концепции совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов; и
- дача рекомендаций для включения в международный договор о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов.

Методологической основой исследования послужили системный, сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-правовой методы, а также методы функционального, логического и структурного анализа. Выводы исследования в части разрешения российско-японского спора о суверенитете над южно-курильскими островами, основанные на изучении международно-правовых документов, практики, а также зарубежной и отечественной литературы, руководствуются не только «текстуально-нормативном подходом» (*textual-rule-based mode*), но и «практико-контекстуальном подходом» (*policy-context-based mode*), который требует, чтобы процесс поиска решения учитывал контекст соответствующей проблемы, включая общественно-этические ценности, на которых должен быть основан конечный результат, и практические моменты (вероятность принятия того или иного решения на практике)[33].

Эмпирическая основа исследования включает международно-правовые документы Международного Суда ООН (судебные решения, консультативные заключения, декларации, отдельные и особые мнений судей, письменные и устные заявления сторон), иных международных и национальных судов и арбитражей.

Теоретическую основу исследования составляют, прежде всего, классические труды по международному праву отечественных и западных юристов, в том числе XVII – XX веков,

---

[33] Reisman W.M. The Quest for the World Order .... – P. 177 – 190.

таких как Г. Гроций, Э. Ваттель, Дж. Вестлейк, Л. Оппенгейм, С. Пуфендорф и другие. Особое значение для работы имела современная международно-правовая теория государственного суверенитета, с точки зрения как территориального суверенитета, так и суверенитета в целом как основы системы международного права, отраженная в работах Ю.Г. Барсегова, Б.М. Клименко, М. Коскенниеми, Дж. Кроуфорда, Г.И. Тункина, М. Райзмана.

В работе критически оценены теоретические исследования способов приобретения и передачи титула на территорию, территориальных споров, помимо прочих, таких специалистов, как Р. Дженнингс, А. Кашоровска, Дж. Кроуфорд, М. Шоу, С. Шарма.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена отсутствием в современной отечественной международно-правовой литературе комплексных и систематических исследований международного права о территории, в ходе которых была бы проанализирована и обобщена последняя практика и зарубежная международно-правовая литература о разрешении территориальных споров.

По итогам диссертационного исследования диссертантом выносятся на защиту следующие положения:

1. *Выявлено*, что международно-правовые доводы Японии в пользу ее притязаний на суверенитет над южно-курильскими островами сводятся к следующему. *Во-первых*, Япония, как утверждается, «открыла» и «заняла» южно-курильские острова раньше России и, таким образом, острова являются «исконными» японскими территориями. *Во-вторых,* Трактат о торговле и границах, заключенный 26 января 1855 г., и Трактат, заключенный 25 апреля / 7 мая 1875 г., на основании которых Япония получила все Курильские острова (в обмен на часть острова Сахалин), продолжили действовать после русско-японской войны 1904-1905 гг. и являются основанием сохраняющегося правового титула Японии на южно-курильские острова. *В-третьих*, поскольку Курильские острова были приобретены мирным путем на основании Трактатов 1855 и 1875 гг., они не подпадают под Каирскую декларацию 1943 г., в рамках которой США, Китай и Великобритания договорились об отторжении у Японии после ее поражения территорий, захваченных ею при помощи силы. *В-четвертых*, Ялтинское соглашение 1945 г. не имеет силы для Японии, поскольку Япония в нем не участвовала и не знала о нем (оно является «секретным соглашением»), оно является выражением общих намерений Союзных государств, но не обязывающим международным договором, и в нем не определено понятие «Курильские острова». *В-пятых*, вступив в войну с Японией 1945 г., СССР нарушил Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 1941 г., продолжавший действовать до апреля 1946 г. в соответствии с его положениями. Поэтому, а также поскольку согласно предшествующим доводам у СССР не было иных законных правовых оснований заявлять о принадлежности ему южно-курильских островов, занятие и удержание советскими войсками

южно-курильских островов в августе-сентябре 1945 г. представляет собой незаконную оккупацию в нарушение положений Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. о запрете территориальной экспансии. *В-шестых,* Потсдамская декларация глав правительств США, Великобритании и Китая 1945 г. явно не исключила Курильские острова из суверенитета Японии. Сан-Францисский договор 1951 г. СССР не подписал и не ратифицировал, поэтому не вправе обосновывать им свои правопритязания. И, наконец, *седьмой* довод гласит, что термин «Курильские острова» в Статье 2 Сан-Францисского договора не охватывает спорные южно-курильские острова.

2. *Проведено* критическое международно-правовое исследование доводов Японии по вопросу о суверенитете над южно-курильскими островами, по итогам которого *определены* следующие международно-правовые контр-аргументы. *Во-первых,* имеющиеся исторические свидетельства и факты не подтверждают правовой титул Японии на южно-курильские острова в свете применимых международно-правовых доктрин первооткрытия и первоосвоения XVIII-XIX вв. Такой титул возник только на основании Трактатов 1855 и 1875 гг. *Во-вторых,* хотя Трактаты 1855 и 1875 гг. не прекратили действие ввиду Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., существуют убедительные свидетельства того, что термин «Курильские острова» в этих документах толковался как охватывающий южно-курильские острова. *В-третьих*, Япония не может усилить свой территориальный титул на острова ссылками на несоблюдение СССР порядка выхода из Пакта о нейтралитете 1941 г., поскольку Япония не выполняла свои обязательства по Пакту при его надлежащем толковании, выступив против союзников СССР во Второй мировой войне. *В-четвертых*, Союзные державы договорились отторгнуть у Японии в наказание за агрессию некоторые территории по своему абсолютному усмотрению. А именно: по Каирской декларации 1943 г. Японию планировалось лишить «всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны 1914 г.», территорий, «которые Япония отторгла у китайцев», и «всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности» [34]. Далее, во исполнение Каирской декларации 1943 г., в Потсдамской декларации 1945 г. Союзные державы предусмотрели, что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми

[34] Цит. по: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М.: Госполитиздат, 1955 г. – Вып. 11. – С. 105 – 106. Оригинальный текст (Cairo Communiquè, December 1, 1943. Japan National Diet Library. URL: http://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryo/01/002_46/002_46_001r.html (дата обращения: 07.11.2017)): “It is their purpose that Japan shall be stripped of all the islands in the Pacific which she has seized or occupied since the beginning of the first World War in 1914, and that all the territories Japan has stolen from the Chinese.... Japan will also be expelled from all other territories which she has taken by violence and greed”.

менее крупными островами, которые мы укажем»[35]. В Акте о безоговорочной капитуляции Японии 1945 г. Япония приняла «условия Декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме», тем самым признав абсолютное усмотрение Союзных держав на определение своего территориального состава и согласившись, что СССР входил в число четырех держав, которые «будут впоследствии именоваться Союзными державами».[36] Ссылки на положения о запрете территориальной экспансии в Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. ошибочны, поскольку Союзные державы правомерно действовали в соответствии с признанным Японией усмотрением при определении ее послевоенного территориального состава. *В-пятых*, отторжение у Японии Курильских островов и передача их СССР были закреплены в Ялтинском соглашении 1945 г., которое является международным договором и не утрачивает обязательной силы ввиду секретности его положений на момент заключения. Свои обязательства по нему СССР исполнил, вступив в войну против Японии. Ссылки Японии на последующий отказ США от обязательности этого соглашения не влияют на его действительность. *В-шестых*, южно-курильские острова были отторгнуты у Японии в силу Статьи 2 Сан-Францисского мирного договора 1951 г. в составе понятия «Курильские острова», толкуемого в соответствии с подготовительными материалами к Сан-Францисскому мирному договору, документами по его имплементации Японией и заявлениями и документами США и Великобритании, сторон Ялтинского соглашения 1945 г. *В-седьмых*, в силу принципов нерушимости границ и эффективного контроля, запрещающих изменять фактически сложившееся положение, Россия обладает более сильным правовым титулом южно-курильские острова, которые уже в течение нескольких десятилетий фактически находятся под российским суверенитетом, и в любом случае эти территории не могут быть переданы Японии вопреки воле российского народа.

3. *Выявлены* правовые последствия осуществления совместного промысла биоресурсов в морском районе, прилегающем к спорным южно-курильским островам, на базе Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии по ведению рыбопромысловых операций от 7 июня 1975 г., Соглашения между Правительством СССР и Правительством

---

[35] Оригинальный текст (Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender. – The Department of State Bulletin. – Vol. XIII. – No. 318, July 29, 1945): “8. The terms of the Cairo Declaration shall be carried out and Japanese sovereignty shall be limited to the islands of Honshu, Hokkaido, Kyushu, Shikoku and such minor islands as we determine”.

[36] Выдержка из оригинального текста (Instrument of Surrender. 2 September 1945. Accepted at Tokyo Bay, Japan at 0903 on the second day of September, 1945, for the United States, Republic of China, United Kingdom and the Union of Soviet Socialist Republics, and in the interests of the other United Nations at war with Japan // URL: http://avalon.law.yale.edu/wwii/j4.asp (дата обращения: 07.11.2017)): “We, acting by command of and in behalf of the Emperor of Japan, the Japanese Government and the Japanese Imperial General Headquarters, hereby accept the provisions set forth in the declaration issued by the heads of the Governments of the United States, China, and Great Britain on 26 July 1945 at Potsdam”.

Японии о сотрудничестве в области рыбного хозяйства от 12 мая 1985 г., Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии о взаимных отношениях в области рыболовства у побережья обеих стран от 7 декабря 1984 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о сохранении, рациональном использовании, управлении живыми ресурсами в северо-западной части Тихого океана и предотвращении незаконной торговли живыми ресурсами 2012 г., а также Соглашения между Минрыбхозом СССР и Хоккайдской ассоциацией рыбопромышленников о промысле морской капусты японскими рыбаками 1981 г. Указанные соглашения имели исключительно благотворный эффект на отношения России и Японии, в особенности в периоды большей напряженности, и должны быть взяты в качестве прецедента при выработке международно-правовой основы совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов. Учитывая стремление России и Японии вести такую деятельность при неизменности их правовых позиций по вопросу суверенитета над островами, особое внимание должно быть уделено содержащимся во всех (кроме последнего) соглашениях защитным клаузулам, предусматривающим, что деятельность, ведущаяся в соответствии с этими соглашениями, не влияет на соответствующие позиции сторон. Международный договор о совместном хозяйственном освоении должен включать клаузулу, основанную на примере указанных положений.

4. *Предложена* авторская концепция создания международно-правового механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов, основанная на опыте совместной российско-японской рыбохозяйственной практики, а также на опыте согласования и имплементации Китайско-британской совместной декларации по вопросу о Гонконге, учредившей Специальный административный район Гонконг. *Разъяснен* минимальный круг международно-правовых аспектов, которые должны найти отражение в международно-правовом соглашении о совместном хозяйственном освоении: учреждение совместного российско-японского органа, обладающего автономными полномочиями по разрешению различных вопросов совместной хозяйственной деятельности на южно-курильских островах, учет воли населения Сахалинской области и южно-курильских островов в согласовании и реализации концепции совместного хозяйственного освоения спорных островов.

Теоретическая значимость исследования состоит в приращении научного знания об основных руководящих принципах разрешения международных территориальных споров на основании материалов современной зарубежной международно-правовой литературы и судебной и арбитражной практики. Материал диссертации может быть полезен в научно-исследовательских целях, в учебном процессе, при разработке учебных пособий и курсов по международному праву, написании дипломных и курсовых работ в высших учебных заведениях.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать его основные положения и выводы для определения направлений экономической и социально-культурной политики Российской Федерации по отношению к Японии и при развитии и освоении территории южно-курильских островов, а также для разработки ответов на аргументы зарубежных оппонентов в рамках рассматриваемого территориального спора. Автором предлагается концепция разрешения российско-японского спора в виде комплексного двустороннего международного соглашения о создании специального автономного округа на территории южно-курильских островов, которая представляется особенно актуальной ввиду объявленного Президентом РФ курса по направлению к сотрудничеству с Японией в данной области, следует подчеркнуть – как раз на основании отдельного международного договора[37].

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование было подготовлено, обсуждено и рекомендовано к защите на заседании кафедры международного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». Основные положения и заключения работы отражены в трех научных публикациях в рецензируемых изданиях из перечня ВАК, а также составили основу для содействия в подготовке справки для Министерства иностранных дел РФ о концепции разрешения российско-японского территориального спора. Отдельные выводы диссертационного исследования также излагались диссертантом на международной научной конференции, посвященной 25-летию Московского журнала международного права, состоявшейся в МГИМО МИД России, и использовались во время подготовки к, и ведения семинарских занятий по международному праву в МГИМО МИД России.

Структура диссертации обусловлена ее целью и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложений.

---

[37] См.: Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), пп. 1 и 3, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

Глава 1. Принципы изменения правового титула на территорию в международном праве

Конструктивные и долговременные предложения о разрешении межгосударственных споров обязаны учитывать специфику категории, к которой относится конкретный спор, и международно-правового регулирования вопросов, входящих в число спорных. Немаловажно обратить пристальное внимание на практику разрешения подобных споров и весь спектр оценок и мнений широкого круга правоведов-международников[38]. В первой части настоящей главы разъясняются ключевые понятия территории, титула на территорию и территориального спора. Во второй – приводятся обзор и оценки классических способов приобретения прав на территорию. Наконец, в третьей части рассматриваются принципы международного права, относящиеся к разрешению споров о суверенитете над территорией, выявляются современные тенденции и закономерности разрешения таких споров.

Вопросы территории традиционно составляют одну из основных областей международного права и науки о нем[39]. Они бессменно включались в классические работы по общему международному праву[40] и стали предметом нескольких крупных как зарубежных, так и отечественных специальных исследований. Наиболее известны курс лекций профессора Кембриджского университета Р. Дженнингса о приобретении территории в международном праве [41] и монография индийского юриста С. Шармы о приобретении территории и территориальных спорах[42]. В отечественной международно-правовой литературе последние[43]

---

[38] Практике и литературе в международном праве придается равное значение. Статут Международного Суда ООН, Статья 38(1)(d). URL: http://www.icj-cij.org/homepage/ru/icjstatute.php#chap2 («1. Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет... d) ...судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм»).

[39] Так, треть опубликованного в 1609 г. трактата Г. Гроция «О свободном море» посвящена вопросам обоснования голландских и опровержения португальских притязаний на территорию (Grotius H. The Freedom of the Seas or the Right Which Belongs to the Dutch to Take Part in the East Indian Trade: A Dissertation / by Hugo Grotius; (translated with a revision of the Latin text of 1633 by Ralph Van Deman Magoffin, Ph.D.). – New York: Oxford University Press, 1916. – P. 9 et seq. См. также: Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций; Перевод с латинского А.Л. Саккетти. – М.: Госюриздат, 1956. – С. 205, 231 – 238.

[40] Vattel E.de. Le droit des gens ou principes de la loi naturelle appliqués à la conduit et aux affaires des Nations et des Souverains. – Vol. 1: (Reproduction of Books I and II of Edition of 1758). – Washington: Carnegie Institution of Washington, 1916. – P. 315 – 328 (рассматриваются общие вопросы суверенитета и юрисдикции), 350 – 368 (включая отдельную главу, посвященную приобретательской давности), The Collected Papers of John Westlake on Public International Law / Oppenheim L. (Ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1914. – P. 131 – 193; в особенности: P. 139 – 143,: Oppenheim L. International Law. A Treatise. – Vol. I: Peace. – New York, Bombay: Longmans, Green, and Co., 1905. – P. 217 – 300 (глава о территории, посвященная «Объектам Права наций», открывает Ч. II Т. 1).

[41] Jennings R.Y. The Acquisition of Territory in International Law. – Manchester: Manchester Univesity Press, 1963. – VII, 130 p.

[42] Sharma S.P. Territorial Acquistiion, Disputes and International Law. – Boston: Nijhoff, 1997. – 353 p.

специальные монографии по вопросам территории и территориальных споров принадлежат перу Ю.Г. Барсегова и Б.М. Клименко[44]. Помимо этих фундаментальных трудов издано множество публикаций по отдельным вопросам территории[45].

§ 1.1. Обзор ключевых понятий, употребляемых в международном праве о территории

«В международном праве термин «*территория*» означает всякое пространство, не только сухопутное, но и водное; как наземное, так и подземное (например, недра), а также воздушное (атмосфера)»[46]. Водное и воздушное пространство имеют свое специальное регулирование: международное морское и воздушное право. Поэтому, хотя некоторые нормы о правовом титуле на сухопутную территорию смежны с нормами, сформировавшимися в отношении морских пространств, настоящее исследование будет сосредоточено на вопросах прав на сухопутную территорию.

Долгое время наука рассматривала *территорию* как объект международного права[47], но подобный подход далеко не исчерпывает это понятие[48]. Невзирая на появление новых субъектов международного права (прежде всего международных организаций)[49], развитие института экстратерриториального действия[50], и, наконец, критику концепции суверенитета[51],

---

[43] Сведения о разработке в дореволюционной и ранней советской литературе вопросов территории приводит Ю.Г. Барсегов: он указывает, что в советский период количество специальных исследований этой темы было незначительным и называет в качестве примеров работы В.Н. Дурденевского, А.М. Ладыжевского, М.В. Яновского, И.П. Трайнина и Ф.И. Кожевникова (Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – М., 1958. – С. 7).

[44] Клименко В.М. Указ. соч.

[45] См., напр., Title to Territory / Shaw M.N. (Ed.). – Aldershot; Burlington: Ashgate Publishing Company, 2005. – XXXV, 525 p. – (The Library of Essays in International Law).

[46] Международное право: учебник для академического бакалавриата. – в 2 т. 3-е изд. пер. и доп. / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – М.: Юрайт, 2015. – Т. 1. – С. 100; Shaw M.N. Introduction: The International Law of Territory: An Overview // Title to Territory / Shaw M.N. (Ed.). – Aldershot; Burlington: Ashgate Publishing Company, 2005. – XXXV, 525 p. – (The Library of Essays in International Law). – P. xii. Подробнее о видах территории см. в: Коче Л.Х. Международно-правовые основания и способы определения принадлежности и статуса территории: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Казань, 2000. – С. 10 – 19; Бабурин С.Н. Территория государства: теоретико-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. – М., 1998. – С. 15, 37 – 50.

[47] Основная причина состояла в унаследованном от средневековых мысли и уклада смешении понятий суверенитета над территорией и прав на землю. Westlake J. Op. cit. – P. 30 – 31, 134 – 135; Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647 – 1917) / Науч. ред., авт. биогр. очерка и сост. библиографии У.Э. Батлер; отв. ред. и авт. предисловия В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2005. – С. 518; Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 15 – 16, 19 – 22.

[48] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 24 – 25 (об эволюции теорий, рассматривавших территорию как объект собственности и как рамки осуществления суверенитета).

[49] Shaw M. International Law. – 6th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 257 – 260.

[50] Речь, прежде всего, об экстерриториальном действии прав человека. См.: Extraterritorial Application of Human Rights Treaties / Coomans F., Kamminga M. (Eds.). – Antwerp: Intersentia, 2004. – 281 p.

[51] Такая критика связана, в первую очередь, с традиционным противопоставлением институтов суверенитета и прав человека. См. более подробно в: Lara R.L. The Problem of Sovereignty, International Law, and Intellectual Conscience // Journal of the Philosophy of International Law. – 2014. – Vol. 5, No. 1. – P. 40 – 44.

международное право остается системой, построенной на этой концепции[52]. Государства, в свою очередь, существуют только при наличии территории как материальной базы для осуществления суверенитета[53], или «территориального верховенства», как его называли в дореволюционной русской науке. По-прежнему суверенитет, прежде всего, «отражает общую и исключительную власть каждого государства над территорией» (“reflects each State’s general and exclusive authority over territory”)[54]; в силу суверенитета «территория недоступна для действия властей другого государства» (за рядом исключений)[55]; суверенная власть должна осуществляться не только над кем-то (населением), но обязательно и над чем-то (территорией). Вместе с тем, единой «точки зрения о юридической природе территориального верховенства» и даже «установившегося определения территории» в международном праве нет, пишет Ю.Г. Барсегов, видя причину в «столкновени[и] политических интересов»[56].

В зарубежной литературе существует широкий консенсус о том, что территория является обычным международным признаком государственности[57]. Хотя этот признак не требует наличия под властью государства территории какого-либо определенного размера, и микро-государства (Монако, Науру, Тувалу, Лихтенштейн, Мальдивская Республика и др.) или квазигосударства (Святой Престол и Мальтийский орден) признаются государствами по крайней мере для некоторых целей[58], не было еще ни одного случая признания государственного статуса за образованием, не имеющим собственной территории или полностью утратившим ее. Так, в контексте спора о так называемых «исчезающих государствах» (островных государствах, чья территория постепенно уходит под воду

---

[52] Carty A. The Black Hole of Modernity: From Sovereignty to International Legal Order and Back Again! // Journal of the Philosophy of International Law. – 2006. – Vol. 1., No. 1. – P. 15. См. также: Sharma S.P. Op. cit. – P. 8, 13 – 19; Greenwood C. Sovereignty: A View from the International Bench // R.Rawlings, P. Leyland, A.L. Young (eds.) / Sovereignty and the Law. Domestic, European, and International PErspectives. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 255 – 266.

[53] Title to Territory. – P. xi; Shaw M.N. Territory in International Law // Netherlands Yearbook of International Law. – 1982. – Vol. 13. – P. 61 – 66; Oppenheim L. International Law. – 8th ed. – L., 1955. – P. 451; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 1l; Sharma S.P. Op. cit. – P. 2; Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 6 – 7.

[54] Crawford J. Chance, Order, Change. – P. 113.

[55] Молодцов С.В. Некоторые вопросы территории в международном праве // Советское государство и право. – М., 1954. – № 8. – С. 63.

[56] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 6.

[57] В этом смысле признается, что латиноамериканская Конвенция о правах и обязанностях государств 26 декабря 1933 г. в части своей Статьи 1, где перечисляются признаки государственности, включая «определенную территорию» (*a defined territory*), уже стала или близка к тому, чтобы стать международным обычаем универсального применения (Crawford, J. The Creation of States in International Law. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 2007. – P. 45 – 46). Дж. Кроуфорд в более поздней работе критикует эту формулировку как недостаточно четкую, но не отрицает необходимость *в наличии* территории (Idem., Chance, Order, Change. – P. 193. См. также: Shaw M. International Law. – P. 197 – 198; Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 26).

[58] Crawford J. The Creation of States in International Law. – P. 46 – 47, 221 – 233.

вследствие подъема уровня Мирового океана)[59], несмотря на теоретическую, а в некоторых случаях и реализуемую на практике возможность аренды новой территории, современное договорное или обычное право не гарантирует сохранение за ними статуса государств, и правоведы делают неутешительный вывод, что утрата территории влечет утрату государственности[60]. Значение территории для международного права, тем самым, является системообразующим.

Ключевым понятием является понятие *титула на территорию* или *территориального титула* (англ. *title to territory*)[61]. В международном праве «титул на территорию» означает совокупность правомочий и прав требования на территорию, которые могут осуществляться сувереном во исключение всех прочих субъектов и совпадают с понятием территориального суверенитета или юрисдикции[62]. Подчеркнем, что речь не о титуле в гражданско-правовом понимании права собственности (лат. *dominium*) (и не о территории как вещи), а о пространственно-правовых границах осуществления суверенной власти (лат. *imperium*)[63].

Понятие территориального титула может использоваться в разных значениях – так, в *Споре о границе* между Республикой Верхняя Вольта (в настоящее время – Буркина-Фасо) и

---

[59] См.: McAdam J. Climate Change, Forced Migration, and International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 119 – 160.

[60] Некоторые авторы говорят о презумпции в пользу сохранения государственности, но заключают, что утрата территории и вынужденное обращение к таким инструментам, как аренда, говорят о полной или частичной утрате другого признака государственности – а именно, независимости (Ibid. – P. 135; Crawford J. The Creation of States in International Law. – P. 701; McAdam J. Disappearing States, Statelessness and the Boundaries of International Law. URL: http://ssrn.com/abstract=1539766. – P. 6; Craven M. The Problem of State Succession and the Identity of States under International Law // European Journal of International Law. – 1998. – Vol. 9. – P. 153, 159.

[61] Понятие правового титула в русскоязычной теории международного права неоднократно употребляется в работе Ю.Г. Барсегова: Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 14 («правовым титулом власти в пределах территории»), 27 («титулов приобретения территории»), 31 («международно-правового титула приобретения территории») и далее.

[62] Shaw M. Territory in International. – P. 79.

[63] Это признала еще дореволюционная российская наука международного права: заслуга в отказе от старых представлений принадлежит В.А. Незабитовскому, опубликовавшему в 1860 г. свою диссертацию «Учение публицистов о международном владении». Хотя указывается, что в то время «большинство продолжало придерживаться старого понимания территории как вещи» (к «большинству» В.Э. Грабарь относит Ф.Ф. Мартенса, Л.А. Камаровского и П.Е. Казанского) и употребления в вопросах территории таких гражданско-правовых терминов как «приобретение», «отчуждение», «утрата» и «потеря» «территориальных владений», появились и более корректные исследования В.П. Даневского, О.О. Эйхельмана, В.А. Уляницкого и Н.М. Коркунова, которые говорили уже о приобретении «территориального верховенства», «территориальной власти» и о «разграничении сферы действий отдельных государств». См. Грабарь В.Э. Указ. соч. – С. 517 – 518. См. также: Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 22 – 25; см. также критику «вещной» концепции территории в: Шалланд Л.А. Юридическая природа территориального верховенства. Историко-догматическое исследование. Том I / Л. Шалланд, Приват-доцент Императорского С.-Петербургского Университета. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1903. – С. 133 и далее. Советский и современный подход к концепции суверенитета и государственной территории см. в: Клименко, Б.М. Государственная территория (вопросы теории и практики международного права). – М.: Междунар. отношения, 1974. – С. 5 –37; Молодцов С.В. Некоторые вопросы территории в международном праве // Советское государство и право. – М., 1954. – № 8. – С. 63 – 66; Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 27 – 32, 50 – 52; Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 15 – 26.

Мали, который был разрешен Международным Судом ООН в 1986 г., стороны разделили «территориальный титул» на две составляющие: «правовой титул» (англ. *legal title*)[64] и «*effectivités*»[65] (этим термином обозначают действия, составляющие осуществление суверенной власти[66]). Суд отметил, что термин «титул» действительно многозначен и «может также... охватывать как любое доказательство, которое может устанавливать существование права, так и фактический источник такого права»[67]. Тем самым, он отказался от рассуждений о нюансах значения термина в пользу рассмотрения существа спора – и такая прагматическая установка в целом характеризует международную практику разрешения территориальных споров.

Титул на территорию в международном праве обладает характеристикой, которая отличает его от гражданско-правового понимания титула и прямо влияет на решение территориальных вопросов, а именно, *относительностью*[68]. В национальных правопорядках право собственности (как наиболее близкий к титулу институт, объединяющий несколько правомочий собственника) является абсолютным – оно противопоставлено обязанности неопределенного круга лиц по его соблюдению[69]. В международном праве титул на территорию одного государства также противопоставлен обязанности всех других государств уважать его[70] и действует *erga omnes*[71] (лат. относительно всех), поскольку его нарушение равнозначно посягательству на суверенитет[72]. Однако так как не существует какого-либо органа или организации, которые могли бы выдать неоспоримое свидетельство правового титула или принудить одно государство к соблюдению прав другого[73], в случае возникновения спора

---

[64] В значении не самого права, а подтверждающего его документа (*Frontier Dispute (Burkina Faso/ Republic of Mali),* I.C.J. Reports 1985, p. 553, para. 18).

[65] Более подробно см. ниже.

[66] Title to Territory. – P. xxiii.

[67] *Frontier Dispute*, para. 18. См.: также разъяснение этого различия в: Jennings R.Y. Op. cit. – P. 4 – 6; Dupuy P.-M. Droit international public. – 6th Ed. – Paris: Dalloz, 2000. – P. 33.

[68] Shaw M. International Law. – P. 491 («...титул на территорию в международном праве в большинстве случаев относителен, а не абсолютен»). Кроме этого в правовой литературе также проводится различие между первоначальным (англ. *original*) и производным (англ. *derivative*), т.е. приобретенным, титулами. Р. Дженнингс отмечает, что постольку, поскольку правовой титул означает набор правомочий, он всегда будет производным от чего-то (от источника суверенитета государства) (Jennings R.Y. Op. cit. – P. 10; Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 89 – 90; Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 130 – 132). На наш взгляд, это различие не имеет практического значения.

[69] Там же.

[70] Дж. Вестлейк в своем труде называет «исключительность» титула в этом понимании признаком, который роднит его с правами на землю, наряду с возможностью отчуждения титула. Westlake J. Op. cit. – P. 131.

[71] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 5.

[72] Ibid. – P. 2 («Ни одна норма не может быть яснее заповеди о том, что ни одно государство не вправе законно попытаться осуществлять суверенитет на чужой территории»).

[73] Ibid. – P. 5.

доказанность титула одного государства будет рассматриваться *относительно* весомости доказательств титула, представленных его соперником. Эта характеристика была прямо подчеркнута в *Деле о Восточной Гренландии*, где на суверенитет над Восточной Гренландией заявляли притязания Дания и Норвегия; спор был разрешен Постоянной палатой международного правосудия в 1933 г. в пользу Дании. Судебный орган указал, в частности: «В большинстве дел, связанных с притязаниями на территориальный суверенитет, которые передавались на рассмотрение международных судов, имелось два конкурирующих притязания на суверенитет, и суду было необходимо решить, которое из них сильнее...»[74]. Этот же подход был применен арбитражами в делах об *о. Пальмас*, *о. Клиппертон*, *о Качском ранно* и в споре между *Эритреей и Йеменом*[75], а также Международным Судом ООН, например, при рассмотрении спора между Великобританией и Францией о принадлежности *о-вов Менкье и Экреос*[76] и *Спора о делимитации морских пространств и территориальных вопросах* между Катаром и Бахрейном[77]. Таким образом, в территориальных спорах титул всегда требует доказывания, что вносит элемент состязательности в процесс их разрешения[78].

Именно в такой ситуации – когда несколько государств заявляют притязания на определенную территорию, – идет речь о *территориальном споре*. В 1924 г. Постоянная палата международного правосудия дала ставшее классическим определение понятию «спора»: «Спор – это разногласие по вопросу права или факта, конфликт правовых взглядов или интересов между двумя лицами»[79]. В зарубежной правовой литературе понятие территориального спора

---

[74] *Legal Status of Eastern Greenland (Denmark v. Norway), P.C.I.J. Reports,* Series A/B, No. 53, P. 46.

[75] *Island of Palmas Case (or Miangas), United States v Netherlands*, Award, (1928) II RIAA 829, P. 869; *Clipperton Island Case (France v. Mexico)* (1931) 2 R.I.A.A. 1105, P. 1108 – 1111; *Eritrea v Yemen, Award on Territorial Sovereignty and Scope of the Dispute*, (1998) XXII RIAA 211, para. 453 – 457; *Rann of Kutch (India v. Pakistan)* (1968) 17 R.I.A.A. 553. – P. 135 – 136, 674 – 675, 690. См. также: Title to Territory. – P. xiii, xx; Munkman A.L.W. Adjudication and Adjustment. International Judicial Decision and the Settlement of Territorial and Boundary Disputes // British Yearbook of International Law, 1972. – 1973. – London etc., 1975. – Vol. 46. – P. 48 – 49, 80; Schwarzenberger G. Title to Territory: Response to a Challenge // American Journal of International Law. – 1957. – Vol. 51. – P. 314 – 315, 320; Тимохин К.В. Указ. соч. – С. 68.

[76] *The Minquiers and Ecrehos case*, Judgment of November 17th, 1953: I.C.J. Reports 1953, P. 67. См.: также Title to Territory. – P. xiii, xx; Munkman A.L.W. Op.cit. – P. 48 – 49, 80; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 320.

[77] Где по вопросу относительности титула на территорию высказались судьи Беджауи, Ранджева и Корома в совместном особом мнении (*Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2001*, p. 40, *Joint Dissenting Opinion of Judges Bedjaoui, Ranjeva and Koroma*, P. 153, para. 14 («Наука международного права не может «похвастаться» строгостью и логической определенностью математических наук, в которых одна цепочка рассуждений должна неизбежно исключить любые другие или же сделать их излишними. Это демонстрируется тем фактом, что в международном праве нельзя остановиться на первом результате в решении о присуждении территории, но следует далее продолжить анализ и определить, не существует ли «лучший титул»»)).

[78] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 131 – 134.

[79] *The Mavrommatis Palestine Concessions*, Publications of the Permanent Court of International Justice, Series A, No. 2, August 30th, 1924, Collection of Judgments. – P. 11 (“A dispute is a disagreement on a point of law or fact, a conflict of legal views or of interests between two persons”). См. также: Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 73 и далее.

не ограничивается случаями, в которых государства целенаправленно совершают какие-либо действия для разрешения своего разногласия и определяется широко как любой спор двух государств о территории. Так, например, французская исследовательница Ж. Жиродо, отталкиваясь от определения «спора», приведенного выше, отмечает: «территориальный спор обозначает несовпадение правовых позиций между двумя государствами в связи с их территорией, т.е. о титуле, в широком понимании юридического основания, обосновывающего установление общей границы или распределение пространства»[80]. Более строгого подхода придерживается отечественная наука. Б.М. Клименко выделяет три элемента территориального спора: наличие субъектов (спорящих государств) и объекта спора (т.е. оспариваемой границы или территории), и четкое совпадение объекта и предмета спора (норм о принадлежности территории). Соответственно, он определяет территориальный спор как «существование выкристаллизовавшихся и сформулированных разногласий относительно ясно выраженного и объективно существующего предмета спора: существования или применения нормы о границе или вопроса о суверенитете над определенной территорией»[81]. Б.М. Клименко не указывает, необходимо ли *взаимное* признание наличия спора – ведь порой претензии заявляются в одностороннем порядке и вторым потенциальным субъектом спора не признаются[82]. Правовед отмечает, что «необходимо установление того, что стороны спорят»,[83] – но кто вправе или должен это устанавливать? Возникновение и существование спора для Б.М. Клименко, по-видимому, представляет собой объективный момент, но с практической точки зрения достижение этой объективности не разъясняется. Настаивая на четкости и совпадении мнений сторон относительно предмета и объекта спора, Б.М. Клименко предлагает в случае недостаточной ясности «считать, что территориального спора не существует, а имеются разногласия по территориальным вопросам»[84]. В практическом плане, признание наличие

---

[80] Giraudeau G. Les differends territoriaux devant le juge international: entre droit et transaction. – Leiden: Martinus Nujhoff Publishers, 2013. – P. 4 ("...le différend territorial désigne l'opposition des theses juridiques entre deux États relatives à leur territoire, c'est-à-dire au titre, au sens large de fondement juridique, justifiant de l'emplacement d'une frontier commune ou de l'attribution d'un espace").

[81] Там же. – С. 16, 21. См. подробный анализ этого определения в: Орлов А.С. Понятие международного территориального спора // Вестник Удмуртского университета. – 2010. – № 3. – С. 95 – 97; Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 225 – 226.

[82] Вместе с тем, он разделяет «территориальные споры» и «территориальные притязания». В случае последних, «государство, которое предъявляет территориальную претензию на определенную часть территории другого государства, не оспаривает суверенитета этого последнего над этой определенной территорией, т.е. не сомневается в юридической принадлежности этой территории данному государству, но считает по каким-либо основаниям, справедливым или несправедливым, что эта территория должна принадлежать ему» (Клименко Б.М. Основные проблемы государственной территории в международном праве [Текст]: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 716. – М., 1970. – С. 18).

[83] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 20.

[84] Там же.

спора, в отличие от разногласия или претензии, по мнению Б.М. Клименко, влечет обязанность по международному праву «именно решать [споры], не оставляя нерешенными»[85]. Получается, что наличие территориальных разногласий такую обязанность не порождает. Вместе с тем, можно представить ситуацию, в которой территориальные разногласия существуют в течение длительного времени и/или не перерастают в спор (если одна из сторон не признает его и не формирует свою позицию по данному вопросу). Предпочтительней был бы подход, при котором и такие разногласия объективно требовали бы разрешения, поскольку они наряду с признанными обеими сторонами территориальными спорами могут составлять угрозу для мира и безопасности. В целом, позиция профессора Клименко представляется не вполне последовательной: с одной стороны, он утверждает, что для наличия спора недостаточно «односторонней территориальной претензии» (такой как «претензия Ирака на суверенитет над Кувейтом» в 1961-1963 гг.)[86], с другой – приводит цитату из решений Международного Суда ООН 1962 г. по делам о *Юго-Западной Африке* (Эфиопия и Либерия против Южной Африки), где указывается, что «простого утверждения недостаточно, чтобы доказать существование спора, но и простое отрицание существования спора не доказывает, что его не существует»[87], и не придерживается проведенного различия при описании практики (вместо этого конкретные ситуации без уточнения описываются как «территориальный вопрос», «территориальные претензии» или «территориальный спор)[88]. Отсюда можно предположить, что, по мнению Б.М. Клименко, на практике все же это различие не имеет принципиального значения и для возникновения спора не требуется выполнения никаких процессуальных требований (подачи уведомления и т.д.), хотя уведомление другого государства о наличии притязания или заявление протеста против притязаний другого государства может иметь значение для «кристаллизации» спора, т.е. определения точного момента его возникновения для целей

---

[85] Там же. – С. 44 – 51, 121 – 131. Неоднократно подчеркивая существование данной обязанности, впрочем, Б.М. Клименко не разъясняет, как, по его мнению, она должна осуществляться на практике, в особенности если государства уклоняются от ее исполнения.

[86] Там же. – С. 24 – 25.

[87] *South West Africa Cases (Ethiopia* v. *South Africa; Liberia* v. *South Africa), Preliminnry Objections*, Judgment of 21 December 1962: I.C.J. Reports, 1962, p. 328 (за процитированным утверждением следует еще два важных замечания Международного Суда: «Равным образом недостаточно показать, что интересы двух сторон в таком деле находятся в противоречии. Должно показать, что притязанию одной стороны решительно возражает другая». Как или с помощью каких свидетельств должно быть доказано такое ясное противоречие, Суд не пояснил, удовлетворившись тем, что в рассматриваемом деле это безусловно явствовало из «противоречащих друг другу подходов [сторон] к исполнению обязательства...»).

[88] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 13 (где выделяется также такая категория как «территориальный конфликт», т.е. ситуация, в которой «нет юридического спора о принадлежности определенной территории, а есть намерение силой оружия изменить территориальный *status quo*»), 23, 30 – 43. Для дальнейших целей интересно, что Б.М. Клименко никак не квалифицирует и не упоминает ситуацию с южно-курильскими о-вами (в том числе как пример односторонней претензии), хоть и описывает разногласия между Японией и Кореей о суверенитете над о. Такэсима (кор. Токто) как «спор».

применения концепции критической даты. Равным образом, разграничение в литературе юридических споров (т.е. территориальных споров в вышеозначенном понимании) и политических споров (которые можно приравнять к понятию «разногласий») неабсолютно; как правило, в территориальных спорах заявляются как правовые, так и «неправовые» аргументы, и последние также играют немалую роль в их разрешении.

Естественно, территориальные споры не являются таковыми ввиду того, что затрагивают исключительно международно-правовые нормы о территории, – напротив, они могут касаться широкого круга вопросов, таких как толкование международных договоров (например, если имеется спор о местонахождении границы, установленной двусторонним соглашением, о существовании, значении или сохранении действия таким соглашением – примером является *Спор между Камеруном и Нигерией*)[89]; уяснение содержания международных судебных и арбитражных решений (в похожем случае, в котором граница была установлена таким решением, с которым впоследствии не согласна какая-либо из сторон, – этого вопроса касалось *Дело между Гондурасом и Никарагуа*, обратившихся в Международный Суд ООН за толкованием арбитражного решения, вынесенного Королем Испании)[90]; или таких как осуществление права народов на самоопределение[91]. В подобных случаях спор все равно является территориальным, поскольку в конечном итоге на практике относится к вопросам суверенитета над территорией.

В литературе и практике порой проводится различие между спорами о принадлежности территории и спорами об определении границ (т.е. о делимитации)[92]. В рамках первой категории споров каждое государство заявляет притязания на территорию в целом: здесь можно назвать спор об *о. Пальмас, о. Клиппертон, суверенитете над Восточной Гренландией, о-вах*

---

[89] *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea intervening)*, ICJ Judgment of 10 Oct. 2002. – P. 303.

[90] *Case concerning the Arbitral Award made by the King of Spain on 23 December 1906*, Judgment of 18 November 1960: I.C.J. Reports 1960, p. 192.

[91] См. ниже. Не углубляясь в детали, можно заранее сказать, что вопросы самоопределения будут затронуты в случае любого спора о населенной территории, поскольку изменение ее статуса будет влечь смену гражданства и «образа жизни населения» (Jennings R.Y. Op.cit. – P. 3).

[92] См.: Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 16 – 18, 21 – 22; Sharma S.P. Op. cit. – P. 21 – 30 (по мнению этого ученого, различие «может иметь большое значение в конкретных контекстах для характера и задачи органа по разрешению споров», но на первый взгляд значимое различие отсутствует – в *деле между Ливией и Чадом* Международный Суд ООН установил, что граница между спорящими государствами существовала по договору, но это отвечает как на вопрос Ливии о присуждении территории, так и на вопрос Чада о местонахождении границы, а в *деле между Буркина-Фасо и Мали* Суд заключил, что хотя в конечном итоге спор велся о границе, это различие не является качественным). Комментарий к этому делу см. в: Международное право. Практикум: учебное пособие / под ред. А.Н. Вылегжанина, А.Я. Капустина, М.Н. Копылова. – М.: Juris Prudens, 2011. – С. 130 – 138. О делимитации, а также демаркации, и спорах о границах см. подробнее: Cukwurah A.O. The Settlement of Boundary Disputes in International Law. – Manchester: Manchester University Press, 1967. – P. 27 – 88, 135 – 227.

Менкье и Экреос, о-вах Педра Бранка и др.[93] Ко второй категории причисляют споры об определении точного местоположения линии границы – самыми известными являются *Дело о суверенитете над приграничными территориями* между Бельгией и Нидерландами и спор между Камбоджей и Таиландом о принадлежности *Храма Преах Вихеар*[94]. Наличие вопросов о границе в составе спорных, впрочем, не означает, что спор не затрагивает вопросы территориального суверенитета, а совсем напротив: разграничение порой влечет установление границы, способной служить основанием титула на территорию[95]. Таким образом, можно согласиться с мнением С. Шармы о наличии категории «смешанных» споров[96] либо же не проводить данное различие вовсе.

В настоящий момент территориальных споров сохраняется не так много; в прошлом их было больше ввиду наличия не занятых земель, неисследованности занятых земель и несовершенства картографии, в результате чего могли возникать ошибки при нанесении границ на местности. Сейчас большая часть земного шара распределена между существующими государствами; при этом, однако, споры как о принадлежности территории, так и о ее разграничении сохраняются – среди не разрешенных территориальных споров можно назвать японско-корейский спор о принадлежности о. Такэсима (кор. Токто), японско-китайский спор о принадлежности о-вов Сенкаку (кит. Дяоюйдао); имеются территориальные споры по-прежнему и в практике Международного Суда ООН[97] и международных арбитражей[98]. В связи с этим современный обзор доктринального толкования международно-правовых норм о титуле на территорию и его изменении имеет практическое значение.

---

[93] *Palmas*; *Clipperon*; *Eastern Greenland*; *The Minquiers and Ecrehos*; *Sovereignty over Pedra Branca/Pulau Batu Puteh, Middle Rocks and South Ledge (Malaysia/Singapore*), Judgment, I.C.J. Reports 2008. – P. 12.

[94] *Case concerning Sovereignty over certain Frontier Land (Belgium/Netherlands),* Judgment of 20 June 1959: I.C.J. Reports 1959. – P. 209 (речь шла об определении границы между двумя коммунами, которая была спорной с XIX века, когда Нидерланды и Бельгия были единым государством; Суд присудил спорные участки Нидерландам); *Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand),* Merits, Judgment of 15 June 1962: I.C.J. Reports 1962. – P. 6 (где стороны спорили о принадлежности Храма Преах Вихеар, находившегося на границе между ними; Суд признал, что Храм находится на территории Камбоджи и обязал Таиланд отозвать вооруженные и полицейские отряды с данной территории и произвести реституцию движимого имущества, которое могло быть перемещено с территории Храма в период его занятия Таиландом).

[95] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 12 – 13.

[96] Sharma S.P. Op. cit. – P. 29.

[97] Crawford J. Chance, Order, Change. – P. 349. Последний такой спор, по которому было вынесено решение 2 февраля 2017 г., относился к разграничению морских пространств в Индийском океане между Сомали и Кенией; еще несколько споров, в том числе о сухопутных границах, находятся на рассмотрении: URL: http://www.icj-cij.org/en/pending-cases (дата обращения: 07.11.2017).

[98] Так, 12 июля 2016 г. Постоянной палатой третейского суда (ППТС) было вынесено арбитражное решение по делу между Филиппинами и КНР, помимо прочего, касавшемуся заявляемых КНР «исторических прав» на пространства в Южно-Китайском море: *South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China),* Award, PCA Case No. 2013 – 19, 12 July 2016. – P. 67-119.

§ 1.2. Характеристика «классических» международно-правовых доктрин об изменении титула на территорию

Классические международно-правовые доктрины [99] об основаниях приобретения и утраты государствами прав на территорию начали развиваться одновременно с разработкой самих таких оснований, а те – с потребностью государств в подкреплении их притязаний на вновь открытые владения. До эпохи Великих географических открытий XV – XVII вв. территории передавались суверенами как любое иное имущество или же захватывались в войнах. Однако в отношении *terra nullius* (лат. ничьей земли) существовал риск того, что другие государства также «откроют» и присвоят ее. В XVI – начале XVII вв. уже не все европейские державы беспрекословно подчинялись авторитету Святого Престола, даровавшего Испании и Португалии всякие открытые от их имени земли. Англии и Нидерландам, которые не признавали действия папских булл, понадобилось самостоятельное обоснование титула на открытые территории; Испании и Португалии же пришлось подчиниться новым принципам[100].

Первые труды о территории появились именно в этом контексте. Так, часть опубликованного в 1609 г. трактата Г. Гроция «О свободном море» (*De Mare Liberum*) посвящена вопросам обоснованности притязаний на территорию, основанных на первооткрытии, на буллах Папы Александра VI, и, наконец, на захвате территории [101]. Поскольку теория международного права находилась на самом раннем этапе развития, Г. Гроций, а после него и другие правоведы по аналогии опирались на понятийный аппарат римского частного права о правах на территорию, землю и иное имущество – в первую очередь, на институты *imperium* (лат. власть) и *dominium* (лат. собственность), вместе отражавшие идею территориального суверенитета[102]. Именно по причине заимствования из римского права и доктрины, о которых пойдет речь далее, именуются «классическими»[103].

---

[99] Для обозначения «доктрины» как корпуса трудов по международному праву по соответствующему вопросу мы будем пользоваться понятием «литература». Термин «доктрины» будет относиться к концепциям, выведенным правоведами и в некоторых случаях приобретшим статус обычая. Именно в этом смысле будут рассмотрены «доктрины» об основаниях приобретения и утраты титула на территорию. См. также Неверова Е.В. Основания изменения прав на государственную территорию (по материалам зарубежной международно-правовой литературы) // Евразийский юридический журнал. – 2017. – №1(104). – С. 30 – 36.

[100] Von der Heydte F.A.F. Discovery, Symbolic Annexation and Virtual Effectiveness in International Law // American Journal of International Law. – 1935. – Vol. 29. – P. 457 – 460.

[101] Grotius H. Op. cit. – P. 9 (где отвергается первооткрытие как исключительное основание титула), 16 – 17 (где Г. Гроций настаивает на том, что Папа Римский не имеет права распределять территории в материальном мире, его удел – мир духовный), 17 – 18 (где указывается, что захват также требует занятия территории).

[102] Title to Territory. – P. xiii; Shaw M.N. Territory in International Law. – P. 74, 80; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 3.

[103] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 90.

Выделяют пять основных «способов» (англ. *modes*) приобретения территории[104]: это завладение (или оккупация[105] – англ. *occupation*), приобретательская давность (англ. *prescription*), цессия (англ. *cession*), аккреция (приращение) (англ. *accretion*) и завоевание (англ. *conquest*). Способы утраты прав на территорию во всех случаях, кроме завладения, совпадают со способами их приобретения[106].

История международно-правовых норм о титуле на территорию начинается с XV века[107] с возникновением указанных способов приобретения правового титула в ответ на устаревшие доктрины *первооткрытия* (англ. *discovery*) и *символической аннексии* (англ. *symbolic annexation*). Согласно доктрине первооткрытия, ранее не исследованные земли считались принадлежащими первооткрывателю, а, точнее, государству, подданным которого он являлся[108]; вскоре эта доктрина эволюционировала в доктрину символической аннексии, требовавшую осуществления символических действий по присоединению вновь открытой территории, таких как воодружение флагов и опубликование торжественных заявлений[109].

Завладение. Обе указанные доктрины с середины XVI века[110] и вне всяких сомнений к XVII и XVIII векам были оставлены в пользу требования о фактическом завладении: И. Грифиандер в «Трактате от островах» 1623 г. и Г. Гроций в упомянутом выше труде «О

---

[104] Также к ним причисляют революцию, в результате которой происходит сецессия (отделение и приобретение независимости), поскольку титул переходит от бывшего суверена к вновь возникшему государству: Starke J.G. The Acquisition of Title to Territory by Newly Emerged States // British Yearbook of International Law, 1965 – 66. – London etc., 1968. – Vol. 41. – P. 413 – 414. См.: также Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 27 – 31 (данный правовед рассматривает такие способы как приращение, завладение или оккупация, купля-продажа, мена, уступка, цессия, давность и арбитраж, отмечая, что зарубежные ученые не смогли полностью «пересадить вопрос о приобретении территории с цивилистической почвы на почву публичного права»), С. 116 – 117 (где анализируется арбитраж как способе перехода прав на территорию; мы не будем рассматривать этот способ отдельно, поскольку, на наш взгляд, он лишь технически отличается от цессии: в случае арбитража государства заранее путем письменного соглашения передают арбитру(ам) полномочие распорядиться территорией по результатам рассмотрения спора).

[105] В отечественной международно-правовой литературе в основном используется термин «оккупация» (см.: Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 159 – 163), однако же, поскольку этот термин является заимствованием из иностранного языка, а также поскольку слово «оккупация» в неспециальном русском языке имеет негативную окраску (означая «насильственное занятие чужой территории военной силой»: Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. – М.: ОНИКС 21 век: Мир и образование, 2003. – С. 437), тогда как в международном праве в отношении прав на территорию оно необязательно подразумевает применение силы и не предполагает, что территория является «чужой» – мы будем применять термин «завладение», который в этом смысле употреблялся и в дореволюционной российской литературе (см.: Грабарь В.Э. Указ. соч. – С. 518), и в советской (См.: Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве – С. 27).

[106] Sharma S.P. Op. cit. – P. 35 fn 2.

[107] Von der Heydte F.A.F. Op. cit. – P. 448 – 452 (фон дер Хайдте называет период до XV века «доклассическим» и описывает скорее феодальные механизмы приобретения земли внутри государства).

[108] Sharma S.P. Op. cit. – P. 40 – 41.

[109] Этот способ практиковался в отношении небольших, необитаемых или малонаселенных островов (Von der Heydte F.A.F. Op. cit. – P. 452 – 454; Sharma S.P. Op. cit. – P. 47 – 51).

[110] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 4.

свободном море» 1609 г. указывали, что необходимо фактически «присвоить» (англ. *to occupy, to seize*) землю[111]. И до них, еще в XIV веке, постглоссатор Б. де Сассоферрато пришел к заключению о том, что эффективное занятие территории само по себе (т.е. в отсутствие санкции Ватикана) порождало действительный титул[112]. «Патент», выдаваемый сувереном мореплавателю, предполагал не только формальное открытие, но и фактическое освоение земель и правомочия на изгнание из них посторонних лиц[113]. Папские пожалования либо утверждали уже осуществляемый сувереном контроль над новыми территориями, либо предоставляли предварительный «зачаточный титул» (англ. *inchoate title*)[114], т.е. право на занятие территории (лат. *jus ad occupationem*), которое требовало фактического владения для того, чтобы стать правом владения (лат. *justum dominium*); подменить собой или упразднить необходимость фактического осуществления суверенитета такие буллы не могли[115]. Даже в тех источниках, которые якобы подтверждают достаточность первооткрытия как основания титула, термины «открывать» и «находить» используются как синонимы слова «занять»[116]. В связи с этим первооткрытие и символическая аннексия не рассматриваются в контексте современного международного права[117], что подтверждается решениями в *Деле об о. Пальмас* и *споре между Бразилией и Британской Гвианой* (где арбитр постановил, что «открытие новых торговых путей... само по себе не может рассматриваться как предоставляющее фактическое право на приобретение суверенитета» и что «простого утверждения о суверенных правах или демонстрации намерения сделать оккупацию эффективной не может быть достаточно», в связи с чем, по его мнению, Португалия, а затем Бразилия, не приобрела правовой титул на территорию к востоку от установленной решением границы и такой титул был закреплен за

---

[111] Grotius H. Op. cit. – P. 15; Von der Heydte F.A.F. Op. cit. – P. 460 – 461. Той же точки зрения – что само по себе первооткрытие не порождает титул – придерживался С. фон Пуфендорф. См.: Sharma S.P. Op. cit. – P. 40.

[112] Von der Heydte F.A.F. Op. cit. –P. 450.

[113] Ibid. – P. 455, 457 – 458.

[114] Также период с момента первооткрытия или символической аннексии до фактического освоения территории именуется «фиктивной» (в отличие от «эффективной») оккупацией (Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С.97; Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 163; Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 134, 138; Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 198).

[115] Von der Heydte F.A.F. Op. cit. – P. 451; Sharma S.P. Op. cit. – P. 41 – 46.

[116] Von der Heydte F.A.F. Op. cit. – P. 457.

[117] Индийский юрист С. Шарма, впрочем, изучая доктрину «символической аннексии» в историческом разрезе, устанавливает, что хотя она сама по себе не создает титул, но «может быть достаточной, чтобы установить исключительный титул» в отношении «малых островов или изолированных территорий», основываясь на решении об *о. Клиппертон* (Sharma S.P. Op. cit. – P. 50). Это дает основания полагать, что чем более земля пригодна для заселения, тем больший уровень физического владения нужен для титула (уже на основании завладения).

Великобританией, правопреемницей Голландии, эффективно управлявшей колонией на такой территории)[118].

Р. Дженнингс определяет завладение как «присвоение государством территории, которая на момент такого присвоения не находится под суверенитетом какого-либо иного государства»[119], отмечая тем самым его главное отличие от приобретательской давности: территория на момент занятия должна быть ничьей (лат. *terra nullius*)[120]. В связи с этим способом приобретения территории возникает два вопроса: в каких случаях территория является *terra nullius* и какие действия требуются для возникновения титула в силу завладения.

Первый вопрос затрагивается международно-правовой литературой очень кратко – указывается, что в период, когда этот способ приобретения титула был наиболее распространен, ничьей землей признавались и территории, населенные туземцами, чей общественный строй не соответствовал «цивилизованному» европейскому[121]. Международный Суд ООН подробно рассмотрел этот вопрос в *Консультативном заключении о статусе Западной Сахары* и сделал следующие выводы. Во-первых, на момент колонизации Западной Сахары, т.е. в 1884 г., «[к]аковы бы ни были расхождения во взглядах среди юристов, практика государств... указывает, что территории, населенные племенами или народами, обладающими общественно-политической организацией, не рассматривались как *terrae nullius*»; во-вторых, европейские суверены заключали с такими племенами соглашения, и «такие соглашения с местными правителями, независимо от того, считались ли они фактической «цессией» территории, или нет, рассматривались как производные источники титула, а не как первоначальные титулы посредством завладения *terrae nullius*»[122]. Далее Суд исследовал доказательства испанского «занятия» Западной Сахары и постановил, что даже сама Испания

---

[118] *Palmas*, P. 846; *The Guiana Boundary Case (Brazil, Great Britain)*, 6 June 1904, R.I.A.A. Vol. XI, P. 21; Cukwurah A.O. Op. cit. – P. 214 – 216.

[119] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 20.

[120] *Western Sahara, Advisory Opinion*, I.C.J. Reports 1975, para. 79.

[121] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 20; Westlake J. Op. cit. – P. 139. Вместе с тем, нельзя сказать, что это мнение разделяют все – так, в вышеуказанном труде Г. Гроция немаловажную роль играют рассуждения о том, являлись ли земли, населенные «язычниками», ничьими, т.е. свободными для занятия. Гроций заключает, что только оттого, что местное население не исповедует христианство, титул не возникает (Grotius H. Op. cit. – P. 15 – 16, 19 – 20).

[122] *Western Sahara AO*, para. 80 (“Whatever differences of opinion there may have been among jurists, the State practice... indicates that territories inhabited by tribes or peoples having a social and political organization were not regarded as *terrae nillius. …*agreements with local rulers, whether or not considered as an actual “cession” of territory, were regarded as derivative roots of title, and not original titles obtained by occupation of *terrae nullius.*”). См. также Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 144 – 145.

на тот момент не считала земли, населенные туземными племенами, с которыми она заключала договоры (с формальным требований утверждением договоров Королем), ничьими[123].

В настоящее время, с учетом процесса деколонизации, который имел место в 1960-е годы[124], данный вопрос не имеет такого же значения, как второй вопрос о действиях, необходимых для возникновения правового титула путем завладения. Из арбитражного решения Короля Италии Витторе III в *деле между Бразилией и Британской Гвианой* следует, что поведение государства, желающего завладеть территорией[125], должно содержать два обязательных элемента: *corpus* (т.е. сами действия по отношению к территории) и *animus* (т.е. намерение завладеть ею)[126]. Последствия для суверенитета может иметь только деятельность официальная (фр. *à titre de souverain*), тогда как действия лиц в частном качестве не учитываются, если только они не совершаются либо с прямой санкции государства, либо впоследствии не «одобряются» (англ. *ratified*) им как собственные[127]. Как указал Международный Суд в *Деле об о-вах Менкье и Экреос*, для возникновения и сохранения правового титула имеют значение «действия, которые относятся к осуществлению юрисдикции и местного управления и законодательства»[128]. К ним могут относиться создание гарнизона[129], возведение поселений[130], определение границ (напр., путем постройки ограждения)[131], охрана правопорядка, проведение выборов, регистрация актов гражданского состояния, сбор налогов, регулирование землепользования, учреждение школ и госпиталей[132]. Важно, чтобы они были

---

[123] Ibid., para. 81. Еще до принятия этого консультативного заключения данный вывод был сделан в советской международно-правовой литературе Ю.Г. Барсеговым. Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 91. См. также: Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 98 – 99.

[124] UN General Assembly, *Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples*, 14 December 1960, A/RES/1514(XV).

[125] Причем это относится к любому из «классических» способов приобретения титула. См.: Jennings R.Y. Op. cit. – P. 4.

[126] *Guiana Boundary*, P. 11 – 23. Эти же элементы вытекают из других дел. *Eastern Greenland*, P. 45 – 46; *Clipperton*, P. 393. См. также: Jennings R.Y. Op. cit. – P. 4; Sharma S.P. Op. cit. – P. 70.

[127] Title to Territory. – P. xxiii. См. также: *Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia)*, Judgment. I.C.J. Reports 1999, p. 1045, P. 62 – 64; Schwarzenberger, Op. cit. – P. 316. Интересно, что в *Деле о Качском ранно* арбитраж принял во внимание свидетельства выпаса скота частными лицами, но, как отмечает С. Шарма, лишь потому, что до своей независимости обе стороны имели системы налогообложения, тесно связанные с сельским хозяйством (т.е. частная деятельность была связана с публичной) (Sharma S.P. Op. cit. – P. 91 – 92).

[128] *Minquiers and Ecrehos*, P. 65. См. также: *Decision Regarding Delimitation of the Border between The State of Eritrea and The Federal Democratic Republic of Ethiopia*, Eritrea-Ethiopia Boundary Commission, 13 April 2002, P. 28 – 29.

[129] Grotius H. Op. cit. – P. 15.

[130] Ibid. – P. 22; Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 101 – 102.

[131] Ibid.

[132] Title to Territory. – P. xxiii.

присущи суверенному государству[133]. Интересно, что в то время как Международный Суд принял во внимание действия местных органов власти в указанном выше деле[134], в *Деле о Храме Преах Вихеар* он не придал значения действиям, являвшимся «исключительно актами местных провинциальных властей»[135]. Напротив, арбитры в *Деле о Качском ранно* исходили из того, что действия местных органов власти могут иметь особое значение, поскольку такие органы могут обладать более подробными и точными знаниями о территории[136].

Осуществление суверенитета должно быть мирным, непрерывным[137] и действительным (т.е. недостаточно заявления «бумажного» притязания)[138]. При этом в практике признается, что нет необходимости распространять и поддерживать эффективный суверенитет на всей территории – так, от характеристик территории будет зависеть, каким должно быть завладение[139]. Так, например, Дании в *Деле о Восточной Гренландии* не было необходимости физически занимать всю территорию ввиду ее незаселенности[140]. По той же причине минимальный уровень эффективности требовался в *Деле об о. Клиппертон*[141]. С. Шарма со ссылкой на Х. Уолдока указывает, что ввиду эволюции концепции суверенитета, необходимость в физическом завладении сменилась в международном праве достаточностью административного, или политического владения[142].

Приобретательская давность (англ. *acquisitive prescription*) – это «способ приобретения суверенитета над территорией путем фактического и не нарушаемого владения этой территорией в течение длительного времени»[143]. Эта концепция родственна завладению способ

---

[133] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 132.

[134] *Minquiers and Ecrehos*, P. 65-66.

[135] *Temple*, P. 30 (Суд указал, что такие акты недвусмысленно не относились к спорной местности, а также что ссылки на них неубедительны в свете последовательного признания тайскими центральными органами власти границы согласно камбоджийской карте). Такой же подход был принят в споре между *Бельгией и Нидерландами*: Суд придал большее значение официальным документам, чем протоколу бургомистров пограничных общин. См.: Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 94 – 95.

[136] *Rahn of Kutch*, P. 150 – 151.

[137] Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 102 – 103.

[138] Sharma S.P. Op. cit. – P. 100 – 104.

[139] Ibid.

[140] Кроме того, указывается, что Дания выиграла спор благодаря относительности титула на территорию – сама по себе ее позиция, по мнению суда и правоведов, не была лишена недостатков (Ibid. – P. 76 – 82).

[141] Ibid. – P. 107. Интересна приводимая точка зрения Х. Лаутерпахта о *Деле об о. Клиппертон* – тот относил его к «символической аннексии» и считал случаем, когда международное право вообще не требует эффективности.

[142] Ibid. – P. 65, 97, 100 – 101.

[143] Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 109 – 122; Вылегжанин А.Н. Приобретательская давность в международном праве / А.Н. Вылегжанин, Е.Л. Соколова // Московский журнал международного права. – 2014. – № 2(94). – С. 37 – 58.

приобретения территории [144] и отличается тем, что «путем длительного и непрерывного владения» [145] приобретается титул на территорию, *уже принадлежащую* другому государству [146]. Это доктрина, происходящая из англо-саксонской правовой системы [147], «согласно которой юридическая действительность может придаваться титулам... которые либо изначально недействительны, либо чью изначальную действительность невозможно доказать» [148]. Согласно подробному исследованию, проведенному Д. Джонсоном, в международное право она перешла потому, что признание титула за государством, фактически осуществляющим суверенитет в течение длительного времени при бездействии или безразличии официального суверена, соответствует интересам стабильности [149]. Понятие «приобретательской давности» объединяет понятия владения «с незапамятных времен» (англ. *immemorial possession*), при котором ситуация существует так долго, что презюмируется ее правомерность (так, арбитр М. Губер в *Деле об о. Пальмас* указал: «длительное и мирное осуществление территориального суверенитета… равнозначно титулу»[150]), и титул по давности владения, схожий с римским институтом *usucapio* [151]. *Usucapio* в международном праве не требует добросовестности владения[152] и отличается от владения с незапамятных времен лишь «по степени»[153], т.е. длительностью времени, требуемого для возникновения титула[154]. Как и в

---

[144] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 6 – 7, 20; Title to Territory. – P. xiv.

[145] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 20, 22; Sharma S.P. Op. cit. – P. 107 – 119.

[146] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 23; Sharma S.P. Op. cit. – P. 107 – 119; Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 163 – 166.

[147] Яновский М.В. Проблема «приобретения» государственной территории в международном праве. – С. 32, 33-36.

[148] Johnson D.H.N. Acquisitive Prescription in International Law // British Year Book of International Law, 1950. – London etc., 1951. – Vol. 27. – P. 332.

[149] Ibid. – P. 333 – 334, 336 (этот вывод делается им со ссылкой на Г. Гроция, Э. Ортолана, Ф. Мартенса, А. Ривьера и Х. Лаутерпахта – все из которых либо соглашались с этой доктриной, либо обращались к ее аналогам); Sharma S.P. Op. cit. – P. 107 – 108.

[150] *Palmas*, P. 839; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 103.

[151] Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 334 – 335. См. также: Jennings R.Y. Op. cit. – P. 21 – 22; Sharma S.P. Op. cit. –P. 108. Требования этой доктрины описаны в советской литературе Ю.Г. Барсеговым. Дополнительно он указывает давность как «возможность незаконного приобретения территории», имея в виду, что приобретательская давность несостоятельна как способ приобретения территории при несоблюдении права на самоопределение, и это мнение поддерживается современной отечественной правовой литературой. См.: Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 107 – 115; Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 139 – 142.

[152] Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 337 – 338, 338 fn 2. Джонсон отмечает, что не все правоведы-классики подтверждают существование требования добросовестности в международном праве. В качестве примера он приводит мнения Л. Оппенгейма, П. Фошиля и П.А. Верикиоса (вопрошающего: «к чему же требовать соблюдения такого условия в международном праве, если оно никогда не будет выполняться?»). Впрочем, трудно утверждать, что недобросовестное владение территорией может породить титул в контексте принципа эстоппеля. См.: Cheng B. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 143 – 147.

[153] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 22.

случае завладения, в практике отсутствуют прямые упоминания приобретательской давности, но многие авторы выводят эту доктрину из таких дел, как *Дела об о. Пальмас, о Восточной Гренландии, об Аляскинской границе, о банке Грисбадарна* и *о районе Чамисаль*[155]. Как и завладение, приобретательская давность основана на принципе эффективного контроля[156], который как бы «излечивает» пороки титула течением времени и подразумеваемым из отсутствия протестов согласием предыдущего суверена с новым положением дел[157].

Главные элементы приобретательской давности – это владение, обладающее теми же признаками властного характера, что и при завладении территорией, а также открытое[158], мирное и непрерывное[159], и продолжающееся в течение длительного (но не определенного)[160] промежутка времени[161], с молчаливого согласия или при отсутствии возражений со стороны предшествующего суверена[162]. Процесс формирования титула на основании приобретательской

---

[154] Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 339.

[155] Sharma S.P. Op. cit. – P. 113.

[156] Title to Territory. – P. xiv; Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 349; MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence in International Law // British Yearbook of International Law, 1954. – London etc., 1956. – Vol. 31. – P. 167.

[157] Title to Territory. – P. xix.

[158] Правоведы отмечают, что тайное владение территорией вряд ли осуществимо, и указывается даже, что «мнение большинства, как представляется, таково, что гласность не является требованием международного права» (Jennings, P. 39). Тем не менее, поскольку приобретательская давность опирается на прямое или косвенное признание фактического контроля, для формирования титула подчеркивается необходимость в осведомленности предшествующего суверена о фактическом владении (Kozlowski A. The Legal Construct of Historic Title to Territory in International Law – an Overview // Polish Yearbook of International Law. – 2010. – Vol. 30. – P. 76 – 77).

[159] *Palmas*, P. 839; *The Chamizal Case (Mexico, United States)* (1911) 11 R.I.A.A. 309, P. 328 (хотя арбитраж и не рассмотрел вопрос о юридической природе приобретательской давности, он изучил аргумент США о «ненарушенном, непрерывном и не оспоренном» владении спорной территорией, найдя, что он не подтверждается фактами); Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 166.

[160] Р. Дженнингс (и с ним – Б.М. Клименко) верно указывает, что в определении точного срока нет никакой необходимости и пользы (Jennings R.Y. Op. cit. – P. 21; Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 165). Истечение времени, однако, важно для формирования титула, поскольку оно «позволяет государству-истцу ускорить интеграцию территории в свои политические, экономические и социальные процессы» (Sharma S.P. Op. cit. – P. 198). А. Козловски на основании анализа арбитражной практики заключает, что требование длительного срока связано с необходимостью доказать, что элементы заявляемого титула оставались «стабильны» несмотря на изменения фактических обстоятельств (Kozlowski A. Op. cit. – P. 77). Хотя общепризнанные сроки отсутствуют, в литературе и практике имеются следующие примеры: Г. Гроций оценивал необходимый срок в век (т.е. три поколения людей), Э. Ваттель предлагал определить его с помощью международного договора или обычая, а Л. Оппенгейм предлагал срок, который позволит развиться убеждению, «что текущее положение вещей соответствует международному порядку» (Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 336 – 337, 340, 347; MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 166 – 167). В *Деле об о. Пальмас* срок владения составил 200 лет, *об аляскинской границе* – 60 лет, а в специальном соглашении между Великобританией и США по *Делу о границе между Гвианой и Венесуэлой* был предусмотрен срок 50 лет (Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 163 – 165).

[161] Большинство авторов соглашается, что срок зависит от обстоятельств дела: «от интенсивности, с которой проявляется притязание, от публичности, окружающей его промульгацию или принудительное исполнение, от природы заявленного права, от расположения и состояния затрагиваемой территории и т.д.»: MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 164 – 165. См. также: Title to Territory. – P. xix; *Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1999, p. 1045, P. 1101 et seq.

[162] *Chamizal*, P. 329 (где комиссия окончательно отвергла аргумент США о приобретательской давности, отметив, что Правительство Мексики «сделало все, что могло от него разумно требоваться с точки зрения

давности схож с процессом формирования международного обычая[163]. Обычай возникает из «всеобщей практики» государств вкупе с признанием такой практики в качестве права[164], т.е. при «молчаливом согласии государств... относительно единообразного поведения; и относительно признания такого поведения в качестве правовой нормы»[165]. Приобретательская давность же действует при прямом признании чужого титула или вследствие «простой незаинтересованности»[166].

Поскольку приобретательская давность схожа с понятием завладения[167], высказываются предложения не разделять эти способы, а объединить их в одну категорию «исторической консолидации титула» (англ. *historical consolidation of title* или *historic consolidation*) на основании всех относимых к спору факторов, которая ценится за гибкость[168] и которая позволяет учесть историчность процесса формирования титула и его анализа. Титул на территорию формируется с течением времени, и чем больше времени проходит, тем разнообразнее становятся входящие в него элементы; когда же суд или арбитраж анализируют титул, они непременно обращаются к его истории[169]. Эта доктрина не раз применялась на практике[170]: в арбитражных решениях 1875 г. *о заливе Делагоа* между Великобританией и Португалией[171], 1904 г. в *споре между Великобританией и Бразилией*[172], 1909 г. *о банке*

протестов против предположительного посягательства»); Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 106; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 322; Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 340.

[163] McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 150.

[164] Statute of the International Court of Justice, June 26, 1945, 59 Stat. 1055, 33 U.N.T.S. 933, Art. 38(1)(b).

[165] Вылегжанин А.Н. Международный обычай как основной источник международного права /А.Н. Вылегжанин, Р.А. Каламаркян // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 79, 81, 82.

[166] Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 350.

[167] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 50, 94; Sharma S.P. Op. cit. – P. 114 – 119.

[168] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 23 – 28; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 94, 103. Автором концепции консолидации является Ш. де Вишер, описавший ее как «доказанное длительное владение» в сочетании с «комплексом интересов и отношений, которые сами по себе имеют в качестве последствия установление принадлежности территории… в пользу конкретного государства», а также молчаливым признанием или «достаточно длительным отсутствием возражений». Э. Манкман не соглашается с необходимостью этой доктрины, учитывая ее условность и отдаленность от практики. См. также: Kozlowski A. Op. cit. – P. 90 – 91; Sharma S.P. Op. cit. – P. 173 – 179.

[169] *Eritrea v Yemen*, P. 235, 241, 244 и далее; *Cameroon v. Nigeria*, P. 352; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 94, 103; MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 153, 158 – 159; Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 349; Title to Territory. – P. xx; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 310, 311. Указанный автор также отмечает, что формирование титула с течением времени объясняет «неудовлетворительный характер любой попытки вложить действующие нормы в смирительную рубашку частно-правовых аналогий», которые «склонны придавать заведомо абсолютный характер правам, которые, пока не будет доказано обратное, являются изначально правами относительными». Акцент на консолидацию, тем самым, подчеркивает исходную относительность титула на территорию.

[170] McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 158 – 159.

[171] *Award of the President of the French Republic on the Claims of Great Britain and Portugal to Certain Territories Formerly Belonging to the Kings Tembe and Mapoota, on the Eastern Coast of Africa, Including the Islands of Inyack and Elephant (Delagoa Bay or Lorenzo Marques)*, Decision of 24 July 1975, 28 R.I.A.A. 159, P. 160 – 161.

Грисбадарна[173], 1928 г. *об о. Пальмас*[174], 1933 г. *о границе между Гватемалой и Гондурасом*[175], *арбитраже Чамисаль* 1991 г. между США и Мексикой[176] и др. По мнению Р. Дженнингса, консолидация – это не просто полезный термин, а путь к новому, особому способу приобретения титула, позволяющему учесть при рассмотрении притязаний на территорию не только проявления суверенной власти, но и значения и последствия признания, молчаливого признания и эстоппеля. Впрочем, сам Р. Дженнингс, похоже, не был готов полностью одобрить эту концепцию, ввиду риска того, что излишнее упрощение и объединение все же различных элементов процесса приобретения титула может внести путаницу в международно-правовые нормы о территории[177]. С. Шарма несколько десятилетий спустя подчеркнул, что приобретение территории – это многофакторный процесс, требующий применения различных норм[178], но о консолидации как об отдельной доктрине отозвался как о получившей «смешанную реакцию».

Исторический титул, исторические правооснования, исторически сложившиеся правовые основания (англ. *historic title*[179]). Эти понятия иногда упоминаются правоведами в контексте обсуждения приобретательской давности и консолидации и относятся к морским пространствам и «историческим заливам»[180]. По установлению арбитража в *Деле между Эритреей и Йеменом*, – речь о титуле, «который был создан или консолидирован посредством

---

[172] *Guiana Boundary*, P. 21 – 22.

[173] *The Grisbadarna Case (Norway v. Sweden)*, PCA, Award, 23 October 1909, P. 6 (где отмечено, что Швеция осуществляла различные акты в спорном районе, включая установку маяков, измерение морских пространств, что эти действия она совершала из понимания, что район принадлежит ей, и что они потребовали значительных трат).

[174] *Palmas*, P. 839.

[175] *Honduras borders (Guatemala, Honduras)*, II R.I.A.A. 1933, P. 1307 – 1366.

[176] Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 340 – 341 (США заявляли приобретательскую давность в качестве основания, но не смогли доказать, что владение было непрерывным и не оспоренным).

[177] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 26 – 28. С ним соглашается американская исследовательница Э. Манкман, считая эту концепцию слишком неопределенной для разрешения конкретных споров.

[178] Sharma S.P. Op. cit. – P. v, 180 (он относит консолидацию к новым подходам к вопросу о способах приобретения территории).

[179] В категории исторических прав также можно упомянуть «исконные права» (англ. *ancient* или *original title*) – Международный Суд ООН использовал такую формулировку для описания притязаний Франции и Великобритании на о-ва Менкье и Экреос (*Minquiers and Ecrehos*, P. 53) и Малайзии и Сингапура над необитаемыми скалами Миддл-Рокс, при этом из высказывания Суда следует, что исконные права Малайзии как правопреемника султаната Джохор как бы создали опровержимую презумпцию существования титула, которую, однако, Сингапур не опроверг. (*Pedra Branca*, para. 290). См. также: Kozlowski A. Op. cit. – P. 82 – 86.

[180] См. в целом: Вылегжанин А.Н. Исторические воды: проблема обоснования статуса. – Актуальные проблемы международного права. Международно-правовые проблемы территории. Сборник научных трудов / ред. коллегия Кожевников Ф.И., Задорожный Г.П., Кривчикова Э.С. – М.: МГИМО, 1980. – С. 93 и далее; Blum Y.Z. Historic Titles in International Law [Text]. – Dodrecht: Springer Science+Business Media B.V., 1965. – XXIII, 360 p.; Kozlowski A. Op. cit. – P. 61 – 100. Об исторических водах см.: также доклад Комиссии международного права ООН: Juridical Regime of Historic Waters Including Historic Bays – Study prepared by the Secretariat // Yearbook of the International Law Commission. – Vol. II, 1962. A/CN.4/143; *Fisheries case (United Kingdom v. Norway)*, Judgment of December 18th, 1951, I.C.J. Reports 1951. – P. 133.

приобретательской давности или молчаливого признания, или владения столь продолжительного, что он стал признаваться правом как титул»[181]. Эти концепции редко применяются[182] и фактически объединяют молчаливое признание, приобретательскую давность (в значении владения с незапамятных времен) и внешнее признание («стал признаваться правом») сформировавшегося таким образом титула[183]. Отсутствует и четкая граница с доктриной завладения, хотя правоведами предпринимались попытки их разделить. Исходя из решения по англо-норвежскому *Делу о рыбных ресурсах*, С. Шарма указывает, что, по его мнению, исторические права на сухопутные территории возникают лишь в исключительных обстоятельствах, тогда как завладение – нормальный процесс[184]. В *Деле Камеруна против Нигерии* Международный Суд подчеркнул, что понятие исторической консолидации само по себе «крайне спорно и не может подменить устоявшиеся способы приобретения титула в международном праве», т.е. не является самостоятельным основанием приобретения титула[185]. Некоторые авторы (А. Козловски) объясняют отказ судов прибегать к этой доктрине нежеланием углубляться слишком далеко в прошлое, вместо того, чтобы рассматривать более «свежие» факты и факторы; таким образом, исторические права всегда должны подтверждаться чем-то еще и едва ли служат самостоятельным обоснованием притязания на территорию[186].

Цессия (англ. *cession*) – это, пожалуй, наименее спорное[187] основание возникновения титула[188], поскольку, в отличие от занятия или приобретательской давности, цессия – это «передача суверенитета над определенной территорией одним государством другому по

---

[181] *Eritrea v Yemen*, para. 106. См. также: *Pedra Branca*, para. 48.

[182] См.: Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 349; McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 153.

[183] Title to Territory. – P. xx. Хотя некоторые авторы выделяют ее как отдельный международный обычай (Kozlowski A. Op. cit. – P. 63, 67). См. также анализ А. Козловски дела о делимитации морских пространств и территориальных вопросах между Катаром и Бахрейном, где данный автор не соглашается с представившими свое особое мнение судьями Беджауи, Ранджева и Корома относительно того, что исторический титул – это «естественный первый шаг» в доказывании обоснованности территориальных притязаний, заключая, что инструментарий государств в доказывании своей правоты гораздо шире (Ibid. – P. 79).

[184] Sharma S.P. Op. cit. – P. 170 – 171.

[185] *Cameroon v. Nigeria*, para. 65 (“The Court notes that the theory of historical consolidation is highly controversial and cannot replace the established modes of acquisition of title under international law...”); Гузей С.В. Развитие международного права Международным Судом ООН (на примере территориальных споров): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2006. – С. 78.

[186] Kozlowski A. Op. cit. – P. 88 – 89.

[187] В советской международно-правовой литературе, впрочем, цессия порицалась за формальность, несоблюдение права народов на самоопределение (даже когда мирные договоры содержали условие о плебисците, оно не всегда выполнялось) и фактическое прикрытие аннексии (Яновский М.В. Проблема «приобретения» государственной территории в международном праве. – С. 19 – 31). Справедливо отмечалось, что цессия законна только тогда, когда она учитывает принцип самоопределения.

[188] Однако споры – напр., о толковании и действительности соответствующих договоров, – не исключены. Sharma S.P. Op. cit. – P. 138 – 139.

соглашению между ними»[189]. Таким образом, цессия – это двусторонний и производный способ передачи правового титула, к которому будет применяться римская максима *nemo plus juris transferre potest quam ipse habet* (лат. никто не вправе передать больше прав, чем имеет сам)[190]. Р. Дженнингс выделяет в цессии два элемента: соглашение о передаче (англ. *agreement to cede*) и фактическую передачу (англ. *tradition*) территории, однако замечает, что на практике деление зачастую не проводится, и может случиться, что государство-цессионарий уже занимает территорию на момент заключения договора или с момента совершения договора передает территорию далее третьему государству, не успев занять ее[191]. Цессия, как правило, вступает в силу после фактической передачи суверенитета[192] и не требует встречного предоставления[193], – так, например, исторически цессия являлась одним из главных последствий окончания войны: в мирном договоре в пользу победителя уступались территории побежденного[194]. Например, положения Сан-Францисского мирного договора с Японией 1951 г. об отторжении у нее территорий С. Шарма квалифицируют как цессию[195]. В своем исследовании, Ю.Г. Барсегов, однако, резко порицает правоведов (Ч.Ч. Хайда и Л. Оппенгейма), которые не различают добровольную и принудительную цессию и не учитывают ее мотивы, поскольку они открывают «широкую возможность агрессивным государствам для «легализации» завоевания посредством неравноправных договоров»[196]. Цессия правомерна только в случае соблюдения принципа права народов на самоопределение[197], и, по мнению Ю.Г. Барсегова – в случаях «справедливых освободительных войн» и отторжения территории у государства-агрессора[198]. Интересно, что

---

[189] Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 87 – 97; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 16; Sharma S.P. Op. cit. – P. 136; Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 96; Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 60 – 62.

[190] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 16; Sharma S.P. Op. cit. – P. 138 (с указанием, что, таким образом, действительность уступленного титула будет зависеть от действительности исходного титула).

[191] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 17 – 18.

[192] Sharma S.P. Op. cit. – P. 136 – 137.

[193] Встречное предоставление возможно, пишет С. Шарма, приводя в пример договор о передаче Аляски 1867 г. Вместе с тем, в этом случае правильнее говорить о купле-продаже, хотя к ней применимы те же требования, что и к цессии (Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 105).

[194] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 19; Sharma S.P. Op. cit. – P. 137 (данный автор относит эту ситуацию к случаям недобровольной цессии).

[195] Sharma S.P. Op. cit. – P. 138. Более подробно об этом договоре см. ниже Главу 3, §3.3.

[196] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 97 – 99. Надо думать, с этим согласился бы Р. Дженнингс, указывающий, что мирные договоры (распределяющие территорию побежденного государства) в действительности представляют собой «завоевание под маской с виду мирного способа приобретения [территории]». Правомерность таких договоров будет зависеть, прежде всего, от правомерности применения силы (если сила была неправомерной, будет действовать принцип *ex iniuria* и титул по договору будет исключен): Jennings R.Y. Op. cit. – P. 56; Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 147.

[197] То же относится и к другим «старым» способам приобретения территории – См.: Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 116 – 117.

[198] Там же. – С. 101 – 102; Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 67.

некоторые авторы (В.Б. Чамаров) высказываются о том, что современное международное право не признает последний случай как правомерный, поскольку «отторжение правомерно принадлежащей части государственной территории у государства – агрессора – разновидность цессии», которая «осуществляется путем насилия над народом»[199].

Завоевание (англ. *conquest*), также – *покорение* (англ. *subjugation*) и *аннексия* (англ. *annexation*) – это способ приобретения территории, который признавался до XIX века[200]. С. Шарма выделяет в процессе завоевания два этапа: 1) *debellatio* (у него – отторжение территории путем применения силы)[201] и 2) подчинение путем аннексии; тем самым определяя завоевание как «завладение территорией с помощью силы, демонстрации намерения удержать территорию и способности удержать ее в качестве ее суверена»[202]. Важно отметить, что военные действия как таковые для завоевания необязательны – достаточно демонстрации вооруженной силы[203]. Существуют и дополнительные требования: так, суверенитет не переходит, пока длится состояние войны, и, как и с другими способами приобретения территории, необходимы *corpus* и *animus occupandi*[204]. По мнению зарубежных правоведов (Ч.Ч. Хайда и Г. Кельзена), в случае подавления соперника и успешного окончания войны, территория снова становится «ничьей» и может быть занята посредством завладения[205]. Большинство заключает, что завоевание полностью утратило свою актуальность в настоящее время ввиду запрета присвоения территорий путем применения силы[206] и действует лишь в части «старых» титулов благодаря доктрине интертемпорального права[207].

---

[199] Там же. – С. 68.

[200] Sharma S.P. Op. cit. – P. 143 – 146. Случаи применения силы в целях приобретения территории имелись и в период после 1945 г., см. их подробную оценку, а также изложение современных проблем, связанных с отказом от этого способа приобретения территории в: Korman S. The Right of Conquest. The Acquisition of Territory by Force in International Law and Practice. – Oxford: Clarendon Press, 2003. – P. 249 – 308.

[201] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 92, 94. Данный автор употребляет термины «завоевание» и «дебелляция» (а также термин «покорение») как синонимы, подчеркивая, что этот способ «вопиющим образом» противоречит современному международному праву.

[202] Sharma S.P. Op. cit. – P. 143. См. также: Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 92 – 93 (не выделяя, как указано в примечании выше, отдельные этапы у завоевания, Ю.Г. Барсегов, тем не менее, упоминает аннексию как военное присвоение территории по итогам войны без согласия побежденного государства (при наличии согласия он квалифицирует ситуацию как цессию)); Яновский М.В. Проблема «приобретения» государственной территории в международном праве. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. – С. 11 – 18.

[203] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 53.

[204] Ibid. – P. 52.

[205] См.: Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 93.

[206] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 53 – 54 («Правонарушение может зачастую приводить к изменению титула: но оно едва ли может само быть основанием титула»), 56; Shaw M. Territory in International Law. – P. 80; Sharma S.P. Op. cit. – P. 143. Более подробно о запрете применения силы см. ниже Главу 1, §1.3.

[207] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 53. Похоже, Ю.Г. Барсегов отрицает это в ситуации нарушения принципа самоопределения, «независимо от того, когда это насильственное присоединение было совершено».

Наконец, *аккреция* (англ. *accretion*) – это редко встречающееся[208] «естественное или рукотворное приращение территории государства новыми наземными участками»[209].

Таковы «классические» способы приобретения правового титула. Хотя правоведы и сейчас обращаются к ним, делая это, они скорее отдают дань истории. Уже в работах середины – конца прошлого века отмечается, что ни одна реальная ситуация не подпадает под какую-либо одну из вышеозначенных категорий (и ни один суд, арбитр или комиссия арбитров по сей день не пытались отнести тот или иной пор к одной категории во исключение всех прочих[210]) и что «готовые» аналогии с частным правом, тем самым, условны и «в большинстве случаев ошибочны»[211]. В этом нет ничего удивительного: частно-правовые нормы не могут полностью совпасть с ситуацией, возникшей на международно-правовом плане, где отсутствует единый законодатель[212]. Первостепенная роль остается за конкретными обстоятельствами спора. Также не следует забывать, что указанные категории возникли несколько веков назад, и современное международное право с его неприятием захвата территории силой и признанием права народов на самоопределение значительно изменило их содержание и пределы применения[213].

Завершая анализ «классических» способов приобретения территории, можно указать еще на две важные концепции, часто упоминающиеся судами, арбитражами и специалистами в данной области. Речь о понятиях интертемпорального права и критической даты.

Интертемпоральное право (англ. *intertemporal law*) – это теория, которая относится не только к территории, но также и к другим областям регулирования[214], является «базовой и важной», «в особенности... ввиду долговременности существования государств»[215]. Согласно

---

[208] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 115 – 116 (этот способ «играет ничтожную роль в международной жизни»).

[209] Словарь международного права / отв. ред. С.А. Егоров, ред. колл.: С.В. Черниченко, А.Н. Вылегжанин, Б.Р. Тузмухамедов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – С. 11; Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 122 – 124; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 19; Sharma S.P. Op. cit. – P. 141 – 142.

[210] Title to Territory. – P. xiv; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 23; Sharma S.P. Op. cit. – P. 165, 171 (именно в связи с этим, пишет данный автор, правоведам нелегко четко распределить все дела по категориям по способу приобретения территории).

[211] Shaw M. Territory in International. – P. 80; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 94, 103; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 3 fn 2 (Р. Дженнингс указывает, что хотя некоторые сходства между частно-правовыми институтами (правами на землю) и международными нормами о суверенитете на территорию сохраняются, различия представляются более значимыми).

[212] Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 308-309; Shaw M. Territory in International Law. – P. 82.

[213] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 106 – 107.

[214] Elias T.O. The Doctrine of Intertemporal Law // American Journal of International Law. – 1980. – Vol. 74. – P. 285.

[215] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 28; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 309; Elias T.O. Op. cit. – P. 286.

арбитражному решению по *Делу об о. Пальмас*[216], она имеет две стороны: во-первых, подразумевая, что к каждому значимому факту должно применяться современное ему право, и, во-вторых, требуя, чтобы «истец... поспева[л] за правом, чтобы сохранить свой титул»[217]. Второй аспект (в особенности доведенный *ad absurdo*) не избежал критики – некоторые правоведы считают, что он может нанести ущерб стабильности, поскольку требует, чтобы государство постоянно поддерживало титул с учетом новых норм[218]. Впрочем, эта критика снимается презумпцией сохранения титула у текущего суверена, которая следует, прежде всего, из сложности доказывания того, что титул был «оставлен» (англ. *abandoned*) государством или утрачен ввиду его молчаливой незаинтересованности в поддержании суверенитета над соответствующей территорией[219].

Критическая дата (англ. *critical date*) есть своего рода технический инструмент в помощь органу, разрешающему территориальный спор, а также продукт принципа справедливости (англ. *equity*). Согласно этой концепции[220], примененной в *Деле об о. Пальмас* и делах *о Восточной Гренландии* и *о-вах Менкье и Экреос*, орган по разрешению споров учитывает лишь те материалы, факты и доказательства, которые относятся к моменту до «кристаллизации» спора[221], дабы избежать предоставления несправедливого преимущества той

---

[216] *Palmas*, P. 845 – 846. Также примеры ее применения можно увидеть в *Консультативном заключении Международного Суда ООН о Западной Сахаре* (*Western Sahara AO*, para. 79), в *делах о банке Грисбадарна* и *Восточной Гр*енландии. См.: Sharma S.P. Op. cit. – P. 98.

[217] Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 148 – 150; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 29.

[218] Это следствие также смягчается и доктринами молчаливого признания и приобретательской давности. См.: Elias T.O. Op. cit. – P. 286; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 29 – 31.

[219] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 30; Crawford J. The Creation of States in International Law. – P. 90 – 91 (по мнению данного автора, суверенитет вообще есть набор опровержимых презумпций: напр., презюмируется, что государство сохраняет права на территорию, даже если оно не осуществляет их в течение длительного времени – так, в деле между Малайзией и Сингапуром Султанат Джохор не предпринимал никаких действий по отношению к спорным островам в течение 100 лет, однако же суверенитет над одним из них утратил только ввиду письма о прямом отказе: *Pedra Branca*, paras. 275-276).

[220] Р. Дженнингс с опаской относится к тому, чтобы «позволить» критической дате обрести статус доктрины или нормы, поскольку заявления о ней могут использоваться спорящими государствами, чтобы отвести внимание суда или арбитража от периода, в течение которого ими не совершались или совершались лишь незначительные действия по установлению суверенитета; также он указывает на риск отвлечения внимания от содержания к вопросу времени. Нам эти опасения представляются беспочвенными – для сторон в споре естественно выделять благоприятные для них и затенять неблагоприятные факты и нормы, тогда как органу по разрешению спора должен оставаться непредвзят и объективен, что устраняет или смягчает означенные риски.

[221] *Palmas*, P. 845 (в качестве критической была признана дата заключения 10 декабря 1898 г. Парижского договора, представлявшего собой договор цессии Испанией своих прав в регионе в пользу США), 866 (где арбитр указал, что действия за период между указанной критической датой и возбуждением арбитража «не могут сами по себе служить указанием на правовое положение острова», но «они, однако же, косвенно имеют определенный интерес, ввиду света, который они могут пролить на непосредственно предшествующий период»); *Eastern Greenland*, P. 45 (суд признал критической датой 10 июля 1931 г., когда было осуществлено завладение территорией со стороны Норвегии посредством опубликования прокламации о своем намерении занять ее); Jennings R.Y. Op. cit. – P. 33 (о деле *Менкье и Экреос*: несмотря на явный спор между Великобританией и Францией о том, какая дата должна быть признана критической, суд не назвал четкую критическую дату, он

стороне, которая после возникновения спора осознанно «активизировала» свои усилия по приобретению территории[222].

Б.М. Клименко, основываясь на работе сэра Дж. Фицмориса, выделяет следующие моменты, которые могут быть признаны «критической датой»[223]:

1) дату начала спора (этот критерий считается неудачным, так как подчас такую дату определить затруднительно);

2) дату первого заявления притязания (удовлетворительный критерий, если только притязание не является «бумажным»);

3) дату, связанную с усилиями по разрешению спора (здесь указываются три возможные даты, все из которых могут быть взяты за критические, если нет более ранних: а) дата, в которую одна из сторон прилагает все усилия для мирного разрешения спора, б) дата, в которую обе стороны прибегают к средствам мирного разрешения спора, и в) дата подачи предложения о передаче дела в суд или арбитраж); и

4) дату «выкристаллизования» спора, которая указывается как предпочтительная.

При этом важно понимать, что необходимость в применении данной доктрины всецело зависит от обстоятельств дела, т.е. определять критическую дату требуется не во всех случаях[224].

Вышеизложенное позволяет проследить две важнейшие особенности международного права о территории. Во-первых, в отношении территории отсутствуют универсальные международные договоры или кодификации обычных норм, что, на наш взгляд, обусловлено тем, что «точные рамки (прав на территорию – *Е.Н.*) будут зависеть от конкретных обстоятельств» [225] . Вопросы территории всегда конкретны, и неписаный характер определяющих их правовых норм дает государствам «пространство для маневра», а судье или арбитру – для усмотрения [226] . С первой особенностью тесно связана вторая: поскольку

отметил, что Франция не заявляла притязаний остров Экреос до 1886 г., и на Менкье – до 1888 г., таким образом избрав даты, более близкие к предложенным Франции (2 августа 1839 г. – дата заключения соглашения о рыболовстве. Великобритания предлагала избрать в качестве нее дату подачи специального соглашения, т.е. 29 декабря 1950 г.); Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 124 – 130.

[222] *Minquiers and Ecrehos, I.C.J. Pleadings*, Vol. II, P. 62, 68 – 69.

[223] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 27 – 28; Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 155 – 157.

[224] Title to Territory. – P. xxii; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 32. Несмотря на это, Сэр Л. Хильд и Сэр Дж. Фицморис, представляя Великобританию в *Деле об о-вах Менкье и Экреос*, указывали, что «в настоящем, как и в любом ином случае оспариваемого притязания на территорию, должна иметься некая дата, которую можно описать как «критическую» (*Minquiers and Ecrehos, I.C.J. Pleadings*, Vol. II, P. 31).

[225] Title to Territory. – P. xii.

[226] Как известно, международный обычай состоит из практики государств и *opinio juris* – т.е. признания такой практики в качестве права: Статут Международного Суда ООН, Статья 38(1)(b). В случае обычаев, которые

проследить действие международного права о территории возможно только на основании конкретных споров, практика судов, единоличных арбитров или арбитражей имеет для этой области особенное значение. При этом, так как орган, назначенный для разрешения спора, имеет четкую функцию – разрешить спор, – его размышления и выводы будут ограничены необходимостью выполнить эту миссию наиболее эффективно в контексте спора[227]. Ввиду этого, рассмотренные нами «классические» способы являются, «в первую очередь, теоретическими моделями»[228], и не все могут быть применимы в современных условиях[229].

§ 1.3. Современные тенденции международно-правового решения вопросов территории

Рассмотренные выше модели приобретения территории были выработаны практикой и правоведами на основании того, как в действительности государства приобретали, передавали и утрачивали территорию. Таким образом, международное право в области территории в части этих доктрин носит описательный характер[230], поэтому суды и арбитражи не подводят споры под конкретные основания, часто даже не называют их: эти доктрины не являются *нормами*. «Будет ли все сообщество чтить конкретный способ приобретения или передачи территории, или нет, – пишет С. Шарма, – будет зависеть от того, насколько он совместим в целями стабильного международного территориального порядка»[231]. Вместе с тем, в современном международном праве можно в дополнение к ним выделить принципы, которые носят нормативный и фундаментальный характер и прямым образом регулируют вопросы территории. Речь о *принципах запрета применения силы*, *права народов на самоопределение*, а также *стабильности* (нерушимости границ и территориальной целостности) и *эффективного контроля*.

не закреплены ни в каких нормативных документах, представляется, что главный способ доказать существование и содержание конкретной обычной нормы – сослаться на прецедент, т.е. прошлую судебную или арбитражную практику. Такая практика является «вспомогательн[ым] средств[ом] для определения правовых норм» – см. там же, но также и демонстрирует практику государств и существование обычаев или принципов. Shaw M. International Law. – P. 82, 112. Именно поэтому к ней обращаются государства в судебных или арбитражных разбирательствах – так, представители и Великобритании, и Франции в споре *об о-вах Менкье и Экреос* неоднократно ссылались на решения арбитражей по делам *об о. Клиппертон, о. Пальмас* и *Восточной Гренландии*: *Minquiers and Ecrehos, I.C.J. Pleadings,* Vol. II, P. 47 – 59, 205, 215, 233, 267, 270, 284, 311 et seq. Поскольку каждое такое решение относилось к *конкретным* обстоятельствам *конкретного* спора, применение той же интерпретации обычая к новой фактической ситуации не может происходить автоматически.

[227] Scwarzenberger G. Op. cit. – P. 309.

[228] Ibid. – P. 312; Shaw M. Territory in International Law. – P. 80.

[229] Sharma S.P. Op. cit. – P. 163.

[230] Что свойственно раннему этапу становления международного права в целом. Crawford J. Chance, Order, Change. – P. 377.

[231] Sharma S.P. Op. cit. – P. 36.

Запрет применения силы. Статья 2(4) Устава ООН исключает угрозу силой или ее применение против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства[232]. Притязание на территорию, возникшее в нарушение этого запрета, не консолидируется в правовой титул[233]: *ex injuria jus non oritur* (лат. из нарушения не возникает право)[234].

Вместе с тем, в литературе высказывались и иные мнения. Так, Р. Дженнингс предполагает, что если оккупация продолжается в течение длительного времени, международное право будет вынуждено приспособиться к ситуации посредством активного (неавтоматического) признания, в том числе со стороны жертвы агрессии; титул в итоге сформируется путем консолидации[235]. Похоже, признания такой консолидации в интересах стабильности придерживался и сэр Дж. Фицморис[236]. Автор классического труда о признании, Х. Лаутерпахт, тоже допускал, что неправомерное деяние может быть признано правомерным индивидуально или коллективно государствами, действующими «в качестве органов международного сообщества»; при этом речь не об «узаконивании противоправного поведения», а об «игнорировании последствий противоправности», т.е. того, что такое поведение неспособно породить действительный титул[237]. Выдвигается также неправовой аргумент о том, что бессмысленно отказывать агрессору в титуле, если невозможно принудить его к соблюдению правовых норм[238]. Вместе с тем, верно указывается, что хотя международным правом запрещено не всякое применение силы и допускается самозащита с ее применением, это исключение очень ограниченно и не предполагает правомерности захвата территории[239]. Даже если уполномоченный на это Совет Безопасности ООН приказывает занять

---

[232] United Nations, Charter of the United Nations, 24 October 1945, 1 U.N.T.S. XVI, Art. 2(4).

[233] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 111 – 112.

[234] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 56.

[235] Ibid. – P. 61-64. Похожий вывод видим у Г. Кельзена – он указывает, что несмотря на данный принцип, изменение правового положения не исключено (Kelsen H. Principles of International Law. – New York: Rinehart & Company, Inc., 1952. – P. 215 – 216; см. также Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 153 – 156).

[236] См.: Jennings R.Y. Op. cit. – P. 58.

[237] Lauterpacht H. Recognition in International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 1947. – P. 429 – 430.

[238] Ibid. – P. 59 – 60. Далее, впрочем, Р. Дженнингс ссылается на мнение Х. Лаутерпахта, считавшего, что проявление эффективной силы все равно может сдерживаться путем признания ее недействительности международными судами, третьими государствами и, «если позволяют условия, самой жертвой».

[239] Ibid. – P. 55. Р. Дженнингс также касается вопроса применения силы для возврата неправомерно отторгнутой территории. Теоретически, пишет он, рассматривая подобную ситуацию, суд будет вынужден заключить, что применение силы в данном случае законно, поскольку международное право не запрещает применять ее на своей территории. Впрочем, он рассуждает *in abstracto*; все будет зависеть от обстоятельств дела (сам же Р. Дженнингс признает, что агрессоры зачастую действуют в уверенности, что территории были отторгнуты у них в прошлом неправомерно, и с этой закономерностью согласны современные аналитики, см.

территорию или ее часть для восстановления мира и безопасности, права на территорию не изменяются[240]. В практическом плане захват территории силой влечет обязательство не признавать легитимность притязаний захватчика на территорию[241].

Право народов на самоопределение. В *Консультативном заключении о Западной Сахаре* Международный Суд признал наличие органической связи между территорией, территориальным суверенитетом и правами людей, проживающих на данной территории[242]. Всякое изменение суверенитета над территорией влияет на жизнь ее населения[243]. С признанием этой связи международное право отошло от разделения наций на цивилизованные и нецивилизованные нации, при том, что последние по сути не обладали правом решать судьбу своей территории[244]. «Фактическое содержание» самоопределения, пишет М. Шоу, состоит в «недискриминационном участии в правительстве всего народа рассматриваемой территории»[245], в этом заключается право на внутреннее самоопределение (англ. *internal self-determination*)[246]. Данный принцип является императивной нормой международного права[247] и порождает обязательство *erga omnes*[248].

Выше мы упомянули множество территориальных споров, и зачастую они касались заселенной территории. Однако же суды и арбитражи, разрешая такие споры, несмотря на это не рассматривали последствия применения принципа права народов на самоопределение. Объяснение, которое мы могли бы предложить, заключается в том, что в интересах стабильности и эффективности суверенитет в большинстве случаев не передавался от фактически осуществляющего его на момент разрешения спора государства другому государству, т.е. люди продолжали жить под властью одного и того же государства. Уточним,

---

Murphy A.B. Historical Justifications for Territorial Claims // Annals of the Association of American Georgaphers. – 2000. – Vol. 80, No. 4. – P. 532 – 533). См. также: Kozlowski A. Op. cit. – P. 72; Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 68 – 69.

[240] Crawford J. Chance, Order, Change. – P. 419 – 420.

[241] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 57 – 58. Подробнее об истоках и развитии концепции непризнания в международном праве см.: Langer R. Seizure of Territory. The Stimson Doctrine and Related Principles in Legal Theory and Diplomatic Practice. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1947. – P. 95 – 122&

[242] Sharma S.P. Op. cit. – P. 4; Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 37 – 47.

[243] Shaw M. Peoples, Territorialism and Boundaries // European Journal of International Law. – 1997. – Vol 3. – P. 478.

[244] Crawford J. Chance, Order, Change. – P. 469 – 470. Предшествующий подход сохранялся еще в работе английского юриста времен колониальной Британии Дж. Вестлейка; хотя он не имел в виду полное отрицание прав местного населения, но относил определение объема таких прав к усмотрению «цивилизованной» нации-колонизатора (Westlake J. P. 131 – 193).

[245] Shaw M. Peoples, Territorialism and Boundaries. – P. 483 – 484.

[246] Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 97, 204.

[247] Shaw M. Peoples, Territorialism and Boundaries. – P. 479; Sharma S.P. Op. cit. – P. 8 – 9.

[248] *East Timor (Portugal v. Australia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1995, p. 90, para. 29.

что плебисцит[249] или другие формы осуществления права народов на самоопределение, сами по себе не являются способами приобретения территории[250], но соблюдение принципа права народов на самоопределение на настоящий момент является обязательным условием перехода прав на заселенную территорию[251]. Подчеркивая значение данного принципа как высшего принципа территориального разграничения, Ю.Г. Барсегов указывает, что «государство не может распоряжаться территорией как своей собственностью, вопреки интересам населения»[252]. Данный подход исключительно верен, поскольку он учитывает тот факт, что хотя основными субъектами международного права остаются государства, они действуют (в большинстве случаев) на основании мандата, переданного им населением[253].

Две вышеописанные нормы опираются на и действуют во исполнение еще двух принципов, системообразующих для рассматриваемой области, – а именно, взаимодополняющих и взаимно сдерживающих друг друга понятий *стабильности* и

---

[249] Б.М. Клименко выделяет плебисцит как связанный с самоопределением, но отдельный процесс, который может служить способом разрешения территориальных споров. Отличительной особенностью, на его взгляд, является различие в субъекте, которым в случае плебисцита необязательно должен быть народ в целом. Кроме того, в отличие от самоопределения, плебисцит как мирный способ разрешения споров может быть применен «как правило только по соглашению между спорящими государствами» (Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 177 – 181). О разграничении плебисцита и референдума см.: Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 114 – 122, 129 (где автор высказывает мнение, что самоопределение – это основание изменения прав на территорию, тогда как референдум или плебисцит – способ реализации данного основания).

[250] Starke J.G. Op. cit. – P. 414. Однако, вопреки мнению этого автора, не являются они и «всего лишь процессами для проверки того, вправе ли народ.. в конечном итоге сформировать собственное государство». Похожего мнения, как представляется, придерживается Дж. Кроуфорд: «[Самоопределение] определенно не заменило традиционные нормы для территориальных споров, которые прежде всего основаны на политической истории соответствующей территории, чем на выраженных демократическим путем пожеланиях ее населения» (Crawford J. Chance, Order, Change. – P. 381 – 382).

[251] Данный вывод четко вытекает и из советской доктрины, считавшей принцип самоопределения *главным* принципом территориального разграничения. См.: Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 6, 177 – 181 («стороны должны стремиться к выявлению... воли [населения]» – здесь, несмотря на употребление формы долженствования, преднамеренно или нет, Клименко придает этому обязательству неабсолютный характер с помощью слова «стремиться»); Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 68 – 156 (хоть речь идет в основном о самоопределении при первоначальном приобретении народом государственности). Даже в дореволюционной доктрине, при наличии и противников этого принципа, который на тот момент не являлся императивной нормой, отмечалось, что «теоретически желательно, чтобы [население] выразило свою волю.. путем всенародного голосования или плебисцита». Грабарь В.Э. Указ. соч. – С. 519; Яновский М.В. Борьба СССР за справедливое разрешение территориальных вопросов в период и после Второй мировой войны (проблема «приобретения» государственной территории в международном праве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 1958. – С. 4 – 15 (где автор указывает принцип самоопределения в качестве высшего, основного принципа мирного разрешения территориальных споров, а также рассуждает о том, что буржуазная теория о «способах приобретения территории» разработана, чтобы прикрыть незаконность аннексий эксплуататорских государств).

[252] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 56.

[253] Там же. – С. 57 («согласие управляемых рассматривается как законное правооснование территориального верховенства, его *justus titulus*. ...Народ – хозяин своей территории, и он обладает высшим правом распоряжения ею»); Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 8.

эффективного контроля [254] . В отличие от описательных теоретических «способов» приобретения или утраты титула, эти принципы и выработанные на их основании практические доктрины позволяют заглянуть в суть спорного правоотношения как абстрактно – т.е. выявить материальные принципы, которые руководят поведением сторон, так и конкретно, служа ориентиром при оценке всех имеющихся доказательств в споре и тем самым обладая и процессуальным аспектом[255].

Понятие *стабильности – quieta non movere* (лат. не нарушать то, что спокойно), – является одним из главных факторов при разрешении любого территориального спора[256]. Входящие в него принципы *нерушимости границ* и *территориальной целостности*[257] лежат в основании всей системы международного права[258]. Еще ППТС в решении 1909 г. по *Делу о банке Грисбадарна* отметила: «устоявшимся принципом права наций является то, что положение вещей, которое существует в действительности, должно изменяться как можно меньше»[259]. Суду или арбитражу необходимо убедиться в том, что их решение будет наиболее близко соответствовать реалиям установившегося над территорией суверенитета. В этом смысле принцип стабильности действует в сочетании с принципом эффективности, закрепляя фактически установившуюся ситуацию[260].

Отдельно и вкратце (учитывая, что данный принцип применяется в области деколонизации и правопреемства государств, не имеющих интереса для настоящего исследования) остановимся на доктрине *uti possidetis juris* (лат. чем владеешь, тем и владей), которая основана на принципе стабильности и обеспечивает преемство существующих

---

[254] Или – «стабильности и перемен», на основании которых С. Шарма призывает разработать новый подход, который бы воспринимал приобретение территории как сложный процесс, сочетающий в себе цели стабильности и справедливого распределения ресурсов (Sharma S.P. Op. cit. – P. 185 – 187).

[255] Ibid. – P. 183 («Принятие решений в конкретных делах было сосредоточено гораздо больше на вопросах доказательств, чем на попытках определить предположительные действия истцов по какому-либо отдельному способу [приобретения территории]…»), 190.

[256] McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 152 – 152; Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 139 – 140 (конкретными правовыми гарантиями стабильности правового режима территории С.Н. Бабурин называет принципы международного права (территориальной целостности и неприкосновенности, мирного решения споров, неприменения силы), институты остаточного суверенитета, приобретательской давности и договорной режим границ).

[257] Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 38 – 40, 51 – 55; Title to Territory. – P. xxi, xxvii; Shaw M. Territory in International Law. – P. 81.

[258] *Grisbadarna,* P. 6; Kaikobad K.H. Some Observation on the Doctrine.... – P. 119; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 70.

[259] Цит. по: Kaikobad K.H. Some Observation on the Doctrine .... – P. 119 ("... it is a well-established principle of the law of nations that the state of things that actually exists and had existed for a long time should be changed as little as possible."); McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence. – P. 152 fn 1. Этот довоенный вывод был позднее подтвержден в делах *Eastern Greenland*, P. 22, и *Temple,* P. 6.

[260] Б.М. Клименко, исследуя практику, отмечает, что решения по территориальным спорам чаще подтверждают статус-кво, чем вносят в него изменения.

административных границ[261]. Случаем применения доктрины является *Дело о границе между Эль-Сальвадором и Гондурасом*, касавшееся также вопроса о суверенитете над о-вами Меангера и Меангерита. Ввиду того, что они не являлись *terra nullius*, дело касалось не завладения, а правопреемства [262] . Данная доктрина также отражает соотношение между принципами стабильности и самоопределения, как признал Международный Суд ООН в *Деле между Буркина-Фасо и Мали о границе*, указав, что африканские государства «благоразумно» решили сохранить колониальные границы ради стабильности и исходя из этого толковать принцип самоопределения[263].

Принцип *эффективного контроля* является ядром почти всех способов приобретения титула на территорию, кроме цессии и аккреции[264]. Некоторые правоведы, такие как М. Шоу, даже высказывают предположение о том, что нет необходимости разграничивать способы приобретения территории, раз они основаны на одном и том же руководящем принципе[265].

В детальном исследовании эффективности, проведенном членом Института международного права доктором Ф.А.Ф. фон дер Хейдте, возникновение этого принципа связывается с феодальными концепциями XV века. В эпоху феодализма земли приобретались путем установления подданнических отношений между жителями земли и их господином, приобретавшим титул как бы в обмен на защиту этих земель от чужеземцев[266]. Этот аспект эффективности сохранился до наших дней в принципе народов на самоопределение и связанной с ним теории «восстановительной сецессии» (англ. *remedial secession*)[267].

«Эффективность» применительно к территории имеет две основные составляющие: во-первых, этот термин относится к понятию «эффективного контроля» как к одному из оснований

---

[261] Sharma S.P. Op. cit. – P. 119-125; Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 141 – 145. Подробно об этом принципе и его становлении см.: Lalonde S. Determining Boundaries in a Conflicted World. The Role of *Uti Possidetis*. – Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. – P. 10 et seq.

[262] *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras; Nicaragua intervening)*, I.C.J. Reports 1992, p. 351, para. 45, 333.

[263] *Frontier Dispute*, P. 567.

[264] В случае цессии отсутствует даже необходимость вступать во владение территорией, а в случае аккреции приращение территории происходит естественным путем (Title to Territory. – P. xxix; Shaw M. Territory in International Law. – P. 81).

[265] Ibid. – P. 82. С. Шарма рассматривает это мнение М. Шоу как потенциальную самостоятельную теорию «территориальной эффективности», но находит, что она не может подменить, а лишь «скрывает» под собой привычные критерии и способы приобретения территории, а также высказывает пожелание о ее дальнейшей разработке для детализации того, какие соображения (правовые и неправовые) будут ею учитываться (Sharma S.P. Op. cit. – P. 182).

[266] Von der Heydte F.A.F. Op. cit. – P. 448, 449.

[267] Согласно этой концепции народ вправе обрести независимость от государства, которое не соблюдает его права, т.е. не выполняет свою защитную функцию. См. в целом: Dugard J. The Secession of States and Their Recognition in the Wake of Kosovo. – The Hague: Hague Academy of International Law, 2013. – 297 p.

приобретения территории и означает совокупность действий, позволяющих подчинить себе территорию и население для целей суверенитета (речь о рассмотренных выше *effectivités*); во-вторых, он означает качество, которое должно быть присуще действиям по установлению власти над территорией для того, чтобы они «перевесили» конкурирующее правопритязание в контексте территориального спора (т.е. притязание должно быть реальным, а не «бумажным»)[268].

В доктрине существует множество определений эффективности: А. Фердросс определяет ее как «проявление лишь такой деятельности, которую в аналогичных обстоятельствах показало бы нормально организованное государство»; норвежский правовед Г. Смедаль – как «способность обеспечить соблюдение приобретенных прав»[269]. Немецко-британский правовед Г. Шварценбергера описывает эффективное владение (т.е. контроль) как «установление надлежащей государственной структуры для целей защиты и управления занятой территорией и фактического проявления государственной юрисдикции»[270].

Эффективность объединяет пространственный и временной элементы, а также поведение третьих лиц (признание ситуации в качестве законной или незаконной[271] – будь то международное или двустороннее)[272]. Значение первого элемента заключается в том, что в зависимости от характеристик территории (обитаема она или нет, для каких проявлений эффективного контроля она пригодна, идет ли речь об обширных сухопутных пространствах или о скоплении островов) степень эффективного контроля, необходимого для ее приобретения, будет различной. Этот элемент нашел свое логическое отражение в *доктрине сопредельности* (англ. *contiguity*)[273], согласно которой отсутствует необходимость эффективно

---

[268] В этом значении эффективность также играет значительную роль в вопросах государственности и относится к действиям по осуществлению государственной власти в целом, позволяя судить о том, достигло ли образование уровня государства. См.: Crawford J. The Creation of States in International Law. – P. 37 – 96.

[269] Von der Heydte F.A.F. Op. cit. – P. 462.

[270] Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 316.

[271] Особенно подчеркивается необходимость какой-либо формы согласия или признания в незаконной ситуации (Ibid. – P. 318 – 319).

[272] Title to Territory. – P. xxvi, xxix, xxv; Shaw M. Territory in International Law. – P. 86-7. Указанные два вида признания различаются последствиями: так, международное признание имеет значение для устранения пороков титула или же, напротив, для предотвращения возникновения незаконного титула (особенную роль здесь играет реакция ООН), а двустороннее – для принципа эстоппеля, в том смысле, что признавшее чужой титул государство утрачивает право ссылаться на отсутствие такого титула.

[273] С. Шарма относит данную доктрину к одному из традиционных способов приобретения территории наряду с рассмотренными и доктриной *uti possidetis* (Sharma S.P. Op. cit. – P. vi). Учитывая, что в ограниченных случаях сопредельность действительно может породить титул на территорию, это отчасти верно, однако же, крайне редко – в большинстве случаев это основание несамостоятельное, поэтому мы бы не стали ставить его наравне с прочими традиционными способами. Выделяется также концепция *непрерывности*, согласно которой государство, создавшее поселение на побережье, приобретало права на территорию вглубь континента (см. Клименко, Б.М. Государственная территория .... – С. 104 – 109).

занимать или осваивать всю территорию в случае необитаемой земли или группы очень маленьких островов – достаточно либо незначительных проявлений суверенитета, либо, в случае необитаемых островов в территориальных водах заявляющего притязания государство, его суверенитет на них может распространяться автоматически[274]. В *Деле об о. Пальмас* аргумент США о смежности острова с территорией Филиппин был отвергнут как необоснованный без сочетания с завладением (хотя географический фактор и был признан относимым к рассмотрению территориальных споров)[275], тогда как до этого в *Деле между Бразилией и Британской Гвианой* арбитр косвенно признал, что если территории составляют «органическое целое», завладение частью может распространить титул на всю территорию[276], а в деле Международного Суда *о сухопутной, островной и морской границе* между Эл-Сальвадором и Гондурасом о. Меангерита был как бы «объединен» с о. Меангера ввиду небольшого размера и необитаемости и того, что стороны сами рассматривали два острова как единую территорию[277]. Что касается правоведов, то большинство их них, признавая значение этой доктрины[278], все же заключают, что она может быть решающей только вкупе с эффективным завладением[279]. Даже местонахождение спорных островов в морских зонах прибрежного государства «может составлять не более, чем презумпцию», а в случае местонахождения в пределах континентального шельфа или ИЭЗ и такая презумпция не действует, поскольку эти зоны являются прежде всего ресурсными[280].

Временной аспект эффективности выражается в теории, согласно которой уровень необходимого эффективного контроля различен для случаев создания и поддержания в силе правового титула: в первой ситуации критерий контроля более строг, чем в ситуации, когда титул возник и необходимо лишь обеспечивать, чтобы он не был утрачен[281].

В современном международном праве эффективный контроль является наиболее веским доказательством приобретения и/или сохранения титула текущего осуществления

---

[274] Ibid. – P. 51-61; Von der Heydte F.A.F. Op. cit. – P. 468; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 100.

[275] *Palmas*, P. 840.

[276] Sharma S.P. Op. cit. – P. 56 – 58. Данный автор также указывает на точки зрения других правоведов (Х. Уолдока и Д. Грейга), которые считали, что сопредельность была подразумеваемо применена в *Деле о Восточной Гренландии*, в части заключения суда об отсутствии необходимости в завладении *всей* спорной территорией.

[277] Тимохин К.В. Указ. соч. – С. 103 – 104; Sharma S.P. Op. cit. – P. 55 – 57.

[278] Ibid. – P. 53 – 54.

[279] Ibid. – P. 58. С этим согласен и Р. Дженнингс (Jennings R.Y. Op. cit. – P. 74 – 75).

[280] Sharma S.P. Op. cit. – P. 60 – 61).

[281] *Palmas*, P. 845 – 846. Не все правоведы согласны с этой точкой зрения арбитра М. Губером в *Деле об о. Пальмас*. Так, М. Шоу называет эту теорию противоречивой, предлагая не придавать этому аспекту самостоятельного значения, но учитывать его как *один из* могущих относиться к делу факторов. См.: Shaw M. Territory in International Law. – P. 84.

суверенитета[282], с учетом презумпции стабильности границ и запрета применения силы, очерчивающих пределы действия принципа эффективности.

Стабильность и эффективность определяют рамки и направление оценки свидетельств проявления титула, однако сами по себе они слишком абстрактны, чтобы в контексте спора определить, какая из сторон была более «эффективна» в своих притязаниях на территорию, т.е. чье притязание относительно сильнее. При этом любой судья и/или арбитр обязаны применять действующие правовые нормы, наличие и содержание которых необходимо сперва выяснить. Согласно установлению в знаменитом деле *Лотус*, критикуемому, но все же сохраняющему свое значение, нельзя применять к государству норму, на которую оно не согласилось – будь то прямо, посредством международного договора (двустороннего или многостороннего), или косвенно, соблюдая определенную практику с пониманием, что такая практика является обязательной (т.е. посредством обычая[283]). Но договоры, в которых устанавливались бы нормы территориальной адъюдикации общего характера, отсутствуют. По этой причине практика выработала несколько искусственных форм согласия[284] – речь о принципах молчаливого признания и эстоппеля. Оба основываются на принципах эффективности и стабильности, не позволяя несправедливым образом изменить сложившуюся, эффективную ситуацию[285], и действуют как признание границы[286]. Помимо этого, они помогают судье и/или арбитру(ам) сориентироваться в подчас обширных материалах спора и решить, на чьей стороне перевес[287] на момент рассмотрения спора в его ключевых точках.

Молчаливое признание территориального титула (англ. *acquiescence*) имеет место, когда обстоятельства требуют протеста, но он не заявляется вовсе или заявляется несвоевременно[288]. Таким образом, как указывает шотландский юрист И. МакГиббон (подробно исследовавший

---

[282] Т.е. титул эффективного владельца на момент рассмотрения спора имеет преимущественную силу (Title to Territory. – P. xiv; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 324; Elias T.O. Op. cit. – P. 292).

[283] Разумеется, обычай может применяться и без того, чтобы практика конкретного рассматриваемого государства входила в корпус практики, из которой следует обычай, – если практика «широка» и «практически единообразна» (*North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Denmark; Federal Republic of Germany/Netherlands), Judgment, I.C.J. Reports 1969*, p. 3, para. 74), обычай будет применяться ко всем государствам, кроме «решительно возражающего» (англ. *persistent objector*): *Fisheries*, P. 131, 138 – 139; Crawford J. Chance, Order, Change. – P. 142; Crawford J. Brownlie's Principles of International Law. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 28; Charney J.I. The Persistent Objector Rule and the Development of Customary International Law // British Yearbook of International Law, 1986. – Oxford, 1987. – Vol. 56.

[284] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 95; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 318 (согласие (англ. *consent*) понимается «в наиболее полном смысле… включает… также любую форму молчаливого согласия, такую как молчаливое признание (англ. *acquiescence*) или терпимость (англ. *toleration*)»); Sharma S.P. Op. cit. – P. 203.

[285] Ibid. – P. 202 – 203.

[286] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 151 – 159.

[287] Sharma S.P. Op. cit. – P. 190.

[288] Title to Territory. – P. xxv; Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 166 – 171.

концепции молчаливого признания и эстоппеля в международном праве), чтобы не путать молчаливое признание с *признанием* (англ. *recognition*), надлежит понимать под молчаливым признанием бездействие государства в ситуации угрозы для, или нарушения его прав[289]. Эта концепция, по его мнению, необходима в связи с существованием четко не урегулированных в международном праве фактических ситуаций[290]. Зачастую факты опережают право, т.е. неясно, рассматривает ли международное право конкретную ситуацию или категорию ситуаций как допустимую, или нет; ввиду отсутствия также «удовлетворительной принудительной процедуры» судебной квалификации соответствующих действий или поведения, их законность будет зависеть от уровня согласия с ними других государств, т.е. от их признания ситуации[291].

Молчаливое признание в международном праве выполняет следующие функции:

1. Функцию доказательства существования международно-правовой нормы (обычая)[292]: уровень признания, которое получила практика, может прямо свидетельствовать о ее становлении в качестве нормы [293]. Молчаливое признание – это фактор, смягчающий позитивизм в международном праве, поскольку оно позволяет допустить формирование нормы, в отношении которой не было выражено прямого согласия[294].

2. Функцию элемента эстоппеля, который может возникнуть в результате молчаливого признания определенной ситуации и влечет лишение права возражать против нее[295].

3. Функцию средства толкования последующих действий сторон, поскольку молчаливое признание говорит об определенном понимании ими их международных прав и обязательств[296].

4. Функцию элемента приобретательской давности, которая, как мы уже увидели, требует [297] отсутствия протестов или возражений со стороны предшествующего суверена и

---

[289] McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 143, 182. Р. Дженнингс тоже проводит такое различие, но при этом указывает, что позитивное признание может быть молчаливым (англ. *tacit*) и, похоже, видит различие в том, что молчаливое признание пассивно. Он также предлагает рассматривать согласие (признание) конкурирующего государства как мерило возникновения титула на территорию, а согласие других государств – как признак возникновения титула *erga omnes* (Jennings R.Y. Op. cit. – P. 36).

[290] McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 182.

[291] Ibid. – P. 143.

[292] В этом, как отмечает И. МакГиббон, заключается фундаментальное значение молчаливого признания, поскольку таким образом оно восходит к самым корням процессов формирования международного права (Ibid. – P. 150, 166, 182; Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 350).

[293] MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 145, 151. И. МакГиббон предлагает здесь разграничить обычные права и обычные обязательства – если для первых достаточно молчаливого признания, то для последних необходимо *opinio juris* в его традиционном понимании активного восприятия практики как обязательной.

[294] Ibid. – P. 183, 184.

[295] MacGibbon I.C. Estoppel in International Law // The International and Comparative Law Quarterly. – 1958. – Vol. 7. No. 3. – P. 475, 501 – 502; MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 147 fn 3, P. 182.

[296] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 73; MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 156, 182.

применяется к титулам, «либо изначально недействительны[м], либо чью изначальную действительность невозможно доказать»[298], «излечивая» пороки титула[299].

Молчаливое признание требует тщательного доказывания[300]: можно легко представить себе обстоятельства, в которых незамедлительный протест не будет возможен в силу внутренних или внешних факторов[301] (напр., государство может находиться в состоянии гражданских беспорядков, вследствие чего заявление протеста не является для него приоритетом). Эта оговорка необходима, чтобы незаявление протеста первым государством против действий второго ввиду слабости[302], или по иной причине[303], не было несправедливо расценено как молчаливое признание. Требование о заявлении постоянных протестов для того, чтобы избежать молчаливого признания, противоречило бы цели стабильности в международных отношениях[304]. Поэтому молчаливое признание должно толковаться ограничительно. Анализируя англо-норвежское *Дело о рыбных ресурсах*, а, точнее, особые мнения судей Дж. Рида и А. МакНэйра в указанном деле, И. МакГиббон присоединяется к их критике решения большинства о том, что незаявление Великобританией протестов против норвежских Декретов 1869 и 1889 гг. распространило ее молчаливое признание на всю систему управления спорными районами; вслед за ними профессор МакГиббон заключает, что молчаливое признание должно распространяться исключительно на тот круг обстоятельств или вопросов, в отношении которого существуют доказательства молчаливого признания[305]. Само по себе молчание без дополнительных подтверждений того, что его можно толковать как признание или оставление правового титула, автоматически не влечет признание[306].

---

[297] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 106; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 322; Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 340, 344 – 348.

[298] Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 332.

[299] Title to Territory. – P. xix.

[300] Ibid. – P. xxv.

[301] По: MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence. – P. 171.

[302] Что и произошло в деле *Temple*. См.: Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 96.

[303] Ibid. – P. 97. Другими причинами могут быть нежелание «порождать конфликт с более сильным соседом» или стремление сохранить вопрос открытым. В качестве примера можно привести арбитражное решение по *Спору о границе между Аргентиной и Чили*, где арбитраж нашел естественным стремление населения спорной территории поддерживать хорошие отношения с обоими государствами и отказался видеть в этом оставление Аргентиной своих прав (*Argentine-Chile Frontier Case*, R.I.A.A. Vol. XVI (1966), 109 – 182, P. 173).

[304] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 97.

[305] MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 169 – 170, 175, 183.

[306] *Rahn of Kutch*, P. 98; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 79; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 321; Kaikobad K.H. Op. cit. – P. 126; MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence. – P. 170.

Среди примеров применения или заявлений о применении доктрины молчаливого признания в международной практике[307] можно назвать англо-американский арбитраж о титуле на острова в *заливе Пассамакводди* (где было учтено молчание США в отношении о. Гранд Манан в течение 23 лет и признание факта расположения британских поселений и осуществления юрисдикции над островом в течение указанного периода) [308] , *Дело об аляскинской границе* (где было подчеркнуто значение молчаливого признания в качестве средства толкования международного договора)[309], арбитраж *О границе между Колумбией и Венесуэлой* (где на отсутствие возражений со стороны Венесуэлы в ситуации, когда Венесуэла полагала, что ее права могли быть затронуты, успешно ссылалась Колумбия) [310], арбитраж *об о. Пальмас* (где на отсутствие возражений со стороны Испании против своего суверенитета опирались Нидерланды)[311], *Дело о Восточной Гренландии* (в котором и Дания, и Норвегия подчеркнули значение молчаливого признания для формирования титула)[312], уже упомянутое англо-норвежское *Дело о рыбных ресурсах* (где Норвегия успешно ссылалась на отсутствие возражений против декретов в отношении спорных пространств, на фоне отсутствия реакции Великобритании в течение 60 лет (несмотря на осведомленность о норвежском владении) и «общей терпимости» (англ. *general toleration*) со стороны международного сообщества)[313] и англо-французский спор *об о-вах Менкье и Экреос* (где английская сторона ссылалась на отсутствие возражений со стороны французских органов против административных действий по отношению к спорным островам)[314].

Какие действия можно считать молчаливым признанием? Как было отмечено выше, молчаливое признание не презюмируется и может выражаться только в *официальных* заявлениях или действиях *компетентных* органов государства, в которых *ясно* и

---

[307] Принцип применялся и признавался и в национальной судебной практике – здесь наиболее известна практика США в делах *Indiana v Kentucky* (13 U.S. 479, 503), *Virginia v Tennesee* (148 U.S. 503), *Arkansas v Tennessee* (310 U.S. 563), *Louisiana v Mississippi* (202 U.S. (1906), 1), *Lübeck v Mecklenburg-Schwerin* (*Annual Digest*, 1925 – 6, Case No. 85). См.: Kaikobad K.H. Op. cit. – P. 122, 124; McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence. – P. 154 –156; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 36.

[308] По: Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 76; Kaikobad K.H. Op. cit. – P. 122; MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence. – P. 149, 162.

[309] *The Alaska Boundary Case (Great Britain, United States)*, XV R.I.A.A. 481, P. 535; MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 166.

[310] Ibid. – P. 163.

[311] Ibid.

[312] Ibid.

[313] *Fisheries*, P. 160, 164 – 165.

[314] *Minquiers and Ecrehos*, P. 66, 71, 83, 106; MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 166.

недвусмысленно делается признание[315]. Речь не о каком-то одном доказательстве, а, скорее, о совокупности доказательств, которые указывают на молчаливое признание: так, арбитраж в *Деле о Качском ранно* рассмотрел административные отчеты, где Кач (округ индийского штата Гуджарат) упоминался как часть ранно, публикации в газетах о том же, индийские карты, на которых точно указывались притязания Индии в отношении границ, попытки сбора плат за выпас (в качестве доказательств в пользу Индии), заявления британских должностных лиц, свидетельства охраны правопорядка, регистрации рождений, смертей, эпидемий (доказательства в пользу Пакистана)[316]. В итоге, после 170 слушаний, рассмотрения 600 письменных заявлений от обеих сторон и представленных ими 350 карт, состав арбитража присудил часть территории Индии, и часть – Пакистану[317].

Значение карт. На практике нередко возникает вопрос о том, является ли молчаливым признанием незаявление протеста против карт другого государства, на которых спорная территория обозначена как принадлежащая ему. С одной стороны, официальные карты[318] наилучшим образом выражают консолидированную позицию государства и являются «открытым» для ознакомления источником, против которого затруднительно заявить, что противной стороне о нем не было известно[319]. С другой, издание карт представляет собой политическое действие, и они могут (или, скорее, могли, поскольку в настоящее время трудно представить себе подобную ситуацию) в искаженном виде или неточно изображать местность на момент их составления[320]. Т.е. преобладает мнение, что хотя карты, безусловно, могут быть приняты в качестве доказательства при разрешении территориального спора, они не являются неопровержимыми доказательствами[321]. Не исключение и кажущееся на первый взгляд противоречащим этому выводу *Дело о Храме Преах Вихеар*, поскольку в нем Международный Суд присудил спорную территорию Камбодже не на основании самой карты, но ввиду ее недвусмысленного признания Таиландом.

---

[315] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 46 – 47.

[316] По: McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 160.

[317] Untawale M.G. The Kutch-Sind Dispute: A Case Study in International Arbitration // The International and Comparative Law Quarterly. – 1974, October. – Vol. 23, No. 4. – P. 827 – 829.

[318] Карты могут быть договорными (и в этом случае - обязательными), изданными официальными органами, или частными лицами (Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 145 – 151. Б.М. Клименко замечает, что и частные карты могут иметь доказательственное значение, если договорные или официальные карты отсутствуют).

[319] Там же.

[320] Title to Territory. – P. xxv; Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 145 – 151.

[321] *Frontier Dispute*, P. 582, 584; Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 145 – 151; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 80.

Что касается второго элемента молчаливого признания – а именно, длительного срока, в течение которого должны отсутствовать возражения, то, как и в случае с приобретательской давностью, международное право не устанавливает конкретные сроки, а некоторые правоведы отмечают, что формальное установление конкретных сроков даже нежелательно[322].

Равным образом, с приобретательской давностью молчаливое признание роднит его способность порождать титул в неоднозначных ситуациях[323]. Вместе с тем, точно так же молчаливое признание не способно «излечить» пороки, присущие некоторым притязаниям, – здесь уместно привести мнение Х. Лаутерпахта, считавшего, что молчаливое признание не отменяет незаконности действий «столь сильно расходящихся с общим международным правом, что они всецело неспособны стать источником законного права» или «столь запятнанным ничтожностью с момента их совершения (лат. *ab initio*), что никакой простой небрежности заинтересованного государства не под силу излечить их»[324]. По всей вероятности, речь идет о нарушении *jus cogens* и запрета применения силы.

Молчаливое признание никогда не становилось единственным основанием для судебного решения, но, как отмечается, суды бесспорно придают ему колоссальный вес[325].

Второй производный от эффективности принцип – это принцип *эстоппеля* (англ. *estoppel*), представляющий собой судебную доктрину, согласно которой сторона, которая «явно сделала или согласилась на определенное заявление, на которое другая сторона впоследствии положилась в ущерб себе или к выгоде первой», лишается права возражать против своего первоначального заявления [326]. Изначально, эта доктрина считалась относящейся исключительно к нормам о доказывании, но в настоящее время признается материально-правовой[327]. У эстоппеля также, как и у молчаливого признания[328], есть несколько аспектов: он

---

[322] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 109.

[323] См.: McGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 153.

[324] По: Johnson D.H.N. – P. 344 fn 3.

[325] MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 154 – 155.

[326] Title to Territory. – P. xxv; Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 171 – 174. См.: также в целом MacGibbon, I.C., Estoppel in International Law. – P. 468 – 469.

[327] Ibid. – P. 478 – 479, 502 – 504. См.: также особое мнение Вице-председателя Международного Суда Алфаро к *Делу о Храме Преах Вихеар*, где он согласился с этой мыслью (*Temple*, Separate Opinion of Vice-President Alfaro, P. 41; Sharma S.P. Op. cit. – P. 203 – 204; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 42, 50 (данный автор ссылается на мнение Судьи Алфаро, но при этом заключает, что, по его собственному мнению, «эстоппель не является сам по себе основанием титула»)).

[328] Признание, молчаливое признание, лишение права на возражение (англ. *preclusion*) и эстоппель – похожие концепции, как отметил Сэр П. Спендер в своем несовпадающем мнении в *Деле о Храме Преах Вихеар*. *Temple*, Dissenting Opinion of Sir Percy Spender, P. 131. Интересно, что сэр П. Спендер считал эти концепции не принципами по смыслу Статьи 38 Статута Международного Суда ООН, но соображениями справедливости, не имеющими нормативного значения. Тем не менее, в таких случаях, как описанное ниже *Дело о границе между Коста-Рикой и Никарагуа* и *Дело о Храме Преах Вихеар*, очевидно, такие соображения могут быть решающими. С

относится и к принципам толкования, и к последствиям прошлого признания фактов, – и влечет лишение государства права (а) требовать для себя прав, но одновременно возражать против сопутствующих им обязательств, (б) отрицать требования, которые ранее оспаривались им по правовым основаниям, и (в) оспаривать законность требования, которое государство ранее само заявляло или поддерживало[329]. Разница между эстоппелем и молчаливым признанием в теории есть, но на практике молчаливое признание может работать как эстоппель[330].

Принцип был признан в арбитраже *Тиноко* о признании правительств (но не применен ввиду недостаточности оснований для его применения), в деле Постоянной палаты международного правосудия *о Сербских займах* (принцип был одобрен, но обстоятельства не оправдывали его применение), в *Деле о Восточной Гренландии* и иных судебных и арбитражных разбирательствах[331], а также применен в *Деле о границе между Коста-Рикой и Никарагуа* (где Никарагуа заявляла, что договор о границе не вступил в силу, поскольку его не ратифицировал Сан-Сальвадор как гарант; однако же арбитр заметил, что Никарагуа, тем не менее, обменялась с Коста-Рикой ратификационными грамотами, не дожидаясь Сан-Сальвадора, следовательно, ни «одна из сторон не вправе утверждать, в качестве оснований для расторжения договора, какие-либо факты, которые существовали и были известны на момент его заключения»[332]). Но наиболее известным примером применения этого принципа (или молчаливого признания – поскольку, как и в случае с классическими способами приобретения территории, в решениях суды редко называют конкретную доктрину) является упомянутое выше *Дело о Храме Преах Вихеар*[333]. В нем Камбоджа ссылалась на карту 1907 г., составленную французскими властями по просьбе малайских, на которой храм был четко указан в границах французского Индокитая, и, хотя Таиланд убедительно доказывал, что карта составлена с ошибками, Международный Суд счел более важным, что тайское правительство приняло ее без возражений или замечаний[334]. Применение эстоппеля в контексте территориальных вопросов

этим согласился Судья Алфаро в его особом мнении к последнему: *Temple*, Separate Opinion of Vice-President Alfaro, P. 41. См. также: Sharma S.P. Op. cit. – P. 204 (где приводится мнение Д. Анцилотти о том, что молчаливое признание и эстоппель являются «настолько фундаментальными, что они сами по себе разрешают предмет спора»).

[329] MacGibbon I.C. Estoppel in International Law. – P. 487.

[330] *Temple*, Separate Opinion of Sir Gerald Fitzmaurice, P. 62. См. также: Jennings R.Y. Op. cit. – P. 45 – 46.

[331] MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence ..... – P. 148; MacGibbon I.C. Estoppel in International Law. – P. 478 – 479, 486.

[332] *Awards Regarding the Border betwen Costa Rica and Nicaragua*, Decisions of 22 March 1888, 30 September 1897, 20 December 1897, 22 March 1898, 26 July 1899, XXVIII R.I.A.A. 189, P. 206.

[333] По мнению Р. Дженнингса, это решение «несомненно, основано на лишении права на возражение, или эстоппеле, вкупе с признанием» (Jennings R.Y. Op. cit. – P. 32, 48).

[334] *Temple*, P. 22 – 23; Jennings R.Y. Op. cit. – P. 47; Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 93 – 94.

требует недвусмысленного признания принадлежности территории другой стороне, например, в международных соглашениях или в географических картах[335] (с учетом оговорок в отношении карт, сделанных выше).

В литературе отмечается, что эстоппель – это в силу своей природы проблематичная концепция[336], что связано, по мнению американской исследовательницы Э. Манкман, с тем, что государства существуют в течение длительного времени и не гомогенны как в конкретный момент (поскольку решения могут приниматься несколькими органами или лицами на различных (центральном и местном) уровнях для достижения различных целей и обеспечения различных интересов), так и на протяжении определенного периода (так как состав органов государства изменяется, и новое правительство может взять курс, отличный от предшественника)[337]. Поэтому зачастую могут существовать основания для применения эстоппеля против обеих сторон в споре; эту проблему суд или арбитр может разрешить, либо придав бóльшее значение какому-либо конкретному виду деятельности, либо признав, что обе стороны лишаются права на возражение, либо же не применяя принцип эстоппеля ни к одной из сторон, но обратившись к взвешиванию доказательств[338]. Э. Манкман, очевидно, более обоснованным считает мнение Судьи Лагергрена в *Деле о Качском Ранно*, который рассматривал доказательства не как порождающее эстоппель, но как создающие или опровергающие различные презумпции в отношении территории[339]. Это сглаживает потенциал эстоппеля к приданию излишнего значения действиям одной из сторон в ущерб такой стороне.

Признание (англ. *recognition*). Значение имеет не только поведение непосредственно участвующих в споре или затронутых им сторон, но и третьих государств, в частности, их признание притязаний на территорию, фактическое или официальное[340]. Оно не является прямым доказательством в деле, но является «важным руководящим фактором» для толкования правовых последствий действий государств-участников спора[341]. Для третьих государств отношения между спорящими странами могут быть совершенно чуждым и неизвестным

---

[335] *Eastern Greenland*, P. 42 – 44; *Temple*, P. 25, 27.

[336] Несмотря на это, та же исследовательница указывает далее, что признание, молчаливое признание и лишение права на возражение (англ. *preclusion*), т.е. синонимичная эстоппелю доктрина, как имеющие значение для разрешения территориальных споров принципы не оспариваются (Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 105).

[337] Ibid. – P. 97, 98.

[338] Ibid. – P. 98, 99.

[339] Ibid. – P. 77.

[340] О разнице между признанием *de jure* и *de facto* См.: Jennings R.Y. Op. cit. – P. 63 fn 1.

[341] *Rahn of Kutch*, P. 135.

предметом[342]; соответственно, позиция той стороны, которая заручилась и их признанием, может получить решительный перевес. Как минимум, если третье государство официально признало титул одного из спорящих государств, оно не вправе более оспаривать его действительность[343]. Вместе с тем, как справедливо, на наш взгляд, отмечает Г. Шварценбергер, за одним исключением (неправомерное приобретение территории) признание третьих государств не может отрицательно влиять на правовое положение государств, эффективно занимающего территорию[344]. Таким образом, признание, не будучи элементом норм о титуле, может иметь доказательное значение[345].

Протесты. Развитие международного права о территории в сторону придания особого значения доктринам молчаливого признания и эстоппеля породило и противодействие – чтобы воспрепятствовать чужим притязаниям, вызвать реакцию международного сообщества на фактическое владение[346] или отсрочить[347] консолидацию чужого титула[348], протесты и оговорки против территориальных притязаний оппонентов стали почти «инстинктивным защитным механизмом»[349] в дипломатической практике. Презумпция, которая создается в результате фактического эффективного владения, может быть опровергнута лишь самыми недвусмысленными доказательствами[350]. Протест же может привлечь внимание международного сообщества к спору, вызвать положительную или отрицательную реакцию по отношению к фактическому владению[351]. Еще в 1911 г. в арбитражном решении по *Спору о границе между Мексикой и США* арбитражная комиссия высказалась о том, что формированию титула по давности владения препятствует заключение международных договоров, направленных на закрепление прав каждой стороны, и выражение мирных дипломатических протестов (хотя комиссия и выразила надежду на то, что в будущем будет выработана более

---

[342] Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 311.

[343] Ibid. – P. 316.

[344] Ibid. – P. 317.

[345] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 38, 41, 44. Р. Дженнингс приводит пример *Дела о Восточной Гренландии*, где суд обратил внимание на то, что Дания «собрала» признания третьими государствами своего титула; вместе с тем, он скептически относится к приданию признанию нормативного характера, указывая, что в практике нет никаких свидетельств того, что признание третьих государств может само по себе являться основанием для титула над «территорией, не находящейся во владении», «вероятно, кроме случая, когда значительное число иных государств, вероятней всего, признали титул – в этом случае кумулятивный эффект признания может, предположительно, стать ингредиентом в процессе консолидации».

[346] Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 346.

[347] Ibid. – P. 346 fn 2.

[348] Например, протест прерывает течение давности владения (Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 166).

[349] MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 171; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 310.

[350] MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence. – P. 158.

[351] Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 346. См. также: Kozlowski A. Op. cit. – P. 75 – 76.

удовлетворительная система, подобная национальным гражданско-правовым искам) [352]. Советский ученый Ю.Г. Барсегов также указывал, что зарубежные правоведы (Ж. Сселль) признавали, что «перерыв давности может создаться» «и в результате действий самого населения захваченной территории – восстаний, протестов или иных действий» [353]. Также указывается, что предпочтительней протесты письменные, хотя устные не исключаются[354].

Как справедливо замечают зарубежные [355] и российские правоведы [356], протесты и оговорки не могут продолжаться вечно: государства *обязаны* стремиться к урегулированию территориального спора с помощью одного из средств мирного разрешения споров, предусмотренных Статьей 33 Устава ООН [357]. Некоторые исследователи полагают, что надлежащим способом будет подача заявления в соответствии со Статьей 40 Статута Международного Суда ООН или же передача вопроса на рассмотрение Совета Безопасности ООН [358]. Однако эти меры могут показаться государству нецелесообразными, слишком дорогостоящими или бесперспективными – поэтому большинство авторов вынуждены заключить, что протест остается основным средством, позволяющим воспрепятствовать окончательному становлению чужого титула[359].

Помимо протестов, существуют и другие условия, препятствующие консолидации титула: а именно, намеренное оставление спорящими государствами территориального вопроса открытым (посредством ли оговорки в соглашении или путем продолжения переговоров по вопросу), создание ими *modus vivendi* (временной договоренности в отношении спорных

---

[352] *Chamizal*, P. 329. См.: Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 341; а также в целом о функциях протеста – Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 174 – 177.

[353] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 111.

[354] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 174 – 177.

[355] Этой же точки зрения придерживался П.А. Верикиос (См.: Jonhson D.H.N. Op. cit. – P. 341 fn 5, 346), предлагавший помимо дипломатического протеста еще три способа предотвращения консолидации титула, а именно: передачу дела в международный суд, в Лигу Наций или объявление войны. Очевидно, что последний способ в настоящее время неприемлем, однако трудно не согласиться с тем, что сами по себе дипломатические протесты без каких-либо дополнительных шагов со временем теряют значение. См.: также MacGibbon, Op. cit. – P. 167.

[356] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 177, 121.

[357] Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 323; Kaikobad K.H. Op. cit. – P. 137 – 138. С позицией Г. Шварценбергера соглашается Б.М. Клименко – См.: Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 175.

[358] Johnson D.H.N. Op. cit. – P. 341 – 342. Д. Джонсон даже заявляет, что «в случае не передачи вопроса на рассмотрение Совета или неосуществления попыток передать его в Суд следует презюмировать молчаливое признание, даже если для целей пропаганды или по иным причинам, время от времени продолжают заявляться «бумажные протесты»». Б.М. Клименко считает это требование нереалистичным, а идею Д. Джонсона о том, что сам по себе протест недостаточен, даже если захват территории был насильственным, – неверной, поскольку такой подход был «раз ни навсегда» осужден международным правом (Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 174).

[359] Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 322.

территорий с оговоркой, что действия в рамках нее не будут влиять на их позиции)[360] или так называемая оговорка об *excusable ignorance* – незнании о конкурирующих притязаниях по уважительной причине[361]. При этом ссылки на неосведомленность требуют серьезного доказывания и на практике в абсолютном большинстве случаев оставались безуспешными: если речь о территории, т.е. о вопросе, который в силу своей природы имеет для государства интерес и обладает международным характером, затруднительно отыскать уважительную причину незнания о законодательных актах (а правопритязания чаще всего официально заявляются в них) других государств в отношении такой территории[362]. Вместе с тем, формальное уведомление других государств о правопритязаниях не требуется[363].

Итак, содержание титула будет меняться в зависимости от обстоятельств конкретного спора или случая[364]. Кроме того, разрешение территориальных споров *почти всегда* подразумевает нахождение *компромисса* между различными интересами, заслуживающими международно-правовой защиты[365]. Подобный компромисс будет строиться на рассмотрении *всех* относимых к делу свидетельств осуществления суверенитета и интересов[366], как правовых, так и неправовых, граница между которыми зачастую может быть размыта[367]. Территориальные споры возникают из-за различных факторов – исторической несправедливости (например, нарушении в прошлом права народов на самоопределение), ценности территории (в первую

---

[360] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 168. Примером *modus vivendi* является установление совместного режима освоения прилежащих к спорным территориям водных пространств (*Miquiers and Ecrehos*, P. 58).

[361] MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence .... – P. 172. В качестве примеров приводятся заявления Великобритании в рамках *Дела об аляскинской границе*, высказывания судьи Дж. Рида в его особом мнении к англо-норвежскому *Делу об рыбных ресурсах* и ссылка на продолжение переговоров в деле Международного Суда ООН о правах граждан США в Марокко.

[362] Ibid. – P. 179 – 181. И. МакГиббон также отмечает, что отслеживание подобных актов является одной из целей учреждения консульских и дипломатических представительств в иностранных государствах, что далее затрудняет доказывание неосведомленности.

[363] Ibid. – P. 176 – 178, 183. Автор делает данный вывод главным образом на основании решений по *Делам об о. Пальмас* и *о. Клиппертон*: в первом арбитр указал, что какое-либо требование об уведомлении может быть предъявлено только при наличии соответствующей нормы в международном праве, во втором – опубликование французским консулом декларации о суверенитете Франции над островом в английском журнале *The Polynesian* – т.е. косвенное уведомление – было признано достаточным.

[364] Shaw M. Territory in International Law. – P. 79.

[365] *Palmas*, P. 870 («Международное право, как и право в общем, имеет целью обеспечить сосуществование различных интересов, заслуживающих правовой защиты»); Munkman A.L.W. P. 1 – 2, 12 – 13, 27 (где данный автор указывает, что *все* решения о границах представляют собой компромисс, впрочем, по естественным причинам не делая того же вывода в отношении споров о присуждении целой территории), 49, 80; Sharma S.P. Op. cit. – P. 195 («многие решения о границах и территории приводят к компромиссу, чтобы результат мог быть приемлемым для обеих сторон»), 196 (выделено нами – *Е.Н.*).

[366] С. Шарма пишет, что территория присуждается на основании перевеса «административных, социальных, географических, исторических и культурных факторов», и, если они недостаточны, применяются технические доктрины молчаливого признания, эстоппеля или признания, а в случае необходимости – и принцип самоопределения народов (Sharma S.P. Op. cit. – P. 191).

[367] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 73; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 106.

очередь выражающейся в наличии на ней природных ресурсов), географического положения с точки зрения использования коммуникаций и стратегии[368]. Эти факторы[369], такие как наличие договоров между спорящими сторонами (поскольку они прямо выражают намерение, волю и согласие сторон и ввиду принципа *pacta sunt servanda* являются обязательными)[370], а также история[371], традиционные права[372], владение, волеизъявление населения[373], этнографические и социальные факторы[374], экономические, географические[375], стратегические соображения, политические и государственные интересы, удобство и необходимость (потребность в территории или природных ресурсах)[376], и, наконец, справедливость[377] должны учитываться при разрешении споров наряду с соображениями нормативного характера (хоть и не взамен их)[378].

Данные факторы уже были затронуты выше (география – при анализе доктрины сопредельности; воля населения – в обсуждении права на самоопределение; история – в описании понятий исторических прав и консолидации); мы же хотели бы еще раз подчеркнуть,

---

[368] Так, пишет Б.М. Клименко, острова и высоты имеют особую ценность, поскольку они «дают возможность контроля над окружающим пространством» (Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 14).

[369] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 12, 15 – 16, 22 – 23, 67, 99 – 101, 107 – 108, 105 – 106; Kaikobad K.H. Op. cit. – P. 140.

[370] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 137 – 141.

[371] *El Salvador v. Nicaragua,* CACJ, Judgment of 9 March 1917, 11 American Journal of International Law 674 (1917), P. 700.

[372] Kaikobad K.H. Op. cit. – P. 140.

[373] Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 94.

[374] Jennings R.Y. Op. cit. – P. 76, 78; Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 140.

[375] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 151 – 155.

[376] Потребность в территории и природных ресурсах безусловно носит неправовой характер, как подтвердил Международный Суд ООН в *Деле между Эль-Сальвадором и Гондурасом*, согласившись, впрочем, что нельзя «терять из виду этот аспект» (*El Salvador/Honduras*, para. 58).

[377] Справедливость (англ. *equity*) играет большую роль в разграничении морских пространств, а в отношении сухопутных является составным элементом молчаливого признания и эстоппеля. На практике, в *Деле о границе* между Буркина-Фасо и Мали обе стороны признали справедливость *infra legem* применимой, и Международный Суд согласился использовать ее как метод толкования действовавшего права; то же произошло и в *Деле о сухопутной, островной и морской границе* между Эль-Сальвадором и Гондурасом; в деле же о *Качском ранно* обе стороны признали справедливость частью международного права, и, хотя арбитры не рассмотрели аргументы о справедливости, это соображение упоминается в их решении. В качестве правовой нормы (а не просто относимого к делу фактора) справедливость может применяться, только когда в документе о юрисдикции суда или арбитража указывается, что они вправе или должны разрешить спор *ex aequo et bono* (Sharma S.P. Op. cit. – P. 129 – 136; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 22 – 26).

[378] Тенденцию ссылаться на такие «практические связи» со спорной территорией зарубежные правоведы усматривают в практике арбитражей, тогда как Международный Суд ООН предпочитает опираться на доктрины молчаливого признания, эстоппеля и признания; это еще раз подчеркивает отсутствие необходимости в четких категориях, выведенных по аналогии с частным правом (Reisman W.M. The Quest for World Order .... – P. 170 – 171; Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 16, 22, 67, 94 – 95, 99; Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 310, 311, 324).

что они носят неправовое[379] значение и служат необязательным ориентиром[380] для принятия справедливого решения.

Дополнительно для достижения справедливого решения полезны следующие констатации, выведенные С. Шармой из судебной и арбитражной практики[381]: (1) более недавние факты будут иметь преимущество над более давними; (2) самым важным будет фактический контроль над территорией; (3) важное значение будут иметь связи (*affiliations*) населения[382], (4) географические, экономические (особенно при разграничении морских пространств), и (5) исторические (а с ними лингвистические, этнические и топографические) соображения. На их основании ученый предлагает для разрешения территориальных споров метод «процесса» (англ. *the "process" approach*), состоящий в выполнении четырех задач, направленных на нахождение решения, наилучшим образом соответствующего поддержанию международного правового порядка: (1) выяснение целей (т.е. чего пытаются добиться стороны); (2) изучение тенденций в праве путем рассмотрения существующих и зарождающихся правовых норм; (3) изучение условий, при которых принимались прошлые решения, их изменений и состояния на текущий момент (речь о природе территории и отношении затронутых государств к проблеме); и (4) изучение всех доступных альтернатив для выбора наиболее близкой к выясненным целям[383]. Преимущества этого метода, по его мнению, в том, что он позволяет не упустить важные факторы, прийти к разумному и приемлемому для сторон решению, которое также будет гибким и многоаспектным[384].

Предложенный профессором С. Шарма метод действительно имеет достоинства, прежде всего, благодаря его нацеленности на решение территориального спора и четкой структуре. Однако же нам он представляется неполным. Следовало бы увязать его с правовыми

---

[379] Другого мнения, похоже, придерживается С. Шарма – со ссылкой на практику, он указывает, что соображения «неоспоримо правового характера» (административные, социальные, географические, исторические и культурные связи территории) «без колебания» принимались судами и арбитражами и применялись «как правовые критерии» для разрешения конкретных споров. Рассматривая этот тезис как отдельную правовую теорию «множества соображений» авторства Э. Манкман, он признает ее полезной для создания полной картины аспектов, могущих повлиять на решение, но видит недостаток в том, что она не предусматривает «иерархию между различными правовыми и неправовыми соображениями» (Sharma S.P. Op. cit. – P. 32 – 33, 180).

[380] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 109.

[381] Sharma S.P. Op. cit. – P. 197 – 201, 210 – 211.

[382] Важное, но, по его мнению, «не решающее» (Ibid. – P. 199). Кроме того, он указывает, что во многих случаях такие связи (например, факты регистрации рождений, браков, смертей, сделок с имуществом, уплаты налогов и др.) будут отражаться в фактическом управлении территорией.

[383] Ibid. – P. 249 – 253 ("More specifically, the decision-maker (a court or a tribunal) must perform the following four tasks while making a decision about a territorial dispute: 1. Clarification of goals (…). 2. Trends in decision (…). 3. Context of conditions (…). 4. Alternatives (…).").

[384] Ibid. ("The process approach may allow decision-makers the flexibility needed in the application of relevant principles and the consideration of multiple relevant factors before deciding the cases with finality").

принципами и неправовыми факторами, относимыми к разрешению территориальных споров, а также не упускать такие важные факторы, как установление факта существования спора, наличие и применение критической даты в споре. Тем самым не допускался бы риск отхода от правовой установки при разрешении спора, а также риск дробления процесса разрешения территориальных споров на рассмотрение лишь тех вопросов, которые лежат на поверхности или заявляются сторонами (которые могут намеренно опускать невыгодные для них факты или правовые понятия). На наш взгляд, даже если при разрешении конкретного спора какие-либо концепции и, тем более, международно-правовые принципы, нормы и понятия в конечном итоге и не будут иметь значения, тем не менее, они должны учитываться при формулировании метода урегулирования территориальных споров. Ниже мы предлагаем более развернутый метод, который, на наш взгляд, более исчерпывающим образом учитывает все международно-правовые нормы и неправовые соображения, применяемые в судебной, так и в согласительной процедурах решения споров и способные внести ясность в аргументы и позиции сторон и найти конструктивное решение территориального спора.

Предлагаемый метод состоит из двух этапов, отдельные шаги в рамках которых могут опускаться или производиться в иной последовательности, в зависимости от характеристик конкретного территориального спора.

Первый этап – это анализ фактических обстоятельств спора, на которые ссылается каждая из спорящих сторон, уточнение самого предмета территориального спора и его международно-правовых оценок спорящими сторонами. В рамках него представляется необходимым выполнить следующие задачи:

А. Изучение относящихся к делу (релевантных) фактов, включая:

1) характер и природу спорной территории, уточнение ее пределов;
2) базовые сведения об истории освоения спорной территории;
3) историю самого спора;
4) цели и интересы спорящих сторон по отношению к спорной территории;
5) юридически значимые действия спорящих сторон по отношению к спорной территории;
6) пределы текущих переговорных позиций спорящих сторон (на что они согласны в связи со спором?);
7) факторы, влияющие на переговорные позиции спорящих сторон (на чем основаны эти позиции, как они могут поменяться в случае изменения таких факторов?);

8) отношение населений[385] каждой из спорящих сторон к спору;
9) отношение к спору и карты третьих государств:
    a) непосредственно затронутых спором;
    b) в регионе;
    c) иных.

Б. Исследование применимого права, в том числе:

Б.1. Исследование общего международного права (т.е. состояния международного права, применимого к рассматриваемому спору, с учетом современных тенденций и практики решения схожих территориальных споров[386]).

Б.2. Международно-правовая оценка позиций сторон, включая:

1) выявление международно-правовых доводов сторон в пользу своей позиции и в ответ на позицию другой стороны;
2) совпадение или несовпадение мнений сторон о наличии территориального спора, его точного предмета, установление объективного наличия территориального спора;
3) определение критической даты или дат (при необходимости);
4) исследование обоснованности международно-правовых доводов сторон с точки зрения:
    a) имеющихся правовых источников, касающихся правового титула на спорные территории (прежде всего международных договоров);
    b) норм и принципов общего международного права о территории;
5) исследование последующего поведения сторон с точки зрения применимых норм и принципов (в т.ч. молчаливого признания и эстоппеля).

Итогом первого этапа должен стать ответ на вопросы о том, каково содержание титула каждой спорящей стороны на спорную территорию согласно международному праву, какая из них обладает относительно более сильным титулом.

Второй этап состоит в выработке компромиссного мирного решения спора с учетом относимых к делу неправовых факторов и включает подготовку приемлемого ответа на следующие вопросы:

---

[385] Необходимо установить, по нашему мнению, является ли такое отношение осведомленным и взвешенным. Поскольку, очевидно, в некоторых случаях это будет затруднительным, представляется полезным исключать свидетельства такого отношения (результаты опросов и т.д.), которые *явно* не являются таковыми. Кроме того, в рамках этого подпункта важно учитывать мнение коренного населения (если таковое имеется).

[386] В правовом плане это необходимо, чтобы выявить нормы, относящиеся к этому виду споров; кроме того, схожие споры, не являясь прецедентами в правовом смысле, несомненно, полезны позднее при выработке компромиссного решения.

1) должен ли результат, достигнутый по итогам первого этапа, быть изменен для учета иных, неправовых соображений[387]?
2) Какие из предлагаемых вариантов решения спора, в т.ч. на политическом и научно-правовом уровне лучше всего соответствуют:
    a) решению, обозначенному по итогам первого этапа;
    b) целям и потребностям сторон (тому, чего они желают добиться);
    c) заявленным переговорным позициям сторон (тому, на что они согласны).
3) соотносится ли избранный вариант решения территориального спора с соображениями стабильности и эффективного контроля?
4) не нарушает ли избранный вариант решения и не создает ли угрозу нарушения запрета применения силы и принципа самоопределения народов?

В контексте данного метода далее в настоящей работе исследуется российско-японский спор о суверенитете над южно-курильскими островами.

[387] Помимо таких соображений, перечисленных выше, не лишним представляется задать вопрос о том, нет ли также соображений, которые требуют разрешения спора каким-либо конкретным образом с точки зрения не только спорящих государств, но и более широкого круга субъектов – т.е. других государств в регионе или всего человечества (например, для предотвращения экологической катастрофы, или по иной причине).

Глава 2. Российско-японский спор о суверенитете над южно-курильскими островами: юридически значимые фактические обстоятельства

Российско-японский спор [388] о суверенитете над южно-курильскими островами отличается множеством относимых к делу аспектов, длительной и разнообразной историей и большим объемом материалов, включая международные договоры как непосредственно между Россией и Японией, так и с третьими государствами. Он характеризуется не только резко расходящимися оценками значения отдельных фактов и обстоятельств его сторонами, но также и разногласиями о достоверности и точности исторического материала, т.е. о самом существовании таких фактов и обстоятельств. «У Курильских островов не одна, но множество «историй», каждая из которых отражает особую (как правило национальную) точку зрения», – указал Дж. Стефан[389] в его наиболее часто цитируемой работе по истории Курильской гряды до 1974 г. [390]. В связи с этим фактором, в настоящей главе будут изложены только те обстоятельства российско-японского спора, которые имеют значение для его международно-правового анализа и нахождения компромиссного решения и подтверждены несколькими источниками. В первой части мы дадим природные характеристики спорной территории и приведем данные о заявленных интересах спорящих государств в отношении этой территории и

---

[388] О квалификации данной ситуации как спора см. ниже Главу 3, §3.3.

[389] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 5.

[390] Цитируется в: Amanzholov Z.M., Akhmetov Ye.B. Japanese-Russian Territorial Disagreements and Their International Legal Substantiations // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2013. – P. 13: Special Issue of Politics and Law. – P. 18; Brown J.D.J. Japan, Russia and Their Territorial Dispute: The Northern Delusion. – New York: Routledge, 2016. – P. 13, 71; Call K.A. Southern Kurils or Northern Territories? Resolving the Russo-Japanese Border Dispute // Brigham Young University Law Review. – 1992. – – P. 727, 729 et seq.; George D.A. The Southern Kurile Islands: Shrouded in Eternal Fog // The U.S. Army War College. – [Carlisle, Pa], 2012. – P. 3; Graf V.B. The Russians Debate the Kuril Islands Territorial Dispute: An Aspect of Russo-Japanese Relations in the Post-Cold War World: Thesis (M.A. in National Security Affairs). – [Monterey, California: U.S. Naval Postgraduate School], 1993. – P. 6 et seq.; Hara K. Japanese-Soviet/Russian Relations Since 1945. – London: Routledge, 1998. – P. 8, 116; Harrison S. The Indigenous Ainu of Japan and the "Northern Territories" Dispute: Thesis (M.A.) / University of Waterloo. – Ontario, Canada, 2007. – P. 13 et seq.; Kuroiwa Yu. Russo-Japanese Territorial Dispute from the Border Region Perspective // UNISCI Discussion Papers. – 2013, May. – No. 32. – P. 192, 196. – ISSN 1696-2206; La Guardia, E. de. La question des îles Kouriles // Annuaire français de droit international. – 1991. – Vol. 37. – P. 409, 411 – 413; Lee. S.-W. Towards a Framework for the Resolution of the Territorial Dispute over the Kurile Islands // International Boundaries Research Unit. Boundary & Territory Briefing. – [S.l., 2001]. – Vol. 3, No. 6. – P. 2 et seq.; Mormanne T. Le problème des Kouriles: pour un retour à Saint-Pétersbourg, 1991 [Электронный ресурс] // URL: http://inalcocej.free.fr/travaux/documents/cip1pdf/Cip.1.5.Mormanne.pdf (дата обращения: 07.11.2017). – P. 1; Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty with Japan and the Territorial Disputes in East Asia // Pacific Rim Law & Policy Journal. – 2002. – Vol. 11, No. 1. – P. 5 et seq.; Takahashi R.M. Op. cit. – P. 232; Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute: Hokkaido-Sakhalin Relations. – London: Routledge 2007. – P. 192; Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855 – 1875 гг. (от Симодского трактата до Петербургского договора): автореф. дис. .. канд. ист. наук: 07.00.03. – Владимир, 2004. – в целом; Черевко К.Е. Являются ли южно-курильские острова исконной территорией Японии? // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – № 2 (17). – С. 141. Зарубежные ученые отдают изложенному в ней анализу предпочтение как полному и наиболее нейтральному, поскольку автор не является гражданином России или Японии и прямо ставит своей целью беспристрастное описание событий (Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 5 – 6). Факты, относящиеся к периоду после выхода в свет указанной работы, приводятся по соответствующим более поздним источникам.

спора, отношениях к спору их населения, а также третьих государств. Вторая часть посвящена описанию относящихся к делу фактов, а третья – изложению материалов, на которых построены правовые позиции спорящих государств.

§ 2.1. Характеристика фактических обстоятельств, prima facie значимых для российско-японского спора о суверенитете над южно-курильскими островами

§ 2.1.1. Географические и геологические характеристики южно-курильских островов.

Южно-курильские острова расположены «на пересечении азиатского континентального шельфа и тихоокеанского морского дна»[391]. С точки зрения геологии архипелаг разделен на Большую Курильскую гряду и Малую Курильскую гряду (о-ва Шикотан и Хабомаи), при этом вся гряда начала формироваться около 100 млн лет назад[392]. Согласно японским и некоторым иным источникам, в прошлом о-ва Малой Курильской гряды являлись продолжением о. Хоккайдо[393]; советские и российские исследователи предполагают, что весь архипелаг когда-то служил мостом от Японии до Камчатки[394]. Площадь их в совокупности составляет 4 996 кв. км[395], из чего на о. Итуруп приходится 3 139 кв. км, о. Кунашир – 1 500 кв. км, о. Шикотан – 255 кв. км, а на о-ва Хабомаи (о-ва Зеленый (Сибоцу), Полонского (Тараку), Юрий (Юри), Анучина (Акиюри), Танфильева (Суисё) и Сигнальный (Каигара), Дёмина (Харукару), Осколки (Каибадзима или Тододзима) и ряд мелких островов) – 102 кв. км[396]. О. Танфильева находится на расстоянии всего трех миль от о. Хоккайдо[397], и разделен проливом Фриза шириной около 22 морских миль с северным островом Уруп[398]. Некоторые авторы выдвигают мнение о том, что южно-курильские острова якобы не принадлежат к Курильской гряде (или сильно отличаются от ее северной части) по климатическим условиям, а также по видам местной флоры и фауны, однако данное мнение не основано на целостной и достоверной научной информации[399].

---

[391] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 1, 19 – 20.

[392] Belousov A., Belousova M., Miller, T. Kurile Islands // Encyclopedia of Islands / Gillespie R.G., Clague D.A. (eds.). – Berkeley: University of California Press, 2009. – P. 523.

[393] Valencia M.J., Ludwig N. Southern Kurile Islands/ Northern Territories Resource Potential // Geojournal. – 1991. – Vol. 24, No. 1. – P. 227.

[394] Указывая на существование этих полярных мнений, Дж. Стефан, тем не менее, не склоняется ни к одному из них и не делает собственного вывода о геологической «связи» этих территорий с окружающей сушей (Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 20).

[395] Call K.A. Op. cit. – P. 727 fn 2.

[396] Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 72 fn 32.

[397] Ibid.

[398] Lee. S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 28.

[399] См. в: Call K.A. Op. cit. – P. 750 fn 127. Автор ссылается на японскую публикацию, отмечая, что в ней в подтверждение этого довода не приводится научных доказательств. Его собственное исследование свидетельствует о том, что провести различие между южно-курильскими островами Кунашир и Итуруп и островами к северу от них затруднительно, хотя можно сказать, что о-ва Шикотан и Хабомаи отличаются от них.

Наконец, на картах южно-курильские острова обозначаются как территория России, Японии, или как территории, занимаемые СССР (Россией) с 1945 г.[400].

§ 2.1.2. Население.

По состоянию на 2014 г. на южно-курильских островах постоянно проживало 16 500 человек[401]. До заселения советскими, а затем и российскими гражданами, численность населения японцев на них составляла 17 000 человек (кроме того, на островах находилось 10 000 войск)[402]. Также на 2014 г. 6 596 человек в Японии идентифицировали себя как бывшие жителей, и еще 28 830 человек – как потомки бывших жителей островов – граждан Японии[403]. Что касается представителей коренного народа Курильских островов, айнов[404], то в Российской Федерации, по данным Всероссийской переписи населения за 2010 г., их проживало всего 109 человек[405], тогда как в Японии, пишет газета Japan Times, число айнов по официальным данным составляет 25 000 человек, при этом около 200 000 человек по неофициальным оценкам могут также принадлежать к числу потомков этой народности, но не знать о своем происхождении ввиду японской политики XX века по насильственной «японизации» айнов[406].

§ 2.1.3. Цели и интересы спорящих сторон.

Цель Японии как спорящего государства состоит в том, чтобы добиться передачи ей находящихся в данный момент под юрисдикцией России четырех островов[407]. Несмотря на то, что в этой части среди различных политических партий Японии с 1973 г. существует консенсус, некоторые партии в Японии призывают также к более жесткой позиции, предусматривающей,

---

[400] См. Приложение 1. Что интересно, на картах Японии эти территории стали указываться как японские только с 1969 г.; большинство европейских и американских карт, а также китайские карты, согласно данным Дж. Стефана, либо следовали в 1970-х годах картографическим обозначениям СССР, либо обозначали территории как «оккупированные» (занимаемые) СССР (Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 230 – 231).

[401] Brown J.D.J. Japan, Russia and Their Territorial Dispute .... – P. 1.

[402] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 166. По японским данным, точная цифра составляла 17 291 человека. См.: Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 26.

[403] Brown J.D.J. Op. cit. – P. 81.

[404] О происхождении и истории этого народа см. справку в: Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 22 –30.

[405] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. Приложение 3 // Росстат [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 07.11.2017).

[406] Seeing Ainu as They Want to Be Seen [Электронный ресурс] // Japan Times. 12 March 2017. URL: https://www.japantimes.co.jp/community/2017/03/12/issues/seeing-ainu-want-seen/#.Wc-3L8aB29Y (дата обращения: 07.11.2017).

[407] Эта позиция была впервые официально озвучена Премьер-министром Японии С. Йосидой в 1950 г. (См.: Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 199) и поддерживается до сих пор (Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474 (дата обращения: 07.11.2017)).

как отмечено в науке, «возврат всей Курильской гряды»[408]. Позиция администрации о. Хоккайдо (наиболее близкой к спорным территориям части Японии) совпадает с официальной[409]. Интересы, которые преследует Япония, уже затрагивались выше, однако для целей последующего поиска компромиссного решения спора заслуживают более подробного изложения и сопоставления с целями и интересами России, которые во многом, как считают зарубежные исследователи, являются их «зеркальным» отражением[410].

§ 2.1.4. Интересы стратегии и безопасности.

Курильская гряда открывает доступ к Охотскому и Баренцеву морям; кроме того, бухты и проливы между островами пригодны для военно-морских операций, включая использование подводных лодок. Дж. Стефан отмечает, что интересы безопасности находились в центре позиции советского руководства в рамках территориальной проблемы[411]. Стратегическое значение островов, бухт и проливов между островами играет, по мнению западных исследователей, немалую роль в нежелании России обсуждать территориальные притязания Японии[412]. Интересно отметить, как считает Б. Уильямс со ссылкой на дополнительные источники, что японские аргументы о стратегической ценности этих территорий и прилежащих к ним вод, похоже, «полностью производны от советских аргументов»[413].

§ 2.1.5. Экономические интересы.

---

[408] См. в: Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 212 – 214. Сейчас лишь Коммунистическая партия Японии придерживается этой второй, радикальной позиции (при том, что в 1950 г. в заявлении о позиции она прямо признала Ялтинское соглашение и поддержала советские притязания на все Курильские острова); однако до 1991 г. с ней соглашались Социал-демократическая партия Японии и Комэйто (Партия чистой политики): Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 24. См. также комментарий председателя Коммунистической партии Японии к переговорам между Президентом РФ и Премьер-Министром Японии в конце 2016 г.: С. Казуо указал, что Японии следует стремиться к заключению мирного договора, который бы предусматривал возврат всех «Тисимских островов», но на данный момент – добиваться немедленного «возврата» о-вов Хабомаи и Шикотан, которые «являются частью Хоккайдо» посредством договора о дружбе: Shii comments on Japan-Russia summit meeting. 17 December 2016. URL: http://www.jcp.or.jp/english/jcpcc/blog/2016/12/20161217shii-comments-on-japan-russia.html (дата обращения: 07.11.2017).

[409] The Hokkaido Government's Views on the Northern Territories Issue. URL: http://www.pref.hokkaido.lg.jp/sm/hrt/hp-en/polic-en.htm (дата обращения: 07.11.2017). См. в целом: Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute ....; Akaha T. Despite the Northern Territories: Hokkaido's Courting of the Russian Far East // Pacific Focus. – 2003, Spring. – Vol. XVIII, No. 1. – P. 90, 94 – 96, 100, 104 – 106 (в обоих источниках описывается политика *kankyō seibi* (яп. «подготовительных работ» – т.е. создания условий, благоприятствующих разрешению территориального вопроса) и взаимодействие администраций Хоккайдо и Сахалинской области, в том числе по заключению соглашений о защите окружающей среды и др., и делается вывод, что разрешение территориального спора не является единственной причиной такого взаимодействия).

[410] Takahashi R.M. Op. cit. – P. 232, 237 ("Japanese historiography of the Kuriles sometimes resembles a mirror image of the Soviet view..."); Kazumine A. Op. cit. – P. 54 – 69; Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 21 – 26.

[411] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 208.

[412] Ibid. – P. 4; Brown J.D.J. Op. cit. – 71 – 74.

[413] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 22 ("...their reasoning has been entirely derivative of Soviet arguments").

Почти во всех исследованиях российско-японских территориальных разногласий отмечается, что ключевым для обеих сторон является экономический потенциал островов. Помимо запасов ресурсов, в том числе на континентальном шельфе (речь не только о нефти и газе[414], но и о «сидячих» видах морских живых ресурсов, прежде всего, краба[415]), южно-курильские острова обеими сторонами признаются богатейшим источником морских биоресурсов[416]. В дополнение к возможностям для хозяйственного освоения, для российской стороны немалое значение, как отмечает Дж. Браун, придается уже запущенным инициативам и выделенным средствам, направленным на создание объектов инфраструктуры и развитие этих территорий: справедливо, что объем затраченных на это усилий и ресурсов обратно пропорционален готовности расстаться с соответствующими территориями: «По мере накопления этих инвестиций, российское сопротивление возврату даже двух меньших островов... по всей вероятности значительно усилится»[417].

§ 2.1.6. Геополитические и внутриполитические интересы.

Уступка в территориальном споре может негативно сказаться на положении государства не только на международной арене, но и на политической обстановке внутри страны[418]. И Япония, и Россия не желают показывать «слабость», особенно в свете отношений обеих стран с США и в контексте усиления экономической и военной мощи КНР[419]. Равным образом, любые уступки порождают риск по меньшей мере частичной утраты лидером государства или политической фракцией, которые ответственны за принятие решения об уступках, доверия населения. Кроме того, некоторые специалисты отмечают, что поддержание состояния спора может служить внутренним политическим интересам сторон; например, что Япония «давно

---

[414] В отличие от континентального шельфа о. Сахалин, запасы этих ресурсов у южно-курильских островов считаются незначительными (Valencia M.J., Ludwig N. Op. cit.; Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 21).

[415] Akaha T. From Conflict to Cooperation .... – P. 232 – 233.

[416] Brown J.D.J. Op. cit. – P. 45; Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 21; Morris G.L. Japan, Russia and The “Northern Territories” Dispute: Neighbors in Search of a Good Fence: Thesis. – [United States]: Naval Postgraduate School, Monterey Ca, 2002. – P. 33 – 34.

[417] Brown J.D.J. Op. cit. – P. 45 – 46 (“As these investments accumulate, Russian opposition to returning even the smaller two islands... is likely to strengthen considerably.”). Интересно, что среди российских исследований есть и те, которые учитывают возможность и необходимость передачи о-вов Шикотан и Хабомаи Японии согласно Совместной советско-японской декларации 1956 г. и даже предлагают проект протокола о такой передаче. См. Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 163 – 166; O’Shea P. Playing the Sovereignty Game: Understanding Japan’s Territorial Disputes // GEMC Journal. – 2013. – No. 8. – P. 207.

[418] Huth P.K. Does International Law Promote the Peaceful Settlement of International Dispute? Evidence from the Study of Territorial Conflicts since 1945 / P.K. Huth, S.E. Croco, B.J. Appel // The American Political Science Review. – 2011. – Vol. 105, No. 2. – P. 416.

[419] Chotani V.M. Can Japan and Russia Reconcile? [Text] / V.M. Chotani, U. Purushothaman // ORF Issue Brief. – 2015, October. – No. 110. – P. 1 – 2.

использует территориальный спор как конкретную угрозу, чтобы оправдать перед японским народом военный союз с США и роль Сил самообороны Японии»[420].

§ 2.1.7. Фактор национального самосознания и исторической справедливости.

Южно-курильские острова в разрезе длительных разногласий об их принадлежности (включая отношения Российской империи и СССР и Японии в связи с освоением островов и заключением международных договоров в отношении них) обладают значением и на уровне национального самосознания[421]. По сей день для Японии они являют собой напоминание о ее поражении во Второй мировой войне, отторжении у нее, помимо Курильских о-вов, о-вов Формоза (Тайвань и окружающие о-ва), Пескадорских о-вов, о-вов Спратли и Парасельских о-вов, необходимости мириться с присутствием иностранных войск на о-вах Рюкю (самый крупный и известный – о. Окинава); для России – о жертвах и итогах войны[422]. Данный фактор играет не последнюю – а по мнению некоторых комментаторов, напротив, первостепенную[423] – роль в торможении разрешения территориальных разногласий и переговоров двух стран о заключении мирного договора.

§ 2.1.8. Избежание рисков создания неблагоприятных прецедентов.

Отказ Японии от Южных Курил, как считают зарубежные аналитики, неизбежно повлияет на судьбу других ее правопритязаний в регионе, в споре с Китаем в отношении островов Сенкаку (кит. Дяоюйдао) и с Южной Кореей в отношении острова Такэсима (кор. Токто)[424]; осторожность с российской стороны специалисты также отчасти объясняют риском того, что «возврат» южно-курильских островов Японии может повлечь «пересмотр» итогов

---

[420] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 22 (исследование, на которое он ссылается, опубликовано в 1993 г.) ("... Toyo had long used the territorial dispute as a concrete threat to justify to the Japanese people the military alliance with the United States and the role of Japan's Self Defence Force.").

[421] Схожая ситуация наблюдается в случае японско-корейского спора об о. Такэсима (кор. Токто). См. Bowman G. Op. cit. – P. 449 – 450.

[422] Eveno Ch. Op. cit. – P. 17 – 18.

[423] Akaha T. Despite the Northern Territories .... – P. 89 – 90, 92 (где приводится точка зрения М. Кимуры и Д.А. Уэлча о том, что рассматриваемая территориальная проблема необъяснима с точки зрения существующей теории международных отношений и «символическое и психологическое» значение островов, которое они называют «присущим» (*intrinsic*), перевешивает экономические и стратегические интересы); Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 22 – 26; Chotani V.M. Op. cit. – P. 6; Gorenburg D. The Southern Kuril Islands Dispute // PONARS Eurasia Policy Memo. – 2012, September. – No. 226. – P. 4.

[424] Eveno Ch. Op. cit. – P. 25 – 26.

Второй мировой войны[425], т.е. предъявление притязаний, например, на территорию нынешней Калининградской области и Карелии[426].

В его стремлениях центральное правительство Японии поддерживает 25% населения[427]. В академических кругах преобладает консервативная позиция[428]. В 1970-е годы в Японии существовал консенсус об исторической принадлежности Курильских островов Японии, однако уже тогда данный вопрос был небезразличен населению скорее по практическим причинам, в свете потребности вести рыбную ловлю в прибрежных водах островов, и не вызывал сильного национального чувства, как вопрос об о. Окинава; заинтересованность населения также снижается с течением времени[429]. Тем не менее, в Японии действовали и действуют многочисленные общественные организации за «возвращение Северных территорий»[430].

Позиция российского государства относительно потенциальных территориальных уступок в пользу Японии на протяжении новейшей истории данного территориального спора несколько раз менялась от полного отрицания существования спора до согласия СССР в 1956 г. «на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан... после заключения мирного договора» между СССР и Японией. Руководство Российской Федерации в настоящий момент рассматривает спор с позиции признания Совместной декларации 1956 г. как факта; при этом речь не идет о готовности Российской Федерации на территориальные уступки[431]. Некоторые ключевые политические партии, такие как «Справедливая Россия» и «ЛДПР», исходят из отсутствия территориального спора ввиду его разрешенности по итогам Второй мировой войны; «КПРФ» считает даже, что России нет необходимости заключать мирный договор, а уступки в пользу Японии могут привести к тому, что начнется «ускоренный процесс распада

---

[425] Ткаченко Б.И. Курильская проблема: история и право // Россия и АТР. – 1995. – № 4. – С. 15; Куртов А.А. Историко-правовые основания принадлежности Курильских островов Российской Федерации // Проблемы национальной стратегии. – 2009. – № 1. – С. 167 – 168.

[426] Михайлов В.С. Проблема заключения мирного договора с Японией с точки зрения международного права // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2005. – № 4. – С. 37.

[427] См. Введение. См. также сведения о динамике изменения мнения японского населения в Brown J.D.J. Op. cit. – P. 87 – 88.

[428] Ibid. – P. 155.

[429] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 209.

[430] См.: Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 227 – 229. Лига жителей Тисима-Хабомаи, основанная в 1955 г., по-прежнему остается одной из крупнейших таких организаций, на 2014 г. насчитывавшей 6 596 бывших жителей и 28 830 их потомков. Вебсайт Лиги жителей Курил-Хабомаи (*Chishima Habomai Shotō Kyojūsha Renmei*) (URL: http://www.chishima.or.jp (дата обращения: 07.11.2017)); Brown J.D.J. Op. cit. – P. 81.

[431] Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474; Brown J.D.J. Op. cit. – P. 94 – 95, 149; Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 175 – 176.

самой России»[432]. На региональном уровне руководство Сахалинской области всегда являлось одним из наиболее ревностных защитников жесткой позиции о недопустимости территориальных уступок[433]. Большинство как российских, так и зарубежных специалистов занимают позицию, отрицающую возможность территориальных уступок, и эта позиция, отмечается ими, лишь ужесточилась за последние годы[434]. Кроме того, немаловажно, что эту официальную позицию Российской Федерации поддерживает население: по данным социальных опросов, 78% россиян возражают против передачи спорных островов Японии[435], при этом опросы по Сахалинской области систематически показывают наиболее высокий процент по этому показателю[436]. Вместе с тем, показатели опроса об отношении населения к итогам приватизации и построенной модели управления экономикой в период реформ Б.Н. Ельцина – А.Б. Чубайса[437] демонстрируют еще большее неприятие населения.

Российско-японские отношения также представляют интерес для третьих государств: для США как текущего партнера Японии, наделенной статусом «Основного союзника вне НАТО» (англ. Major Non-NATO Ally) и подписавшей американско-японскую политическую декларацию об укреплении сотрудничества весной 2013 г.[438], а также с точки зрения расстановки сил и военной стратегии в регионе[439], и, во вторую очередь, – КНР как сильнейшего государства в регионе. На данный момент США и КНР поддерживают

---

[432] Япония не желает усвоить уроки истории, 20 мая 2015 г. // Русская планета: информ. портал. URL: http://rusplt.ru/policy/yaponiya-ne-jelaet-usvoit-uroki-istorii-17114.html (дата обращения: 07.11.2017); Владимир Поздняков: Любой компромисс с Японией по поводу Курильских островов – пересмотр итогов Второй мировой войны и отрицание подвига советского народа, 6 октября 2016 г. // Коммунистическая партия РФ [сайт]. URL: https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/156054.html (дата обращения: 07.11.2017).

[433] Русские Курилы .... – С. 311 – 388 (где приводятся обращения и заявления общественности и органов власти Сахалинской области по проблеме южно-курильских островов); Akaha T. Despite the Northern Territories .... – P. 103.

[434] Brown J.D.J. Op. cit. – P. 147.

[435] Опрос был проведен в мае 2016 г. «Левада-центром» «*по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 800 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны*». От решения проблемы зависит и рейтинг руководства страны – так, 32% участников опроса признали, что рейтинг Президента Путина «значительно снизится» в случае передачи им Японии всех четырех островов, см.: URL: http://www.levada.ru/2016/08/05/spor-rossii-i-yaponii-vokrug-kurilskih-ostrovov/ (дата обращения: 07.11.2017).

[436] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 71, 131 – 132, 134, 140 – 143. При этом отмечается «аномалия» среди жителей о. Шикотан, чье мнение колеблется от согласия с общим протестом против передачи островов Японии до предложений о признании Совместной декларации 1956 г. или передаче Японии острова в аренду на 99 лет. Аномалия объясняется, по мнению указанного автора, сезонными изменениями в жизни населения и их экономическим положением. См.: также Brown J.D.J. Op. cit. – P. 88 – 95.

[437] ВЦИОМ: большинство россиян негативно оценивает итоги приватизации 90-х годов, 02.10.2017 [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: http://tass.ru/ekonomika/4608474 (дата обращения: 07.11.2017).

[438] Relations with Japan. Updated on 7 April 2016 // North Atlantic Treaty Organization [website]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50336.htm (дата обращения: 07.11.2017).

[439] Takahashi R.M. Op. cit. – P. 231, 237. При этом тот же автор отмечает, что Япония в силу близкой связи с США рассматривает свои военные интересы как совпадающие с их интересами.

территориальные притязания Японии: на поддержку США Япония прямо ссылается в своей «базовой позиции» по вопросу о «Северных территориях»[440]; в 1964 г. Мао Цзэдун в свете напряженности между КНР и СССР по собственным территориальным вопросам на встрече с делегацией от японской социалистической партии заявил, что «Курилы должны вернуться к вам»[441]. Таким образом, эта поддержка полностью зависит от геополитических отношений и стратегических интересов указанных стран в их взаимодействии с Россией и Японией[442].

§ 2.2. Изложение российско-японских разногласий о суверенитете над южно-курильскими островами в исторических материалах

Историю российско-японского спора можно условно разделить на четыре периода. Это период, в течение которого острова были открыты и была впервые установлена и подтверждена российско-японская граница; его начало приходится на XVII век, и он продлился до окончания Русско-японской войны подписанием мирного договора в г. Портсмуте в 1905 г. Далее, во второй период, с 1905 по 1951 гг., включены события, имевшие место до, в течение и непосредственно после Второй мировой войны, т.е. в связи с заключением мирного договора и его имплементацией. К третьему периоду мы отнесем события до и в связи с заключением Совместной советско-японской декларации 1956 г., которая имеет особое значение для спора и должна быть рассмотрена в отдельности. И, наконец, четвертый период с 1956 г. до наших дней составит новейшую историю российско-японского спора.

§ 2.2.1. Открытие, завладение и установление границы (XVII век – 1905 г.)

Факт первооткрытия и освоения южно-курильских островов являет собой один из самых ярких примеров подчас слепого отстаивания национальных интересов в историографии этих территорий: в отношении него существует две полностью противоположные друг другу версии событий, русская и японская. Географическая удаленность, труднодоступность и труднопроходимость этих территорий и окружающих их морских пространств, неточность карт, имевшихся до составления подробных карт русскими исследователями[443], и самоизоляция

---

[440] Northern Territories Issue. Japan’s Basic Position [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan [сайт]. URL: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/overview.html (дата обращения: 07.11.2017).

[441] Мао Цзэдун предлагал отобрать у СССР Курилы / Взгляд, 10.02.2011. URL: https://vz.ru/information/2011/2/10/467851.html (дата обращения: 07.11.2017); Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 5; Northern Territories, Asia-Pacific Regional Conflicts and the Aaland Experience: Untying the Kurilian Knot / Hara K., Jukes G. (Eds.). – London: Routledge, 2009. – P. 57.

[442] Еще в 1974 г. Дж. Стефан описывал американскую политику по вопросу как «отсутствие» точки зрения, основанное в большей части на неведении и безразличии (в той мере, в которой вопрос не касался прямо сближения СССР с Японией, в период Холодной войны неприемлемого для США). Политику Китая, в начале 1950-х гг. поддерживавшего притязания СССР, но после заявления Мао Цзэдуна и к 1973 г. полностью признавшего требования СССР частью «советского экспансионизма», он объясняет с точки зрения стремления для Китая обосновать свои притязания на Тайвань (Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 214 – 215, 221 – 223).

[443] См.: Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 34.

Японии[444], которая исключила всякую возможность уведомления других государств о ее границах и притязаниях, привели к тому, что разведка и освоение островов проходили одновременно с севера русскими, пришедшими на Курилы в поисках мехов, и с юга – японцами, ступившими на территории для торговли с местным населением – южными айнами[445], при неведении другой стороны. С обеих сторон было предпринято множество экспедиций и мер, некоторые из которых так и не добились результатов. Цель настоящего раздела исследования в том, чтобы установить факты, способные породить правовые последствия для целей решения вопроса о том, кому – России или Японии – принадлежит относительно более обоснованный титул на четыре южно-курильских острова, поэтому безуспешные экспедиции мы опустим как несостоявшиеся.

Резюмируя множество мнений в рамках своей монографии по истории Курильских островов, Дж. Стефан открывает ее тремя цитатами, каждая из которых приписывает открытие разным государствам: (1) Голландии, чей мореплаватель по поручению Голландской Ост-Индской Компании открыл острова в 1643 г.[446] (цитата принадлежит Х. Дж. Сноу и датируется 1897 г.; в ней ошибочно[447] указывается 1634 г.[448]); (2) России (А.И. Пушкарь, 1960 г.)[449]; и (3) Японии (О. Тадаси, 1971 г.; который завещает помнить М. Хиронори как первооткрывателя)[450]. Ни одна из них, по мнению Дж. Стефана, полностью не отражает действительность.

В 1590 г. португальский капитан Х. да Гама открыл полоску земли между Японией и Америкой, которая была нанесена на карту мира в 1649 г. под названием «Земля Гама». Позже, в 1643 г. голландцы открыли Эдзо (или Иезо; так японцы называли «варварские», не присоединенные к Японии земли, в частности, о. Хоккайдо)[451]. В ходе этой экспедиции М.Г.

---

[444] Brown J.D.J. Op. cit. – P. 9.

[445] Считается, что айны мигрировали на архипелаг приблизительно в II веке .н.э. Между северными айнами, которые с XVII века подверглись влиянию русской культуры, вероисповедания и обычаев, и южными айнами, торговавшими с Японией и развивавшимися под влиянием жителей Хоккайдо, существовали культурные различия, но они сохраняли связь между собой вплоть до XIX века (Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 26 – 30). Вопреки утверждениям некоторых японских политиков и исследователей, айны и японцы не принадлежат к одной расе (см. Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855 – 1875 гг. .... – С. 17).

[446] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 2.

[447] Ibid. – P. 34.

[448] В американских архивных материалах, впрочем, указывается, что в 1634 г. острова действительно открыл голландец Девелль. См.: Lee. S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 2.

[449] Некоторые авторы дают еще более раннюю дату (1643 г.) (Кутаков, Л.Н. Россия и Япония. – М.: Наука, 1988. – С. 33 – 34 и далее), но похоже, идет речь об «открытии» с чужих слов.

[450] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 31.

[451] Krasheninnikov S.P. The history of Kamtschatka, and the Kurilski Islands, with the countries adjacent; illustrated with maps and cuts. – Glocester: printed by R. Raikes for T. Jefferys, 1764. – P. 39; Курильские острова. Их открытие и присоединение к России (1711 – 1778 гг.) [Электронный ресурс]: информационно-справочные материалы. URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-

Фриз заметил о. Кунашир, сочтя его продолжением о. Хоккайдо, затем о. Итуруп и, наконец, о. Уруп, который он счел соединенным с североамериканским континентом и на который он произвел высадку, чтобы завладеть им от имени Голландской Ост-Индской компании[452]. Таким образом, как верно отмечается многими современными специалистами[453], первенство в открытии островов все же формально принадлежит не русским и не японским мореплавателям. Последние ступили на острова и начали их изучение и освоение не ранее XVII века[454].

По мнению Дж. Стефана, большинство теорий, которые относят японское открытие и освоение островов к периоду до XVII века, основано на сомнительных доказательствах, поэтому делать какие-либо достоверные выводы, руководствуясь ими, невозможно[455]. В 1635 и 1644 гг. вассал Мацумаэ, М. Хиронори (по другим источникам – М. Хироёси), обследовал земли, входившие в княжество (которые японцы называли «Земли Мацумаэ»), и представил сегуну И. Токугава карту, на которой были изображены острова за Хоккайдо («Земля Иезо»), по всей вероятности, Курильские, но Дж. Стефан отмечает, что их местоположение в целом настолько случайно, что автор, скорее всего, изобразил их с чужих слов[456].

Японский автор Х. Кимура, впрочем, не только датирует самую первую из карт 1599 г., но и предполагает, что она охватывала «весь Эдзо», хотя и признает, что карта не сохранилась и остается лишь гадать, насколько полное изображение островов было на ней представлено[457]. Он утверждает, что последующие карты 1635 и 1644 гг. входили в общую карту Японии Эпохи Сёхо, которая считалась самой авторитетной и была первой картой, которая включала в себя Курильский архипелаг[458]. Карта 1644 г. входит в Совместный сборник материалов по истории территориального размежевания между Россией и Японией, согласованный МИД РФ и МИД Японии, поэтому эта точка зрения также имеет определенный вес.

---

arch.nsf/88ff23e5441b5caa43256b05004bce11/59b312d6225c5de9c3257929001f7bc1!OpenDocument (дата обращения: 07.11.2017).

[452] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 34.

[453] Сысоева Е.А. Указ. соч. – С. 4.

[454] Некоторые авторы относят первое задокументированное российское присутствие на островах к первой половине XVIII века, «тогда как японцы посетили острова, по крайней мере, за 100 лет до этого» (Anderson, M. Frontiers: territory and state formation in the modern world. – London: Polity Press, 1996. – P. 94). Изучение большинства материалов, впрочем, опровергает это утверждение. Также напомним, что «посещение» островов частными лицами не имеет значения для будущего анализа аргументов о первооткрытии и первоосвоении.

[455] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 51.

[456] Ibid. С этим согласен ряд других историков, как отечественных (А.А. Кошкин), так и зарубежных (Д. Риз). См.: Brown J.D.J. Op. cit. – P. 28 fn 2.

[457] Kimura H. The Kurilian Knot: The History of Japanese-Russian Border Negotiations. – California: Stanford University Press, 2008. – P. 4.

[458] См. саму карту ibid. – P. 169 (при этом профессор Кимура отзывается об этой карте и как о «крайне неточной» (“extremely inaccurate”). Ibid. – P. 4 – 5).

«При строгом толковании архивных материалов, – пишет Дж. Стефан, – представляется, что русские впервые узнали о Курильских островах приблизительно в 1690-х гг.»[459]. Так, в 1696 г. якутский казак Л. Морозко во время «набега» на местные племена узнал об островах на юге и упомянул о них землепроходцу В. Атласову. В 1697 г. В. Атласов «открыл» Курилы во время своей экспедиции для подчинения местных жителей островов и сбора ясака[460].

В 1700 г. на крайней северной точке Хоккайдо был создан «округ» (*basho*, дословно от яп. «место») для торговли с айнами[461]. В тот же год С. Ремезовым была составлена первая русская карта Курил на основании рассказов В. Атласова[462].

В 1702 г. Петра I издал указ о подчинении Камчатки и сборе сведений о Японии с целью завязывания торговых отношений[463]. Сам Петр был больше занят западом, поэтому не мог следить за исследованием новых территорий на востоке и этим занимались местные власти в Якутске на Камчатке, или казаки ради самообогащения или помилования за преступления.

В 1711 г. состоялась первая экспедиция И.П. Козыревского и Д.Я. Анциферова на Курильские острова[464]. По мнению С.П. Крашенинникова, это «был первый раз, когда бы какой-либо русский ступал на один из этих островов»[465]. Существует два взгляда на экспедицию: (а) Козыревский и Анциферов отправились в путь, чтобы заслужить прощение за бунт и убийство трех камчатских приказчиков (включая В. Атласова); или (б) они выполняли приказы царя, переданные через якутского воеводу. Последнего взгляда придерживались советские ученые. Дж. Стефан пишет, что обе версии отчасти правдивы. К осени 1711 г. они высадились на о. Шумшу. И.П. Козыревский также докладывал впоследствии, что посетил второй Курильский остров – о. Парамушир – но, по всей вероятности, это было ложью, призванной увеличить его достижения.

---

[459] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 39.

[460] Существуют и дополнительные данные за период до этого – мы не опираемся на них, впрочем, ввиду того, что они либо представляют собой косвенные свидетельства освоения островов российской стороной, либо подвержены неопределенности. Речь о вылазках казаков под предводительством И.Ю. Москвитина и, впоследствии, В. Пояркова в 1639 и 1643 гг., экспедиции в 1649 г. купца Ф.А. Попова, и, наконец, о плавании в 1656 г., согласно трудам советских историков и английского историка Дж. Сноу, судна некоего М. Стадухина .

[461] Торговля между японцами и айнами стала первой формой их взаимодействия и источником японской заинтересованности в южно-курильских островах. По крайней мере поначалу она велась в рамках обычаев айнов (Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 52 – 53).

[462] Ibid. – P. 40.

[463] Ibid. – P. 40 – 41.

[464] Ibid. – P. 42 – 43.

[465] Krasheninnikov S.P. Op. cit. – P. 250.

Два года спустя, в 1713 г., состоялась вторая экспедиция И.П. Козыревского на Курилы. За пределы уже открытых двух островов он не выбрался, но присоединил их к имперским территориям и расспросил айнов на о. Парамушир об островах к югу и о Японии.

На основании зарисовок И.П. Козыревского от 1711, 1713 и 1726 гг. была составлена первая западная карта всей Курильской гряды. Дж. Стефан оценивает ее как весьма точную, японский историк А. Тосиюки признал, что сведений о Курильских островах до чертежа И.П. Козыревского не было[466]. Имеется также относительно точная карта, составленная в 1726 г. якутским картографом А.Ф. Шестаковым[467].

В 1721 – 1722 гг. была предпринята экспедиция И. Евреинова и Ф. Лужина на Курильские острова. Из-за шторма экспедиция провалилась, но первопроходцы вернулись с картой, на которой Курильские острова по не выясненной причине обозначены как «Японские острова». По другим источникам, экспедиция имела успех, были приведены в российское подданство жители четырх островов к югу от о. Парамушир, а следов японского присутствия обнаружено не было[468].

Большего успеха добились в 1725 – 1730 гг. и 1733 – 1742 гг. две экспедиции В. Беринга, в ходе которых были исследованы, в том числе, острова Курильской гряды. Отправленный В. Берингом в Японию вдоль островов его соотечественник М. Шпанберг составил более точную, чем у предшественников, карту[469], основанную на личных наблюдениях. М. Шпанберг также заключил, что острова не принадлежали Японии: ни на одном из Курильских островов он не отыскал свидетельств японского присутствия. В 1740 г. в «Хрониках нового света» было опубликовано сообщение о том, что М. Шпанберг открыл 35 островов различной величины. 27 июля 1740 г. «Газет де Франс» писала об открытии М. Шпанбергом 34 островов.

---

[466] Курильские острова. Их открытие и присоединение к России (1711 – 1778 гг.): информационно-справочные материалы. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/kuril-skie-ostrova-ih-otkrytie-i-prisoedinenie-k-rossii-1711-1778-gg-?inheritRedirect=false (дата обращения: 07.11.2017).

[467] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 43 – 44. См. саму карту в: Русские Курилы .... – С. 44. На ней изображено Тихоокеанское побережье Дальнего Востока; карта издана во Франции. Несмотря на отсутствие подписи, которая бы свидетельствовала о том, какие острова считались «Курильскими», на ней явно присутствуют южные о-ва Итуруп (хоть он и обозначен севернее Урупа), Кунашир, а современный о. Хоккайдо обозначен как бы дважды: на карте изображен отдельно небольшой о. Матмай (Мацумаэ – топоним о. Хоккайдо), далее виден выступ северной части действительного о. Хоккайдо, обозначенный как «Нифон» (т.е. Япония). О-ва Шикотан и Хабомаи на карте отсутствуют.

[468] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 46.

[469] Ibid. – P. 46 – 47. На карте, озаглавленной «Пути Шпанберга и Вальтона 1738-39 годов» и сделанной «с копий подлинных карт», можно отыскать о. Цыдронный (о. Итуруп или, по данным иных исследований, один из о-вов Хабомаи, см.: Черевко К.Е. Являются ли южно-курильские острова .... – С. 143), о. Кунашир (о. Коносиръ), о. Зеленый (самый крупный из о-вов Хабомаи), о. Фигурный (по всей вероятности, о. Шикотан – там же), и о. Три сестры (скорее всего, один из о-вов Хабомаи). См. также: Плотников А.Ю. Курилы – исконно русская земля // Азия и Африка сегодня. – 1994. – № 10 (447). – С. 4.

В 1754 г. состоялась первая задокументированная высадка японцев на южно-курильские острова[470]. Купец Х. Кюубей открыл «округ» в Томари (нынешнее Головнино), на крайнем юге о. Кунашира. Эта высадка не была первой фактически – японцы, служившие переводчиками и проводниками и для российских исследователей, очевидно, уже бывали на островах.

В 1766 г. на южные Курильские острова прибыл отряд И. Черных, Н. Чикина Н. и П. Чупрова с поручением уточнить данные о жителях островов и убедить их перейти в российское подданство. Летом 1767 г. в российское подданство приняты айны о. Итуруп[471]. Дж. Стефан признает, что к «1770 г. русские побывали практически на каждом острове Курильской гряды, тем самым осуществив практически в одиночку предварительное исследование гряды»[472].

24 июня 1775 г. по указанию М.К. Бема[473] для заключения торгового соглашения с Японией, исследования пригодности островов для земледелия и заселения, строительства форта и мирного приведения айнов в российское подданство на южно-курильские острова была направлена экспедиция купцов П.С. Лебедева-Ласточкина и Г.И. Шелехова под предводительством И. Антипина. Судно потерпело крушение на о. Уруп. В 1777 г. до о. Уруп добралось новое судно, с которым И. Антипин в 1778 г. отправился на о. Кунашир, где привел 1 500 айнов в российское подданство и собрал с них и айнов о. Итуруп ясак[474].

В 1779 г. был принят Указ Екатерины II Сенату «О не взимании никаких податей с приведенных в подданство Курильцев»[475]. В справке МИД РФ отмечается, что «несмотря на это распоряжение правительства, ясак с айнов продолжали взимать даже в XIX веке»[476].

В 1785 – 1792 гг. о. Кунашир посетил японский картограф при сёгунской миссии Т. Могами, с целью исследования масштаба русских поселений. Несмотря на высадку на о. Итуруп (чтобы почтить память о соотечественниках, попавших в крушение в 1756 г.) и на о. Уруп, ему не удалось обследовать всю гряду. Он обнаружил русских на о-вах Кунашир, Итуруп и Уруп в 1785 – 1786 гг., но, возвратившись на о-ва Итуруп и Уруп в 1792 г., нашел, что они

---

[470] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 54.

[471] Черевко К.Е. Являются ли южно-курильские острова .... – С. 147.

[472] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 50.

[473] Черевко К.Е. Являются ли южно-курильские острова .... – С. 150. Из инструкции иркутского губернатора генерала-поручика А.И. Бриля главному командиру Камчатки премьер-майору М.К. Бему, 28 ноября 1772 г. // Русские Курилы .... – С. 51.

[474] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 61 – 62.

[475] Ibid. – P. 63. Текст указа: Именной, объявленный Сенату указ «О невзимании никаких податей с приведенных в подданство Курильцев» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 20. № 14867, 30 апреля 1779 г.

[476] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 49; Курильские острова. Их открытие и присоединение к России (1711 – 1778 гг.): информационно-справочные материалы. URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravocnye-materialy/-/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/kuril-skie-ostrova-ih-otkrytie-i-prisoedinenie-k-rossii-1711-1778-gg-?inheritRedirect=false (дата обращения: 07.11.2017).

покинули острова. Японские исследователи не достигали севера архипелага до последней четверти XIX века[477]. Х. Кимура пишет в связи с этими событиями, впрочем, что составленная им карта намного превосходила все существующие[478].

В 1789 – 1791 гг. Ш. Хаяси из клана Сендай предложил захватить Землю Эдзо прежде России, однако Х. Кимура, упоминающий этот факт, не указывает отношения к такому заявлению центрального правительства Японии. По всей вероятности, так как в 1786 г. правительство Японии обратилось к внутренним делам, на время утратив интерес к северным территориям, и экспедиции в Эдзо были отменены, это заявление не имело последствий[479].

В 1795 г. под предводительством В. Звездочетова была основана русская колония «Славороссия» на о. Уруп, которая просуществовала до смерти своего основателя в 1805 г. В мае 1806 г. японские разведчики доложили, что о. Уруп был необитаем[480].

В 1798 г. в Эдзо по приказу сёгуната была направлена экспедиция для тщательного изучения географии, ресурсов и населения островов[481]. Японцы снесли поставленные русскими кресты и установили флаг на о. Итуруп с надписью, что остров принадлежит Японии. Сёгунат поместил половину Эдзо (вместе с о-вами Кунашир и Итуруп) под временное прямое управление в 1799 г.; впоследствии было установлено регулярное морское сообщение с Японией, айны стали получать «субсидии» от японцев (одежду, провизию и металлическую утварь), и территория о. Итуруп была поделена на 25 поселений с назначенным японцами головой-айном в каждом[482]. В 1801 г. посланник из Японии, отправленный на о. Уруп с требованием русским колонистам покинуть территорию, не встретив сопротивления, установил таблички о японском владении по всему острову; центральные власти постановили совершать ежегодные визиты на остров для поддержания этого владения[483].

В 1799 г. был издан Указ Павла I о предоставлении привилегий Российско-американской компании, где подчеркивалось, что Курильские острова принадлежат России «по праву открытия»[484]. В это же время мимо островов проходило судно английского первооткрывателя

---

[477] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 66 – 67.

[478] Kimura H. Op. cit. – P. 6.

[479] Ibid. – P. 13.

[480] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 64.

[481] Ibid. – P. 68 – 71.

[482] Ibid. Указывается также, что в течение трех лет население айну выросло с 700 до 1 200 человек и их уровень в жизни благодаря японским преобразованиям повысился.

[483] Ibid. – P. 72. К 1806 г. ввиду массовой миграции айну с о. Уруп на о. Итуруп, японские разведчики нашли первый практически необитаемым.

[484] Именной, данный Сенату указ «О именовании компании, составившейся для промыслов и торговли по Северо-Восточному морю промыслов и торговли Российско-Американскою компаниею. — С приложением

Дж. Кинга, который «остался под впечатлением, что южные Курилы не принадлежали ни России, ни Японии»[485]. Английские и американские суда привлек в этот район китобойный промысел, вынудивший Россию изыскать меры для укрепления обороны островов, что привело к строительству форта на о. Шумшу в 1812 г.[486].

Взаимное недоверие, существовавшее между Россией и Японией из-за недостатка сведений о политике друг друга, едва не переросло в открытую вражду в результате не санкционированных правительством в Санкт-Петербурге жестоких «набегов» Н. Резанова (директора Российско-американской компании) и его подчиненных лейтенантов Н. Хвостова и Г. Давыдова на о. Итуруп и Сахалин в 1805 – 1807 гг.[487]. Для защиты от этой угрозы, в 1806 – 1807 гг. на о-ва Кунашир и Итуруп высадилось около 1 000 японских солдат[488].

В 1805 же г. состоялось плавание И.Ф. Крузенштерна, который нанес на карту северные и центральные острова цепочки; за этим последовала экспедиция капитана В.М. Головнина в 1811 г., направленная на изучение всей гряды[489]. В результате настороженности, вызванной вылазками И. Хвостова, прибывшие на о. Кунашир В.М. Головнин и его восемь компаньонов были схвачены и отправлены на допрос в Японию, где провели в заключении два года. Инцидент удалось урегулировать лишь в 1813 г., когда пленники были обменяны на японского подданного Т. Кахея, а письмами губернатора Иркутска и коменданта Охотска в адрес правителя Мацумаэ были принесены официальные извинения за самоуправные действия И. Хвостова. Но важнее всего, пожалуй, что во втором письме губернатора Иркутска впервые предлагалось *провести четкую границу между Россией и Японией на Курильских островах*. В качестве прецедента он предлагал обратиться к примеру русско-китайского Кяхтинского договора 1727 г., урегулировавшего целый комплекс проблем, от закрепления установленной

правил, привилегий и акта оной компании» от 8 июля 1799 г. // Полное собрание Законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 25. № 19030, п. 1 («Учреждаемой компании для промыслов на… островах Алеутских и Курильских... по праву открытия России принадлежащих...»); Содержание привилегий для учреждаемой компании, п. 1 («По открытию из давних времен Российскими мореплавателями... и гряд островов, простирающихся от Камчатки на Север к Америке, а на Юг к Японии, и по праву обладания оных Россиею, пользоваться компании всеми промыслами и заведениями... також на островах... Курильских...»); п. 2 («Делать ей новыя открытия... и занимать открываемыя ей земли в Российское владение на прежде предписанных правилах, если оныя никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость».

[485] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 83.

[486] Ibid. – P. 83.

[487] Дж. Стефан указывает, что большинство японских и российских дореволюционных исследователей признают оппортунистический характер этих инцидентов (хотя их причинители считали, что «освобождают» территории от японского гнета) и высказывают сожаление в связи с тем, что они ухудшили отношения между двумя странами. Эта оценка кардинально изменилась в работах советских историков (либо же упоминания об этих событиях исчезли вовсе) (Ibid. – P. 73 – 77).

[488] Ibid. – P. 77.

[489] Ibid. – P. 77 – 78.

предшествующим Буринским трактатом 1727 г. границы по р. Кяхте, до вопросов беспошлинной торговли, открытия Русской духовной миссии в Пекине и разрешения пограничных споров[490]. Из письма подразумевалось признание за Японией принадлежности о-вов Кунашир и Итуруп (осенью 1813 г. В.М. Головнин сообщил губернатору Иркутска, что этой уступки потребует установление торговых связей с Японией). В ответном японском предложении говорилось также об оставлении за Россией островов к северу, при сохранении центральных островов незанятыми в виде «буферной» зоны. Поскольку обеим сторонам необходимо было сперва проконсультироваться со своими соответствующими правительствами, было решено обменяться предложениями в следующем, 1814 г. на о. Итуруп.

К сожалению, в назначенное время русское и японское суда разминулись, и, как пишет Дж. Стефан, каждая сторона «решила, что другая утратила интерес в дальнейших контактах»[491]. Отчасти это верно, поскольку Российская империя была вынуждена обратить все внимание к Европе, Османской империи и Персии, а Япония, не видя в этом выгод, передала управление «басё» на о-вах Кунашир и Итуруп частным купцам; из-за внутренних перестановок, сёгунат прекратил управление Эдзо, восстановив власть над этим регионом лорду Мацумаэ.

В 1821 г. Александр I издал указы о предоставлении Российско-американской компании монополии в Северо-Тихоокеанском регионе и запрете иностранным судам приближаться к берегам и островам под российской защитой[492], которые, впрочем, в сочетании с упомянутой перепиской в 1813 – 1814 гг., исключали южно-курильские острова. Вместе с тем, в 1820-е годы усилилась хозяйственная деятельность на Курильских островах (как на суше, так и более прибыльная – на море) и окультуривание айнов. В 1828 и 1830 гг. Российско-американской компанией были основаны две колонии алеутов на северных о-вах Уруп и Шемурши.

---

[490] 1727 г. октября 21. – Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем // Русско-китайские договорно-правовые акты (1689 – 1916). – М., 2004. – С. 41-47.

[491] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 81 – 82.

[492] Именной, данный Сенату указ «О возобновлении привилегии Российской Американской Компании, и о утверждении составленных для оной новых правил» от 13 сентября 1821 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 37. № 28756. «Привилегии, даруемые впредь от сего времени на 20 лет Российской Американской Компании», п. 1 («Учрежденной Компании для промыслов... на островах Алеутских и Курильских»), п. 2 («Пользоваться на принадлежащих из давних времен России... а равно и на тех из Курильских [островов], где Компания имела промыслы, до Южного мыса острова Урупа под 45°50’ всеми промыслами звериными и рыболовными, исключительно от всех прочих Российских и иностранных подданных»), п. 4 («Делать новые открытия вне пределов, выше сего означенных, и сии вновь открываемые места, если оныя никакими другими Европейскими нациями или подданными Американских Соединенных Штатов не были заняты и не вступили в их зависимость, позволяется Компании занимать в Российское владение; но не заводить в оных постоянных заселений иначе, как с Высочайшаго на то соизволения»); Правила Российской Американской Компании, раздел «Об островитянах», п. 43 («Народы сии почитаются Правительством на равне со всеми другими Российскими подданными»), п. 44 («В сем звании Российскаго подданнаго подвергаются они повиновению общим государственным законам и пользуются покровительством оных»), п. 45 («По уважению неустроенного их еще состояния, Правительство не требует от них ни налога, ни ясака и никаких повинностей»).

Планы по установлению границы продолжились с плаванием Е.В. Путятина в 1853 – 1855 гг., который направился в Японию с целями установить дипломатические отношения, регулярную торговлю и урегулировать пограничный вопрос на Сахалине и Курилах. Исходная позиция Е. Путятина в 1854 г. состояла в том, что все Курильские острова (включая о-ва Кунашир и Итуруп) принадлежали России; К. Тосиакира с японской стороны заявил об их принадлежности Японии. Когда же Е. Путятин пошел на уступку и предположил, что о. Итуруп останется за Россией, поскольку проживающие на нем айны являются подданными царя, как и северные Курилы, на которых русские жили более 100 лет, но что Японии может быть передан о. Кунашир, японская сторона отвечала, что в течение 1 000 лет острова принадлежали Японии. Среди самих японцев единой позиции не было: предлагалось и стоять на суверенитете над всей грядой, и передать России о. Шимушир и все острова к северу от него, и даже прибегнуть к захвату территорий силой, если дипломатические усилия не увенчаются успехом. К следующему визиту российская позиция была ослаблена Крымской войной. Подписанный 7 февраля 1855 г. Симодский трактат установил границу между о-вами Итуруп и Уруп[493].

До заключения в 1875 г. Санкт-Петербургского трактата обе части гряды – северная и южная, вели раздельное существование. В 1854 г. в Японии было восстановлено прямое управление южно-курильских островов из центра, и в 1855 г. на о-вах Кунашир и Итуруп были установлены японские гарнизоны, отозванные лишь в 1868 г. из-за борьбы за власть внутри Японии. В конце 1869 г. острова были объединены в округ «Тисима», и в 1871 г. вместе с о-вами Хабомаи помещены под управление министерства по делам колоний Хоккайдо. На островах сохранялась система «басё»[494].

К заключению нового договора Россию и Японию подтолкнуло не удовлетворявшее ни одну из сторон совместное владение о. Сахалином. Япония заявляла о своих исторических правах в обращениях к правительству в Санкт-Петербурге в 1862 и 1867 гг., а в 1869 – 1870 гг. даже предлагала провести арбитраж с США в качестве арбитра, или выкупить права на остров. На фоне стремления приобрести Сахалин, Курильские острова для каждой из сторон представляли собой предмет для дипломатического торга: в 1866 г. российская сторона предлагала обменять на японский отказ от о. Сахалина о. Уруп и три прилежащих к нему острова, Япония была готова отдать о. Итуруп и половину о. Кунашир[495]. Внутренние беспорядки в Японии вынудили ее правительство согласиться на уступку Сахалина. 7 мая 1875 г. Адмирал Э. Буё и князь А.М. Горчаковым подписали Санкт-Петербургский трактат,

---

[493] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 86 – 88.

[494] Ibid. – P. 90 – 91.

[495] Ibid. – P. 91 – 95.

передававший 18 островов от о. Уруп до о. Шумшу Японии в обмен на Сахалин. 22 августа были подписаны дополнительные статьи о статусе русских жителей Курильских островов и о. Сахалин – им предоставлялась возможность остаться без ущерба для их имущественных и религиозных свобод; «туземные» жители должны были в течение трех лет избрать, в чье подданство перейти, – вступление в российское означало, что они обязаны покинуть Курилы. В Японии договор подвергся критике как крайне невыгодный и несправедливый (учитывая несравненно большее значение о. Сахалин); российские дореволюционные авторы признали его «практическим решением, ознаменовавшим начало двух десятилетий добрососедских отношений», хотя оценка изменилась на отрицательную в советский период[496]. Курильские острова перешли во владение Японии на следующие семьдесят лет (с 1875 г. по 1945 г.)[497].

Для анализа *effectivités* Японии на островах важно понимать японскую оценку их положения и значимости. В целом ее можно охарактеризовать как безразличие – учитывая огромный экономический потенциал гряды (особенно в части рыболовной промышленности), действий в ее отношение совершалось мало. До 1945 г., пишет Дж. Стефан, о-ва Кунашир и Итуруп не рассматривались как колониальные владения, поскольку никого, кроме японцев на них никогда не было[498]. Управлялись они как часть Хоккайдо – в 1869 г. был создан округ «Тисима» и до 1871 г. им управляли несколько «даймё», после чего в 1871 – 1882 гг. южные и, после Санкт-Петербургского трактата, все Курильские острова вошли в область компетенции министерства по делам колоний Хоккайдо. В 1882 – 1886 гг. острова стали частью провинции Немуро, а после объединения Хоккайдо в 1886 г. (что отчасти было заслугой министра К. Кентаро, призывавшего правительство направить на о-ва Кунашир и Итуруп солдат из крестьянского сословия для освоения ресурсов и обороны подступов к о. Хоккайдо, учредить регулярное снабжение колонистов припасами и сформировать постоянный курильский эскадрон, чтобы следить за действиями России и составить карту гряды) перешли под юрисдикцию Ведомства Немуро, составив 8 из 13 округов Немуро. Что касается населения, то в 1875 г. на о-вах Кунашир и Итуруп проживало около 800 айнов[499]; в рыболовный сезон на острова также прибывали японские рыболовы, купцы и чиновники. Летом 1884 г. Япония предприняла попытку принудительного переселения северных Курильских айнов на юг, встретившую серьезное сопротивление и окончившуюся плачевно. Попытки колонизировать

---

[496] Ibid.

[497] Ibid. – P. 2.

[498] Ibid. – P. 96.

[499] Кроме того, на Северных островах айны уже около столетия жили в российском подданстве и по русским обычаям (Ibid. – P. 105).

север гряды в 1889 – 1892 гг. разбивались о безразличие центральных властей и их нежелание предоставить помощь. В 1900 г. о. Шикотан стал заселяться японцами, и к 1930 г. их число превысило число проживавших на нем айнов[500].

При этом стратегическое значение Курильских островов не было упущено из внимания русскими военными – в 1886 – 1887 и 1895 – 1896 гг. под руководством адмирала С.О. Макарова были тщательно изучены все проливы и течения в районе островов и Камчатки[501].

§ 2.2.2. От Русско-японской войны 1904-1905 гг. до заключения мирного договора Японии с США и другими Союзными державами в 1951 г.

Русско-японская война 1904-1905 г. не затронула вопрос о суверенитете над южно-курильскими островами; в период до 1945 г. они продолжали находиться под суверенитетом Японии в соответствии с Санкт-Петербургским трактатом 1875 г. Портсмутский мирный договор 1905 г. и соглашения, заключенные после установления дипломатических отношений между Японией и новым государством – СССР, не изменили эту фактическую ситуацию. Стратегический потенциал Курильских островов Япония осознала не сразу – только в 1912 г. было проведено топографическое исследование островов, а регулярные войска были направлены лишь в 1940 г.[502]. В соответствии с Вашингтонским морским соглашением от 1921 г. Япония обязалась не возводить никаких военных установок на гряде[503]. Дж. Стефан указывает, что хотя в 1934 г. Япония публично денонсировала это положение, на Курильских островах она соблюдала его ввиду своей незаинтересованности еще в течение 18 лет[504]. Однако в период Второй мировой войны острова стали главными стратегическими постами для нападений на Гавайи и Алеуты и первой линией обороны против США; точно так же их рассматривали и США, которые, тем не менее, по ряду причин приняли решение подойти к Японии с юга, а не с севера[505]. При этом решение США зависело от ожиданий и оценки вероятности содействия СССР. План по захвату Курильской гряды для отвлечения Японии был вновь «поднят» перед Ялтинской конференцией в 1945 г., но «северную стратегию» вновь

---

[500] Ibid. – P. 109. См. также: Ibid. – P. 108, где отмечается, что айну о. Шикотан долго держались русских обычаев и языка (диалекта русского).

[501] Ibid. – P. 129.

[502] Ibid. – P. 128 – 129; Kimura H. Op. cit. – P. 31.

[503] Stephan J.J. Op. cit. – 128 – 129. См. также: Conference on the Limitation of Armament, Washington, November 12, 1921 – February 6, 1922, Treaty Between the United States of America, the British Empire, France, Italy, and Japan, Signed at Washington, February 6, 1922, Art. XIX(3) // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1922. Vol. 1. – P. 247 – 266.

[504] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 129, 133.

[505] Ibid. – P. 132 – 133, 135 – 137, 138 – 140, 147 – 149. Так, бухта Хитокаппу на о. Итуруп послужила идеальным местом для секретного сбора японских военноморских сил для атаки на Пёрл Харбор, хотя основные укрепления и приготовления осуществлялись на северных Курильских островах.

сочли излишне ресурсозатратной. Впрочем, поскольку Ялтинское соглашение оставалось засекреченным до 1946 г., некоторые американские ведомства по неведению продолжали планировать способы пользования Курильскими островами после войны[506].

Несмотря на японский суверенитет, СССР возобновил свои притязания на Курильские острова уже к заключению Пакта о нейтралитете с Японией, заключенного 13 апреля 1941 г. – В.М. Молотов потребовал возвращения островов в качестве условия для заключения Пакта[507]. Однако Япония на тот момент могла позволить себе отказаться от этого требования[508]. На момент заключения Пакта о нейтралитете, СССР было известно о том, что Япония заключила Тройственный пакт с Германией от 27 сентября 1940 г.[509].

На конференции союзников в Тегеране в 1943 г. И.В. Сталин выразил одобрение Каирской декларации, предусматривавшей отторжение у Японии насильственно захваченных территорий, – но, по-видимому, имея в виду южный Сахалин[510]. Президент США Ф.Д. Рузвельт на конференцию прибыл неподготовленным, полагая, что Курилы были переданы Японии в 1905 г. после Русско-японской войны. Руководитель СССР высказал ему пожелание о том, что южный Сахалин и Курильские острова должны быть «возвращены» СССР, дважды впоследствии повторив его в 1944 г.: американскому генералу Дж. Дину в Москве и уполномоченному Президента США, А. Харриману.

Следующая конференция в Ялте в 1945 г. привела к заключению соглашения, удовлетворявшего пожелание советского руководства. Соглашение по Дальнему Востоку было заключено в условиях секретности, похоже, ввиду предупреждения с советской стороны о том, что в противном случае атаки на Камчатку и морской регион со стороны Японии было не избежать[511]. По-видимому, и к этой конференции руководство США было не готово: хотя для Президента Ф.Д. Рузвельта к конференции был подготовлен меморандумы и относительно Курильских островов[512], он не был включен в американские материалы к конференции и,

---

[506] Ibid. – P. 150 – 151.

[507] Существует несколько точек зрения относительно того, какие Курильские острова имел в виду В.М. Молотов – все или только северные, уступленные по Санкт-Петербургскому трактату 1875 г. Ближе к заключению Пакта, В.М. Молотов в разговоре И. Мацуокой в ответ на японское предложение о продаже северной части Сахалина заявил, что «более правильно было бы поставить вопрос о покупке у Японии... и некоторой группы Северных Курильских островов» (Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – М.: Вече, 2003. – С. 208-210, 221). См. также Kimura H. Op. cit. – P. 39 – 40.

[508] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 152.

[509] Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – С. 219.

[510] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 152 – 153.

[511] Ibid. – P. 154.

[512] Ibid. Меморандум по Курильским о-вам был составлен политологом Дж.Г. Блейксли и содержал подробное описание географии, истории, экономики Курильских островов, краткие изложения советской и японской позиций, а также следующие рекомендации: (1) оставить южно-курильские острова за Японией по

возможно, так и не был доведен до сведения Президента, оставшегося под впечатлением, что Япония захватила Курильские острова в 1905 г.[513]. Решение о включении положения о территориальной уступке в Ялтинское соглашение, заключенное 11 февраля, было принято Ф.Д. Рузвельтом всего за 15 минут[514]. Впоследствии, в 1946 г., госсекретарь США Дж.Ф. Бирнс и В.М. Молотов договорились о невмешательстве двух стран в определение правового статуса их новых тихоокеанских приобретений и о том, что США поддержат на конференции по мирному договору положения Ялтинского соглашения, а СССР, со своей стороны, не будет возражать в Совете Безопасности ООН против назначения подмандатных островов Японии подопечными территориями США[515]. При этом, не зная о соглашении союзников в Ялте, Япония и сама рассматривала передачу центральных и северных Курильских островов – однако, не южных – СССР в обмен на сохранение нейтралитета[516].

8 августа 1945 г. СССР сделал заявление об объявлении войны Японии и присоединении к Потсдамской декларации 1945 г., и уже 15 августа, когда Япония признала условия Потсдамской декларации, генерал М.А. Пуркаев отдал приказ занять архипелаг до о. Уруп в течение 10 дней (южно-курильскими островами должен был заняться Тихоокеанский флот). Не обошлось без недоразумений: услышав передаваемый по радио ночью 14 августа текст о капитуляции, генерал-майор Ф. Цуцуми на о-вах Шумшу и Парамушир решил упорядоченно сдаться американским войскам, прибытия которых ожидал, но советская артиллерия открыла по японцам огонь; получив туманные инструкции от вышестоящего начальства, японские солдаты были вынуждены защищаться – бои 18 и 19 августа унесли жизни около 2 000 высадившихся на берег советских солдат. 21 и 23 августа удалось достичь соглашения о прекращении огня. К 2 – 4 сентября советские войска заняли все Курильские острова, включая о-ва Хабомаи (о. Итуруп был занят 29 августа, о-ва Кунашир и Шикотан – 1 сентября)[517]. Изначально для получения контроля над населением островов (в том числе южно-курильских) советские власти пытались действовать через японских государственных служащих, но эти

экономическим и историческим причинам; (2) поместить центральные и северные острова под международную опеку под руководством СССР; (3) предоставить Японии права на рыбный промысел на северных островах.

[513] Дж. Стефан предполагает, что причиной этого согласия могло быть и стремление путем уступок избежать более серьезных притязаний СССР на территории в Китае (Ibid. – P. 155).

[514] Ibid. – P. 6.

[515] Ibid. – P. 156.

[516] Ibid., особ.: fn 47; Fraser R.J. Jr. The Kuril Islands Dispute: an Obstacle in Russo-Japanese Relations, 1993 [Electronic source] (Theses and Major Papers, Paper 371), P. 21 – 22 URL: http://digitalcommons.uri.edu/ma_etds/371/ (дата обращения: 07.11.2017).

[517] Ibid. – P. 165 – 166.

попытки быстро сошли на нет[518]. 2 сентября 1945 г. И.В. Сталин обратился к народу с торжественной речью, сославшись, помимо прочего, на «свой особый счет [СССР] с Японией» (имея в виду «агрессию», которую «Япония начала еще в 1904 г. во время русско-японской войны»), а в отношении Курильских островах заявив, что победа над Японией «означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу»[519].

Вскоре после занятия островов СССР начали раздаваться первые японские требования о возврате «Северных территорий». Принимая условия капитуляции 14 августа, руководство Японии ожидало отторжения от страны территорий, завоеванных или присоединенных с 1895 г. Однако же, пишет Дж. Стефан, неясно, включали ли такие ожидания Курильские острова – учитывая упомянутую выше готовность сдать их СССР в обмен на ненападение[520]. После принятия 29 января 1946 г. Меморандума Главнокомандующего Союзных держав № 677, ограничившего территорию Японии четырьмя основными островами и лишившего ее управления всеми Курильскими островами, и отдельно – о-вами Хабомаи и Шикотаном, 30 000 жителей Хоккайдо подали петицию через мэра Немуро генералу Д. МакАртуру[521]. Петиция касалась возврата всех Курильских островов, однако последующие попытки и притязания сосредоточились на южно-курильских островах (как имеющих существенное японское население)[522]. В 1946 г. Собрание префектуры Хоккайдо приняло первую из многочисленных резолюций о возврате «Северных территорий». Через три года, 22 декабря 1949 г., был принят первый документ Правительства Японии, отрицавший правомерность Ялтинского соглашения (и, соответственно, занятия СССР южно-курильских островов и южного Сахалина)[523]. В начале 1950 г. эта позиция была подтверждена С. Йосидой, Премьер-министром Японии – что, впрочем, не помешало ему согласиться на включение в Сан-Францисский мирный договор 1951 г. положения об отторжении «Курильских островов» от Японии. При этом, на конференции по заключению мирного договора или непосредственно после нее С. Йосида не делал появившегося впоследствии различия между южно-курильскими островами и «Курильскими островами» по смыслу договора[524].

---

[518] Ibid. – P. 167.

[519] Русские Курилы .... – С. 137 – 140.

[520] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 198.

[521] Другие источники указывают дату 1 декабря 1945 г. Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 27.

[522] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 198 – 199.

[523] Ibid.

[524] Ibid. – P. 200.

20 сентября 1945 г. Курильские острова были объявлены советской территорией[525]. Японские инженеры были привлечены к восстановлению разрушенных американскими бомбами Курильских консервных заводов, но постепенно репатриированы, когда потребность в их труде исчезла[526]. В конце октября на острова начали прибывать первые советские поселенцы. 1 марта 1946 г. в качестве валюты японскую иену заменил рубль. 2 января 1947 г. была образована Сахалинская область. Наконец, 25 февраля 1947 г. в Конституцию СССР была внесена поправка для включения территорий в состав страны[527].

СССР отказался от участия в Сан-Францисской конференции по заключению мирного договора с Японией. 2 сентября 1951 г. А.А. Громыко, как делегат от СССР, назвал среди причин вопросы отчуждения территории в пользу СССР и статус предшествующих соглашений, включая Ялтинское соглашение 1945 г.[528].

С 1914 г. рыболовная промышленность на Северных Курилах расцветала. Предоставление Японии по Портсмутскому мирному договору рыболовных привилегий на берегах Камчатки привело к расширению этой промышленности; в 1919 – 1924 гг. была создана корпорация «Нисиро Фишинг Компани, Лтд.», монополизировавшая рыболовство на Курилах и Камчатке. В 1925 г. после установления между СССР и Японией дипломатических отношений и подписания в 1928 г. Конвенции о рыболовстве ее права были несколько ограничены, и СССР ввел надзор, визовые требования для иностранных работников и требования к объемам вылова. Жизнь на южно-курильских островах, вместе с тем, была гораздо спокойнее. О-ва Кунашир, Шикотан и Хабомаи снабжали Японию около 80% от общего объема потребляемой морской капусты. Поселенцы также занимались сельским хозяйством, коневодством и разведением лис, лесоводством, добычей серы. На островах были и врачи, священники, полицейские. С 1916 г. центральные Курилы входили в ведение Министерства сельского хозяйства и лесоводства Японии. О-ва Шикотан и Хабомаи составляли часть округа Ханасаки провинции Немуро, но не рассматривались как часть Курил. К 1939 г. население возросло до 18 000 человек после заселения японцами (80% проживали на о-вах Кунашир и Итуруп). Кроме того, в 1920-е и 1930-е гг. на северных о-вах Парамушир и Шумшу открылись консервные фабрики, что также привлекло туда около 20 – 30 тысяч сезонных рабочих. Что касается айнов, то в 1945 г. советские войска обнаружили всего троих представителей этой народности на всей Курильской

---

[525] Ibid. – P. 169.

[526] Ibid. – P. 168 – 169.

[527] Ibid. – P. 169.

[528] Lee. S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 36.

гряде: двоих на о. Итуруп и одного на о. Парамушир, что свидетельствовало о катастрофических последствиях политики по переселению и японизации айнов[529].

§ 2.2.3. Российско-японские отношения в период с 1951 по 1956 гг.

В период между 1951 г. и советско-японскими переговорами по заключению мирного договора, которые должны были состояться в Лондоне в 1955 г., внутри Японии начало проявляться разделение мнений относительно того, требовать ли возвращения вместе с о-вами Шикотан и Хабомаи также о-вов Кунашир и Итуруп. Это наблюдалось даже на близком к островам о. Хоккайдо[530]. В 1956 г. была заключена Совместная советско-японская декларация, обусловившая передачу Японии о-вов Шикотан и Хабомаи заключением мирного договора. Дж. Стефан приводит исторические сведения о процессе ее заключения и притязаниях, которые заявлялись в ходе переговоров в Лондоне[531]. Премьер-министр Японии И. Хатояма 5 июня 1955 г. объявил, что Япония будет требовать возврата южного Сахалина и всех Курильских островов. Вместе с тем, представителю Японии на переговорах было наказано согласиться на возврат о-вов Шикотан и Хабомаи, если это позволит добиться общего урегулирования, при этом «о южных Курилах должно было заявляться как о исторически японских [территориях], но их возврат не считался существенным для мирного договора»[532]. Когда советская сторона внезапно согласилась на такую позицию, 30 августа 1955 г. представитель Японии изменил свое требование, включив в него все южно-курильские острова и потребовав также предусмотреть передачу вопроса о северных островах на рассмотрение отдельной международной конференции[533]. Дж. Стефан объясняет эту внезапную смену позиции поддержкой, которую оказали Японии США и которая отразилась в американском меморандуме от 7 сентября об отказе от обязательств по Ялтинскому соглашению и признании притязаний Японии[534]. Новая позиция Японии не нашла понимания у советской стороны или отражения в официальном тексте декларации. В 1952 и 1954 гг. в воздушном пространстве над

---

[529] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 110.

[530] Ibid. – P. 209.

[531] Ibid. – P. 200 – 203.

[532] Ibid. – P. 201.

[533] Mormanne T. Op. cit. – P. 14.

[534] Там же. 23 августа 1956 г. Государственный секретарь Дж. Ф. Даллес предупредил Министра иностранных дел Японии М. Сигемицу о том, что «если Япония признает Кунашир и Итуруп советской территорией, Соединенные Штаты попросят ее подтвердить, что Окинава является американской территорией» (Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 219; Куртов А.А. Указ. соч. – С. 182).

Курилами было сбито два американских самолета; в результате обоих инцидентов США сделали заявления о принадлежности о-вов Шикотан и Хабомаи Японии[535].

Что касается позиции США, то 4 сентября 1945 г. Государственный секретарь США Дж.Ф. Бирнс отверг какое-либо обязательство США по поддержке советских территориальных приобретений, однако на тот момент ни Государственный департамент США, ни Верховный главнокомандующий Союзных держав не заявили возражений против занятия территорий советскими войсками[536]. В американском меморандуме от 14 октября 1947 г. о мирном договоре с Японией, однако, граница была проведена между о-вами Итуруп и Уруп; данный меморандум получил принципиальное одобрение Государственного секретаря Дж.К. Маршалла, но не лег в основу проекта Сан-Францисского мирного договора 1951 г.[537]. В сентябре 1950 г. Президент Г. Трумэн разослал членам Комиссии по Дальнему Востоку меморандум о том, что судьба Курильских островов должна решаться Великобританией, СССР, Китаем и США[538]. На конференции по мирному договору США не поддерживали японские требования, но и не признавали советские[539]. В 1951 г. специальный уполномоченный представитель США в Японии оспорил занятие СССР о-вов Шикотан и Хабомаи на том основании, что они не были частью Курильской гряды, но в речи в марте того же г. указал, что судьба советских притязаний на острова зависит от участия СССР в конференции по мирному договору[540]. Американская позиция за указанный период не была последовательной: так, в 1957 г. план разоружения Арктики, предложенный США, включал Курильские острова в состав СССР, а когда американский самолет осуществил вынужденную посадку на о. Итуруп, США принесли извинения СССР за вторжение на советскую территорию[541].

За этот период также следует рассмотреть действия СССР по отношению к занятым в 1945 г. островам, помимо административного включения их в Сахалинскую область[542]. К 1970-м годам в районном центре южно-курильске (о. Кунашир) постоянно проживало 3 900 человек, в Курильске (о. Итуруп) – 1 600 человек, не считая сезонных рабочих; на о-вах Кунашир, Шикотан и Хабомаи находились посты пограничников, а на о-вах Итурупе и Кунашире были

---

[535] Ibid. – P. 187, 219.

[536] Ibid. – P. 216.

[537] Ibid. – P. 217.

[538] Причем СССР и Индия подвергли данный документ критике за отсутствие положения о недвусмысленной передаче островов СССР (Ibid.).

[539] Ibid.

[540] Ibid. – P. 218.

[541] Оба казуса вызвали протест со стороны японских СМИ и правительства (Ibid. – P. 220).

[542] Здесь и далее – Ibid. – P. 171 – 194.

расквартированы (по-видимому, немногочисленные) военные части и построены морские и воздушно-военные базы. В 1946 г. комиссия из Владивостока провела оценку хозяйственного потенциала островов, приняв рекомендации, которым в целом следовало экономическое освоение островов до 1970-х гг., с акцентом на рыболовную промышленность. О. Итуруп стал местом нахождения крупнейшего на 1970-е гг. завода по разведению лососевых и производству икры в мире. На о. Шикотан были построены крабоконсервные заводы. На о-вах Кунашир и Итуруп также велась разработка месторождений серы. Вместе с тем, в течение данного периода произошло ухудшение состояния имеющихся объектов инфраструктуры (в первую очередь, дорог). На о. Кунашир была возведена геотермальная электростанция.

§ 2.2.4. История российско-японского территориального спора с 1956 г. по н.в.

История после 1956 г. представляет собой то сближение, то отдаление СССР (а потом и России) и Японии, признание и непризнание существование спора, ссылки на положения Совместной декларации и отказ от них. С 1955 г. и официально с 1961 г. Япония настаивает на том, что о-ва Шикотан и Хабомаи должны быть переданы ей по Совместной декларации и вместе с о-вами Кунашир и Итуруп не входят в понятие «Курильских островов» по Сан-Францисскому договору[543]. Советская сторона в 1960 г. ввиду заключения нового японско-американского соглашения о безопасности отступила от итогов переговоров 1955 – 1956 гг., требуя, чтобы из Японии были отозваны американские войска – только тогда может зайти речь о выполнении положений декларации[544].

В ноябре 1961 г. между Н.С. Хрущевым и Премьер-министром Японии И. Хаято состоялся обмен письмами, в которых стороны изложили свои позиции по вопросу о суверенитете над южно-курильскими островами. Интересно, как эти позиции проявлялись в практическом плане – так, привлекает к себе внимание случай разбирательства в японском суде Кусиро дела о применении японского права в советских территориальных водах, где рыбачила японская лодка (у о. Кунашир), вокруг островов, на которые Япония заявляет притязания. Суд первой инстанции постановил, что японское право не применялось, но решение было отменено Высоким судом Саппоро 1 октября 1970 г., который поддержал и Верховный суд[545].

10 октября 1973 г. А.Н. Косыгин со стороны СССР и К. Танака со стороны Японии (а также министры иностранных дел двух стран – А.А. Громыко и М. Охира) подписали Совместное советско-японское заявление о визите премьер-министра Японии в СССР, закреплявшее обоюдное стремление двух стран выйти на путь экономического сотрудничества

---

[543] Ibid. – P. 202 – 203.

[544] Ibid.; Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 34.

[545] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 192 fn 51.

(в особенности в области рыболовства). Заявление отсылало к Совместной декларации 1956 г., но не раскрывало вопрос урегулирования территориальной проблемы и не упоминало о ней[546].

В 1976 и 1977 гг., Россия и Япония установили свои 200-мильные исключительные экономические зон, включавшие морские пространства вокруг спорных островов[547].

31 августа 1982 г. Парламент Японии принял Закон «О специальных мерах по содействию решению вопроса Северных территорий», предусматривавший, что южно-курильские острова являются «исконными» территориями Японии, а также устанавливавший ряд мер по поддержке бывших жителей островов и общественного движения за их возвращение Японии[548]. Государственная дума РФ отреагировала на заявлением о том, что этот закон подрывал усилия по заключению мирного договора[549].

18 апреля 1991 г. Президент СССР М.С. Горбачев и премьер-министр Японии Т. Кайфу подписали новое Совместное заявление, на этот раз не обходившее стороной территориальный вопрос (точнее, как указано в самом заявлении – «проблему территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп»[550]). Несмотря на предусмотренную заявлением положительную оценку переговоров 1991 г. как «откровенных и конструктивных», многие связанные с ними ожидания, в частности, в части территориальной проблемы, не оправдались и качественный сдвиг сделан не был, что подтвердилось угасанием политической заинтересованности в выполнении намеченного в заявлении курса уже в последующие месяцы после его принятия[551].

Через два года, 13 октября 1993 г. Президент вновь образованной Российской Федерации Б.Н. Ельцин и новый премьер-министр Японии М. Хосокава подписали декларацию, также сосредоточенную на экономическом взаимодействии, развернуто излагавшую совместное решение глав государств провести «серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи»[552]. Декларация не содержала отсылки к Совместной декларации 1956 г., но подтверждала, что Россия как продолжательница СССР будет исполнять принятые им международные обязательства. Кроме того, по итогам этой

---

[546] Русские Курилы .... – С. 208.

[547] Akaha T. Despite the Northern Territories .... – P. 98.

[548] См. Приложение 2.

[549] Заявление Государственной думы РФ «О принятии Палатой представителей Парламента Японии поправок к «Закону о специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий» от 24 июня 2009 г.: URL: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/218362-5 (дата обращения: 07.11.2017).

[550] Русские Курилы .... – С. 221 – 223.

[551] Еремин В.Н. Указ соч. – С. 40-108.

[552] Русские Курилы .... – С. 238 – 239; Northern Territories, Asia-Pacific Regional Conflicts .... – P. 177 – 186.

встречи был согласован «Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией»[553].

18 сентября 1998 г. Министерство иностранных дел РФ направило Посольству Японии ноту о безвизовых посещениях южно-курильских островов с целью оказания экстренной гуманитарной помощи, со ссылкой на Декларацию 1993 г.[554]. 2 сентября 1999 г. Посольство РФ в Японии еще одной нотой облегчило режим посещения южно-курильских островов японскими гражданами из числа их бывших жителей и членов их семей. Более 21 000 граждан Японии посетили острова за период с 1992 по 2016 гг.[555].

14 ноября 1998 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин и Премьер-министр Японии К. Обути заключили декларацию «Об установлении созидательного партнерства между Японией и Российской Федерацией», которая помимо положений об экономическом и культурном сотрудничестве и политическом диалоге между двумя странами упоминала, что российская сторона передала японской стороне свой ответ на предложение об урегулировании «вопроса о принадлежности» южно-курильских островов, и дала установку на «активизацию» переговоров о заключении мирного договора. Стороны подчеркнули решимость заключить мирный договор к 2000 г. на базе работы (уже существующей) Совместной комиссии по вопросам заключения мирного договора, в рамках которой создавалась подкомиссия по пограничному размежеванию. Декларация также предусматривала создание подкомиссии по совместной хозяйственной деятельности на островах, «не наносящей ущерба юридическим позициям обеих сторон», развитие гуманитарной помощи и облегчение визитов на указанные острова[556].

4 – 5 сентября 2000 г. Президент РФ В.В. Путин и Премьер-министр Японии Ё. Мори провели переговоры в Токио, приняв заявление, закреплявшее результаты выполнения декларации 1998 г. Стороны условились продолжать переговоры на основании деклараций 1993 и 1998 гг. и, в частности, «выработать мирный договор «путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи»»[557]. Было дано поручение разработать и принять новую редакцию Совместного сборника документов, и, кроме того, «активизировать усилия» по разъяснению общественному мнению значимости вопроса о

---

[553] Ibid.

[554] Безвизовые обмены между гражданами Японии и жителями трех Курильских островов будут продолжаться. 27 марта 2017 г. [Электронный ресурс] // Sakhalin.Info: инф. портал URL: https://www.sakhalin.info/news/129989 (дата обращения: 07.11.2017).

[555] Там же.

[556] Русские Курилы .... – С. 239 – 242.

[557] Русские Курилы .... – С. 255 – 257 (Токийское заявление, п. 4).

заключении мирного договора[558]. Вместе с заявлением была принята Программа российско-японского сотрудничества по развитию совместной хозяйственной деятельности на спорных островах, в основном предусматривавшая шаги по укреплению сотрудничества в разработке морских биоресурсов, при этом такое сотрудничество «не должно рассматриваться как наносящее ущерб юридическим позициям каждой из сторон по любым вопросам, касающимся данного сотрудничества»[559] (т.е. – территориальной проблеме).

25 марта 2001 г. в Иркутске было принято новое заявление о дальнейшем продолжении переговоров, отличавшееся ссылкой, помимо прочего, на Совместную декларацию 1956 г. и акцентом на ее значимости как базового документа для переговоров по мирному договору[560].

Те же исходные предпосылки к нормализации российско-японских отношений и заключению мирного договоры были определены Российско-японским планом действий от 10 января 2003 г. Стороны подвели итоги уже предпринятых шагов по выработке решения, включавших, помимо прочего, учреждение «подкомиссии по пограничному размежеванию и совместной хозяйственной деятельности», «комплекс мер по разъяснению общественности обеих стран важности поступательного развития российско-японских отношений и заключения мирного договора», «различные двусторонние форумы и семинары, включая Российско-Японский форум «Российско-японские отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях глобализации», подготовку «Совместн[ого] сборник[а] документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией»[561]. Перечень мер, впрочем, не демонстрировал качественного сдвига и был простым продолжением уже проводимого курса.

1 ноября 2010 г. о. Кунашир посетил Президент РФ – Д.А. Медведев; это был первый и поэтому крайне символический визит на спорные острова высокопоставленным лицом российской стороны. Правительство Японии незамедлительно выразило свой протест[562].

29 апреля 2013 г. было принято еще одно Совместное заявление Президента РФ В.В. Путина и Премьер-министра Японии С. Абэ «о развитии российско-японского партнерства»[563]. Мирный договор затрагивался в нем в порядке попутного замечания, и заявление содержало лишь общие формулировки о переговорах по его заключению на основании Российско-японского плана действий 2003 г., при этом территориальный вопрос не упоминался вовсе.

---

[558] Там же. – С. 255 – 258.

[559] Там же. – С. 258 – 259.

[560] Там же. – С. 259 – 261.

[561] Там же. – С. 283 – 286.

[562] Жуковский В.М. Россия и Япония: территориальный вопрос / В.М. Жуковский, Л.М. Жуковская // Юриспруденция. – М., 2010. – № 2 (18). – С. 44.

[563] Русские Курилы .... – С. 309 – 310.

16 декабря 2016 г. по итогам переговоров в Токио и Нагато Президент РФ В.В. Путин и Премьер-министр Японии С. Абэ приняли заявление о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов с учетом разработки «соответствующей правовой основ[ы]» совместной деятельности, в том числе «заключени[я] отдельного международного договора», «без ущерба позициям Российской Федерации и Японии по проблеме мирного договора»[564]. Содержание договоренностей было раскрыто в дополнительных заявлениях для прессы и ответов на вопросы журналистов, где была выражена надежда на то, что двум государствам удастся «сделать из этих островов зону совместного проживания, процветания» по принципу «win-win (совместной победы)», была отмечена необходимость в разработке «нового подхода» для достижения такой договоренности, опять-таки, без ущерба для правовых позиций сторон по проблеме мирного договора. Было отмечено, что «сотрудничество (в рамках совместной хозяйственной деятельности – *Е.Н.*) будет способствовать созданию благоприятной атмосферы для продолжения переговоров по заключению мирного договора». Премьер-министр Японии подчеркнул, что принципиальная «позиция Японии относительно четырех северных островов остается неизменной». Президент РФ, со своей стороны, призвал «прекратить исторический пинг-понг по этим территориям», «понять, что фундаментальные интересы и Японии, и России требуют окончательного долгосрочного урегулирования». Важно, что обе стороны «вернулись к переговорам на базе Декларации 1956 г.». Работа над договоренностями была продолжена в ходе ответного визита С. Абэ в Москву в апреле 2017 г.[565].

§2.3. Международно-правовые документы, применимые к российско-японскому спору о суверенитете над южно-курильскими островами

Следующим шагом является изучение конкретных международно-правовых и иных официальных документов, на которые стороны ссылаются или могут ссылаться в обоснование своих правовых позиций и которые могут иметь значение для международно-правовой оценки таких позиций. Дополнительные официальные документы важны для понимания контекста и намерений сторон при заключении того или иного международно-правового инструмента. Как и любой исторический материал, международные договоры «замораживают» ситуацию на конкретный момент времени, и поэтому впоследствии установить их первоначальный смысл

---

[564] Здесь и далее – Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ, 27.04.2017 [Электронный ресурс] // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54388 (дата обращения: 07.11.2017); Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров, 16.12.2016 [Электронный ресурс] // URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474 (дата обращения: 07.11.2017).

[565] Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров, 27.04.2016 [Электронный ресурс] // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54391 (дата обращения: 07.11.2017).

может быть затруднительно[566]. Напомним, что *Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.* в силу своей статьи 4 не имеет обратной силы и применяется после ее вступления в силу для России – с 1986 г., и для Японии – с 1981 г.[567]. Вместе с тем в практике Международного Суда ООН неоднократно признавалось, что ее положения о толковании, закрепленные в Статьях 31 и 32, являются международным обычаем[568]. Целесообразно напомнить положения этих Статей:

«*Статья 31. Общее правило толкования*

1. Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

2. Для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения:

a) любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора;

b) любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору.

3. Наряду с контекстом учитываются:

a) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений;

b) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования;

c) любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками.

4. Специальное значение придается термину в том случае, если установлено, что участники имели такое намерение.

Статья 32. Дополнительные средства толкования

Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовленным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31:

a) оставляет значение двусмысленным или неясным; или

---

[566] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 21, 26, 92 – 93. То же относится и к судебным и арбитражным решениям, которые впоследствии они могут перестать быть недвусмысленными, поэтому их толкование так или иначе требует исследования последующих действий затронутых сторон (по применению международного договора, исполнению арбитражного решения и т.д.) для выяснения того, как они восприняли такой договор или решение.

[567] По данным ООН (URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXIII-1&chapter=23&Temp=mtdsg3&clang=_en (дата обращения: 07.11.2017)).

[568] *Genocide Convention (Bosnia v. Serbia) case*, ICJ Reports, 2007, paras. 160 ff.; *Indonesia/Malaysia case*, ICJ Reports, 2002, pp. 625, 645–6; *Botswana/Namibia case*, ICJ Reports, 1999, p. 1045; *Libya/Chad case*, ICJ Reports, 1994, pp. 6, 21–2; *Qatar v. Bahrain case*, ICJ Reports, 1995, pp. 6, 18. См. также: Aust A. Modern Treaty Law and Practice. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 239 – 250.

b) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными».

Таким образом, главная задача при рассмотрении применимых к российско-японскому спору международных документов состоит в том, чтобы выяснить обычное значение их терминов в их контексте, а также в свете их объекта и целей, установить наличие и последствия любых последующих соглашений и практики, а также, в случае неясности или двусмысленности, обратить внимание на подготовительные материалы и обстоятельства заключения того или иного договора или документа. Только такое исследование может стать основой для установления относительной силы позиций сторон по международному праву.

Первыми международно-правовыми документами, имеющими значение для российско-японского спора о суверенитете над южно-курильскими островами, стали:

- *Трактат о торговле и границах, заключенный 26 января (7 февраля) 1855 г. между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Великим Повелителем всей Японии* (далее – *Симодский трактат 1855 г.*),
- *Трактат, заключенный 25 апреля (7 мая) 1875 г. в С.-Петербурге между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Императором Японским, с дополнительною статьею, подписанною в Токио 10 (22) августа 1875 г.* (далее – *Санкт-Петербургский трактат 1875 г.*), и
- *Договор о торговле и мореплавании, заключенного между Россией и Японией 27 мая (8 июня) 1895 г.* (далее – *Договор 1895 г.*).

Что касается Симодского трактата 1855 г., то к территориальному разграничению России и Японии относится его Статья 2 о следующем[569]:

> «Статья II
>
> Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России».

Трактат составлен на русском, японском, голландском и китайском языках. Исходя из обстоятельств его заключения, есть основания считать, что, вопреки распространенной в советской литературе точке зрения, никакого понуждения к заключению этого «невыгодного» договора не было, и Е.В. Путятин «весьма охотно уступил Итуруп в обмен на дипломатические и коммерческие преимущества» [570] . По меньшей мере в Инструкции, утвержденной Императором Николаем I перед переговорами с Японией, поручалось стоять на установлении

---

[569] Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. – СПб., 1891 г. – С. 292 – 299.

[570] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 88.

границы между о-вами Уруп и Итуруп, при которой о. Уруп считался бесспорно принадлежащим Российской Империи[571]. В японском тексте слово «другие» опущено[572].

Заключенный через два десятилетия Санкт-Петербургский трактат 1875 г. предусматривал взаимный обмен территориями, который раскрывался в Преамбуле и Статье 2[573]:

> «Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Император Японский, желая положить конец многочисленным неудобствам, проистекающим от совместного владения островом Сахалином, и упрочить существующее между Ними доброе согласие, постановили заключить трактат о взаимной уступке, со стороны Его Величества Императора Всероссийского группы Курильских островов, а со стороны Его Величества Императора Японского Его прав на остров Сахалин (Крафто) <...>.
>
> <...>
>
> Статья 2.
>
> Взамен уступки России прав на остров Сахалин, изъясненной в статье первой, Его Величество Император Всероссийский, за Себя и Своих Наследников, уступает Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими, которыми Он ныне владеет, со всеми верховными правами, истекающими из этого владения, так что отныне сказанная группа Курильских островов будет принадлежать к Японской Империи. Эта группа заключает в себе нижеозначенные восемнадцать островов, а именно: 1) Шумшу, 2) Алаид, 3) Парамушир, 4) Маканруши, 5) Онекотан, 6) Харимкотан, 7) Экарма, 8) Шиашкотан, 9) Мусисир, 10) Райкоке, 11) Матуа, 12) Растуа, 13) островки Среднева и Ушисир, 14) Кетой, 15) Симусир, 16) Бротон, 17) островки Черпой и Брат Черпоев и 18) Уруп, так что пограничная черта между Империями Российскою и Японскою в этих водах будет проходить через пролив, находящийся между мысом Лопаткою полуострова Камчатки и островом Шумшу».

Данный договор был составлен на французском языке, и между русскоязычным и японским текстами имеются важные расхождения: так, в наименовании договора «Трактат об

---

[571] Дополнительная инструкция МИД России Е.В. Путятину о переговорах с японцами № 730 от 27 февраля 1853 г. («Из островов Курильских южнейший, России принадлежащий, есть остров Уруп, которым мы и могли бы ограничиться, назначив его последним пунктом Российских владений, к югу, - так, чтобы с нашей стороны южная оконечность сего острова была (как и ныне она в сущности есть) границею с Японией, а чтобы с Японской стороны границею считалась северная оконечность острова Итурупа. Если бы, паче чаяния, Японское Правительство стало предъявлять свои права на сей остров, то Вы можете объяснить им, что о. Уруп на всех наших картах показывается принадлежащим России и что лучшим доказательством сей принадлежности есть то, что Российско-Американская Компания, имеющая в своем управлении Российския владения в Америке и в разных там морях, не только распоряжается Урупом наравне с прочими Курильскими нашими островами, но даже имеет там поселение, и вообще сей остров считается границею наших владений в Курильских островах».)

[572] Высказывается мнение о том, что это было сделано намеренно для отграничения закрепленных за Японией территорий от «Курил», принадлежащих России. См.: Lee. S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 2, 20 (где также указывается текст на английском языке, в этом отношении совпадающий с русским).

[573] См. с сокр.: Русско-японский договор об обмене Курильских островов на Сахалин, заключенный в С.-Петербурге 25 апреля (7 мая) 1875 года // Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. – М.: Изд. Литиздата, НКИД, 1925. – Ч. 1. – С. 214.

обмене острова Сахалин на группу Курильских островов», текст на японском языке опускает слово «группу», то же можно сказать и о формулировке статьи 2[574].

Наконец, в декларации к *Договору 1895 г.*, заменившему ряд предшествующих соглашений, подтверждалось, в качестве исключения, что[575]:

> «Статья XVIII состоявшегося сего числа Договора не касается ни Договора, заключенного 25 Апреля (7 Мая) 1875 г. между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Императором Японским, ни дополнительной Статьи, подписанной в Токио 10 (22) Августа того же г., каковые Договор и Статьи остаются в силе».

Замыкает период отношений между Российской империей и Японией *Портсмутский мирный договор 23 августа (5 сентября) 1905 г.* (далее – *Портсмутский договор 1905 г.*)[576]. Курильские острова не упоминаются в этом договоре, однако для целей толкования предшествующих и последующих договоренностей важно отметить, что по этому договору, подписанному на английском и французском языках, Япония приобретала право на Южный Сахалин (Статья IX), а Приложение № 10 к нему содержало следующую формулировку:

> «В условиях, при которых все торговые договоры между Японией и Россией оказались аннулированными в результате войны...[577]».

Мировая общественность оценила договор как дипломатическую победу России, но в действительности он отразил не только поражение России, но и тяжелое положение Японии как победительницы в Русско-японской войне, исчерпавшей людские и финансовые ресурсы[578].

К следующему периоду относится составленная на английском языке в качестве официального[579] *Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом ССР и Японией от 20 января 1925 г.*, установившая дипломатические отношения между Японией и СССР как новым государством. Статьей 2 этой конвенции предусматривалось[580]:

> «Статья II.

---

[574] Mormanne T. Op. cit. – P. 6 – 10.

[575] См.: Сборник договоров по делам Дальнего Востока. – СПб., 1906. – С. 741-752.

[576] См. подробно об истории заключения мирного договора в: Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905 – 1945 гг.). – М.: Соцэкгиз, 1961. – С. 13 – 86.

[577] Русские Курилы .... – С. 74 – 75.

[578] Число погибших на войне японцев составило 100 000 человек; кроме того, Япония потратила 2 млн золотых йен на военные нужды. (International Military Tribunal for the Far East, Judgment of 12 November 1948 // The Tokyo War Crimes Trial / Pritchard K.J., Zaide S.M. (eds.). – New York, 1987. – Vol. 22. – P. 48, 460).

[579] Japan and Union of Soviet Socialist Republics - Convention embodying basic rules of the Relations between Japan and the Union of Soviet Socialist Republics, together with Protocols A and B, Declaration, Exchange of Notes, Annexed Note and Protocol of Signature. Peking, January 20, 1925, 34 LNTS 31, Art. VII.

[580] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1932. – Вып. 3. Изд. 2-е, испр. и доп. – С. 8.

Союз Советских Социалистических Республик соглашается, что договор, заключенный в Портсмуте 5 сентября 1905 г., остается в полной силе.

Условлено, что договоры, конвенции и соглашения, кроме сказанного Портсмутского договора, заключенные между Японией и Россией до 7 ноября 1917 г., будут пересмотрены на конференции, которая должна состояться впоследствии между правительствами Договаривающихся Сторон, и что они могут быть изменены или отменены, как того потребуют изменившиеся обстоятельства»[581].

Дополнительно, советским представителем была сделана декларация, согласно которой уполномоченный СССР «имеет честь заявить, что признание его правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 года никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение сказанного договора»[582].

Следующим важным документом, открывающим серию имеющих значение для спора документов военного времени, стал секретный *Пакт о нейтралитете* между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г. (далее – *Пакт о нейтралитете 1941 г.*). Для целей анализа аргументов о предположительном нарушении СССР этого Пакта процитируем его основные положения[583]:

«Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья III

Настоящий Пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет».

---

[581] Русскоязычный текст по: Русские Курилы .... – С. 86. Оригинальный текст: “The Union of Soviet Socialist Republics agrees that the Treaty of Portsmouth of September 5th, 1905, shall remain in full force. It is agreed that the Treaties, Conventions and Agreements, other than the said Treaty of Portsmouth, which were concluded between Japan and Russia prior to November 7, 1917, shall be re-examined at a Conference to be subsequently held between the Governments of the High Contracting Parties and are liable to revision or annulment as altered circumstances may require”.

[582] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1932. – Вып. 3. Изд. 2-е, испр. и доп. – С. 12. В оригинале: «...the recognition by his Government of the validity of the Treaty of Portsmouth of September 5, 1905, does not in any way signify that the Government of the Union shares with the former Tsarist Government the political responsibility for the conclusion of the said Treaty”.

[583] Пакт о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, [13 апр. 1941 г.] // Документы внешней политики [СССР], 1940. – 22 июля 1941 г.: в 2 кн. / М-во иностр. дел. Российской Федерации. – М.: Междунар. отношения, 1988. – Кн. 2, ч. 2.: 2 марта 1941 г. – 22 июня 1941 г. – С. 565.

К Пакту прилагалась Декларация и обмен письмами между министрами иностранных дел СССР В.М. Молотовым и Японии – И. Мацуокой, в которых подчеркивалось стремление сторон ускорить сотрудничество в области торговли и рыболовства, а также «ликвидировать любые вопросы, которые не способствуют поддержанию сердечных отношений между обеими странами». В историографических материалах указывается, что и СССР, занятый войной с Германией, и Япония, готовившаяся к конфликту с США, желали нейтрализовать друг друга для того, чтобы перевести полное внимание на своих основных соперников[584]. Поэтому отнюдь не удивительно, что «ни одна из сторон не чувствовала себя должной соблюдать Пакт о нейтралитете... ни минутой дольше, чем того требовали военные нужды»[585]. С этой точки зрения небезынтересны внутренние японские материалы, начиная с заявления Министерства иностранных дел Японии от мая 1941 г. и включая документы японского правительства и военной ставки как за 1941 г., так и за период 1941 – 1945 гг., которые свидетельствуют о несерьезном отношении Японии к обязательствам по сохранению нейтралитета, предусмотренным Пактом[586]. Большинство из них являются внутренними, однако стоит обратить внимание на *заявление подписавшего Пакт Министра иностранных дел Японии И. Мацуоки в адрес посла СССР К.А. Сметанина от 23 июня 1941 г.* о том, что:

«Основой внешней политики Японии является тройственный пакт, и если нынешняя война и Пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с Тройственным пактом, то Пакт о нейтралитете не будет иметь силы»[587].

Каирская декларация от 1 декабря 1943 г. (далее – *Каирская декларация 1943 г.*), принятая главами Китая, США и Великобритании, в относимой к рассматриваемому спору части гласила:

> «Три великих союзника ведут эту войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии. Они не стремятся ни к каким завоеваниям для самих себя и не имеют никаких помыслов о территориальной экспансии. Их цель заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала первой мировой войны 1914 г., и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев.... Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности»[588].

---

[584] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 136, 138.

[585] Ibid. – P. 144.

[586] Русские Курилы .... – С. 98 – 109.

[587] Там же. – С. 98. Х. Кимура указывает, что И. Мацуока якобы не имел полномочий на дачу такого заявления или принятие такого обязательства от имени Японии (Kimura H. Op. cit. – P. 49).

[588] Цит. по: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М.: Госполитиздат, 1955 г. – Вып. 11. – С. 105 – 106. Оригинальный текст (Cairo Communiquè, December 1, 1943. Japan National Diet Library. URL: http://www.ndl.go.jp/constitution/e/shiryo/01/002_46/002_46_001r.html (дата обращения: 07.11.2017)): “The Three

Далее следует привести положения одного из самых неоднозначных документов в рамках российско-японского спора, а именно, *Соглашения от 11 февраля 1945 г.*, подписанного в Ялте лидерами трех Великих Держав – *СССР* (И. Сталиным), *США* (Ф.Д. Рузвельтом) и *Великобритании* (У.С. Черчиллем) (далее – *Ялтинское соглашение 1945 г.*):

> «Руководители Трех Великих Держав - Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании - согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:
>
> <…>
>
> 2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:
>
> а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;
>
> <...>
>
> 3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.
>
> <...>
>
> Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией»[589].

До принятия этого соглашения, 8 февраля 1945 г., между Президентом США Ф.Д. Рузвельтом и И.В. Сталиным состоялась беседа, в рамках которой «Президент сказал... что не возникнет совершенно никаких затруднений в отношении ... перехода Курильских островов к России по итогам войны»[590]. На Конференции адмирал Э.Дж. Кинг поблагодарил И. Сталина за то, что СССР закрывал глаза на пролеты американских самолетов над советской территорией – тем самым дав понять, как пишет исследователь С. Ли, что Вашингтон не будет препятствовать

Great Allies are fighting this war to restrain and punish the aggression of Japan. They covet no gain for themselves and have no thought of territorial expansion. It is their purpose that Japan shall be stripped of all the islands in the Pacific which she has seized or occupied since the beginning of the first World War in 1914, and that all the territories Japan has stolen from the Chinese.... Japan will also be expelled from all other territories which she has taken by violence and greed".

[589] Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, Решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии), 1943 – 1946 гг. – М.: 2-1 ДВО МИД СССР, 1947. – 70 с. Оригинальный текст (Agreement Relating to Prisoners of War and Civilians Liberated by Forces Operating Under Soviet Command and Forces Operating Under United States of America Command; February 11, 1945/ A Decade of American Foriegn Policy: Basic Documents, 1941 – 49 Prepared at the request of the Senate Committee on Foreign Relations By the Staff of the Committe and the Department of State. Washington, DC: Government Printing Office, 1950. URL: http://avalon.law.yale.edu/wwii/yalta.asp (дата обращения: 07.11.2017)): "The leaders of the three Great Powers – the Soviet Union, the United States of America and Great Britain – have agreed that in two or three months after Germany has surrendered and the war in Europe has terminated the Soviet Union shall enter into the war against Japan on the side of the Allies on condition that: <...> 2. The former first of Russia violated by the treacherous attack of Japan in 1904 shall be restored, viz: (a) the southern part of Sakhalin as well as the islands adjacent to it shall be returned to the Soviet Union <...> 3. The Kuril islands shall be handed over to the Soviet Union. <...> The Heads of the three Great Powers have agreed that these claims of the Soviet Union shall be unquestionably fulfilled after Japan has been defeated".

[590] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 22.

завладению южным Сахалином и Курилами[591]. Секретные положения Ялтинского соглашения были раскрыты лишь в 1946 г.

5 апреля 1945 г. СССР заявил о намерении денонсировать Пакт о нейтралитете 1941 г., указав, помимо прочего, что «обстановка изменилась в корне», и при том, что Япония помогала Германии в войне с СССР, а также воевала с союзниками СССР, США и Англией, «Пакт о нейтралитете... потерял смысл» и расторгался в соответствии с его Статьей 3, предоставлявшей право денонсировать Пакт за год до истечения срока его действия[592]. Вместе с тем, В.М. Молотов согласился со своим японским коллегой, Н. Сато, что юридически Пакт сохранит силу до 25 апреля 1946 г. (т.к. он был денонсирован, а не аннулирован)[593].

За этим Соглашением следует блок документов, связанных с капитуляцией Японии и предшествующих заключению мирного договора 1951 г. Первый из них – *Потсдамская декларация об определении условий капитуляции Японии от 26 июля 1945 г.*, заключенная участниками Каирской декларации 1943 г., вместе с предложением Японии о капитуляции от 10 августа 1945 г., в части положений о послевоенном составе территории Японии[594]:

> «8. Условия Каирской декларации будут выполнены и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем»[595].
>
> «Японское правительство готово принять условия, перечисленные в Совместной декларации, которая была опубликована в Потсдаме 26 июля 1945 г. главами правительство Соединенных Штатов, Великобритании и Китая и к которой позднее присоединилось Советское правительство, на том условии, что упомянутая декларация не будет содержать в себе каких-либо требований, ущемляющих прерогативы Его Величества (императора Японии – *Е.Н.*) как суверенного правителя»[596].

2 сентября 1945 г. Япония также представила *Акт о безоговорочной капитуляции*, в котором признавалась Потсдамская декларация 1945 г., процитированная выше, СССР

---

[591] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 146 fn 22.

[592] Русские Курилы .... – С. 120.

[593] Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – С. 473.

[594] Заявление глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая: [Потсдамская декларация от 26 июля 1956 г.] // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М.: Госполитиздат, 1955 г. – Вып. 11. – С. 104 – 106.

[595] Оригинальный текст (Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender. – The Department of State Bulletin. – Vol. XIII. – No. 318, July 29, 1945): “8. The terms of the Cairo Declaration shall be carried out and Japanese sovereignty shall be limited to the islands of Honshu, Hokkaido, Kyushu, Shikoku and such minor islands as we determine”.

[596] Оригинальный текст (Offer of Surrender from Japanese Government. – Ibid.): “The Japanese Government are ready to accept the terms enumerated in the joint declaration which was issued at Potsdam on July 26th, 1945 by the heads of the Governments of the United States, Great Britain, and China, and later subscribed by the Soviet Government, with the understanding that the said declaration does not comprise any demand which prejudices the prerogatives of His Majesty as a Sovereign Ruler”.

признавался одной из четырех Союзных держав («к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться Союзными державами»)[597], и который также важен с точки зрения определения (или, скорее, признания со стороны Японии) полномочий Главнокомандующего Союзных держав в связи с капитуляцией:

> «Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые Верховный командующий Союзных держав сочтет необходимыми для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию»[598].

Что касается конкретных указаний, то особенное значение для российско-японского спора имеет *Меморандум Главнокомандующего Союзных держав № 677 от 29 января 1946 г.*[599]:

> «3. Для целей настоящей директивы территория Японии определяется в составе: четырех главных островов Японии (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку) и приблизительно 1000 мелких прилегающих островов, включая о-ва Цусима и о-ва Рюкю (Нансей) севернее 30° северной широты (за исключением о-ва Кутиносима), и исключая:
>
> <...>
>
> в) Курильские (Тисима) о-ва, Группу о-вов Хабомаи (Хабомадзе), включая о-ва Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку), а также о-в Сикотан.
>
> 4. Следующие районы особо исключаются из государственной и административной юрисдикции японского императорского правительства:
>
> а) Все тихоокеанские острова, захваченные или оккупированные по мандату, или же приобретенные Японией иным способом с начала мировой войны 1914 г.,
>
> <...>
>
> д) Карафуто.
>
> 5. Определение территории Японии, содержащееся в настоящей директиве, будет относиться ко всем будущим директивам, меморандумам и приказам штаба главнокомандующего, если оно не будет каким-либо образом уточнено.
>
> 6. Ничто в настоящей директиве не должно толковаться как указание на Союзную политику в связи с окончательным определением меньших островов, упомянутых в Статье 8 Потсдамской декларации»[600].

---

[597] Выдержка из оригинального текста (Instrument of Surrender. 2 September 1945. Accepted at Tokyo Bay, Japan at 0903 on the second day of September, 1945, for the United States, Republic of China, United Kingdom and the Union of Soviet Socialist Republics, and in the interests of the other United Nations at war with Japan // URL: http://avalon.law.yale.edu/wwii/j4.asp (дата обращения: 07.11.2017)): "..and subsequently adhered to by the Union of Soviet Socialist Republics, which four powers are hereafter referred to as the Allied Powers".

[598] Оригинальный текст: "We hereby command all civil, military and naval officials to obey and enforce all proclamations, and orders and directives deemed by the Supreme Commander for the Allied Powers to be proper to effectuate this surrender and issued by him or under his authority".

[599] В связи с данным документом и изменением США своего отношения к толкованию таких меморандумов также упоминается (См., напр.: Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 26) меморандум об определении зон разрешенного рыболовства и китобойного промысла для Японии: GHQ, SCAP, 1946f (SCAPIN No. 1033), Art. 5 ("the present authorization is not an expression of allied policy relative to ultimate determination of national jurisdiction, international boundaries or fishing rights in the area concerned or in any other area").

Мирный договор был заключен 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско (далее – *Сан-Францисский договор 1951 г.*), и является, пожалуй, самым важным документом для рассматриваемого российско-японского спора. Его Глава II определяет послевоенные границы Японии, и его статья 2 заслуживает того, чтобы процитировать ее полностью:

«Глава II. Территория

Статья 2

a) Япония, признавая независимость Кореи, отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Корею, включая острова Квельпарт, порт Гамильтон и Дагелет.

b) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Формозу (Тайвань – *Е.Н.*) и Пескадорские острова.

c) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.

d) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий, связанных с мандатной системой Лиги Наций, и принимает решения Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 2 апреля 1947 г., по которому система опеки распространяется на Тихоокеанские острова, находившиеся ранее по мандату у Японии.

e) Япония отказывается от всех претензий на какие-либо права, правооснования или интересы в отношении любой части Антарктического района, независимо от того, вытекали ли они из деятельности японских граждан или были получены иным образом.

f) Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на остров Спратли и острова Парасельские»[601].

---

[600] Оригинальный текст (GHQ, SCAP, 1951 (SCAPIN No. 677)): “[…] 3. For the purpose of this directive, Japan is defined to include the four main islands of Japan (Hokkaido, Honshu, Kyushu and Shikoku) and the approximately 1,000 smaller adjacent islands, including the Tsushima Islands and the Ryukyu (Nansei) Islands north of 30° North Latitude (excluding Kuchinoshima Island); and excluding <...>, and (c) the Kurile (Chishima) Islands, the Habomai (Hapomaze) Island Group (including Suisho, Yuri, Akiyuri, Shibotsu and Taraku Islands) and Shikotan Island. <...> 4. Further areas specifically excluded from the governmental and administrative jurisdiction of the Imperial Japanese Government are the following: (a) all Pacific Islands seized or occupied under mandate or otherwise by Japan since the beginning of the World War in 1914, <...> and (d) Karafuto. 5. The definition of Japan contained in this directive shall also apply to all future directives, memoranda and orders from this Headquarters unless otherwise specified therein. 6. Nothing in this directive shall be construed as an indication of Allied policy relating to the ultimate determination of the minor islands referred to in Article 8 of the Potsdam Declaration”.

[601] Оригинальный текст (San Francisco Peace Treaty, 46 U.N.T.S. 1952):

“Chapter II. Territory

Article 2

(a) Japan recognizing the independence of Korea, renounces all right, title and claim to Korea, including the islands of Quelpart, Port Hamilton and Dagelet.

(b) Japan renounces all right, title and claim to Formosa and the Pescadores.

(c) Japan renounces all right, title and claim to the Kurile Islands, and to that portion of Sakhalin and the islands adjacent to it over which Japan acquired sovereignty as a consequence of the Treaty of Portsmouth of September 5, 1905.

(d) Japan renounces all right, title and claim in connection with the League of Nations Mandate System, and accepts the action of the United Nations Security Council of April 2, 1947, extending the trusteeship system to the Pacific Islands formerly under mandate to Japan.

СССР, как уже указывалось, не подписал Сан-Францисский договор 1951 г., в связи с чем в соответствии с его Статьей 25 был исключен из понятия «Союзных держав» и лишился возможности ссылаться на него:

> «Для целей настоящего Договора Союзными Державами являются государства, находившиеся в войне с Японией, или любое государство, которое раньше составляло часть территории государства, указанного в Статье 23, при условии, что в каждом случае такое государство подпишет и ратифицирует Договор. Согласно положениям Статьи 21, настоящий Договор не будет предоставлять каких-либо прав, правооснований или преимуществ государству, которое не является Союзной Державой, как это здесь определяется; никакие права, правооснования или интересы Японии не должны оказаться урезанными или ущемленными какими-либо положениями настоящего Договора в пользу государства, которое не является Союзной державой, как это здесь определено»[602].

Вместе с тем, отказ США (и Великобритании) от своих обязательств по передаче СССР Курильских островов произошел не сразу – Статья 2 прошла несколько редакций. Поскольку они имеют значение как «подготовительные материалы» по смыслу Статьи 32 Венской конвенции, ниже приводится текст этих предшествующих редакций на английском (официальном) и русском (в авторском неофициальном переводе) языках, с комментарием корейского правоведа С. Ли о процессе согласования и причинах изменения формулировки:[603]:

Дата проекта	Текст положения о суверенитете над Курильскими островами	Комментарий
19 марта 1947 г.	“The territorial limits of Japan shall be those existing on January 1, 1894, subject to the modifications set forth in Articles 2, 3.... As such these limits shall include the four principal islands of Honshu, Kyushu, Shikoku and Hokkaido and all minor offshore islands, excluding the Kurile Islands. ...Japan... cedes to the Soviet Union in full sovereignty the Kurile Islands, lying between Kamchatka and Hokkaido”. «Территориальные границы Японии будут соответствовать существующим на 1 января	Данный проект явился следствием Ялтинского соглашения и отражением политики США на тот момент, а также соображений стратегического значения островов. При этом имелся меморандум США с рекомендацией оставить острова за Японией.

(e) Japan renounces all claim to any right or title to or interest in connection with any part of the Antarctic area, whether deriving from the activities of Japanese nationals or otherwise.

(f) Japan renounces all right, title and claim to the Spratly Islands and to the Paracel Islands”.

[602] Оригинальный текст: “For the purposes of the present Treaty the Allied Powers shall be the States at war with Japan, or any State which previously formed a part of the territory of a State named in Article 23, provided that in each case the State concerned has signed and ratified the Treaty. Subject to the provisions of Article 21, the present Treaty shall not confer any rights, titles or benefits on any State which is not an Allied Power as herein defined; nor shall any right, title or interest of Japan be deemed to be diminished or prejudiced by any provision of the Treaty in favour of a State which is not an Allied Power as so defined”.

[603] Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 110 – 122; Idem. Towards a Framework for the Resolution. – P. 27 – 35.

Дата проекта	Текст положения о суверенитете над Курильскими островами	Комментарий
	1894 г., с учетом модификаций, предусмотренных Статьями 2, 3… Таким образом, такие границы будут включать четыре основных острова Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо, и все малые прибрежные острова, исключая Курильские острова. …Япония… уступает Советскому Союзу полный суверенитет над Курильскими островами, пролегающими между Камчаткой и Хоккайдо».	
5 августа 1947 г.	“The territorial limits of Japan shall comprise the four principal Japanese islands of Honshu, Kyushu, Shikoku and Hokkaido and all minor islands, including... the Habomai Islands, Shikotan, Kunashiri and Etorofu. ...Japan hereby cedes to the Union of Soviet Socialist Republics in full sovereignty the Kurile Islands, comprising the islands northeast of Etorofu Strait (Etorofu Kaikyo) from Urup (Uruppu) to Shumushu inclusive, which were ceded by Russia to Japan by the Treaty of 1875”. «Территориальные границы Японии будут включать четыре основных японских острова Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо, и все малые острова, включая... острова Хабомаи, Сикотан, Кунашир и Итуруп... Япония настоящим уступает [СССР] полный суверенитет над Курильскими островами, включающими в себя острова к северо-востоку от Пролива Эторофу от Урупа до Шумшу включительно, которые были уступлены Россией Японии Трактатом от 1875 г.».	Этот проект отражал «новое толкование» со стороны США Ялтинского соглашения и термина «Курильские острова» и предусматривал, что южно-курильские острова должны были быть сохранены за Японией.
8 января 1948 г.	“Japan hereby cedes to the Union of Soviet Socialist Republics in full sovereignty the Kurile Islands”. «…Япония настоящим уступает [СССР] полный суверенитет над Курильскими островами».	Здесь не уточняется, что подразумевается под «Курильскими островами», но в этом проекте данная статья отсылала к Ялтинскому соглашению как единственному источнику определения статуса Курил. При этом США на тот момент уже придерживались «узкого»

Дата проекта	Текст положения о суверенитете над Курильскими островами	Комментарий
		толкования, не включающего Южные Курилы в это понятие[604].
13 октября 1949 г.	“The territorial limits of Japan shall comprise the four principal Japanese islands of Honshu, Kyushu, Shikoku and Hokkaido and all adjacent minor islands, including the islands of... Etorofu, Kunashiri, the Habomai Islands, Shikotan. ...Japan hereby cedes to the Union of Soviet Socialist Republics in full sovereignty the Kurile Islands”. «Территориальные границы Японии будут охватывать четыре основных японских острова Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо и все прилегающие к ним малые острова, включая острова... Итуруп, Кунашир, острова Хабомаи, Шикотан. ...Япония настоящим уступает [СССР] полный суверенитет над Курильскими островами».	Как видно, в этом проекте составители прямо указали на узкое толкование понятия «Курильские острова», исключив из него четыре спорных острова. В справке к проекту указывалось, что СССР, возможно, не подпишет Сан-Францисский договор. Кроме того, существовал также доклад Государственного департамента США с обзором реакций отдельных стран на проблему Курильских островов, а также замечанием, что «попытка США передать Японии... Курильские острова... несомненно покажется некоторым державам попыткой нарушить Ялтинское соглашение...».
2 ноября 1949 г.	“The territory of Japan shall comprise the four principal Japanese islands of Honshu, Kyushu, Shikoku and Hokkaido and all adjacent minor islands, including... all other islands within a line beginning at ...Japan hereby cedes to the Union of Soviet Socialist Republics in full sovereignty the Kurile Islands”. «Территория Японии будет включать четыре основных японских острова Хонсю Кюсю, Сикоку и Хоккайдо и все прилегающие к ним меньшие острова, включая... все другие острова в пределах линии, проходящей по... Япония настоящим уступает Союзу Советских Социалистических Республик полный суверенитет над Курильскими островами».	К проекту прилагались две справки – первая, идентичная справке к предыдущему проекту, и вторая, отмечающая сложную позицию США в переговорах, а также содержащая рекомендацию США предложить СССР ввести над островами систему опеки. В данном проекте за Японией оставлялись основные четыре острова и другие острова, определенные в тексте географическими координатами и включающие спорные острова. Формулировка о передаче полного суверенитета над Курильскими островами СССР сохранялась без изменений.
8 декабря 1949 г.	“The territory of Japan shall comprise the four principal Japanese home islands... and all adjacent minor islands, including... the southern Kuril Islands (Chishima) northeastward to and including Etorofu and	Данная формулировка была предложена Политическим советником США по делам Японии У. Себальдом.

[604] Ibid. – P. 29 (где делается ссылка на меморандум о том, что о-ва Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи должны быть сохранены за Японией).

Дата проекта	Текст положения о суверенитете над Курильскими островами	Комментарий
	including Shikotan and the Habomai group...". «Территория Японии будет включать четыре основных острова... и все прилегающие к ним меньшие острова, включая… южные Курильские острова (Тисима) к северо-востоку от, и включая Итупуп, включая Шикотан и группу Хабомаи…».	
19 декабря 1949 г.	"The Allied and Associated Powers agree that the island of Sakhalin (Karafuto) south of 50' N. latitude, and adjacent islands, including... the Kurile Islands shall be transferred to the Union of Soviet Socialist Republics in full sovereignty". «Союзные и Соединенные державы соглашаются, что остров Сахалин (Карафуто) к югу от 50 градусов с.ш., и прилегающие острова, включая… Курильские острова будут переданы [СССР] в полный суверенитет».	Очевидно, что произошел некий откат от предыдущих формулировок, но, тем не менее, в проекте так и не был определен термин «Курильские острова».
29 декабря 1949 г.; 3 января 1950 г.	"The territory of Japan shall comprise the four principal Japanese islands of Honshu, Kyushu, Shikoku and Hokkaido and all adjacent minor islands, including… the Habomai group and Shikotan. ...Japan hereby cedes to the Union of Soviet Socialist Republics in full sovereignty the Kurile Islands". «Территория Японии будет состоять из четырех основных японских островов Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо и всех прилежащих меньших остовов, включая... группу Хабомаи и Шикотан… Япония настоящим уступает [СССР] полный суверенитет над Курильскими островами».	В данном проекте Курильские острова были разделены – Хабомаи и Шикотан прямо отходили к Японии, тогда как принадлежность оставшихся островов к Курилам не была четко определена.
7 августа 1950 г.; 11 сентября 1950 г.	"Japan accepts whatever decision may hereafter be agreed upon by the United States, the United Kingdom, the Soviet Union and China with reference to the future status of... the Kurile Islands. In the event of failure in any case to agree within one year, the parties of this treaty will accept the decision of the United Nations General Assembly". «Япония принимает любое решение, которое может быть впоследствии согласовано между Соединенными Штатами, Соединенным Королевством,	Здесь также не был определен термин «Курильские острова». Данная формулировка была нацелена на скорейшее заключение мира с Японией, тогда как сохраняющиеся разногласия предлагалось решить в дальнейшем.

Дата проекта	Текст положения о суверенитете над Курильскими островами	Комментарий
	Советским Союзом и Китаем в отношении будущего статуса... Курильских островов. Как бы то ни было, в случае недостижения договоренности в течение одного г., стороны настоящего договора примут решение Генеральной Ассамблеи ООН».	
12 марта 1951 г.; 17 марта 1951 г.	“Japan will return to the Union of Soviet Socialist Republics the southern part of Sakhalin as well as all the islands adjacent to it and will hand over to the Soviet Union the Kurile Islands[, as they may be defined by bilateral agreement or by judicial decision...]”. «Япония возвратит [СССР] южную часть Сахалина, а также острова, прилегающие к нему, и передаст [СССР] Курильские острова[, как они могут быть определены двусторонним соглашением или судебным решением…]».	По сути, этот вариант повторял предыдущий, но был изменен механизм определения статуса (и того, что входит) Курильских островов. В проекте от 17 марта часть, обозначенная квадратными скобками, была удалена.
7 апреля 1951 г.	“Japanese sovereignty shall continue over all the islands and adjacent islets and rocks lying within an area bounded by a line… then bearing north-easterly…, so excluding Kunashiri, and curving to the east and then bearing southwesterly to include Shikotan... Japan hereby cedes to the Union of Soviet Socialist Republics in full sovereignty the Kurile Islands, and that portion of South Sakhalin over which Japan formerly exercised sovereignty”. «Суверенитет Японии сохраняется над всеми островами и прилежащими малыми островами и скалами, находящимися в районе, отграниченном линией... затем проходящей на северо-восток..., то есть исключая Кунашир, и по кривой на восток, а затем проходящей на юго-запад, чтобы включить Шикотан... Япония настоящим уступает [СССР] полный суверенитет над Курильскими островами и той частью Сахалина, над которыми Япония в прошлом осуществляла суверенитет».	Из этой формулировки следовало, что, как и в проектах 1949 г., Япония обязывалась передать СССР о-ва Итуруп и Кунашир, но сохраняла за собой о-ва Шикотан и Хабомаи.
3 мая 1951 г.	“Japan cedes to the Union of Soviet Socialist Republics the Kurile Islands, and that portion of South Sakhalin and the islands adjacent to it over which Japan formerly exercised	Как и в прошлых проектах, вопрос оставался открытым (проект предусматривал цессию Курильских островов в пользу СССР, но не

Дата проекта	Текст положения о суверенитете над Курильскими островами	Комментарий
	sovereignty”. «Япония уступает Союзу Советских Социалистических Республик Курильские острова и ту часть Южного Сахалина и прилежащих к нему островов, над которыми Япония ранее осуществляла суверенитет».	определял это понятие). Однако в ответ на него Канада предложила США предусмотреть, что Япония отказывается от островов, без указания, что они переходят к СССР, если только СССР не присоединится к договору. Правительство США ответило, что это предложение можно будет рассмотреть, когда позиция СССР прояснится. Также делегацией от Новой Зеландии высказывалось предпочтение об отграничении территории Японии по широте и долготе для устранения неясности, но США отказались от этой идеи как психологически нежелательной (поскольку таким образом вокруг Японии будто бы создавался «барьер»). Автор исследования указывает, что в документах явно прослеживается склонность США к варианту, где Япония отказывается от своего титула, но не указывается, что он переходит к какому-либо иному государству.
14 июня 1951 г.; 3 июля 1951 г. и 20 июля 1951 г.	“Japan renounces all right, title and claim to the Kurile Islands, and to that portion of Sakhalin and the islands adjacent to it over which Japan acquired sovereignty as a consequence of the Treaty of Portsmouth of September 5, 1905”. «Япония отказывается от всех прав, титулов и притязаний на Курильские острова, а также на ту часть Сахалина и прилегающих к нему островов, над которыми Япония приобрела суверенитет по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.».	Этот проект – продукт предыдущих документов, подготовленных с учетом предложений как США, так и Великобритании. Позиция США заключалась в том, чтобы оставить вопрос неразрешенным мирным договором (поскольку США считали невыгодным прояснение титула СССР в договоре, который он определенно отказался бы подписывать), чтобы он был разрешен позднее – например, в рамках арбитража или процедуры в Международном Суде.

С Сан-Францисским мирным договором 1951 г. также связано *заявление Сената США,* принятое 20 марта 1952 г. при ратификации договора (которая прошла без заминок после

принятия цитируемой ниже оговорки[605]), которое ознаменовало смену курса бывшего союзника СССР в пользу поддержки территориальных притязаний Японии:

> «В рамках такой рекомендации и согласия Сенат заявляет, что никакие из содержащихся в договоре положений не рассматриваются как уменьшающие или ущемляющие, в пользу Советского Союза, права, правовые титулы и интересы Японии, или Союзных держав, как они определены в указанном договоре, на Южный Сахалин и его прилежащие острова, Курильские острова, острова Хабомаи, остров Шикотан, или какие-либо иные территориальные права или интересы, которыми Япония обладала по состоянию на 7 декабря 1941 г., или предоставляющие какое-либо право, правовой титул или преимущество на них Советскому Союзу; также ничто в указанном договоре, или рекомендации и согласию Сената о его ратификации не предполагает признания со стороны Соединенных Штатов положений в пользу Советского Союза, содержащихся в так называемом «Ялтинском соглашении» касательно Японии от 11 февраля 1945 г.»[606].

Как видно из вышеизложенных фактов, следующий период характеризуется охлаждением отношений и напряженностью, которые сохранялись вплоть до принятия *Совместной декларации СССР и Японии от 19 декабря 1956 г.* (далее – *Совместная декларация 1956 г.*), восстановившей дипломатические отношения между двумя странами и прекратившей состояние войны между ними. Декларация была ратифицирована как международный договор; обмен ратификационными грамотами состоялся в Токио 12 декабря 1956 г.[607]

> «1. Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения.
>
> 2. Между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией восстанавливаются дипломатические и консульские отношения. <...>
>
> 3. Союз Советских Социалистических Республик и Япония подтверждают, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций, в частности, нижеследующими принципами, изложенными в статье 2 этого Устава:
>
> а) разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;
>
> б) воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической

---

[605] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 218.

[606] Оригинальный текст (Memorandum, Kurile Islands, State Dep't Decimal File No. 661.941/8-356, State Dep't Records, Record Group 59 (Aug. 3, 1956): "As part of such advice and consent the Senate states that nothing the treaty contains is deemed to diminish or prejudice, in favor of the Soviet Union, the right, title, and interest of Japan, or the Allied Powers as defined in said treaty, in and to South Sakhalin and its adjacent islands, the Kurile Islands, the Habomai Islanlds, the island of Shikotan, or any other territory rights, or interests possessed by Japan on December 7, 1941, or to confer any right, title, or benefit therein or thereto on the Soviet Union; and also that nothing in the said treaty, or the advice and consent of the Senate to the ratification thereof, implies recognition on the part of the United States of the provisions in favor of the Soviet Union contained in the so-called 'Yalta agreement' regarding Japan of February 11, 1945".

[607] Гаврилов В.В. Южные Курильские острова: проблемы и перспективы определения правового статуса // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2015. – № 2 (35). – С. 80.

независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций.

<...>

9. Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении Мирного Договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

10. Настоящая Совместная Декларация подлежит ратификации. Она вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами. Обмен ратификационными грамотами должен быть произведен в возможно более короткий срок в Токио».

Однако же в следующем подписанном 10 октября 1973 г. *Совместном советско-японском заявлении о визите премьер-министра Японии в СССР* территориальный вопрос не упоминался вовсе. Это заявление было ограничено весьма отвлеченной формулировкой:

«Сознавая, что урегулирование нерешенных вопросов, оставшихся со времен второй мировой войны, и заключение мирного договора внесет вклад в установление подлинно добрососедских и дружественных отношений между обеими странами, стороны провели переговоры по вопросам, касающимся содержания мирного договора. Обе стороны договорились продолжить переговоры о заключении мирного договора...[608]».

Данный недостаток, хоть и не окончательно, был исправлен в 1991 г. в новом *Совместном советско-японском заявлении*:

«4. Президент СССР М.С. Горбачев и Премьер-министр Японии Тосики Кайфу провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между СССР и Японией, включая проблему территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп.

Проделанная ранее совместная работа и в особенности переговоры на высшем уровне позволяют констатировать ряд концептуальных положений: мирный договор должен стать документом окончательного послевоенного урегулирования, включая разрешение территориальной проблемы».

Стороны «выразили твердое намерение действовать с этой целью конструктивно и динамично, используя весь позитив, который накоплен в двусторонних переговорах в разные годы, начиная с 1956 г., когда СССР и Япония совместно декларировали прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между ними».

Это положение было расширено в *Токийской декларации* от 13 октября 1993 г.:

---

[608] Цит. по: Русские Курилы .... – С. 208.

«2. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения. В этой связи Правительство Российской Федерации и Правительство Японии подтверждают, что Российская Федерация является государством-продолжателем СССР и что все договоры и другие международные договоренности между Советским Союзом и Японией продолжают применяться в отношениях между Российской Федерацией и Японией.

...одним из его результатов [конструктивного диалога] явилось совместное опубликование... в сентябре 1992 г. «Совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией».

Правительство Российской Федерации и Правительство Японии соглашаются предпринять ряд шагов... в плане дальнейшего совершенствования проведения взаимных поездок постоянных жителей упомянутых выше островов и жителей Японии...»[609].

Курс на активизацию такого сотрудничества был задан в *Московской декларации об установлении созидательного партнерства* между Японией и Российской Федерацией от 13 ноября 1998 г.:

«2. Премьер-министр Японии и Президент Российской Федерации, учитывая, что российская сторона передала ответ на предложение японской стороны по решению вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, сделанное в ходе встречи на высшем уровне в Каване в апреле с.г., дают указание своим правительствам активизировать переговоры о заключении мирного договора на основе Токийской декларации и договоренностей, достигнутых во время встреч на высшем уровне в Красноярске и Каване.

Руководители обеих стран подтверждают свою решимость прилагать все усилия с целью заключения мирного договора к 2000 г. <...>

Премьер-министр и Президент поручают также создать подкомиссию по совместной хозяйственной деятельности на указанных островах, которая, действуя параллельно с подкомиссией до пограничному размежеванию, определила бы виды возможной совместной хозяйственной деятельности на островах, не наносящей ущерба юридическим позициям обеих сторон.

Премьер-министр и Президент,... в принципиальном плане договорились об организации максимально облегченного, так называемого свободного, посещения островов японскими гражданами - бывшими жителями островов и членами их семей...

3. Премьер-министр Японии и Президент Российской Федерации понимают важность сотрудничества, связанного с островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи с тем, чтобы [...] создать условия для скорейшего заключения мирного договора».

---

[609] Цит. по: Русские Курилы .... – С. 238 – 239.

Тем не менее, к 2000 г. мирный договор заключить не удалось. В связи с этим 5 сентября 2000 г. в *Заявлении*, сделанном Президентом России и Премьер-министром Японии в Токио, приводился план по дальнейшему продвижению к заключению мирного договора. В части, относящейся к территориальной проблеме, Декларация содержала следующие положения:

> «2. Стороны констатировали, что после того, как в ходе российско-японской встречи на высшем уровне в г. Красноярске в 1997 г. была зафиксирована договоренность приложить максимальные усилия с целью заключения мирного договора к 2000 г. на основе Токийской декларации, достигнуты следующие позитивные результаты:
>
> (далее перечисляются принятые меры, включая, помимо прочего, подписание «Программы российско-японского сотрудничества в области развития совместной хозяйственной деятельности на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи»[610], Соглашения о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов, выполнение договоренности об упрощенных посещениях островов и др. – *Е.Н.*)
>
> 3. Стороны единодушно признали необходимым продолжать усилия по реализации красноярской договоренности и максимально способствовать дальнейшему закреплению ее позитивных результатов.
>
> 4. Стороны согласились продолжать переговоры с тем, чтобы, опираясь на все достигнутые до сих пор договоренности, в том числе Токийскую декларацию о российско-японских отношениях 1993 г. и Московскую декларацию об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией 1998 г., выработать мирный договор «путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи»[611].

В следующем 2001 г. дальнейшие переговоры по заключению мирного договора продолжились; было принято *Совместное российско-японское заявление* от 25 марта 2001 г. следующего содержания:

> «Проведено углубленное обсуждение проблемы мирного договора на основе положений, согласованных в Заявлении... по проблеме мирного договора от 5 сентября 2000 г.
>
> <...>
>
> В этой связи Стороны...:
>
> — договорились вести дальнейшие переговоры о заключении мирного договора на основе принятых до настоящего времени документов, включая Совместную декларацию СССР и Японии 1956 г., Совместное советско-японское заявление 1973 г., Совместное советско-японское заявление 1991 г., Токийскую декларацию о российско-

---

[610] Программа российско-японского сотрудничества по развитию совместной хозяйственной деятельности на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи: опубликована 5 сентября 2000 г. // Министерство иностранных дел РФ [сайт]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/600264 (дата обращения: 07.11.2017). Программа касалась договоренности о совместном освоении морских живых ресурсов и содержала отсылку к Соглашению о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов от 21 февраля 1998 г., а также в п. 5 клаузулу о том, что такое сотрудничество «не должно рассматриваться как наносящее ущерб юридическим позициям каждой из сторон по любым вопросам, касающимся данного сотрудничества».

[611] Цит. по: Русские Курилы .... – С. 255 – 257.

японских отношениях 1993 г., Московскую декларацию об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией 1998 г., Заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 2000 г. и настоящее Заявление;

— подтвердили, что Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. представляет собой базовый юридический документ, положивший начало процессу переговоров о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между двумя странами;

— исходя из этого, согласились ускорить дальнейшие переговоры с целью заключения мирного договора путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи и таким образом достичь полной нормализации двусторонних отношений на основе Токийской декларации 1993 г.;

— договорились активизировать переговоры с целью достижения взаимоприемлемого решения и в ближайшее возможное время определить конкретное направление движения к заключению мирного договора;

— подтвердили, что будут продолжать сотрудничество, связанное с островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, направленное на создание благоприятных условий для скорейшего заключения мирного договора...[612]».

Новое официальное *Совместное заявление глав российского и японского государств* было принято лишь спустя десятилетие, *29 апреля 2013 г.* Оно относится к экономическому партнерству, и все же содержит указание на работу по заключению мирного договора (хотя территориальная проблема или *Совместная декларация 1956 г.* в нем не упоминаются):

«7. Руководители двух стран согласились, что ситуация, при которой – спустя 67 лет после окончания Второй мировой войны – между Россией и Японией не заключен мирный договор, является ненормальной. В целях дальнейшего развития отношений между двумя странами и создания широкого российско-японского партнерства в XXI веке руководители двух стран выразили решимость, преодолев в рамках переговоров имеющиеся расхождения в позициях сторон, заключить мирный договор путем окончательного решения во взаимоприемлемой форме данного вопроса...

8. Руководители двух стран договорились продвигать переговоры по заключению мирного договора на основе всех принятых до настоящего времени документов и договоренностей, включая Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о принятии Российско-Японского плана действий и Российско-Японский план действий 2003 г.»[613].

По итогам первого из двух взаимных визитов в 2016 г. можно привести заявление для прессы Президента России и Премьер-министра Японии от 16 декабря 2016 г. Нам важны следующие его положения:

«1. Президент Российской Федерации В.В. Путин и Премьер-министр Японии С. Абэ в ходе переговоров 15–16 декабря 2016 г. в городах Токио и Нагато достигли взаимопонимания относительно того, что важным шагом на пути к заключению мирного

---

[612] Цит. по: Русские Курилы .... – С. 259 – 261.

[613] Цит. по: Русские Курилы .... – С. 309 – 310.

договора может стать начало консультаций о совместной хозяйственной деятельности России и Японии на южных Курильских островах. <…>

<...>

4. Стороны исходят из того, что ничто в настоящем Заявлении, любых достигнутых на его основе договоренностях о налаживании совместной хозяйственной деятельности и ее осуществление не наносит ущерба позициям Российской Федерации и Японии по проблеме мирного договора.

5. Руководители двух стран договорились продвинуть переговоры о совместной хозяйственной деятельности на вышеупомянутых островах, а также выразили свою искреннюю решимость урегулировать проблему мирного договора»[614].

На основании данных документов ниже будут рассмотрено содержание и обоснованность международно-правовых аргументов, выдвигаемых Российской Федерацией, с одной стороны, и Японией, с другой, в подтверждение правового титула каждого из этих государств на южно-курильские острова.

[614] Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

Глава 3. Международно-правовой анализ позиций России и Японии в споре о суверенитете над южно-курильскими островами

Следующим этапом является оценка вышеизложенных относимых к спору фактов и положений с точки зрения общих международно-правовых норм, применимых к вопросам территории, а также, при необходимости, норм права международных договоров и положениям международного права об ответственности «вражеских» государств за агрессию, совершенную ими во время Второй мировой войны.

Поскольку именно Япония активно заявляет притязания на суверенитет над южно-курильскими островами, ее официальная позиция и правовые оценки такой позиции, высказываемые в литературе, будут рассмотрены первыми. Позиция Российской Федерации представляет собой ответ на аргументы Японии, и ее подробное изложение последует во втором разделе настоящей главы. Наконец, в третьей ее части будет выполнен второй шаг метода, предложенного главе 1 настоящего исследования: а именно, будет сделана попытка разрешить вопрос о том, существует ли объективный территориальный спор с точки зрения международного права, определить необходимость в установлении критической даты и будут исследованы правовые аргументы сторон с перспективы применимых источников (в качестве *lex specialis*) и иных норм международного права (выступающих в роли *lex generalis*).

§ 3.1. Международно-правовая позиция Японии

Базовая официальная позиция Японии по «проблеме Северных территорий» опубликована на вебсайте МИД Японии и звучит следующим образом[615]:

1. «Северные территории» являются исконными территориями Японии[616], в настоящий момент неправомерно оккупируемыми Россией.

2. Переговоры по заключению мирного договора ведутся на основании соглашений и документов, созданных двумя сторонами, таких как *Совместная советско-японская декларация 1956 г., Токийская декларация 1993 г., Иркутское заявление 2001 г. и Российско-японский план действий 2003 г.*

3. Позиция Японии состоит в том, что, если принадлежность «Северных территорий» Японии будет подтверждена, Япония готова гибко отреагировать на вопросы сроков и порядка их фактического возврата[617] (включая готовность учитывать интересы проживающих на них

---

[615] Northern Territories Issue. Japan's Basic Position [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan [сайт]. URL: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/overview.html (дата обращения: 07.11.2017).

[616] Этот довод законодательно закреплен с 11 июня 2009 г. в Законе о специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий. См. Приложение № 2.

[617] Chotani V.M. Op. cit. – P. 5.

российских граждан, дабы избежать «трагедии», которой отмечено выселение японских граждан с островов после их занятия СССР).

4. Правительство Японии просит японский народ не въезжать на территорию островов вне рамок договоренностей о безвизовых посещениях до тех пор, пока не будет разрешен территориальный вопрос[618]. Япония не может допустить со стороны третьих лиц какую-либо деятельность, в том числе хозяйственную, которая может быть рассмотрена как подчинение российской «юрисдикции» или может вестись исходя из презумпции существования «юрисдикции» России над территориями.

Кроме того, в позиции МИД Японии содержится прямая ссылка на поддержку этой позиции со стороны США (другие государства не упоминаются).

В действительности аргументов в этой позиции больше. К примеру, в истории «вопроса Северных территорий» на той же Интернет-странице на японском языке раскрывается содержание доводов об «исконных территориях» и их якобы незаконной оккупации со стороны СССР, и контраргумента в связи с отказом СССР в 1960 г. от *Совместной советско-японской декларации 1956 г.*[619]. Так, указывается, что:

а) Япония первой узнала о существовании и установила эффективный контроль над островами к началу XIX века;

б) российская власть никогда не простиралась дальше о. Уруп;

в) *Симодский трактат 1855 г.* мирным путем установил границу, закрепив фактически существовавшее положение;

г) заняв острова в 1945 г. после того, как Япония приняла Потсдамскую декларацию 1945 г. и японские войска без сопротивления капитулировали, СССР нарушил *Пакт о нейтралитете 1941 г.*, продолжавший действовать до апреля 1946 г.[620];

---

[618] В японоязычной версии вебсайта раздел о «вопросе Северных территорий» расширен и включает, помимо прочего, подробную памятку для лиц, путешествующих на эти территории, предупреждающую их о необходимости воздержаться от действий, которые могут быть сочтены признанием российской юрисдикции (в том числе упоминается «кумулятивная» деятельность частных лиц) и навредить правовой позиции Японии (URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/hoppo_qa.html). Программа безвизовых посещений, вместе с программой посещений могил предков стала ответом на опасение Японии, что предоставление паспортов и получение виз могут составлять такое признание. Akaha T. Despite the Northern Territories .... – P. 97; Williams B. The Russo-Japanese Visa-Less Exchange Program: Opportunities and Limits // East Asia. – 2003. – P. 110 – 113.

[619] URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/hoppo.html; http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/hoppo_keii.html; http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/hoppo_rekishi.html (дата обращения: 07.11.2017).

[620] Также делается акцент на том, что на островах на момент занятия советскими войсками не проживали граждане СССР, но проживало 17 000 японцев, насильственно выселенных с этих территорий (Ibid.).

д) основные принципы послевоенного территориального размежевания закреплены в англо-американской *Атлантической хартии 1941 г.* и *Каирской декларации 1943 г.*, закреплявших запрет территориальной экспансии, который СССР нарушил в 1945 г.;

е) «Северные территории» были приобретены на основании *Симодского трактата 1855 г.* и *Санкт-Петербургского трактата 1875 г.*, а не путем «насилия и алчности» и поэтому не подпадают под положения *Каирской декларации 1943 г.* и подтвердившей ее *Потсдамской декларации 1945 г.* об отторжении территорий от Японии;

ж) *Меморандум № 677* лишь временно ограничил японский контроль и право на управление определенными островными территориями;

з) спорные четыре острова не включены в понятие «Курильских островов», от которых Япония отказалась в соответствии с *Сан-Францисским договором 1951 г.*;

и) СССР не подписал *Сан-Францисский договор 1951 г.* и не вправе ссылаться на него;

к) *Совместная советско-японская декларация 1956 г.* является международно-правовым документом, который не может быть изменен в одностороннем порядке, и кроме того подтверждена в качестве одного из действующих международных договоров, на основании которого должен решаться территориальный вопрос, начиная с *Токийской декларации 1993 г.*[621].

И данный перечень тоже не исчерпывает содержание позиции Японии. Как представляется, он очерчивает только «наступательные» доводы, при этом в нем опускаются возражения на отдельные аспекты российской позиции. Так, никак не комментируется наличие спора или проблемы вопреки заявлениям российской стороны о его отсутствии. Кроме того, полный аргумент о правовом титуле Японии в силу международных договоров XIX века не включает обоснование того, что такие договоры продолжили действовать невзирая на Русско-японскую войну 1904-1905 годов. Не отражен в базовой позиции и ответ на ссылки России на *Ялтинское соглашение 1945 г.*, которое Япония считает недействительным по трем причинам: поскольку оно является, согласно ее заявлениям, «секретным» соглашением, поскольку Япония в нем не участвовала, и, наконец, поскольку оно не обладает обязательным характером и является лишь выражением намерения, согласно позиции, занятой в отношении данного соглашения США[622]. Можно предположить, что неуказание этих трех аспектов в базовой позиции или описании истории «проблемы Северных территорий» связано с нежеланием Японии создать впечатление признания обоснованности подобных возражений, либо, в случае

---

[621] Все последующие совместные заявления и декларации, как представляется, описываются для того, чтобы подчеркнуть признание российской стороной существования спора и действительности Совместной советско-японской декларации 1956 г. Кроме того, в описании соответствующих встреч и документов очевидно прослеживается акцент на любые признаки готовности российской стороны пойти на компромисс (Ibid.).

[622] Заявление Сената США при ратификации Сан-Францисского договора 1951 г. см. выше Главу 2, §2.3.

Ялтинского соглашения 1945 г. – согласия с его относимостью к спору[623]. Такие доводы дополняются юридической и исторической литературой[624].

Общие оценки позиции Японии специалистами расходятся. Дж. Стефан указывает на подрывающие кажущуюся убедительность японской позиции[625] «неточности, расхождения и упущения», такие как игнорирование фактов, свидетельствующих о российской истории «связей» с южно-курильскими островами, того, что СССР присоединился к Атлантической хартии с оговоркой, которая, по его мнению, давала возможность для «территориальных приобретений»[626], а также невыгодного для Японии «общего понимания», что «Курильские острова» по Сан-Францисскому договору 1951 г. включали о-ва Кунашир и Итуруп. Вместе с тем, в пользу «возврата» Японии «Северных территорий» высказываются, например, французский лингвист Т. Морманн[627], историк Д. Даунинг[628]; в российской литературе к позиции об обоснованности требований Японии, полностью или частично (к некоторым доводам) присоединяются японовед и юрист В.Н. Еремин и правовед С.М. Пунжин[629]. Доводы Японии и специалистов раскрываются ниже.

Первооткрытие и первоосвоение островов. Некоторые японские ученые утверждают, что Япония вступила в «контакт» с северными территориями еще в 658 г. н.э. и что японцы

---

[623] При этом *Ялтинское соглашение 1945 г.* все же было включено в Совместный сборник документов МИД Российской Федерации и МИД Японии по истории территориального размежевания между Россией и Японией, призванный сформировать «объективное представление о «территориальной проблеме» между Россией и Японией». См.: Совместный сборник документов. Предисловие. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/compilation.html (дата обращения: 07.11.2017).

[624] Japan's Territorial Issues and the Historical Understandings of the Concerned Countries. Case Studies on the Senkaku Islands, Takeshima and the Northern Territories / The Japan Institute of International Affairs, March 2014. – P. 3 – 6, 17 – 20. URL: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/FY2013_Japan_Territorial_Issues_and_Historical_Understandings/Japan_Territorial_Issues_and_Historical_Understandings_FY2013.pdf (дата обращения: 07.11.2017); La Guardia, E. de. Op. cit. – P. 415 – 416; Mormanne T. Op. cit. – P. 21-22; Lee S.-W. The 1951 San-Francisco Peace Treaty ... – P. 108; Yamada Y. Un conflit géopolotique persistant entre le Japon et la Russie: La question des "Territoires du Nord" // Géostrategiques No. 26, 1er trimestre 2010. – P. 141-144; Хлестов О.Н. Южнокурильская проблема в российско-японских отношениях // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4. – С. 2 – 3; Sharma S.P. Op. cit. – P. 294 – 301; Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 210; Kimura H. Op. cit. – P. 43 et seq; Amanzholov Z.M., Akhmetov Ye.B. Op. cit. – P. 16 – 18.

[625] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 211.

[626] Русские Курилы .... – С. 115 (цитируемая часть оговорки гласила: «Советское правительство, имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны..»); Еремин, В.Н., Указ. соч. – С. 28.

[627] Данный автор придерживается этого мнения вопреки результатам собственного лингвистического анализа, которые показывают, что Япония может требовать лишь возврата о-вов Хабомаи (чья принадлежность к «Курильским островам» спорна), руководствуясь соображениями большей потребности Японии в сухопутной и морской территории, устранения чувства «униженности» Японии по итогам войны, и установления долгосрочного мира, подобного установившемуся после заключения двух договоров XIX века (Mormanne T. Op. cit. – P. 27 – 30).

[628] Downing D. An Atlas of Territorial and Border Disputes. – L.: New English Library, 1980. – P. 20.

[629] Еремин В.Н. Указ. соч.; Пунжин С.М. СССР – Япония: можно ли при помощи права решить проблему «северных территорий»? // Советское государство и право. – 1991. – № 7. – С. 104-119.

исследовали их в XVII – XVIII веках[630]. Более правдоподобно звучат другие две версии данного довода: первая предполагает заявление этого аргумента не самого по себе, но в контексте довода о содержании понятия «Курильских островов»[631]; вторая опирается не на освоение островов самими японцами, а на «распространение японского контроля над островами, первоначально заселенными айну»[632]. Здесь учитываются действия клана Мацумаэ по исследованию и освоению этих территорий, например, составление первых карт о-вов Кунашир и Итуруп в 1635 г., получение «дани» от айну о-вов Кунашир и Итуруп с 1731 г., установление торгового «округа» на о. Кунашир в 1754 г., направление на о. Кунашир с 1754 г. лиц, ответственных за администрацию, торговлю и рыболовство, действия миссий, направленных сёгунатом (т.е. центральным правительством Японии) в 1785 и 1786 г. на о-ва Итуруп и Кунашир, которые исследовали острова, возвели таблички на о-вах Итуруп и Кунашир о принадлежности их Японии, а также помещение указанных островов под прямой контроль с 1799 г.[633]. Согласно данному аргументу, какое-либо русское влияние в регионе никогда не простиралось за пределы о. Уруп в том числе из-за японских мер по обеспечению безопасности[634], и, к тому же, «Россия никогда не претендовала и физически не занимала о-ва Шикотан или Хабомаи до сентября 1945 г.»[635]. Приводятся и иные действия по управлению островов, но они относятся к периоду после 1868 г.[636], т.е. после заключения *Симодского трактата 1855 г.* Указанные свидетельства на первый взгляд убедительны, однако специалисты указывают и на их недостатки: в контексте политики *sakoku* (самоизоляции) Японии, которая велась сёгунатом с 1641 по 1853 гг. и означала, что Эдзо (о. Хоккайдо) не признавался частью Японии[637], при анализе действий, на которые опирается Япония в рассматриваемом аргументе, возникают сложности с определением их характера как *effectivités,* или с установлением *animus occupandi,* намерения присвоить территорию[638]. Политические

---

[630] Yamamoto H. History of the Kuriles, Shikotan and the Habomai Islands // Contemporary Japan. – 1951, October-December. – Vol. 20. – P. 461 – 463.

[631] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 12 fn 85.

[632] Ibid. – P. 9.

[633] Ibid. – P. 9 – 10.

[634] См.: Sharma S.P. Op. cit. – P. 297.

[635] Впрочем, существуют источники как в пользу, так и против этого мнения (Lee S.-W. The 1951 San-Francisco Peace Treaty .... – P. 83 – 85).

[636] Idem. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 10.

[637] Плотников А.Ю. Указ. соч. – С. 6 – 7.

[638] Ibid. – P. 13. При этом, впрочем, высказываются и иные мнения – так, японист В.Н. Еремин пишет, к сожалению, не указывая правовые источники, на которые опирается, что «[в] тот период хозяйственное освоение означало ведение торговли с местным населением». См.: Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 10.

изменения внутри Японии также рождают сомнения в том, поддерживалось ли предположительное изначальное завладение островами экспедицией 1798 г. до момента восстановления прямого управления над спорными островами сёгунатом в 1854 г.

Симодский трактат 1855 г. и Санкт-Петербургский трактат 1875 г. закрепили правовой титул за Японией мирным путем, поэтому «Северные территории» не подпадают под положения Каирской декларации 1943 г. и Потсдамской декларации 1945 г. Суть данного довода состоит в том, что поскольку Япония приобрела южно-курильские острова мирным путем в XIX веке, они не подпадают под положение Каирской декларации 1943 г. об изгнании Японии «со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности». Потсдамская декларация 1945 г. приводится здесь как подтвердившая эти положения Каирской декларации 1943 г. и закрепившая, что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем», – т.е., по толкованию японской стороны, указывающая на то, что такие менее крупные острова включают только территории, захваченные силой, и, тем самым, исключают южно-курильские острова. Отдельно в литературе высказывается предположение о возможности толковать соответствующие статьи *Симодского трактата 1855 г.* и *Санкт-Петербургского трактата 1875 г.* о цессии «Курильских островов» как об относящие к этому понятию только северную часть архипелага.

Нарушение СССР Пакта о нейтралитете 1941 г. В соответствии с условиями Пакта он должен был действовать до апреля 1946 г., а заявление СССР о намерении денонсировать Пакт, по утверждениям Японии, не означало прекращения его действия; тем самым, вступив в войну с Японией вопреки обязательствам по данному документу, СССР нарушил его положения[639]. В сочетании с заявляемым Японией нарушением СССР при «оккупации» островов *положений Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. о запрете территориальной экспансии,* приобретение их с помощью силы (или, по квалификации некоторых авторов, на основании завоевания, на тот момент уже запрещенного международным правом[640]) нельзя, как утверждают японские правоведы, считать правомерным[641].

Ялтинское соглашение 1945 г. «недействительно и/или не является обязательным для Японии». Ялтинское соглашение 1945 г. оспаривается Японией на том основании, что оно является секретным соглашением (англ. *secret agreement*) по международному праву, а также, в любом случае, не определяет понятие «Курильских островов» и оставляет его определение на

---

[639] Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 29 – 30.

[640] Call K.A. Op. cit. – P. 735 – 737; Takahashi R.M. Op. cit. – P. 233; Fraser R.J. Jr. Op. cit. – P. 57 – 63.

[641] Таково мнение Ц. Котани, см.: Sharma S.P. Op. cit. – P. 300 fn 403.

усмотрение Союзных держав[642]. В любом случае, согласно заявлениям американских должностных лиц, Ф.Д. Рузвельт не согласился на цессию островов, но лишь «пообещал поддержать советские требования на конференции по мирному договору»[643].

Меморандум № 677 не установил окончательный территориальный состав Японии. Это утверждение опирается на п. 6 Меморандума. В связи с этим документом не заявляется отдельный довод, в том числе, и в литературе; вместе с тем, он используется для толкования понятия «Курильских островов» как свидетельство того, что в понимании союзников они не включали о-ва Хабомаи и о. Шикотан, указанные в нем отдельно от «Курильских»[644].

Южно-курильские острова не входят в понятие «Курильских островов» по смыслу Сан-Францисского договора 1951 г. Япония не спорит с тем, что Сан-Францисский договор 1951 г. является обязательным для нее, но возражает против того, что «Северные территории» входят в понятие «Курильских островов» по указанному договору[645]. Существует несколько версий того, когда именно этот довод был заявлен впервые. По мнению японского исследователя Х. Вады, первая попытка отделить «Северные территории» от «Курильских островов» по мирному договору была сделана в петиции, направленной Общественным объединением Хоккайдо в японское Министерство иностранных дел в июне 1949 г.: в ней указывалось, что Курильские острова – это 28 островов к северу от о. Уруп включительно[646]. Также указывается, что впоследствии, в 1950 г., в Комитете по внешним сношениям японского парламента депутат от Хоккайдо высказался о том, что в «архипелаг Тисима» входят только острова от о. Итуруп на север. С этим не согласился директор Бюро политических дел К. Симао, ответивший, что по мнению его подразделения «Курильские острова», упоминаемые в мирном договоре и Ялтинском соглашении 1945 г., охватывают южно-курильские острова, кроме о-вов Шикотан и Хабомаи, на что депутат от Хоккайдо возразил, что это противоречит положениям Санкт-Петербургского трактата 1875 г.[647]. По другим источникам, данный довод был впервые озвучен 11 февраля 1956 г. в ответе заместителя Министра иностранных дел Японии К. Мориситы на вопрос парламентского Комитета по внешним сношениям, что это понятие не включает о-ва

---

[642] См. заявления японских должностных лиц в этой связи за 1949 – 1950 гг. в Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 24.

[643] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 156.

[644] См.: Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .. – P. 104 – 105.

[645] Это понимание отражено в Законе о специальных мерах по содействию разрешению проблемы Северных территорий от 1982 г., Статья 2.1.1 которого предусматривает, что «под «Северными территориями» понимаются острова Итуруп, Кунашир и Шикотан, а также группа островов Хабомаи». См. Приложение № 2. См. также Ko S.S. Nationality and International Law in Asian Perspective. – Dodrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1990. – P. 238.

[646] Mormanne T. Op. cit. – P. 5 – 6.

[647] Ibid. – P. 6.

Итуруп и Кунашир (тогда как о-ва Шикотан и Хабомаи и до этого считались в Японии частью о. Хоккайдо) [648] . В толковании понятия «Курильские острова», таким образом, Япония обращается к *Симодскому трактату 1855 г.*, *Санкт-Петербургскому трактату 1875 г.*, указывая, что в нем не перечислялись спорные о-ва Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи[649], а также к *Ялтинскому соглашению 1945 г.* (по всей вероятности, в понимании США) и, разумеется, к *Сан-Францисскому договору 1951 г.*

В литературе этот аргумент проработан лучше других. «Тщательные исследования», пишет Дж. Стефан, ссылаясь на публикации японских ученых Т. Хоро, Ю. Такано, а также советского специалиста Д.В. Петрова, показывают, что является «ошибочным» японский довод о том, что *все* южно-курильские острова не входят в понятие «Курильских»»[650]. Здесь он вновь подчеркивает, что С. Йосида не делал различия между Курильскими и якобы не-Курильскими островами на конференции по мирному договору или впоследствии в Парламенте, и при упоминании японскими должностными лицами Курильских островов в 1951 г., они имели в виду все острова между о. Хоккайдо и п-овом Камчаткой, кроме о-вов Шикотан и Хабомаи; не заявлял о том, что о-ва Итуруп и Кунашир являются японскими, и американский делегат на конференции Дж.Ф. Даллес [651]. Таким образом, о-ва Шикотан и Хабомаи рассматриваются в источниках отдельно от о-вов Итуруп и Кунашир (так, например, С. Шарма указывает, что Япония считает продолжением о. Хоккайдо о-ва Шикотан и Хабомаи, но «Курильскими» по Сан-Францисскому договору 1951 г. не признает и о-ва Итуруп и Кунашир[652]).

Наиболее подробно данный аргумент Японии в отношении о-вов Итуруп и Кунашир, с одной стороны, и о-вов Шикотан и Хабомаи, с другой, оценил корейский правовед С. Ли. По его мнению, довод об исключении о-вов Итуруп и Кунашир из понятия «Курильских островов» не подтверждается японскими и некоторыми американскими источниками: определением «Курильского архипелага» в Большом японском историческом словаре 1988 г. издания, заявлением Директора Международно-договорного отдела МИД Японии К. Нисимуры от 19 октября 1951 г.[653], речью Премьер-министра Японии С. Йосиды на конференции по мирному

---

[648] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 14.

[649] Ibid. – P. 14.

[650] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 200.

[651] Ibid.; Mormanne T. Op. cit. – P. 3 (Дж.Ф. Даллес заявил, что Курильскими по мнению американского правительства не были только о-ва Хабомаи, и в любом случае вопрос о содержании данного понятия должен окончательно разрешаться Международным Судом ООН).

[652] Sharma S.P. Op. cit. – P. 294.

[653] В марте 1950 г. К. Нисимура высказался о понимании Санкт-Петербургского трактата 1875 г., что толкование «Курильских островов» только как островов северной части гряды представлялось «невозможным», а затем о Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. сказал, что его отдел понимает «Курильские острова» как

договору от 7 сентября 1951 г., где были упомянуты «южно-курильские о-ва Итуруп и Кунашир»[654], а также отсылкой к ним как к «южно-курильским» в мемуарах Премьер-министра, несколькими меморандумами Государственного департамента США, петицией Генералу Д. МакАртуру от Собрания префектуры Хоккайдо, заявлением Социалистической партии Японии 1950 г., текстом заявления Сената США о ратификации Сан-Францисского договора 1951 г., Меморандумом № 677[655], а также точкой зрения К. Того, сотрудника МИД Японии, участвовавшего в российско-японских переговорах в период 1985-2001 гг.[656].

Что касается о-вов Шикотан и Хабомаи, то здесь правовед также перечисляет факты и источники, которые могут свидетельствовать против довода Японии, такие как факт отсутствия протестов со стороны Союзных держав или Главнокомандующего Союзных держав против занятия советскими войсками всех южно-курильских островов, включая о-ва Хабомаи, исключение их при определении зоны, в которой Японии разрешалось вести рыболовный промысел, меморандум географа при Государственном департаменте США С.У. Боггса, который не нашел какое-либо основание для сохранения о-вов Хабомаи Японией, а относительно о. Шикотан высказался, что решительный перевес доказательств, которые бы говорили о его включении в или исключении из состава Курильских, отсутствует[657]. Таким образом, по мнению С. Ли, хотя позиция Японии об исторической принадлежности ей и мирном приобретении спорных островов «немного» убедительнее российской, «может быть затруднительно доказать», что о-ва Итуруп, Кунашир и Шикотан не являются «Курильскими» по смыслу Сан-Францисского договора 1951 г.[658]. Позиция Японии относительно о-вов Хабомаи, соответственно, наоборот им поддерживается.

Отдельную часть этого аргумента составляет утверждение Японии о том, что, поскольку в Сан-Францисском договоре 1951 г. не указано государство, приобретавшее «Курильские острова», от которых она отказалась, их занятие СССР неправомерно[659]. Сюда, вероятно,

---

северные *и* южные Курильские острова (см.: Mormanne T. Op. cit. – P. 10 – 11). Это, по мнению японского историка Х. Кимуры, ослабило японскую позицию (Kimura H. Op. cit. – P. 66).

[654] При этом С. Йосида отметил, что окончательное определение этого понятия остается за США. Французский японовед Т. Морманн в связи с этим отмечает, что «неясно», почему такое право предоставляется только американскому правительству (Ibid. – P. 11. Здесь и далее см. также Brown J.D.J. Op. cit. – P. 21 – 22).

[655] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 15 – 17.

[656] Brown J.D.J. Op. cit. – P. 22.

[657] Ibid. – P. 17.

[658] Ibid. – P. 39.

[659] Ibid. – P. 5.

следует отнести изложенный выше исторический аргумент Японии о том, что спорные четыре острова никогда не являлись частью какого-либо государства, кроме Японии[660].

Положения Совместной советско-японской декларации 1956 г. о передаче о-вов Шикотан и Хабомаи продолжают действовать для России. Этот аргумент изложен в ноте, направленной Японией в ответ на полученную от СССР в 1960 г. ноту о том, что о-ва Шикотан и Хабомаи будут переданы Японии по декларации 1956 г. только после того, как из Японии будут отозваны все иностранные войска и будет заключен мирный договор[661]. В японской ноте подчеркивалась, что обязательство передать острова не связана с заключением Договора о сотрудничестве и безопасности с США, а также что Совместная декларация 1956 г. была ратифицирована и, следовательно, представляла собой международный договор, который не мог быть расторгнут в одностороннем порядке[662]. Признавая обязательность Совместной декларации 1956 г., Япония не отказывается от требований в отношении о-вов Итуруп и Кунашир и не считает ее мирным договором, разрешившим все вопросы с Россией[663].

§ 3.2. Международно-правовая позиция России

Существование территориальной проблемы и тем более спора с Японией о южно-курильских островах, как уже отмечалось, не всегда признавалось и до сих пор не единодушно признается российской стороной. Вероятно, именно в этом следует искать причину того, что единое официальное изложение базовой позиции Российской Федерации отсутствует. Тем не менее, ее содержание можно восстановить по заявлениям государственных органов (Президента РФ, Премьер-министра РФ, Министерства иностранных дел РФ[664], Государственной думы РФ[665]) и юридической[666], исторической[667] и политической[668] литературе. Исходя из таких материалов, позиция России охватывает следующие доводы:

---

[660] См.: Mormanne T. Op. cit. – P. 22.

[661] См. выше Главу 2, §2.3; Русские Курилы .... – С. 189 – 192.

[662] Там же.

[663] George D.A. Op. cit. – P. 11 – 12.

[664] Как действующего, С.В. Лаврова (Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 г., Москва, 26 января 2016 г. 26.01.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2032328 (дата обращения: 07.11.2017); В МИД РФ отказались вести переговоры с Японией по поводу Курил, 02.09.2015 // Интерфакс [сайт]. URL: http://www.interfax.ru/russia/464270), так и предшествующего – И.С. Иванова (См.: Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 6., где приводится утверждение министра о том, что при стремлении изучить взаимоприемлемые формы сотрудничества с Японией, Россия намерена делать это без ущерба для своего суверенитета и территориальной целостности).

[665] Ее позиция отражена в принятом без единого голоса «против» Заявлении Государственной думы РФ «О принятии Палатой представителей Парламента Японии поправок к «Закону о специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий» от 24 июня 2009 г. (предусматривающим, что «решение о принадлежности южных Курильских островов является общепризнанным итогом Второй мировой войны»): URL: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/218362-5; См. также Стенограмму обсуждения проекта постановления № 218362-5: URL: http://api.duma.gov.ru/api/transcriptResolution/218362-5 (дата обращения: 07.11.2017).

1) территориальный вопрос был разрешен по итогам Второй мировой войны:

а) Япония отказалась от территориальных притязаний на южно-курильские острова согласно Каирской декларации 1943 г., Потсдамской декларации 1945 г. и Сан-Францисскому договору 1951 г. в рамках мер по реализации ее ответственности как государства-агрессора[669];

б) территориальные притязания Японии – это попытка подрыва послевоенного[670] международного порядка, закрепленного, в частности, Статьей 107 Устава ООН[671];

2) южно-курильские острова были переданы СССР Ялтинским соглашением 1945 г. в обмен на выполненное им в августе 1945 г. обязательство вступить в войну против Японии:

а) Ялтинское соглашение 1945 г. является действительным соглашением, обязывающим подписавших его сторон, независимо от неучастия Японии в нем или последующего отказа США от его положений;

б) как бы то ни было, Ялтинское соглашение 1945 г. легло в основу Сан-Францисского договора 1951 г., в связи с чем СССР однозначно является государством, в пользу которого Японией отчуждены Курильские острова;

в) Япония также признала, что Курильские острова не входят в ее состав, подчинившись Меморандуму № 677;

3) южно-курильские острова входят в понятие «Курильских островов» по Сан-Францисскому договору 1951 г.[672];

---

[666] См., напр., Улановский Ю.Б. Территориальные вопросы мирного урегулирования с Японией // Советское государство и право. – М., 1952. – № 5. – С. 66 – 70; Gavrilov V.V. Challenges and Prospects of the Southern Kuril Islands' Status // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2016, January. – Vol. 7, No. 1. – P. 302 – 303; Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 102 – 119; Мелков Г.М. Территориальные претензии Японии к СССР/России / Г.М. Мелков, В.Б. Чамаров // Российский ежегодник международного права. – СПб., 2000. – С. 238 – 250; Скулкаков Р.М. Указ. соч. – С. 79, 93; Ильинская О.И. Правовые основы территориального размежевания между Россией и Японией // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – С. 130 – 140; Sharma S.P. Op. cit. – P. 298 – 301; Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 26.

[667] См., напр., Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 202, 204 – 205.

[668] Симкин В.С. Рассмотрение территориальных претензий Японии к России с точки зрения международного права / В.С. Симкин, А.В. Люксембург // История и современность. – 2007. – № 6 (15). – С. 74 – 78 (хотя данная статья и претендует на международно-правовой анализ, заявляемые доводы скорее носят политический характер и не всегда корректны с точки зрения международного права).

[669] О.Н. Хлестов выделяет в этой связи обязательство Японии по Потсдамской и Каирской декларациям подчиниться воле союзников в связи с отторжением от нее территорий (Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 3). См. также Тимохин К.В. Указ. соч. – С. 71; Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 108.

[670] А именно, заявление Японией территориальных требований рассматривается как ««реваншизм» Японии с поддержкой США» (Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 188).

[671] Устав ООН, Статья 107 («Настоящий Устав ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям»).

[672] С этим соглашаются и зарубежные авторы – см., напр.: Fraser R.J. Jr. Op. cit. – P. 61 – 62.

4) Япония не сохранила действительный правовой титул на южно-курильские острова на основании Трактатов 1855, 1875 и 1895 гг., поскольку их действие было прекращено Русско-японской войной 1904-1905 гг.[673];

5) СССР правомерно денонсировал Пакт о нейтралитете 1941 г., и Япония не вправе ссылаться на технические нарушения порядка денонсации, поскольку с момента его заключения не намеревалась следовать положениям Пакта[674];

6) первооткрытие и первоосвоение всех Курильских островов, включая южно-курильские, является заслугой российского государства[675];

7) в качестве альтернативного аргумента, если южно-курильские острова не были переданы СССР по итогам Второй мировой войны, СССР и Россия приобрели отдельный правовой титул над ними на основании эффективного завладения или приобретательской давности[676].

Непризнание существования спора и/или разрешенность спора по итогам Второй мировой войны. Утверждения о том, что территориальной проблемы с Японией нет или что речь идет об односторонней претензии[677], скорее являются политическим выражением довода о том, что территориальное размежевание окончательно завершилось по итогам Второй мировой войны и не подлежит пересмотру. Дискуссия о предположительно выгодных для Японии[678] или неблагоприятных для России последствиях признания наличия спора [679] или его непоследовательного признания и непризнания Россией[680] также является политической по своему характеру и не представляет интереса для настоящего исследования.

Вместо этого самого пристального внимания заслуживает содержание главного аргумента о том, что *правовой титул на южно-курильские острова возник у СССР на основании международно-правовых документов, оформивших итоги Второй мировой войны*

---

[673] Представляется, что такая формулировка корректнее утверждений некоторых исследователей (Федотовская З.А. Решающая роль Советского Союза в справедливом разрешении территориальных вопросов в Европе и Азии после Второй мировой войны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1951. – С. 8) о том, что Курильские острова были в прошлом (до 1945 г.) неправомерно отторгнуты Японией от России.

[674] Куртов А.А. Историко-правовые основания принадлежности Курильских островов Российской Федерации // Проблемы национальной стратегии. – 2009. – № 1. – С. 178.

[675] Улановский Ю.Б. Территориальные вопросы мирного урегулирования с Японией .... – С. 68.

[676] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 23; Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 5 – 6.

[677] Скулкаков Р.М. Международно-правовая регламентация формирования государственной территории и установления государственной границы России: дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03. – М., 2003. – С. 24; Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 162; Ткаченко Б.И. Международно-правовые проблемы передачи Южно-Курильских островов Японии // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2(75). – С. 15.

[678] Takahashi R.M. Op. cit. – P. 238.

[679] Русские Курилы .... – С. 175.

[680] Там же. – С. 180 – 181, 186.

для Японии, и в качестве компенсации за агрессию Японии и выполнение СССР обязательства по Ялтинскому соглашению 1945 г.[681].

Первый аспект этого довода строится на Ялтинском соглашении 1945 г. По смыслу этого документа Курильские острова подлежали передаче Советскому Союзу. Как отмечено Г.И. Тункиным, действия союзных держав, в том числе «отторжение некоторых территорий от Германии и Японии в результате второй мировой войны… основывались прежде всего на принципе международно-правовой ответственности государства за совершенную им агрессию»[682]. С этим соглашается О.Н. Хлестов, сравнивая «правомерную акцию против государства-агрессора», которым была по квалификации союзников Япония, с сокращением территории Германии по итогам войны[683]. Подчеркивается, что в Ялтинском соглашении США и Великобритания согласились «безусловно» удовлетворить эти требования СССР по окончании войны. Исходя из этого, после победы над Японией СССР ожидал, что в ответ на выполнение им своего обязательства вступить в войну, которое он принял на себя перед США и Великобританией, они исполнят свое обязательство – содействовать установлению суверенитета СССР над всеми Курильскими островами. Однако последующее охлаждение отношений между СССР, с одной стороны, и США и Великобританией, с другой[684], привело к тому, что в «сепаратном» (подписанном без участия СССР и КНР) мирном договоре 1951 г. с Японией указание на СССР как получателя Курильских островов было опущено.

Доктриной признается, что по Статье 25 указанного договора никакие государства, не являющиеся Союзными державами по смыслу договора (т.е. не участвующие в нем, как СССР) не приобретают из него никаких прав, титулов или выгод. Несмотря на это, советские исследователи указывали, что Япония и до этого «официально признала» обоснованность территориальных изменений в акте о принятии Потсдамской декларации и Акте о безоговорочной капитуляции[685]. В рамках этой же цепочки аргументов можно привести мнение зарубежных правоведов о том, «сложно утверждать», что выгодоприобретателем отказа Японии от Курильских островов могло являться какое-либо иное государство помимо СССР, что

---

[681] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 2, 4; Gavrilov V.V. Challenges and Prospects .... – P. 304; Ермошин В.В. К вопросу о праве России на Южный Сахалин и Курильские острова // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 121. Дж. Стефан указывает, что некоторые специалисты советского периода понимали под агрессией Японии ее действия еще в 1798 г. См.: Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 158 fn 48.

[682] Тункин Г.И. Теория международного права. – М.: Международные отношения, 1970. – С. 469 – 470; Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 67; Ильинская О.И. Указ. соч. – С. 132 – 134.

[683] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 4.

[684] Чернявский С.В. Сан-Францисский договор: Российский взгляд. URL: http://rgavmf.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=483:-1951-&catid=37:fleethistory&Itemid=56 (дата обращения: 07.11.2017).

[685] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 182.

«неоспоримо» подтверждается подготовительными материалами к договору[686], и в связи с чем можно «по крайней мере теоретически» утверждать, что такой отказ Японии являлся «де-факто признанием того, что эти территории были уступлены Советскому Союзу, занимавшему их на тот момент» [687] . В отечественной литературе, исходя из вышеизложенных аргументов, считалось и считается, что «недостающим» правовым основанием, делающим СССР выгодоприобретателем такого отказа, является Ялтинское соглашение 1945 г.[688].

Понятие «Курильских островов». Наконец, в качестве контр-аргумента с российской стороны заявляется, что спорные острова – Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи – включены в понятие «Курильских островов» согласно Статье 2 Сан-Францисского договора 1951 г., тогда как аргумент японской стороны об обратном «искажает факты»[689]. Данный контр-аргумент подкрепляется японской исторической и географической литературой почти за трехсотлетний период, в котором Курильские острова на севере и на юге рассматривались как единое целое[690]; материалами и пониманием этого термина участниками конференции в Сан-Францисско, в том числе ввиду учета Ялтинского соглашения 1945 г. при составлении первых проектов мирного договора [691] ; поддержкой позиции Японии со стороны США, которую некоторые авторы расценивают лишь как еще одно доказательство того, что в 1951 г. все участники конференции признавали принадлежность южно-курильских островов к понятию «Курильских»[692], включая их ответ с отказом на предложение Индии не отторгать от Японии о-ва Рюкю и Бонин ввиду исторических связей с Японией, в котором говорилось о том, что учет исторических связей означал бы «значительный отход от Потсдамских условий капитуляции»[693]; включением южно-

---

[686] См. также: Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 2, 4. Данный автор обращает внимание, что по мирному договору 1951 г. от Японии отторгались и другие территории без указания на выгодоприобретателя, но, оформляя права на них двусторонними договорами, Япония не заявляла на них притязания.

[687] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 36 – 37.

[688] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 4 – 5.

[689] Там же. – С. 3; Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 114 – 118.

[690] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 14 fn 100.

[691] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 3. Среди таких материалов называют выступление Дж.Ф. Даллеса, его же письмо в ответ на вопрос американского сенатора А.В. Уоткинса с просьбой разъяснить Статью 2(c) мирного договора, а именно, подразумевает ли она фактически находящиеся во владении СССР Сахалин «и Курильскими островами (вместе с островами Хабомаи и Шикотан»)»; тот факт, что возражения Японии на конференции против отторжения южно-курильских островов не были отражены в окончательном тексте договора.

[692] Там же. – С. 3 – 4. Здесь же подчеркивается, что Сан-Францисский договор 1951 г. продолжает быть обязательным для Японии и не может быть «изменен» для исключения южно-курильских островов, поскольку «правила изменения международных договоров» по Венской конвенции 1969 г. «не распространяются на договоры, заключенные с государством-агрессором» согласно ее Статье 75.

[693] Там же. – С. 4.

курильских островов в согласованные с США районы оккупации СССР[694]; действиями Японии по исключению южно-курильских островов из ее территории во исполнение Сан-Францисского договора 1951 г. в виде нераспространения на их территорию японского законодательства о налогах, избирательном праве, рыболовстве [695]; заявлениями японских должностных лиц (такими, как уже упомянутое выступление К. Нисимуры); Меморандумом № 677, как «убедительным указанием на то, чего хотели Союзные державы»[696]; отсутствием возражений союзников против включения спорных островов в состав СССР[697].

Признавая слабость довода Японии об исключении о-вов Итуруп и Кунашир из состава Курильских, некоторые зарубежные специалисты одновременно подчеркивают слабость контраргумента России в том, что касается о-вов Шикотан и Хабомаи. По мнению С. Ли, это особенно важно ввиду того, что Россия никогда физически не занимала и не заявляла требований на эти острова до занятия их в 1945 г.[698]. Он ссылается на те же источники, которые могут быть использованы для опровержения аргумента Японии в отношении о-вов Итуруп и Кунашир, поскольку в них же о-ва Шикотан и Хабомаи отмечаются отдельно, на меморандумы Государственного департамента США о том, что эти острова исторически и географически не входят в Курильские, и на требование Социалистической и Народно-демократической партий Японии о возврате в особенности о-вов Шикотан и Хабомаи[699]. Вместе с тем, дополнительно он указывает, что «существует убедительный аргумент» в пользу принадлежности о. Шикотан к Курильским островам на основании административных документов за период владения островами Японией, согласно которым о-ва Итуруп, Кунашир и Шикотан входили в одно муниципальное образование, а также таких источников, как Меморандум Государственного департамента США о проблемах при подготовке территориальных положений Сан-Францисского договора 1951 г., «авторитетная» Большая российская энциклопедия и различные японские материалы (путеводители, административные руководства и др.) за период

---

[694] Там же. – С. 4, примечание 13. В подтверждение согласования приводится переписка между И. Сталиным и Г. Трумэном от 14, 15, 16, 18, 22, 27 и 30 августа 1945 г. См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М., 1976. – Т. 2. – С. 280-290.

[695] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 3. О.Н. Хлестов указывает на то, что позиция Японии изменилась только к концу 1955 г. Он не заявляет на основании этого о лишении Японии права возражать против ее признания принадлежности южно-курильских островов к «Курильским», но, как представляется, и такой довод возможен.

[696] Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 104-105. См. также: Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 5.

[697] Там же. Особенно интересна ссылка на заявление представителя МИД Великобритании от 6 июня 1947 г. о том, что «передача Советскому Союзу бывших японских Курильских островов является окончательной и не подлежащей подтверждению в мирном договоре с Японией».

[698] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 17.

[699] Ibid. – P. 17 – 18.

до 1945 г.[700]. Что касается о-вов Хабомаи, то они были исключены из состава Курильских Государственным секретарем США Дж.Ф. Даллесом, относились к юрисдикции Немуро в рамках префектуры Хоккайдо во время японского владения, считаются геологически старше, чем образования Курильского архипелага, отличаются от Курил географически, а также (С. Ли указывает, что «существует аргумент» об этом, но неясно, считает ли он его обоснованным) могли быть включены в район оккупации США по Общему приказу № 1 Верховного главнокомандующего США как малые острова, прилежащие к Японии[701]. На этом же основании признает за Японией право требовать возвращения о-вов Хабомаи и Т. Морманн[702].

Все прочие аргументы, в особенности исторические, являются для России вспомогательными. Так, что касается довода об *открытии и совершении символических действий в отношении Курильских островов*, включая южно-курильские, то он не заявляется на данный момент как самодостаточное обоснование российского правового титула. Признается его слабость с точки зрения международного права XVI века без выполнения требования «эффективной оккупации»[703]. Вместе с тем, еще недавно в советской доктрине заявлялось, что острова принадлежали России в силу первооткрытия и первоосвоения до прибытия на них японцев[704]. Согласно этой точке зрения, первоосвоение было осуществлено посредством различных действий[705], включавших крещение и принятие в подданство айнов, составление карт Курильского архипелага в 1711 и 1739 гг., сбор ясака в 1711 г., создание первого русского поселения и исследование территории на 10 км вглубь южных островов в 1766 – 1767 гг. Кроме

---

[700] Ibid. – P. 18 – 19.

[701] Ibid. – P. 19.

[702] Mormanne T. Op. cit. – P. 12.

[703] Курильские острова. Их открытие и присоединение к России (1711 – 1778 гг.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/88ff23e5441b5caa43256b05004bce11/59b312d6225c5de9c3257929001f7bc1!OpenDocument (дата обращения: 07.11.2017). Мнения В. Лукина, Г. Кунадзе, К. Саркисова, И. Тыщецкого, В. Сироткина (последние два автора в публикации 1991 г. указывали, что истинными «первооткрывателями» южно-курильских островов следует в любом случае считать их коренной народ – айну) см. также в: Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 46 – 50.

[704] См. обобщенную позицию в: Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 59, 203 – 204. Что интересно, это было сменой позиции по сравнению с точкой зрения дореволюционных специалистов (таких как историк С.П. Крашенинников), признававших «приоритет» в открытии и освоении именно южно-курильских островов за Японией. См.: Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 184; Улановский Ю.Б. Территориальные вопросы мирного урегулирования с Японией .... – С. 69 (где приводится также ссылка на записку А.Х. Пальмера, советника при Верховном суде США, предложившего американскому правительству план по «открытию» Японии, на имя Президента США Дж. К. Полка, где якобы признается принадлежность островов России).

[705] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 8 – 9; Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 60. При этом, некоторые действия оспариваются даже российскими специалистами – см.: Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 12 – 15. (где этот автор оспаривает доказательный характер инструкции М.К. Бема 1775 г. как указывающий на намерение присоединить острова и привести в подданство туземное население айнов, что «по меньшей мере было бы странно в отношении уже состоявшихся подданных»; похожий вывод делается относительно записки А.Р. Воронцова и А.А. Безбородко о праве России на открытые русскими мореходами острова).

того, в качестве альтернативного аргумента утверждается, что любые контакты Японии с островами (и даже над о. Хоккайдо) не носили «властный» характер, не осуществлялись Японией как государством и сомнительны в контексте политики изоляционизма Японии того периода [706], т.е. если Российская империя не приобрела правовой титул на основании первооткрытия и первоосвоения, то и за Японией признать такой титул нельзя.

Наконец, даже в отсутствие отдельного аргумента о первооткрытии и первоосвоении южно-курильских островов, действия Российской империи за XVII-XIX века рассматриваются с точки зрения установления ее понимания понятия «Курильских островов» для целей толкования последующих международных договоров.

Действительность и толкование Симодского трактата 1855 г., Санкт-Петербургского трактата 1875 г. и Договора 1895 г. в свете Портсмутского мирного договора 1905 г. Аргументация в связи международными договорами XIX века разбивается на два направления: первая группа доводов связана с обоснованием утраты ими силы, вторая – с использованием их текста для толкования понятия «Курильские острова».

Что касается первой группы доводов, то здесь заявляется, что все три договора были «упразднены войной» 1904 – 1905 гг. согласно Статье XII и Приложению № 10 к Портсмутскому мирному договору 1905 г.[707]. В советской и российской литературе также выдвигался аргумент о том, что Симодский трактат 1855 г. недействителен как подписанный под принуждением российским дипломатом, находившимся в статусе заложника[708], тогда как договоры 1875 и 1895 гг. также были заключены вынужденно под давлением Японии, воспользовавшейся ослабленным положением Российской империи после Крымской войны 1853 – 1856 гг.[709]. В современной отечественной литературе этот довод заявляется редко: отмечается, что он спорен ввиду свидетельств, говорящих об отсутствии какого-либо принуждения: в случае Симодского трактата 1855 г. указывается, что Е.В. Путятин по приезде в Санкт-Петербург был «жалован графским титулом» и что «подобное могло быть только в результате признания особых заслуг», а в случае Санкт-Петербургского трактата 1875 г. и

---

[706] Sharma S.P. Op. cit. – P. 297 fn 397; Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 7; Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 180 – 184.

[707] См.: Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 19 (где В.Н. Еремин не указывает конкретных ученых, выдвигавших такой довод на момент издания его книги в 1992 г., но отмечает, что такова точка зрения «традиционалистов», распространенная в советской литературе).

[708] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 186; см. об этом также: Sharma S.P. Op. cit. – P. 294 – 301.

[709] См.: Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 17; Курицын В.М. Проблема Курильских островов // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 2 – 4.

Договора 1895 г. – что Российская империя сама намеревалась обменять менее значимые острова северной части Курильской гряды на более ценный Сахалин[710].

В связи с вопросами толкования указанных договоров заявляется противоположная японской позиция о том, что как Симодский трактат 1855 г., так и Санкт-Петербургский трактат 1875 г. подразумевали под «Курильскими» как сохраняемые за Россией и впоследствии переданные Японии в 1875 г. в обмен на Сахалин северные Курильские острова, так и отошедшие к Японии еще в 1855 г. южно-курильские острова[711].

Эффективное завладение и приобретательская давность. Подробный аргумент о том, что спорные острова стали *terra nullius* после отказа от них Японии в 1951 г., и СССР приобрел правовой титул в силу эффективного завладения, не встречается в отечественной литературе. Вероятно, это связано с тем, что он входит в противоречие с утверждением о наличии правового основания, которое препятствовало получению островами статуса «ничьей земли», – Ялтинского соглашения 1945 г. Вместе с тем, данный аргумент также возможен как альтернативный, на что делается намек в некоторых зарубежных публикациях[712]. Что касается довода о приобретательской давности, то упоминание о нем и связанный с ним анализ можно найти у О.Н. Хлестова – указывается, что Россия 65 лет (на момент издания соответствующей статьи) осуществляет суверенитет и контроль над островами и прибрежными морскими водами в отсутствие каких-либо протестов со стороны третьих государств против ее законодательства о территориальном море, прилежащей зоне и континентальном шельфе; территориальные воды России, в которые включены морские пространства вокруг спорных островов, признаются некоторыми многосторонними соглашениями[713]. Тот же автор указывает на то, что Япония на практике признает российские морские границы в договорах с СССР (Россией)[714].

Наконец, в связи с *Совместной советско-японской декларацией 1956 г.* некоторые комментаторы высказывают довод о том, что она может считаться де-факто мирным договором между Японией и СССР (Россией), поскольку она решила все вопросы, обычно разрешаемые подобными договорами[715]. Следовательно, по их заключению, территориальный вопрос

---

[710] Там же. – С. 18.

[711] Ильинская О.И. Указ. соч. – С. 131 – 132.

[712] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 23.

[713] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 5 (в качестве примера такого соглашения приводится Региональная конвенция ЮНЕСКО о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах Азии и Тихого океана 1983 г. – Япония в конвенции не участвует, и сам документ не касается вопросов территории; предположительно, автор имеет в виду отсутствие возражений против территориального состава участвующего в конвенции СССР для целей определения сферы применения документа).

[714] Там же.

[715] Там же. – С. 6.

разрешен и закрыт, а удовлетворение «притязаний Японии означало бы возможность пересмотра территориальных итогов Второй мировой войны и в отношении других стран»[716].

§ 3.3. Соотношение доводов Японии и России о суверенитете над южно-курильскими островами с точки зрения теории международного права

Рассмотрим изложенные выше доводы отдельно. Как уже было отмечено, задачей данного этапа исследования является анализ правовых позиций сторон, чтобы установить, какая из них свидетельствует об относительно более сильном правовом притязании на титул. К сожалению, некоторые уважаемые правоведы, такие как С. Шарма и Ю.Г. Барсегов, ограничиваются, по сути, описанием фактов спора и аргументов сторон без проведения такого анализа в свете проведенных обоими авторами подробных теоретических исследований вопросов территории в международном праве. Вместе с тем, они и другие специалисты поднимают важные вопросы[717], которые требуют решения, в первую очередь, для определения ключевых точек спора, от квалификации которых будет зависеть полученный результат.

Каждый шаг анализа будет посвящен одному или группе аргументов и контраргументов, указанных выше, по итогам сопоставления и рассмотрения которых с точки зрения международно-правового регулирования вопросов территории, будут, при возможности, предлагаться промежуточные выводы об относительной силе правовых притязаний обеих сторон. В случае же, если шаг является предварительным и принимается для подготовки исследования следующей группы аргументов, промежуточный вывод будет оставляться до завершения такого последующего шага. После анализа юридических аргументов, мы также рассмотрим названные в главе 1 неправовые соображения (в той степени, в какой они применимы к изучаемому спору) и предложим окончательный результат международно-правового анализа, – т.е. обоснованное предположение о том, какая из спорящих сторон обладает лучшим правовым титулом на все или часть южно-курильских островов. Напомним

---

[716] Там же.

[717] Sharma S.P. Op. cit. – P. 300 (С. Шарма предлагает решить пять блоков вопросов: (1) какая из сторон обладает относительно более сильным титулом на основании исторического владения? (2) Стали ли Курильские острова *terra nullius* после отказа Японии от суверенитета над этими территориями? Может ли советская «пред-оккупация» этих областей вместе с японским отказом «очистить» советский титул с точки зрения права? (3) Противоречит ли завладение Россией территориями силой международному праву? Каковы правовые последствия войны для приобретения территории? (4) Может ли быть доказана обязательность для Японии Ялтинского соглашения? Можно ли утверждать, что Япония посредством последующего принятия молчаливо признала обязательства, закрепленные в нем и Потсдамской декларации? В каких обстоятельствах международный договор создает обязательства для третьего государства? Существует ли коллизия между положениями Ялтинского соглашения, с одной стороны, и Каирской и Потсдамской декларациями, с другой, как утверждает Япония? (5) Хотя СССР не подписал Сан-Францисский договор, достаточно ли в международном праве норм, создающих право в его пользу как третьего государства? (6) Устраняется ли неуказание в Сан-Францисском договоре выгодоприобретателя предшествовавшими документами (т.е. Каирской и Потсдамской декларациями и Ялтинским соглашением)? Можно ли утверждать, что функция последовавшего сепаратного мирного договора состояла не более, чем в подтверждении существующих территориальных договоренностей?).

также, что нижеследующий анализ основан исключительно на фактических обстоятельствах и документах, описанных или процитированных в главе 2 выше; мы допускаем существование иных относимых к предмету анализа фактов и документов, хотя и предполагаем, что существование фактов и документов, способных коренным образом изменить ход анализа, маловероятно. Данное исследование представляет собой попытку независимого и отвлеченного от политических соображений (постольку, поскольку они не входят в число относимых к делу неправовых соображений) международно-правового научного анализа, и не отражает официальную позицию России или Японии.

Существование территориальной проблемы. Первый аспект, который требует рассмотрения, касается наличия или отсутствия спора о территории между Россией и Японией. В главе 1 была приведена предложенная Б.М. Клименко формула, отличающая территориальный спор от разногласия или односторонней претензии (не влекущих обязательство по поиску решения мирными средствами). Указанная формула предусматривала наличие сторон, «ясно выраженного и объективно существующего» предмета спора (вопроса о принадлежности определенной территории) и «выкристаллизовавшихся и сформулированных» позиций по нему. По нашему мнению, рассматриваемая ситуация удовлетворяет этому определению[718].

Несмотря на ранее существовавшее отсутствие единства у японской стороны по вопросу о том, что составляет предмет притязаний Японии к России, оно ни разу не выходило на уровень двусторонних российско-японских переговоров, сохраняясь исключительно внутри японского государственного аппарата; территориальные притязания к России касались и продолжают относиться только к четырем южно-курильским островам, не затрагивая Курильские острова к северу от них. Таким образом, объект спора четко определен. Вопрос о составе спорящих сторон не представляет трудностей: невзирая на политическую заинтересованность в его исходе других государств (США и КНР), никакие субъекты международного права[719] помимо России и Японии не претендуют на суверенитет над южно-курильскими островами. Определенные сложности возникают в связи с установлением факта объективного существования вопроса о суверенитете вследствие возражений с российской стороны, а также наличия у России «выкристаллизовавшейся» позиции. В связи с первой трудностью необходимо отметить следующее. Прежде всего, очевидно, что притязания Японии

---

[718] Мнение об обратном см. в: Ермошин В.В. К вопросу о праве России .... – С. 130 – 131.

[719] Притязания на эти территории заявляются потомками их коренного населения, народа айну (Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 42). Коренным народам (англ. *indigenous peoples*) международным правом предоставляется особый режим для охраны их культуры и уклада, но субъектом международного права они не являются и не вправе выступать с притязаниями на осуществление государственного суверенитета.

не являются «бумажными» или полностью надуманными (и, следовательно, явно недобросовестными) – они признаны несколькими государствами, заявлялись на международном уровне (в речах в Генеральной Ассамблее ООН), а также *prima facie* могут претендовать на обоснованность в не меньшей степени, чем позиция России. Т.е., речь не идет о заведомой необъективности вопроса о государственной принадлежности южно-курильских островов. Во-вторых, невозможно отрицать, что СССР и Россия неоднократно признавали наличие этого вопроса в двусторонних отношениях с Японией: в Совместном советско-японском заявлении 1991 г. (где упоминается «проблем[а] территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп»), Токийской декларации 1993 г. (упоминается «вопрос о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи»), Московской декларации об установлении созидательного партнерства 1998 г. (согласно которой российская сторона передала ответ на предложение Японии по разрешению «вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи»), Декларации 2000 г. (где стороны согласились продолжить переговоры с тем, чтобы «выработать мирный договор «путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи») и Совместном российско-японском заявлении 2001 г. (в рамках которого стороны «согласились ускорить дальнейшие переговоры с целью заключения мирного договора путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи»). Следовательно, коль скоро российское государство признало, что заключение мирного договора с Японией подразумевает решение указанного вопроса или проблемы, оно не вправе в ущерб японской стороне возражать против наличия данного вопроса или проблемы в силу действия принципа эстоппеля. Как представляется, такое признание как свидетельствует об объективном характере наличия спорного вопроса о суверенитете (т.е. подводит рассматриваемую ситуацию под вышеозначенное определение территориального спора), так и может самостоятельно подтверждать его наличие. Наконец, что касается кристаллизации российской позиции, то, несмотря на отсутствие единого документа с ее изложением, по нашему мнению, она в достаточной степени сформулирована по двум причинам. В первую очередь, как было отмечено выше, из различных заявлений руководящих органов недвусмысленно вытекает базовый постулат, что вопрос правового титула был решен по итогам Второй мировой войны. Эта констатация имеет вполне четкое правовое содержание, в том числе с точки зрения ссылок на конкретные документы. Кроме того, поскольку вопрос территориального размежевания является частью более широкого вопроса о заключении российско-японского мирного

договора, не оставляет сомнений тот факт, что круг документов, на основании которых должен решаться этот второй вопрос, четко закреплен в перечисленных выше декларациях[720], что также не может не свидетельствовать о кристаллизации позиции Российской Федерации. Таким образом, вопрос может считаться объективно существующим[721]. Наконец, даже если бы рассматриваемая ситуация не подпадала под строгое определение территориального спора, с практической точки зрения разница между спором и разногласием стирается, и разногласие также может представлять потенциальную угрозу для мира и безопасности. Поэтому, чтобы заключить, что требуются меры по разрешению фактически существующих конкурирующих притязаний на территорию, настаивать на соответствии критериям для «территориального спора» не представляется необходимым.

Критическая дата. Вопрос о применении к настоящему спору доктрины критической даты практически не затронут правоведами. Единственный исследователь, который анализирует данный вопрос, – корейский правовед С. Ли. Он предполагает, что в качестве критической может быть избрана одна из следующих дат: 1) 21 декабря 1855 г., т.е. дата заключения Симодского трактата, 2) 22 августа 1875 г., т.е. дата заключения Санкт-Петербургского трактата, 3) 5 сентября 1945 г., т.е. дата, к которой советские войска заняли все спорные острова, 4) 8 сентября 1951 г., т.е. дата заключения Сан-Францисского договора, 5) 19 октября 1956 г., т.е. дата заключения Совместной советско-японской декларации, или 6) иные даты (которые им не раскрываются)[722]. По трем причинам, а именно, ввиду недостаточной определенности исторического материала, высокого значения документов военного времени, передавших вопрос территориального состава Японии на полное усмотрение Союзных держав, необходимости толковать последующие действия заинтересованных сторон в свете Сан-Францисского договора 1951 г., он избирает в качестве критической дату заключения последнего. По его мнению, «сомнительно», особенно в свете политики времен Холодной войны, что Совместная декларация 1956 г. имеет «какой-либо обособленный характер» помимо

---

[720] Можно возразить, что данные декларации не предусматривают конкретных положений о принадлежности южно-курильских островов; в дополнение, в последних совместных заявлениях 2013 и 2016 гг. отсутствовали ссылки на предшествующие декларации (только Совместное заявление 2013 г. упоминает о Российско-японском плане действий 2003 г.), а также, что важно, на Совместную советско-японскую декларацию 1956 г., которая такие положения предположительно содержит. Вместе с тем, в ответах на вопросы представителей СМИ по итогам российско-японских переговоров в конце 2016 г. Президент РФ упомянул об этой декларации («Кроме того, мы вернулись к переговорам на базе Декларации 1956 г. ..»). См.: Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474 (дата обращения: 07.11.2017).

[721] Независимо от высказываемых в литературе предложений признать его существование с юридической и политической точек зрения (Гаврилов В.В. Южные Курильские острова .... – С. 81).

[722] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 11.

помощи в толковании положений мирного договора 1951 г., поэтому дата ее заключения не может послужить в качестве критической[723].

В позициях самих спорящих сторон вопрос критической даты не затрагивается. Впрочем, можно предположить, что, поскольку Япония опирается на сохранение правового титула с 1855 г., для нее критической датой должно стать 21 декабря 1855 г., когда был заключен Симодский трактат. Исходя из позиции Российской Федерации в целом, представляется, что критической должна стать дата Ялтинского соглашения, 11 февраля 1945 г., поскольку Россия рассматривает последующий Сан-Францисский договор 1951 г. как утверждающий его положения, либо же критическая дата не должна устанавливаться вовсе – такой подход обеспечил бы учет действий СССР и России с момента занятия островов в 1945 г. и возможность заявления правового титула на основании эффективной оккупации.

Напомним, что доктрина критической даты направлена на обеспечение принятия справедливого решения. Рассмотрим предлагаемые (либо иные) даты, претендующие на статус критической. Дата, установленная на 1855 г., неприемлема, поскольку, как верно отметил С. Ли, современный территориальный состав Японии основан на международно-правовых инструментах военного и послевоенного времени, а не на договорах XIX века, и этот состав полностью и заново (хоть и с учетом довоенного положения Японии) определялся Союзными державами. Вместе с тем неправильно было бы и устанавливать точку отсечения для оценки доказательств в споре на 1951 г. Во-первых, несмотря на то, что правительство Японии впервые оспорило действительность Ялтинского соглашения в 1950 г., как было отмечено выше в главе 2, в 1951 г., Премьер-министр Японии С. Йосида не заявил эти возражения на момент подписания Сан-Францисского договора 1951 г.[724] Можно ли в такой ситуации признать, что японская позиция «выкристаллизовалась» к 1951 г., сомнительно. Во-вторых, Совместная декларация 1956 г. является двусторонним ратифицированным международным договором, действительность которого и обязательства по которому заслуживают отдельной оценки – причем как с точки зрения советской (российской), так и японской позиции. Последующие российско-японские отношения также имеют значение для целей толкования этой декларации и предшествующих ей документов, поэтому также не могут быть опущены при анализе. Можно возразить, с той же более строгой позиции, на которой строит свою аргументацию С. Ли, что такие последующие отношения и официальные документы не являются правоустанавливающими или не составляют доказательств в пользу той или иной стороны,

---

[723] Ibid.

[724] См. Куртов А.А. Указ. соч. 180 – 181 (где цитируется речь С. Йосиды от 5 сентября 1951 г.: «Японская делегация с радостью принимает этот справедливый и великодушный договор».)

поэтому их значение как средств толкования не препятствует установлению более ранней критической даты. Вместе с тем, они в настоящее время указываются сторонами в качестве базы для разрешения спора и заключения мирного договора. В этой связи, по нашему мнению, в рассматриваемом споре было бы несправедливым установление критической даты, и, кроме того, неопределенность в связи с современными доказательствами и доводами сторон требует рассмотрения спора во всей его полноте, без «отсечения» каких-либо доказательств.

Первооткрытие, первоосвоение и исторические права. Рассмотрим факты, имеющиеся относительно открытия и освоения южно-курильских островов (без указания свидетельств, относящихся к о. Хоккайдо или к северным островам Курильской гряды).

С японской стороны имеется предположительно первая карта Курильского архипелага, по мнению спорящих государств – поскольку она включена в Совместный сборник документов, 1644 г. Вместе с тем, даже если не согласиться с Дж. Стефаном о том, что данная карта, по всей вероятности, составлена с чужих слов, нанесение на карту земель (т.е. первооткрытие) без фактического завладения к XVII веку не признавалось порождающим правовой титул. Первое посещение японцами южно-курильских островов состоялось в 1754 г. и завершилось открытием «округа» для торговли с айну на о. Кунашир. Из этого и последующих исторических фактов, изложенных в главе 2 можно заключить, что японцы присутствовали на о. Итуруп и Кунашир, вели частную торговлю с айну, осуществили в отношении них символические действия по присоединению и даже управляли о. Итуруп около десятилетия. Вместе с тем, неочевидно, относятся ли представляемые доказательства к деятельности государства, частных лиц или отдельных частей государства, которые центральное правительство на тот момент не признавало частью Японии (княжества Мацумаэ или земли Эдзо (Иезо)), т.е. обладали ли такие лица надлежащими полномочиями, являлась ли их деятельность властной по характеру (т.е. может ли она рассматриваться как *effectivités*) [725] . Следовательно, хотя признаки *corpus occupandi* присутствуют, невозможно с уверенностью установить наличие *animus occupandi* со стороны официального, центрального правительства Японии XVIII-XIX веков.

Со стороны Российской империи самый первый факт, касающийся южно-курильских островов, – существование карты 1726 г., значимой ввиду того, что на ней изображены и южно-курильские острова, хоть и отсутствует подпись о том, считались ли они «Курильскими». Большее значение имеет составление и опубликование в 1740 г. карты Курильской гряды М.

---

[725] Brown J.D.J. Op. cit. – P. 13 – 14 (где похожие сомнения высказываются на основании ссылок на исторические исследования, включая работу американского историка Ц. Хасэгавы). См. также: Krasheninnikov S.P. The history of Kamtschatka, and the Kurilski Islands... – P. 43 (где знаменитый историк так описывал жителей о. Кунашир: «Они никакого правителя не признают, хотя они и живут близ Японии. Японцы приезжают к ним каждый год в своих маленьких суденышках и привозят разнообразную железную утварь, медные котелки, лакированные деревянные подносы и чаши, табак, шелковые и хлопковые ткани...» (пер. – *Е.Н.*)).

Шпанберга, во-первых, поскольку она, судя по всему, охватывала южно-курильские острова, во-вторых, была опубликована в западных источниках, и, в-третьих, поскольку мореплаватель при исследовании этих земель не нашел свидетельств освоения со стороны японцев ни на одном из Курильских островов. На основании этих и иных фактов о российском исследовании и освоении Курильской гряды, описанных в главе 2 выше, можно сделать вывод о том, что на стороне Российской империи имелся явный *animus occupandi* по отношению к любым Курильским островам, которые открывались или могли быть открыты российскими подданными; что же касается *corpus occupandi*, то помимо приведения айну о-вов Кунашир и Итуруп в российское подданство в XVIII веке и сбора с них ясака (будь то на основании государственных предписаний или де-факто без такой санкции), доказательства действий по фактическому освоению южных островов не являются твердыми, а к середине XIX века и вовсе прекращаются. Основная проблема российского аргумента о первооткрытии и первоосвоении, как и японского, состоит в неопределенности доказательств[726]: затруднительным оказывается разделение действий на относящиеся к Северным и к Южным Курильским островам – т.е., неясно, в какой степени заявляемая деятельность по освоению затронула спорные территории или какие именно острова имеются в виду под «Курильскими» в документах, которые можно счесть свидетельством *animus occupandi*.

С связи с вышеизложенным, мнение, разделяемое как историками, так и правоведами, о том, что на основании имеющихся исторических фактов и материалов всякая попытка спорить о возникновении правового титула на основании первооткрытии и первоосвоении спорных территорий при строгом применении международного права соответствующего периода бесплодна[727], является верным: решающий перевес в доказательствах той или другой стороны отсутствует. «До девятнадцатого века, – пишет Дж. Стефан, – ни Россия, ни Япония не имели четкого представления о том, насколько далеко простирался их суверенитет на Курилах»[728]. Провести четкую границу на Курильских островах до заключения Симодского трактата 1855 г. представляется невозможным[729].

Иной вопрос – какие острова Россия и Япония считали «Курильскими» (или входящими в архипелаг «Тисима») к моменту заключения указанного договора для целей его толкования.

---

[726] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 13.

[727] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 55 – 56; Еремин В.С. Указ. соч. – С. 15 – 16, 36; Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855 – 1875 гг. (от Симодского трактата до Петербургского договора): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. – Владимир, 2004. – С. 8 – 9, 16.

[728] Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 61, 152. Этот вывод не мешает указанному автору далее сделать вывод о том, что исторические и правовые связи России с о-вами Итуруп и Кунашир слабы.

[729] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 12.

Исторические факты позволяют восстановить понимание российской стороны: указы российских правителей относились к «Курильским островам», при этом действия в исполнение таких указов явно затрагивали о-ва Итуруп и Кунашир. О том, что южно-курильские острова не отделялись в таком понимании от Курильских островов севернее от них, свидетельствует и текст указа Александра I 1821 г., предусматривавшего предоставление Российско-американской компании прав «...равно и на тех из Курильских [островов], где компания имела промыслы, до Южного мыса острова Урупа», – т.е. существовали и другие Курильские острова, где компания деятельность не вела. Вопрос об о-вах Шикотан и Хабомаи и их принадлежности к «Курильским» с некоторой долей уверенности можно разрешить путем обращения к карте М. Шпанберга 1740 г.: исследователь открыл 34 острова, включая, по мнению некоторых ученых, о. Шикотан и некоторые из о-вов Хабомаи[730]. То, что эти острова могли на некотором этапе признаваться Россией входящими в состав Японии, еще не означает, что они не являлись географически «Курильскими» для Российской империи.

Трактаты 1855 и 1875 гг. (в сочетании с Договором 1895 г.) и их действительность в свете Русско-японской войны и Портсмутского мирного договора 1905 г. Бесспорно, что с момента заключения Симодского трактата 1855 г., эффективную власть над южно-курильскими островами осуществляла Япония[731]. Вместе с тем, этот и последующие договоры важны для дальнейшего толкования понятия «Курильских островов»; требуется также определить, сохранили ли указанные договоры силу после Русско-японской войны 1904 – 1905 гг.

Согласно Симодскому трактату 1855 г. отныне «границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом», за Японией признавался «остров Итуруп, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу» отходили России. По Санкт-Петербургскому трактату 1875 г. Россия уступила Японии «группу островов, называемых Курильскими, которыми Он (Император Российской империи – *Е.Н.*) ныне владеет» [732] . Договор 1895 г. подтверждал действие последнего. Таким образом, как справедливо указывается в литературе, обычное значение словосочетания «Курильские острова» осложняется определением «прочие» или дополнением «группа», соответственно, и не дает недвусмысленного понимания, какие из уступаемых или сохраняемых территорий входят в это словосочетание[733]. Со своей стороны отметим, что толкование затрудняется и помещением формулировки «и прочие Курильские острова» в связи с упоминанием о. Уруп, которое может

---

[730] Там же.

[731] Гаврилов В.В. южно-курильские острова .... – С. 78.

[732] Там же.

[733] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 20; Mormanne T. Op. cit. – P. 16.

быть истолковано как указание на то, что о. Итуруп рассматривается отдельно, и не является одним из «прочих» Курильских островов, а также подчиненным придаточным предложением «которыми Он ныне владеет», которое либо может говорить о том, что в «группу островов, называемых Курильскими» ранее входили какие-либо иные острова (которыми Император Российской империи на момент заключения Санкт-Петербургского трактата 1875 г. уже не владел в соответствии с Симодским трактатом 1855 г.[734]), либо, в пользу японской позиции, служить свидетельством того, что только те острова, которые на момент заключения договора принадлежали России, составляли «группу островов, называемых Курильскими».

Большинство специалистов придерживаются мнения о том, что Симодский трактат 1855 г. «закрепил» фактически существующее положение, установив границу там, где кончались русские поселения и начинались японские[735]. Это не разрешает поставленные выше вопросы толкования, поскольку к «Курильским» («Тисима») по договору могли относиться острова как к северу, так и к югу от границы. Толкуя приведенные выше формулировки, корейский правовед С. Ли заключает, что «отсутствуют веские правовые основания» считать, что о-ва Итуруп, Кунашир и Шикотан не входят в «Курильские», и «считается, что существуют веские правовые основания» утверждать, что в них не входят о-ва Хабомаи[736]. К сожалению, он не раскрывает логику, с помощью которой он приходит к этому выводу, ограничиваясь ссылками в случае о-вов Шикотан и Хабомаи на административные японские документы, которые он приводит при рассмотрении термина «Курильские острова», без привязки к употреблению этого понятия в международно-правовых документах XIX века.

Крайне полезным является исследование этого термина в контексте Санкт-Петербургского трактата 1875 г., проведенное французским японоведом и лингвистом Т. Морманном. Он обращает внимание на то, что аутентичный текст этого договора – французский[737]. Таким образом, вывод того, кто, читая договор на японском языке, будет считать, что речь идет об обмене *всех* островов, входящих в Курильский архипелаг (т.е. без южно-курильских островов), на о. Сахалин, неверен. Указанный автор также отмечает, что, учитывая обстоятельства заключения данного договора – а именно, периодические пограничные столкновения на о. Сахалин из-за его разделения, – речь идет скорее об обмене *части* Сахалина на *часть* Курильских островов, что, по его мнению, подтверждается

---

[734] Ibid. – P. 17.

[735] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 13; La Guardia E. de. Op. cit. – P. 408.

[736] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 20.

[737] При этом им же делается точное наблюдение о том, что обсуждение понятия «Курильские острова» в японском парламенте, описанное выше, основывалось на японском тексте договора (Mormanne T. Op. cit. – P. 6).

пониманием российской стороны с XVIII века, что Курильские острова включают в себя *все* острова между текущим о. Хоккайдо и Камчаткой[738]. С другой стороны, существуют приводимые им из исследования Х. Вады свидетельства того, что Япония, представленная при подписании договора Т. Эномото, понимала словосочетание «千島» («Тисима») уже как относящееся только к северным Курильским островам[739]. Опираясь на французские источники (Большую французскую энциклопедию конца XIX века), грамматический разбор соответствующих фраз во французском языке, сопоставление текста Статей 1 и 2 договора, а также анализ японского текста соглашения, Т. Морманн заключает, что было бы излишним обозначать все «Курильские острова» словом «группа», если бы перечисленные в договоре острова считались единственными, подпадающими под это понятие[740]. Сравнение японской формулировки, относящейся к уступке Сахалина (Япония уступает *часть* Сахалина, и *весь* Сахалин переходит к России), с соответствующей формулировкой в отношении Курильских островов (Россия уступает *группу* Курильских островов, и *все* Курильские острова отныне переходят к Японии)[741], может указывать на то, что уступленные Россией острова являются лишь частью Курильского архипелага, и, получив *и их также*, Япония наконец становится владельцем *всех* Курильских островов[742]. Он с сожалением заключает, что официальный французский текст ввиду того, что значение слова «группа» во французском языке полностью зависящее от контекста, не способствует выявлению четкого смысла рассматриваемого понятия, русскоязычный текст не исключает различные толкования, поэтому, как ни «парадоксально», именно японский текст дает наилучшее руководство для понимания[743]. В проекте японского текста русскоязычным выражениям «сказанная группа» и «Эта группа» в тексте Статьи 2 соответствовало одно словосочетание «クリル全島» (*kuriru zentō*), обозначающее «все Курильские острова», которое в окончательном тексте в случае второго употребления («Эта группа») было изменено на «クリル群島» (*kuriru guntō*), т.е. «группу» Курильских островов[744]. Это, по мнению Т. Морманна, может быть «решающим признаком» того, что до подписания договора японская делегация понимала «Курильские острова» так же, как и русская, и изменила текст для того, чтобы «устранить всякую двусмысленность, установив, что

---

[738] Ibid. – P. 7.

[739] Ibid. – P. 8 – 9.

[740] Ibid. – P. 17.

[741] Ibid. – P. 18.

[742] См. также: La Guardia E. de. Op. cit. – P. 408.

[743] Ibid. – P. 19.

[744] Ibid.

как и в случае Сахалина, Россия уступала *группу* ... (т.е. часть) Курильских островов, и Япония с тех пор владела ими *всеми*»[745]. Эта логика представляется нам убедительной, в особенности в сочетании с прочтением Симодского трактата 1855 г. в историческом российском понимании. Кроме того, как только уже все Курильские острова перешли к Японии по Санкт-Петербургскому трактату 1875 г., составили единое административное образование в составе Японии, т.е. не разделялись на южно-курильские или северо-курильские. Таким образом, из договоров XIX века следует, что понятие «Курильских островов» скорее включало и южно-курильские острова, вопреки утверждениям Японии об обратном.

Второй вопрос о действительности указанных договоров требует в основном анализа довода об утрате ими силы вследствие Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Аргумент о заключении указанных договоров под принуждением, даже если не отклонять его как безосновательный с фактической точки зрения, в части Санкт-Петербургского трактата 1875 г. и утвердившего его Договора 1895 г. опирается на юридически не имеющее значения утверждение о послевоенной слабости российского государства[746] и не может повлиять на действительность указанных договоров по международному праву. Что касается Симодского трактата 1855 г. и заключения его якобы под принуждением, то в отсутствие официальных протестов в этой связи с момента его заключения и по крайней мере до возобновления российских притязаний на острова в 1941 г. следует считать, что этот предположительный порок был молчаливо признан российской стороной. Равным образом некорректно утверждение о том, что Симодский трактат 1855 г. утратил силу, поскольку был заменен Санкт-Петербургским трактатом 1875 г.[747]. В части признания правового титула на Курильские острова, сферы действия указанных договоров не пересекались, а дополняли друг друга, поэтому второй не мог отменить действие первого.

Остается вопрос о сохранении силы Симодским и Санкт-Петербургским трактатами в свете мирного договора, заключенного в 1905 г. Анализируя Портсмутский мирный договор 1905 г., необходимо прежде всего отметить, что он не является и не может заявляться в

---

[745] Ibid. Такой же вывод делает Э. де ла Гуардия (La Guardia E. de. Op. cit. – P. 407 – 408); на то, что разночтения в текстах подтверждают необоснованность попыток Японии ограничить термин «Курильские острова» по международным договорам XIX в., указывают японские и американские историки (Х. Вада, Ц. Хасэгава) и юристы-международники (Ю. Такано, Т. Сугихара) (см. по: Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855 – 1875 гг. .... – С. 14; Kimura H. Op. cit. – P. 65).

[746] Дореволюционные и советские историки по-разному оценивали целесообразность Симодского и Санкт-Петербургского трактатов. Первые высказывались об исключительной пользе трактатов, тогда как последние полностью отрицали их как успех русской дипломатии; современные отечественные исследования склоняются к первой точке зрения и если и не признают трактаты прямо выгодными для России, то по меньшей мере призывают прекратить попытки «представить Россию «жертвой внешнеполитических обстоятельств»» (см. подробнее: Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855 – 1875 гг. .... – С. 5 – 6, 7 – 13).

[747] Call K.A. Op. cit. – P. 742.

качестве самостоятельного основания для правового титула. Курильские острова не упоминаются в мирном договоре и не подразумеваются каким-либо из его положений; согласно его Статье IX Японии уступался Южный Сахалин и прилегающие к нему острова[748]. Дискуссия в части рассматриваемого довода строится на Статье XII договора, предусматривающей: «Так как действие договора о торговле и мореплавании между Россией и Японией упразднено было войной...»; а также Приложении № 10 о том, что: «В условиях, при которых все торговые договоры между Японией и Россией оказались аннулированными в результате войны...[749]». Вне всяких сомнений, Симодский трактат 1855 г. являлся договором о торговле и границах, а Договор 1895 г., подтвердивший действие Санкт-Петербургского трактата 1875 г., представлял собой договор о торговле и мореплавании. Вопрос, таким образом, состоит в том, были ли указанные договоры автоматически и полностью (т.е. вместе с положениями о территориальном размежевании) «упразднены» или «аннулированы» войной? Мог ли Санкт-Петербургский трактат 1875 г. утратить смысл ввиду уступки Южного Сахалина по Портсмутскому мирному договору 1905 г.?[750] На первый вопрос международное право начала XX века, похоже, отвечало отрицательно. Так, Дж.Б. Дейвис, выступая на заседании Американского общества международного права в 1912 г., отметил, что по итогам Русско-японской войны отсутствовало подтверждение или положение в мирном договоре, которое восстанавливало в силе договоры, заключенные до начала такой войны. Однако это наблюдение следует за его выводом о том, что международные договоры, которые автоматически прекращаются войной – это, помимо прочих, договоры о вступлении в союз, об урегулировании таможенных и налоговых вопросов, тогда как договоры цессии территории – главный пример международных договоров, действие которых «как представляется, сохраняется в случае существования международной публичной войны» [751]. Здесь он ссылается на случаи из европейской истории (к сожалению, конкретные примеры не перечисляются) и на безусловно авторитетный труд Л.Ф.Л. Оппенгейма по международному праву, где указывается, что ранее существовавшая доктрина о том, что «война в силу самого факта отменяет все ранее заключенные договоры (за исключением тех, которые были заключены специально по поводу войны)», была «оставлена» «большинством современных авторов, пишущих по

---

[748] Русские Курилы .... – С. 74.

[749] Русские Курилы .... – С. 74 – 75.

[750] Ильинская, О.И. Правовые основы территориального размежевания между Россией и Японией // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – С. 132.

[751] Davis G.B. The Effects of War Upon International Conventions and Private Contracts // Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1907–1917). – N.Y., 1912. – Vol. 6. – P. 125. См. также Белова О.В. Делімітація кордону між Японіэю та Росіэю: аналіз правових наслідків договорів 1855 – 1905 років // Вісник Маріупольского державного університету. Серія «Історія. Політологія». – 2013. – № 6. – С. 83 – 84.

международному праву», и «существует весьма распространенная точка зрения, что война никоим образом не аннулирует любой договор» (хоть единое мнение о том, какие договоры утрачивают, а какие сохраняют силу, отсутствует)[752]. Эта точка зрения была высказана в 1912 г.; маловероятно, что в период с 1905 по 1912 гг. в международном праве произошли кардинальные изменения в данной области. Что же касается предположения о том, что Санкт-Петербургский трактат 1875 г. мог все же утратить силу как несовместимый с отторжением южной части Сахалина в 1905 г., то, несмотря на его оригинальность, оно представляется беспочвенным по двум причинам. В первую очередь, Российская империя по нему приобрела весь Сахалин, она обладала полным правом уступить его далее любому государству, будь то по итогам войны или по договору цессии в мирное время. В международном праве отсутствуют нормы, которые требовали бы реституции по предшествующим договорам цессии территории в ситуации, в которой государство лишилось своего «встречного предоставления», предоставленного за такую цессию. Во-вторых, в изученных исторических материалах, а также изложениях юридических аргументов России и Японии в контексте рассматриваемой проблемы не содержится свидетельств протестов или заявлений с российской стороны о том, что, поскольку Россия уступила Японии по итогам войны южную часть Сахалина, Япония обязана возвратить ей переданные в 1875 г. Курильские острова. Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией 1925 г., утвердившая Портсмутский договор 1905 г., предусматривала, что все остальные договоры за период до 7 ноября 1917 г., кроме него, будут пересмотрены на конференции СССР и Японии[753], однако нет никаких свидетельств того, что были пересмотрены указанные договоры XIX века. В отсутствие подобных протестов, для заявления которых имелась специальная возможность по Конвенции 1925 г., в течение около 40 лет, в ходе которых Япония продолжала осуществлять суверенитет как над Южным Сахалином, так и над южно-курильскими островами, данный аргумент лишается всякой обоснованности. Следовательно, необходимо сделать промежуточный вывод о сохранении силы договорами XIX века, установившими правовой титул Японии на южно-курильские острова.

Пакт о нейтралитете 1941 г. Данный документ необходимо рассмотреть в связи с доводом Японии о том, что занятие СССР спорных островов в 1945 г. нарушило его положения. Первый вопрос, который следует разрешить в этой связи – каковы последствия денонсации Пакта СССР в сравнении с другой возможностью, аннулированием, которое, по мнению Японии на тот момент, действительно вернуло бы советско-японские отношения к состоянию

---

[752] Ibid.; См. также Еремин, В.Н., Указ. соч. – С. 21.

[753] См. выше Главу 2, §2.3. Вопрос политической ответственности за заключение Портсмутского мирного договора 1905 г., как представляется, не имеет отношения к делу.

до заключения данного документа, и на которое, по мнению некоторых специалистов, СССР имел полное право в соответствии с Парижским пактом 1928 г. о запрещении агрессии[754].

Современное право международных договоров, закрепленное в Венской конвенции 1969 г., не предусматривает институт «аннулирования». Скорее всего, имеется в виду недействительность договора, когда он признается не действительным *ab initio*, т.е. положение между сторонами возвращается к исходной точке, что может согласно Венской конвенции 1969 г. иметь место в случае ошибки в факте или ситуации, существовавших при заключении договора и представлявших собой существенную основу для согласия на обязательность договора (Статья 48), обмана (Статья 49), подкупа (Статья 50) или принуждения (Статья 51) представителя государства[755]. По общему правилу, международный договор прекращается в соответствии с его условиями (Статья 54). Венская конвенция 1969 г. не имеет обратного действия и не применяется к рассматриваемому договору; однако же вышеуказанное общее правило, по мнению правоведов, кодифицирует существующий международный обычай[756]. Тем самым Пакт о нейтралитете 1941 г. мог юридически прекратиться только по истечении его срока, с чем В.М. Молотов, как представитель СССР, согласился. Соответственно, во избежание сомнений, объявление войны СССР Японии в августе 1945 г. было не нарушением порядка выхода из Пакта о нейтралитете, но обязательства по сохранению нейтралитета.

Надлежит также рассмотреть вопрос о том, прекратился ли Пакт ввиду того, что «обстановка изменилась в корне», «Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза» (т.е. нарушает свои обязательства по Пакту), и, тем самым «Пакт... потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным»[757]; либо, как утверждают историки, вследствие того, что Япония с самого начала либо нарушала, либо не намеревалась исполнять его. Коренное изменение обстоятельств (*rebus sic stantibus*) и существенное нарушение одной стороной ее обязательств по международному договору действительно в соответствии с обычным международным правом[758] дают другой стороне право прекратить договор (без возврата к состоянию отношений, существовавшему на момент его заключения).

---

[754] Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – С. 472 – 473.

[755] Vienna Convention on the Law of Treaties, 23 May 1969 // United Nations. – Treaty Series. – Vol. 1155 – P. 331.

[756] The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary: in II vols / Corten O., Klein P. (eds.). – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2011. – Vol. 2. – P. 1237. То же можно сказать о Статьях 49 (Ibid. – P. 1145 – 1146), 50 (Ibid. – P. 1173), 51 (Ibid. – P. 1185), но, к сожалению, нельзя – о Статье 48 (Ibid. – P. 1118 – 1121).

[757] Русские Курилы .... – С. 120.

[758] The Vienna Conventions on the Law of Treaties. – Vol. 2. – P. 1355, 1419; *Tacna-Arica Arbitration (Chile v. Peru)*. 2 R.I.A.A. 921 (1925). – P. 398 (где арбитр признал, что прекращение или приостановление действия международного договора возможно в ответ на явные и намеренные нарушения другой стороны).

При этом, впрочем, первый принцип крайне редко применяется на практике[759], требует, чтобы изменение обстановки было невозможно предугадать на момент заключения договора (что в рассматриваемом случае не выполняется для обеих сторон, каждая из которых понимала и предвидела потенциальное вступление в войну против друг друга), и определение его содержание в международном праве по состоянию на 1941 г. представляется затруднительным.

Что касается второго принципа, то его применение, на наш взгляд, имеет определенный вес. С одной стороны, ни Япония, ни Россия прямо не нарушали, до 1945 г., Статью 2 Пакта, т.е. соблюдали «нейтралитет» и не нападали друг на друга, невзирая на то, что с каждым из двух государств вели активную войну их соответствующие союзники. Вместе с тем, положения международных договоров должны толковаться в свете их контекста и объекта и цели договора. Пакт, согласно его преамбуле (выражающей его объект и цель[760]), направлен на укрепление мирных и дружественных отношений двух стран[761]. Эта причина, как представляется, исключает узкое толкование этого документа, которое было бы возможно, если бы в преамбуле предусматривалась, как в Статье 1, пассивное поддержание (т.е. сохранение), а не активное укрепление дружественных отношений. Поэтому не является полностью необоснованным довод о том, что война каждой из сторон с союзниками друг друга если и не нарушала нейтралитет, предусмотренный Пактом, то делала соблюдение этого обязательства невозможным. Японская сторона это полностью осознавала. В июне 1941 г. Министр иностранных дел Японии направил советскому послу К.А. Сметанину заявление о том, что «если нынешняя война и Пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с... Тройственным пактом, то Пакт о нейтралитете не будет иметь силы». Эта формулировка, с одной стороны, требует объективного противоречия между обстоятельствами войны и положениями Пакта с учетом его объекта и цели, а с другой, похоже, в отсутствие указаний об обратном, предусматривает автоматическую утрату Пактом юридической силы в случае такого противоречия без каких-либо дополнительных заявлений. Поскольку Япония выступила на стороне Германии против союзников СССР, а СССР, в свою очередь, оказал мощное сопротивление Германии, союзнику Японии по Тройственному пакту, нерационально утверждать, что не создавалась ситуация объективного противоречия, подпадающая под указанную формулировку, или что Япония однозначно не нарушала Пакт[762]. Таким образом,

---

[759] The Vienna Conventions on the Law of Treaties. – Vol. 2. – P. 1417 – 1419.

[760] См., напр.: *Rights of Nationals of the United States of America in Morocco (Fr. v. U.S.)*, Judgment, 1952 I.C.J. Rep. 176 (Aug. 27). – P. 197.

[761] Русские Курилы .... – С. 97.

[762] Kimura H. Op. cit. – P. 49.

оба государства де-факто нарушили предусмотренное Статьей 2 Пакта обязательство по сохранению нейтралитета, при толковании данного документа в соответствии с его объектом и целью. Это указывает на то, что Пакт утратил силу или «смысл» в соответствии с собственным предупреждением японской стороны, которое также можно рассматривать как явно подразумеваемое заявление намерения денонсировать и(или) не исполнять Пакт при наступлении предварительного условия, что, конечно же, также лишает документ смысла с самого начала[763]. Вместе с тем, этот вывод затрудняет подтверждение в 1945 г. обеими сторонами того, что Пакт 1941 г. будет юридически сохранять силу до истечения его срока.

Подобное расхождение между действиями государств и их заявлениями представляет собой, на наш взгляд, случай, требующий применения принципа добросовестности[764]. Если допустить (а для этого имеется достаточно свидетельств), что Япония нарушила Пакт о нейтралитете 1941 г. в течение войны, а СССР вышел из Пакта до истечения срока, обе стороны должны быть лишены права заявлять о нарушениях этого документа в ущерб их конкурирующим территориальным притязаниям. Это подтверждается и исходным общим прагматическим отношением сторон к «действительности» Пакта[765].

Существует также точка зрения, согласно которой нарушение СССР Пакта о нейтралитете 1941 г. должно быть оправдано ввиду того, что он вступил в войну с Японией, действуя во исполнение обладающих «перед ним преимуществом обязательства Советского Союза по решительным мерам борьбы с агрессором, сформулированным в подписанном союзниками ранее Уставе ООН и признанном в 1956 г. Японией при ее вступлении в ООН без каких-либо оговорок»[766]. Устав ООН был подписан (но еще не вступил в силу) 24 июня 1945 г.[767], т.е. до объявления СССР войны Японии. При этом однозначных обязательств вступить в войну с Японией по этому документу у СССР не было. Более того, осознавая, что это действие

---

[763] Cheng B. Op. cit. – P. 119.

[764] Более конкретным его проявлением в применении к данному случаю была бы так называемая доктрина «чистых рук» (*clean hands*), согласно которой одна сторона не вправе ссылаться на противоправное поведение другой, если сама совершила сопоставимое нарушение в прошлом. Тем не менее, статус этой доктрины в современном международном праве остается неопределенным, тем самым, что тем более, следовательно, можно сказать о праве военного периода. Вместе с тем, принцип добросовестности признается одним из (в том числе в судебной и арбитражной практике до 1945 г.) общих принципов права и традиционно считается основой другого принципа – *pacta sunt servanda*. Таким образом, в литературе делается вывод, что договоры должны исполняться добросовестно, в соответствии с их духом (Ibid. – P. 112 – 119).

[765] Более подробно См.: Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – С. 227 – 239; Brown J.D.J. Op. cit. – P. 16-18.

[766] Там же. – С. 577, 579. Эта точка зрения, как представляется, основана на тексте заявления СССР об объявлении войны Японии, в котором указывалось, что СССР вступает в войну, приняв «предложение союзников» «включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира». Русские Курилы .... – С. 123.

[767] URL: http://www.un.org/en/charter-united-nations/ (дата обращения: 07.11.2017).

будет формальным нарушением Пакта о нейтралитете 1941 г., И.В. Сталин, через В.М. Молотова, на Потсдамской конференции 29 июля передал предложение о том, чтобы США, Великобритания и другие союзники направили СССР официальную просьбу вступить в войну (невзирая на положения Ялтинского соглашения 1945 г.), на что Президент США Г. Трумэн не пошел, ограничившись направлением двух писем со ссылками на общие обязательства СССР по Московской декларации от 30 октября 1943 г. и Статьям 106 и 103 проекта Устава ООН и предложение направить другое, официальное письмо, только по завершении переговоров с Китаем, которое так и не было оформлено[768]. Т.е., подобный аргумент, невзирая на его привлекательность, не вполне последователен с формально-юридической точки зрения. Вместе с тем, по нашему мнению, он представляет собой фактор, смягчающий, как было отмечено, формальное нарушение СССР Пакта о нейтралитете 1941 г., дополнительно исключая возможность Японии ссылаться на него в поддержку своих территориальных притязаний.

Каирская декларация 1943 г. Сам по себе этот документ не определяет принадлежность южно-курильских островов и не упоминает о них. Вместе с тем, он имеет существенное значение для определения полномочий Союзных держав, а также условий, на которых Япония позже капитулировала по итогам войны (ввиду подтверждения ее положений в Потсдамской декларации 1945 г.)[769]. Документ представляет собой декларацию, однако она, хоть и в меньшей степени, чем более конкретная Потсдамская декларация или Ялтинское соглашение 1945 г.[770], легла в основу Сан-Францисского договора 1951 г.; тем самым, для исчерпывающего толкования мирного договора необходимо изучить и этот документ.

Как было установлено выше, Япония приобрела южно-курильские острова по международным договорам XIX века и не утратила правовой титул по ним в результате войны, либо ввиду незаявления своевременных протестов со стороны России / СССР. Соответственно, следует согласиться с тем, что указанные территории не были захвачены Японией «при помощи силы и в результате своей алчности». По мнению правоведа С. Ли, впрочем, хотя это заявление «весьма верно... но можно равным образом напомнить, что они в течение века являлись предметом спора с Россией»[771]. Это наблюдение, однако, по нашему мнению, не влечет какой-либо однозначный вывод с точки зрения толкования декларации.

---

[768] Davidson R.H. The Far East Agreements .. – P. 112 – 115.

[769] См. выше Главу 2, §2.3.

[770] Lee S.-W. The 1951 San-Francisco Peace Treaty. – P. 102; Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 3. Профессор Хлестов также указывает на то, что и сама Япония не возражала в ходе переговоров по мирному договору ни против отторжения островов, ни против расширительного толкования понятия «Курильские острова», исполняла договор так, как если бы он включал Южные Курилы в этот термин, и изменила свою позицию лишь в 1956 г.

[771] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution. – P. 21.

Япония также заявляет, что занятие южно-курильских островов СССР в 1945 г. является нарушением положения Каирской декларации 1943 г. (или схожей нормы Атлантической хартии 1941 г.) о том, что союзники (США, Великобритания и Китай) «не имеют никаких помыслов о территориальной экспансии». При объявлении войны, СССР присоединился к Потсдамской декларации 1945 г., и, соответственно, путем отсылки, к Каирской декларации 1943 г.. На первый взгляд, данный довод Японии, таким образом, обоснован. Однако при более пристальном рассмотрении в нем обнаруживается логическая непоследовательность. «Неясно, по какой причине жалоба [Японии] об экспансии [СССР] ограничивается лишь частью такой экспансии», – пишет в этой связи японовед Т. Морманн[772]. Кроме того, как верно отмечает К.Е. Черевко, здесь прослеживается необоснованное отождествление территориальной экспансии и «*правомерного отторжения территорий агрессора*, в особенности служивших плацдармом агрессии, и будущей *гарантии от ее повторения с выгодных стратегических рубежей*»[773]. То же самое касается аналогичного довода, основанного на Атлантической хартии 1941 г. Этот довод, тем самым, строится на двух предпосылках, а именно, что, с одной стороны, у СССР не было правового основания для присоединения южно-курильских островов, поэтому такое присоединение представляет собой «экспансию», и, с другой, что, напротив, такие основания имелись в отношении Южного Сахалина и северных Курильских островов, поэтому Япония не заявляет об их присоединении к СССР как об «экспансии». Следовательно, даже если опустить вторую предпосылку, которая сама по себе рождает сомнения в стройности японских территориальных притязаний, надлежащее рассмотрение этого довода требует решения вопроса о наличии у СССР отдельного правового основания для занятия южно-курильских островов.

Основной же промежуточный вывод, который позволяет сделать текст Каирской декларации 1943 г., заключается в том, что документ закрепляет цель союзников – «остановить и покарать агрессию Японии», и из него следует, что в порядке выполнения такой цели союзники намеревались по итогам войны отторгнуть у Японии некоторые территории, перечень которых они на данном этапе не определили с точностью, но явно считали себя уполномоченными определять по своему усмотрению[774]. Толкование дальнейших документов об определении территориального состава Японии должно, таким образом, исходить из такой цели и таких полномочий.

---

[772] Mormanne T. Op. cit. – P. 22.

[773] Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – С. 495 – 496 (курсив в оригинале).

[774] В литературе также высказывается мнение, что право Союзных держав «наказать» агрессора по своему усмотрению подтверждено, в том числе, материалами и решениями Токийского трибунала (Ильинская О.И. Указ. соч. – С. 138).

Ялтинское соглашение 1945 г. Доводы, связанные с данным документом, сосредоточены вокруг его природы и, как и в случае с предшествующими документами, содержания понятия «Курильские острова». Что касается природы Ялтинского соглашения 1945 г., то необходимо ответить на два основных вопроса: во-первых, каков характер данного соглашения – т.е. является ли оно международным договором, или, как утверждают США, простым выражением намерения; и, во-вторых, влияет ли на действительность данного соглашения с точки зрения последующего определения территориального состава Японии его секретный характер.

Отказ от обязательности Ялтинского соглашения 1945 г. выразили США (существуют свидетельства того, что Великобритания согласилась с действительностью обязательств по нему [775]): Сенат США с 1952 г. не признает положения «в пользу Советского Союза», содержащиеся «в так называемом «Ялтинском соглашении» касательно Японии», и США с 1956 г. считают соглашение «простым выражением общих целей действовавшими на тот момент главами держав-участниц, а не окончательным решением таких держав или документом, влекущим какие-либо последствия по передаче территорий»[776]. Юридически, это изменение позиции вызывает следующие вопросы: во-первых, какова природа Ялтинского соглашения 1945 г., исходя из его формы и положений, с одной стороны, и с точки зрения внутренней системы США, с другой; во-вторых, влечет ли последствия отказ США от обязательной силы этого соглашения, в том числе с учетом времени совершения такого отказа, для его действительности в целом, и по отношению к СССР, в частности.

Согласно терминам самого Ялтинского соглашения 1945 г., оно является «соглашением» (*agreement*), в отличие от «протокола о намерениях», «изложения общих целей», «декларации принципов» [777], и содержит четкие, императивные констатации, присущие обязывающим международным договорам: «согласились» (*have agreed*), «вступит» (*shall enter*),

---

[775] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 23 fn 166. Здесь приводится ссылка на статью Ф. Хилла, где отмечается, что Премьер-министр Великобритании в силу конституционной системы этой страны создал для нее международно-правовое обязательство, подписав соглашение, а также цитируются два документа – входящая телеграмма от посла США Р. Батлера в Австралии Государственному секретарю США от 2 сентября 1947 г. (где указывалось, что «Несмотря на секретный характер Ялтинского соглашения, кажется, что оно должно быть принято» ("*must be accepted*")), и меморандум конференции Британского Содружества по японскому договору от 11 сентября 1947 г. (предусматривавший, что «Канберрская Конференция соглашается, что территориальные положения, принятые в Каире, Потсдаме и Ялте должны будут быть подтверждены в договоре» ("*would have to be confirmed*")); Idem., The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 100; Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 5.

[776] State Department Memorandum on the Japan-Soviet Negotiations, The Aide-Memoire (Sept. 7, 1956), URL: http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JP RU/19560907.O1E.html. О смене позиции США по вопросу об обязательности Ялтинского соглашения, а также о новом понимании США термина «Курильские острова» См.: Mormanne T. Op. cit. – P. 15; Lee S.-W., The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 100-101; La Guardia E. de. Op. cit. – P. 413.

[777] Хотя заголовок документа сам по себе не является решающим фактором для определения его статуса, доктриной признается, что он может указывать на намерение сторон и прояснять природу документа. The Vienna Conventions on the Law of Treaties. – Vol. 1. – P. 38.

«восстановления» (*shall be restored*), «передачи» (*shall be handed over*)[778], «согласились в том, что эти претензии Советского Союза будут безусловно удовлетворены» (*have agreed that these claims of the Soviet Union shall be unquestionably fulfilled*) (ср. с еще одной формулировкой, содержащейся в соглашении в связи с переговорами с Китаем – «президент [США] примет меры» (*The [US] President will take measures*), которая выражает меньшую степень императивности, поскольку требует лишь принятия мер, а не достижения результата). Действительно, в соглашении отсутствует порядок вступления в силу, механизм разрешения споров, преамбула, из которой обычно явствуют объект и цель любого международного договора, однако эти части не являются обязательными для того, чтобы документ был таковым: международным договором, согласно обычному международному праву, является «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом»[779]. Форма и полномочия заключивших Ялтинское соглашение 1945 г. сторон вопросов не вызывают. Что касается последнего признака, намерения сторон подчинить соглашение международному праву, то, как представляется, в отсутствие прямых указаний об обратном, всякая договоренность на межгосударственном уровне подпадает под международное право и регулируется им. Это подтверждается доктриной: согласно авторитетному комментарию к Венской конвенции 1969 г., откуда воспроизведено изложенное выше определение, признаваемое обычаем, этот последний критерий введен для разграничения международно-правовых соглашений и договоров, заключаемых государствами в соответствии с национальным правом, тогда как соглашения между государствами презюмируются удовлетворяющими этому признаку[780]. Соответственно, по своей природе Ялтинское соглашение 1945 г. представляет собой международный договор.

Не углубляясь в анализ статуса соглашений, подобных Ялтинскому, в рамках американского правопорядка, отметим, что такой правопорядок, безусловно, допускает существование обязательных международных договоров, заключенных главой исполнительной власти, Президентом, без согласования с Сенатом, в том числе секретных; более того,

---

[778] В этом и предшествующем случае русскоязычный текст соглашения несколько уступает в решительности формулировок английскому, где вместо существительных используются глаголы: «будут восстановлены» (или «должны быть восстановлены) и «будут переданы» (или «должны быть переданы»).

[779] *Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya)*, I.C.J., Preliminary Objections, Judgment of 2 February 2017, para. 42. Следует отметить, что, хотя в том же пункте решения Международный Суд ООН указал, что «включение положения, касающегося вступления в силу Меморандума о намерениях, свидетельствует (*is indicative of*) об обязательном характере этого документа», он не высказался о том, что такое положение должно присутствовать в документе, чтобы он считался международным договором.

[780] The Vienna Conventions on the Law of Treaties. – Vol. 1. – P. 40 – 43.

соглашения этого вида заключаются США регулярно[781]. Следовательно, любая попытка заявить, что Президент не имел полномочий на заключение обязательного соглашения в Ялте, или что такое соглашение не признается американской правовой системой, должна быть отклонена. Этот вывод далее подкреплен запретом «ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» (Статья 27 Венской конвенции 1969 г.), который, по словам сэра Дж. Фицмориса, является «одним из величайших принципов международного права», многократно подтверждался в международной судебной практике, т.е., вне всяких сомнений, является нормой обычая[782]. В дополнение, не могут иметь значения и ссылки на неосведомленность Президента США относительно обязательства по передаче СССР Курильских островов, поскольку, даже если признать (что не так), что ошибка признавалась международным обычаем в качестве основания недействительности или прекращения международных договоров в рассматриваемый период, и что Президент Ф. Рузвельт действительно не знал о том, что Курильские острова не были приобретены Японией по итогам Русско-японской войны 1904 –1905 гг., а не пошел на эту уступку намеренно, заблуждение по этому пункту явно нельзя счесть относящимся к неотъемлемой основе согласия главы американского государства на заключение Ялтинского соглашения 1945 г.[783]. Наконец, здесь следует применить принцип эстоппеля: заключив Ялтинское соглашение в 1945 г., США не вправе отказываться от обязательств по нему через семь лет в ущерб СССР, и подобный отказ следует признать недействительным[784]. В дополнение, что касается оговорки Сената США, то в соответствии с ее текстом она относится исключительно к толкованию положений Сан-Францисского договора 1951 г. и американских подготовительных материалов к его ратификации («…а также ничто в настоящем договоре, или в рекомендациях и согласии Сената в отношении его ратификации…») и *per se* никоим образом не аннулирует Ялтинское соглашение[785]. Таким образом, предположительный выход США из Ялтинского соглашения 1945 г. не имел правовых последствий для характера соглашения и не обоснован с точки зрения обычного международного права.

---

[781] Deeks A.S. A (Qualified) Defense of Secret Agreements // Arizona State Law Journal. – 2017. – Vol. 49. – P. 722.

[782] См.: The Vienna Conventions on the Law of Treaties. – Vol. 1. – P. 691 – 692.

[783] Довод об ошибке американского Президента поддерживается несколькими авторами, включая Х. Кимуру, но, как верно указывает Дж. Браун, не вполне поддерживается фактами и, к тому же, «полная осведомленность едва ли изменила бы его решение». См.: Brown J.D.J. Op. cit. – P. 19 – 20.

[784] Следует также упомянуть, что во внутренних американских документах упоминания о намерении США исполнить соглашение встречаются вплоть до 1949 г., т.е. после фактического занятия территорий войсками СССР. См.: ibid.

[785] Такой же вывод о толковании американской «смены курса» делает Эрнесто де ла Гуардия. La Guardia E. de. Op. cit. – P. 413 – 414.

Для полноты отметим, что, даже если допустить, что выход США из Ялтинского соглашения 1945 г. был правомерен несмотря на вышеуказанные правовые препятствия, это не означает утрату им силы *ipso facto*, поскольку, хотя США и были основным участником этого соглашения, способным привести обязательство по передаче Курильских островов СССР в исполнение на практике, они не были его единственным участником. Утрата соглашением силы после выхода США имела бы смысл, если бы без их участия соглашение стало неисполнимым, что расходится с действительностью – все Курильские острова были впоследствии заняты СССР без участия США и по согласованию с ними, как указано ниже. Кроме того, выход или одностороннее изменение международного договора одной из сторон, как представляется, не должны повлечь правовые последствия для оставшихся сторон без их согласия[786], кроме случаев, когда подобный выход совершается в связи с нарушениями, совершенными подобными сторонами, в результате которых требование о получении согласия утрачивает смысл или получение согласия оказывается невозможным.

Перейдем к изучению последствий секретного характера Ялтинского соглашения. Секретные соглашения повсеместно распространены в практике, в том числе современной, несмотря на попытку их запретить, сделанную в Статье 18 Пакта Лиги наций 1920 г. (которая предусматривала, что международные договоры, не зарегистрированные в Лиге наций, не имеют обязательной силы). После принятия Устава ООН в 1945 г. ситуация не изменилась. Его Статья 102 хоть и запрещает ссылаться на договоры, не зарегистрированные ООН[787], но не запрещает сами такие соглашения. Даже более жесткие санкции, предусмотренные Пактом Лиги наций, не создали в доктрине или в практике консенсус относительно недействительности таких соглашений. Так, известный юрист Ч.Ч. Хайд в 1947 г. писал о том, что Статья 18 означает лишь, что договор не является ничтожным, а может быть оспорен по требованию одной из сторон, а Соединенное Королевство утверждало, что указанная Статья относится не к любым договорам, а только к «агрессивным договорам, наносящим вред миру среди наций», несмотря на полное отсутствие указаний на это в ее тексте[788]. Это может говорить лишь о том, что государства на практике не желали признавать автоматическую недействительность секретных соглашений. По общему правилу, если такие договоры не нарушают международное право, они не являются недействительными только в силу своего секретного характера[789];

---

[786] Это следует из рассмотренного выше принципа добросовестности как неотъемлемой части принципа *pacta sunt servanda*, а также из согласия как традиционной основы права международных договоров.

[787] Deeks A.S. Op. cit. – P. 715 – 716; 724 – 725; 733, 735 – 737.

[788] Ibid. – P. 738.

[789] Caddell R. Secret Treaties // Max Planck Encyclopedia of Public International Law (last updated: June 2006).

признается, что, напротив, одной из функций, которые могут выполнять такие договоры, может быть обеспечение соблюдения международного права[790]. Американская исследовательница Э. Дикс, разделившая секретные обязательства на две категории: секретные соглашения, являющиеся обязательными международными договорами, и секретные договоренности, представляющие собой политические обязательства, при попутном упоминании Ялтинского соглашения 1945 г. называет его соглашением[791]. Кроме того, Статья 102 Устава ООН[792] в сочетании со Статьей 107[793] однозначно не лишает Ялтинское соглашение 1945 г. силы международного договора[794]. Следует презюмировать, тем самым, что Ялтинское соглашение 1945 г. не является необязательным ввиду его секретного характера.

Япония заявляет, что Ялтинское соглашение 1945 г. неприменимо к ней, поскольку, во-первых, она не знала о нем до раскрытия его положений в 1946 г., а, во-вторых, не является его стороной. Оба эти довода упираются в вопрос о полномочиях союзников определять послевоенный состав Японии по своему усмотрению (т.е. без ее согласия), которые, как установлено выше, были предусмотрены Каирской декларацией 1943 г., и – здесь мы согласимся с позицией О.Н. Хлестова, – Япония при капитуляции признала эти полномочия[795]. Разглашение Ялтинского соглашения 1945 г. Японии как агрессору действительно, как считает историк К.Е. Черевко, было бы «абсурдным с точки зрения здравого смысла», хотя и спорно, можно ли присоединиться к его мысли о том, что это также «представляло бы собой нарушение таких основополагающих документов современного международного права, как Декларация Объединенных Наций 1942 г. и положений будущего Устава ООН»[796]. Небезынтересно в этой связи высказывание советского правоведа Ю.Г. Барсегова: «Южная часть Сахалина и Курильские острова, *ранее захваченные* Японией, *были возвращены* Советскому Союзу»[797]. Понятно, что, защищая национальные интересы СССР, автор, вероятно, опирался на принцип

---

[790] Deeks A.S. Op. cit. – P. 740.

[791] Ibid. Ранее в своей научной статье автор указывает, что порой трудно определить, к какой категории относится конкретный документ, и существует вероятность того, что слова «соглашение» в отношении документа, принятого в Ялте, употреблено ею непреднамеренно. Вместе с тем, такое упоминание приводится после описания других «соглашений», а не «договоренностей», что снижает уровень подобной вероятности.

[792] Устав ООН, Статья 102.

[793] Ермошин В.В. К вопросу о праве России .... – С. 121 – 122. См. также ниже.

[794] Кроме того, регистрация в ООН не придает документу характер международного договора – если он является таковым в силу своей природы, акт регистрации никак не влияет на его статус. Aust A. Op. cit. – P. 344 – 345.

[795] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 5. Более подробно об условиях капитуляции Японии см. ниже.

[796] Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – С. 47 – 471.

[797] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 4 (выделено нами – *Е.Н.*), 187 (и снова – «были возвращены Советскому Союзу в соответствии с программой послевоенного мирного урегулирования»).

состязательности правовых позиций в пользу СССР. Но некоторая путаница возникает в связи с тем, что в общетеоретической части своей работы он же описывает принцип «*nemo dat qui non habet*», согласно которому государство не может уступить другому государству территорию, которой само не обладает[798]. В случае южной части Сахалина недоразумения не возникает, поскольку речь идет о возврате, а не передаче; в случае же Курильских островов обещание или обязательство *передать* их СССР по итогам войны со стороны союзников в свете этого принципа кажется неисполнимым. К сожалению, данный правовед не дает правовой оценки ни Ялтинскому соглашению, ни Сан-Францисскому договору. Основной вывод по обоим аргументам, на наш взгляд, заключается в том, что необходимость в осведомленности или согласии (участии) Японии на Ялтинское соглашение 1945 г. зависит от наличия у нее права определять собственный территориальный состав после войны и пределов усмотрения союзников при разрешении того же вопроса. Для этого требуется дополнительный анализ условий капитуляции Японии.

Наконец, в связи с Ялтинским соглашением 1945 г. также встает вопрос о толковании и понимании в соответствии с ним понятия «Курильские острова». Независимо от действительности Ялтинского соглашения, согласимся с С. Ли в том, что «сложно полностью игнорировать правовой вес» этого соглашения (и, по нашему мнению, игнорировать его даже недопустимо), поскольку оно учитывалось самими США при подготовке Сан-Францисского договора и «было указано, что документ о распоряжении Курильскими островами, который был базовым источником решения вопроса о распоряжении Курильскими островами в *Сан-Францисском мирном договоре*, был пересмотрен в соответствии с *Ялтинским соглашением*»[799].

Обратим внимание на то, что Ялтинском соглашении 1945 г. на английском языке употребляется тот же термин, что и в англоязычном тексте Сан-Францисского договора 1951 г. – "*Kurile Islands*", а не японский термин «*Chishima rettō*»[800]. Соглашение само по себе, по мнению С. Ли, не дает определения понятия «Курильские острова»: он отмечает, что главы Великих держав, подписавшие его, едва ли задумывались над объемом этого понятия, а также обращает внимание на то, что они упоминаются в соглашении отдельно от пункта о восстановлении «прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г.»[801].

---

[798] Там же. – С. 103.

[799] Речь о документе Межведомственного комитета по Дальнему Востоку, который являлся наиболее активным комитетом Государственного департамента США, участвовавшим в подготовке американской позиции в ходе Сан-Францисской конференции (Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 22, 24. См. также: Idem., The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 101 – 102; Хлестов, Указ. соч. – С. 3, 5).

[800] См. выше Главу 2, §2.3. В японском тексте мирного договора употребляется все же японское название «千島列島並び» («архипелаг Тисима»), а не эквивалент «クリル列島» («Курильские острова»).

[801] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 22.

Действительно, что касается позиции США, то, как было отмечено, подтверждая в ходе конференции в Крыму и в тексте соглашения возможность передачи СССР Курильских островов, американский Президент, очевидно, не имел представления не только о том, какие территории подразумеваются под этим понятием, но и, возможно, на каком основании СССР требует их передачи. Но для США Япония – государство-агрессор, и для США было важно убедить СССР участвовать в их войне с Японией. Меморандум Дж.Г. Блейксли от 28 декабря 1944 г. по вопросу о «будущем распоряжении Курильскими островами» (хоть и рекомендовал оставить южно-курильские острова за Японией) с точки зрения понимания того, что подразумевалось под «Курильскими островами», подкрепляет позицию российской стороны: документ предусматривал, помимо прочего, что «Курилы составляют цепочку из 47 малонаселенных вулканических островов... от Хоккайдо... до российского п-ова Камчатка», «могут быть разделены на три группы: южные, центральные и северные», при этом «южная группа... простирается примерно на 235 миль от Хоккайдо до о. Итуруп включительно», и «Япония владеет южными Курилами приблизительно с 1800 г.»[802]. Т.е., при признании разной силы возможных притязаний на южно-курильские острова и остальные Курильские острова к северу от них, и те, и другие понимались американской стороной как «Курильские», и никак иначе. Поскольку данный документ, хоть он, судя по всему, и не был доведен до сведения Президента Ф.Д. Рузвельта, подготовлен специально к конференции, следует, на наш взгляд, считать, что на момент заключения Ялтинского соглашения 1945 г. США понимали под «Курильскими» все Курильские острова, включая южные. Что касается позиции Премьер-министра Великобритании, то известно, что, когда И. Сталин спросил о его отношении к пожеланиям СССР по Дальнему Востоку, У. Черчилль отвечал, что «мы... выступаем за возмещение потерь России в Русско-японской войне»[803], однако не высказывался о Курильских островах. В целом по Ялтинскому соглашению 1945 г. глава британского правительства публично заявил, что оно «было чисто американским делом», но Э. Стеттиниус, Государственный секретарь США, раскрыл, что «Премьер-министр добавил, что полностью уверен в Президенте Рузвельте и чувствует, что может всецело рассчитывать на суждение Президента по этому вопросу (о Дальнем Востоке – *Е.Н.*)»[804]. Эти свидетельства не позволяют сделать однозначный вывод о понимании термина «Курильские острова» со стороны Великобритании, однако указывают в сторону ее присоединения к общей позиции США по вопросам Дальнего Востока и по меньшей мере не могут считаться свидетельствующими об

---

[802] Текст меморандума приводится в: Stephan J.J. The Kuril Islands. – P. 240 – 244.

[803] Davidson S. Op. cit. – P. 72.

[804] Ibid. – P. 76.

узком толковании этого понятия, на котором настаивает Япония. Наконец, со стороны СССР, учитывая материалы, относящиеся еще к подготовке Пакта о нейтралитете 1941 г., Курильские острова на севере явно понимались как входящие в Курильские; что же касается южных, то в позицию СССР целесообразно включить и их, учитывая, что они также считались «Курильскими», и СССР не предложил уточнений в текст Ялтинского соглашения, которые ограничивали бы понятие «Курильские острова» только одной частью архипелага. Это подтверждают и действия СССР по занятию островов, которые рассмотрим ниже.

Потсдамская декларация 1945 г., Акт о безоговорочной капитуляции Японии 1945 г. и Меморандум № 677. В связи с документами об условиях капитуляции Японии и исполнении ею таких условий, необходимо установить, во-первых, объем полномочий союзников согласно их собственному пониманию и пониманию Японии, во-вторых, роль СССР в качестве де-факто союзника в обеспечении капитуляции Японии для целей квалификации приобретения СССР Курильских островов как компенсации за вклад в войну, и, в-третьих, понимание словосочетания «Курильские острова» со стороны СССР, США и самой Японии.

Текст Потсдамской декларации 1945 г. явно указывает на восприятие союзниками собственного усмотрения как не ограниченного волеизъявлением побежденного государства-агрессора: без каких-либо оговорок, США, Великобритания и Китай заявили, со ссылкой на Каирскую декларацию 1943 г., что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем». Капитуляция, к которой они призывали Японию, должна была быть «безоговорочной» (*unconditional*)[805]. Предложение Японии о принятии условий капитуляции в Потсдамской декларации (причем в качестве Союзных держав, участвовавших в ней, был указан и присоединившийся к ней СССР) от 10 августа 1945 г., однако, содержало оговорку. Государственный секретарь США Дж.Ф. Бирнс, от лица четырех государств 11 августа 1945 г. ответил в связи с ней, что власть Императора с момента капитуляции будет подчинена приказам Главнокомандующего Союзных держав, «который примет такие меры, которые он сочтет надлежащими для приведения в исполнение условий капитуляции»[806]. В коммюнике от 14 августа 1945 г. Япония согласилась на это требование уже без оговорок[807]. Акт о

---

[805] Потсдамская декларация, п. 13: Русские Курилы .... – С. 123. Текст на английском языке см.: Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender. – The Department of State Bulletin. – Vol. XIII. – No. 318, July 29, 1945.

[806] Instrument of Surrender. 2 September 1945. Accepted at Tokyo Bay, Japan at 0903 on the second day of September, 1945, for the United States, Republic of China, United Kingdom and the Union of Soviet Socialist Republics, and in the interests of the other United Nations at war with Japan. URL: http://avalon.law.yale.edu/wwii/j4.asp ("From the moment of surrender the authority of the Emperor and the Japanese Government to rule the state shall be subject to the Supreme Commander of the Allied powers who will take such steps as he deems proper to effectuate the surrender terms").

[807] Ibid.

безоговорочной капитуляции от 2 сентября 1945 г.[808] прямо признавал включение СССР в число Союзных держав, вновь подтверждал принятие условий Потсдамской декларации 1945 г. и приказывал «всем гражданским, военным и морским служащим подчиняться и исполнять все заявления, приказы и меморандумы, которые Верховный командующий Союзных держав сочтет надлежащими для осуществления настоящей капитуляции, и изданным им или во исполнение его полномочий»[809]. Из вышеуказанных документов, тем самым, следует, в первую очередь, что Союзные державы и Главнокомандующий Союзных держав от их имени обладали и признавались обладающими всеми полномочиями, которые необходимы для осуществления «безоговорочной» капитуляции Японии. С. Ли отмечает, что это основано не на юридическом правомочии (до признания его Японией Актом о капитуляции), а на «политическом факте» того, что они являлись Великими державами, по усмотрению которых будут устанавливаться условия мирного договора[810]. Во-вторых, Япония признала СССР одной из Союзных держав; известны последствия разгрома советскими войскам японских вооруженных соединений в Маньчжурии; это, на наш взгляд, исключает убедительность каких-либо аргументов о том, что СССР якобы не внес в войну с Японией достаточный вклад[811]. Дискуссии о том, в какой степени вступление СССР в войну повлияло на ее исход и сроки ее завершения[812], возможно, представляют интерес для исторических и военно-политических исследований, однако ввиду вышеуказанных международных документов юридического значения не имеют.

Документы о капитуляции Японии, процитированные выше, не содержат собственных конкретных положений об определении территориального состава Японии[813]. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к материалам и документам, установившим зоны

---

[808] Следует отметить здесь, что заголовок акта на английском языке не содержит слова «безоговорочный» и именуется просто “Instrument of Surrender”. Далее в тексте говорится уже о «безоговорочной» капитуляции (“the unconditional surrender”).

[809] Ibid.

[810] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution. – P. 23.

[811] Этот довод заявляется некоторыми зарубежными авторами, например, Х. Кимурой (см. по: Brown J.D.J. Op. cit. – P. 24), хотя он и указывает, что гадать, был ли вклад СССР в войну решающим, бесполезно, поскольку этот вопрос, по его мнению, носит спекулятивный характер (Kimura H. Op. cit. – P. 45).

[812] Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – С. 487; Davidson S. Op. cit. – P. 134 – 135, 150 – 152.

[813] Некоторые российские авторы (В.Н. Еремин, С.М. Пунжин) делали из этого вывод о том, что, следовательно, Потсдамская декларация 1945 г. не может использоваться каким-либо образом как подтверждающая территориальный титул СССР, а также, поскольку она не содержит отсылок к Ялтинскому соглашению, можно утверждать, что она указывает на «отсутствие у союзников намерения придать этому соглашению обязательный для Японии характер» (см.: Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 28 – 29). Эта точка зрения, на наш взгляд, представляет собой заблуждение – в первую очередь, поскольку декларация действительно и не используется в качестве самостоятельного основания титула на территорию, а, во-вторых, поскольку Ялтинское соглашение было раскрыто лишь после принятия декларации, поэтому нельзя опираться на отсутствие в ней указаний на соглашение как на однозначное свидетельство какого-либо намерения союзных государств.

оккупации. Согласно переписке И. Сталина с Г. Трумэном (письма от 16, 18, 22, 27 и 30 августа 1945 г.), которая состоялась до принятия Акта о безоговорочной капитуляции Японии, советский глава государства попросил включить «в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза»[814], на что Г. Трумэн выразил свое согласие; вместе с тем, он обозначил и желание США получить права на авиационные базы «на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе»[815]. В письме от 27 августа, впрочем, Г. Трумэн упомянул о «Курильских островах, о японской территории, вопрос о которой должен быть решен при мирном урегулировании», и о том, что Ф.Д. Рузвельт «согласился поддержать при мирном урегулировании приобретение этих островов советской стороной», и о стремлении СССР «получить в постоянное владение все Курильские острова»[816]. Общим военным и военно-морским приказом № 1 от 14 августа 1945 г. японским войскам «на Карафуто и на Курильских островах» (без указания отдельно каких-либо из них) было предписано сдаться Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке. Меморандум № 677 от 29 января 1946 г. исключил из территории Японии «Курильские (Тисима) острова, группу о-вов Хабомаи, включая... а также о-в Шикотан»[817]. США признают Меморандум № 677 и Общий приказ № 1 руководствами временного характера, но не документами по территориальному размежеванию[818], и это, в отличие от соответствующих доводов относительно Ялтинского соглашения 1945 г., можно признать убедительным в силу положений самих таких документов. Вместе с тем, они представляют собой полезные свидетельства того, как, в том числе в связи с Ялтинским соглашением 1945 г., США понимали словосочетание «Курильские острова». Исходя из их текста, похоже, что в ранних документах под «Курильскими» американским руководством понимались все Курильские острова – упоминание Г. Трумэном «центральной» группы островов может означать только, что другие острова как на север, так и на юг от этой группы также были Курильскими. Несмотря на настораживающе уклончивое указание на то, что в Ялте Ф.Д. Рузвельт пообещал лишь поддержать советские требования о передаче, а не безусловно передать острова, последние письма Г. Трумэна не меняют это понимание: к моменту ведения указанной переписки, все

---

[814] Русские Курилы .... – С. 130 – 134; Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – С. 506 – 507, 543; Brown J.D.J. Op. cit. – P. 26.

[815] Русские Курилы .... – С. 130 – 134.

[816] Там же.

[817] Русские Курилы .... – С. 144.

[818] См.: Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 26 – 27 (где приводятся ссылки на положения меморандумов и на телеграмму Дж.Ф. Даллеса (Государственного секретаря США) от 1 июля 1955 г.).

Курильские острова действительно являлись японской территорией. Общий приказ № 1 также подтверждает отсутствие разделения между Курильскими и не Курильскими островами. Но в конце января 1946 г. (когда все острова уже были заняты СССР и были объявлены советской территорией) Главнокомандующий Союзных держав, американский генерал Д. МакАртур, в Меморандуме № 677 отдельно указал «Курильские (Тисима) острова, группу о-вов Хабомаи, включая... а также о-в Шикотан». Как бы то ни было, после занятия СССР южно-курильских островов, протестов от союзников или Главнокомандующего Союзных держав не поступило[819]. Отсюда следует, что на момент принятия документов, которые продолжают действовать для государств, не подписавших впоследствии Сан-Францисский договор 1951 г., таких как Россия, а именно, Акта о капитуляции Японии и Потсдамской декларации[820], в понимании союзников Курильские острова включали в себя южно-курильские, в том числе о. Шикотан. Что касается о-вов Хабомаи, то, на наш взгляд, справедливо мнение К.Е. Черевко о том, что занятие их после подписания Японией Акта о капитуляции было также осуществлено в порядке исполнения Общего приказа № 1 об оккупации японских территорий, не предусматривавшего сроки исполнения[821]. Это тем более так, что, как и в случае остальных островов, ни один из союзников, включая США, не заявил протест против такого занятия.

В заключение анализа вопросов капитуляции можно отметить, что позиция самой Японии весной – летом 1945 г. (когда продолжали делаться попытки добиться продления Пакта о нейтралитете 1945 г.) состояла в готовности уступить СССР северные острова, но не южные; вместе с тем, несмотря на попытки сохранить острова близ о. Хоккайдо, Япония также не возразила против их занятия советскими войсками, согласившись с полным усмотрением союзников относительно определения ее территориального состава[822].

Наконец, отдельно рассмотрим последствия *положений Устава ООН*[823], в частности, его *Статьи 107*, которая предусматривает: «Настоящий Устав ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из

---

[819] Куртов А.А. Указ. соч. – С. 179.

[820] Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 103.

[821] Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. – С. 551 – 552.

[822] Там же. – С. 477 – 481, 495 – 497.

[823] В.Н. Еремин полагает, что обращения к Уставу ООН «непродуктивны», поскольку он «не вносит достаточной ясности» в документы военного времени (Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 30 – 31), однако это не означает, что его положения не требуют анализа в той мере, в которой они касаются действительности указанных документов.

государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям»[824]. В авторитетном комментарии к Уставу под редакцией Б. Зиммы указывается, что и Статья 53(2) («Термин «вражеское государство», как он применен в пункте 1 настоящей статьи, относится к любому государству, которое в течение второй мировой войны являлось врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав»), и Статья 107 представляют собой «исключительно дозволительные нормы и не могут служить правооснованиями для действий. Такие правооснования следует искать вне Устава» – например, в правовых нормах об оккупации, договоренностях между Союзными державами или их договорах с побежденными (бывшими вражескими) государствами[825]. Нет сомнений в том, что Япония являлась вражеским государством, а СССР – Союзной державой, к которым применялись данные переходные положения. К сожалению, комментарий не затрагивает действия Союзных держав в отношении Японии, но можно провести аналогию с их действиями по отношению к Германии. Статья 107 касается соотношения положений Устава (в частности, запрета применения силы и обязательства разрешать споры мирным путем) и действий Союзных держав и закрепляет, что Устав не лишает такие действия правомерности. Помимо прочего, это привело к тому, что правомерность таких действий «во многих случаях даже не обсуждалась в органах ООН» (хотя они могли быть поставлены на обсуждение, что не повлияло бы на их правомерность, но скорее стало бы пересмотром прав и обязанностей Союзных держав в рамках режима оккупации (идет речь о Германии. – *E.H.*))[826]. Для того, чтобы мера или действие не подпадали под Устав по Статье 107, они должны были быть приняты «в результате Второй мировой войны», т.е. быть прямо связаны «с провокацией и ведением» этой войны[827]. При этом в качестве примеров в комментарии называются Ялтинское соглашение (хотя и не указывается, имеются ли в виду также договоренности по Дальнему Востоку) и Потсдамская декларация 1945 г., и такие меры, как занятие вражеской территории, *debellatio*, отторжение территорий от вражеской войны по итогам Второй мировой войны (по смыслу Статьи 77(1)(b) Устава ООН)[828]. С учетом этого, Устав подтверждает легитимность действий СССР по занятию южно-курильских островов *post factum*, поскольку СССР руководствовался санкциями в отношении Японии как вражеского

---

[824] Устав ООН, Статья 107.

[825] Ress G. Ch. XVII Transitional Security Arrangements, Article 107 [Electronic source] / The Charter of the United Nations: A Commentary // B. Simma B., D.-E. Khan, G. Nolte, A. Paulus, N. Wessendorf (Eds.). – Vol. II. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. URL: http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/9780199639762.001.0001/law-9780199639762 (дата обращения: 07.11.2017) ("Both Articles are permissive rules only and cannot serve as legal titles for action. These legal titles for action must be found outside the Charter...").

[826] Ibid.

[827] Ibid.

[828] Ibid.

государства, согласованными с другими Союзными державами во время войны. В комментарии далее верно указывается, что Статья 107 не исключает действие в отношении мер Союзных держав обычного международного права, в том числе принципа народов на самоопределение – но отмечается, что не вполне ясно, в какой мере он развился в период Второй мировой войны [829]. Так как в решениях Союзных держав по отношению к Японии и в Акте о капитуляции последней не указывалось, что население Японии вправе определять послевоенный территориальный состав страны, и это действие было оставлено полностью за Союзными державами, данный подход также поддерживает правомерность действий СССР по установлению суверенитета над южно-курильскими островами.

Сан-Францисский договор 1951 г. Наиболее важным для данного анализа является выявление намерения и воли союзных государств при определении послевоенного состава территорий Японии на основании Сан-Францисского договора 1951 г., обязательность которого не оспаривается Японией и участницами которого являются две стороны Ялтинского соглашения 1945 г. – США и Великобритания, но не является третья сторона – СССР.

Согласно его Статье 2(c): «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова ...». Соответственно, первоочередной вопрос заключается в том, что означает для целей Сан-Францисского договора 1951 г. словосочетание «Курильские острова». Как было отмечено в главе 2, за время конференции в Сан-Францисско договор прошел восемнадцать редакций, в которых сначала определялось понятие «Курильских островов» и прямо предусматривалась их передача СССР, затем ссылка на передачу СССР исчезла, а термин «Курильские острова» остался без определения [830]. Подробно проанализировавший все проекты договора корейский правовед С. Ли делает вывод о том, что принятая в итоге формулировка и сохранение спора в открытом состоянии стали результатом намеренной политики западных союзников, которые ориентировались на собственные геополитические и стратегические интересы и предпочли оставить вопрос «на потом»[831]. Такая политика, впрочем, не означает, что термин «Курильские острова» на момент заключения Сан-Францисского договора 1951 г. не обладал объективным, установившимся или признанным участниками значением, выявить которое возможно путем обращения к объекту и цели договора, а также к подготовительным материалам к нему.

При анализе понятия «Курильские острова» следует понимать, что речь идет не о поиске значения этого понятия с точки зрения географии. По мнению Т. Морманна, словосочетание

---

[829] Ibid.

[830] Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 110 – 122.

[831] Ibid. – P. 144 – 145.

«Курильские острова» обозначает географическое образование, однако вопрос по Сан-Францисскому договору 1951 г. должен решаться в отношении административного или юридического понятия[832]. Это справедливо: географические обозначения могут изменяться со временем, в том числе намеренно, и было бы абсурдным считать, что содержание международных договоров, к которым они относятся, изменяется вместе с ними, за исключением, возможно, случаев природных преобразований самих географических единиц, к которым относятся такие обозначения. Административное или юридическое значение понятия, обозначающего определенную территорию, в большей степени пригодно для определения пределов суверенитета, т.е. осуществления государственной власти, над такой территорией. Точно так же, на наш взгляд, важно стремиться к выявлению административного или юридического понятия *на момент заключения* соответствующего договора, в данном случае – по состоянию на 8 сентября 1951 г. Хотя мы и не можем согласиться с тем, что ни в коем случае нельзя «опираться на предшествующие определения для делимитации нынешней территории», в особенности когда такие предшествующие определения могут быть единственными юридическими и международными определениями искомого понятия, мнение о том, что японское «правительство отказалось от «Курильских островов» (в понимании – *Е.Н.*) 1951 г., а не 1875 г.»[833], представляется справедливым. Если международный договор «замораживает» ситуацию на определенный момент, значение его терминов устанавливается на момент заключения или вступления в силу такого договора. Следовательно, поиск юридического значения понятия «Курильские острова» должен быть сосредоточен на близких по времени к договору 1951 г. документах, тогда как предшествующие им материалы могут исполнять лишь вспомогательную функцию при невозможности прийти к решению на основании первых.

Круг материалов, которые могут быть использованы для выполнения поставленной задачи и способны пролить свет на понимание термина «Курильские острова» по мирному договору, помимо временных рамок, определяется также и объектом и целями указанного договора. Сан-Францисский договор «заменил» все предшествующие договоренности и имеет преимущественную силу в случае расхождений между ними[834], кроме как в отношении не участвующих в нем сторон, для которых продолжает действовать Акт о безоговорочной капитуляции Японии, путем отсылки включающий в себя Потсдамскую декларацию[835]. Как было установлено выше, целью Потсдамской декларации 1945 г. было наказание Японии за

---

[832] Mormanne T. Op. cit. – P. 4.

[833] Ibid. – P. 11.

[834] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 25.

[835] Ibid.

агрессию. Что же касается мирного договора, то обоснованным представляется вывод о том, что существовало «общее согласие, что Сан-Францисский договор едва ли мог иметь какую-либо иную цель, кроме утверждения территориальных соглашений, заключенных в Каире, Ялте и Потсдаме», при этом речь шла скорее об имплементации более конкретных Ялтинского соглашения и Потсдамской декларации 1945 г.[836]. Каирская декларация 1943 г. и Ялтинское соглашение 1945 г. так же, как и более поздняя Потсдамская декларация 1945 г., имели целью прекратить агрессию Японии. По нашему мнению, поскольку такая цель сообразуется и с целью исполнения обязательств перед государствами, которые вступили в войну для прекращения такой агрессии, и, кроме того, потому, что Ялтинское соглашение 1945 г. – единственный из трех документов, прямо предусматривающий положение, конкретно относящееся к «Курильским островам», оно должно быть принято как первостепенный документ для целей толкования пункта об отторжении у Японии «Курильских островов» в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. Кроме того, не в последнюю очередь, можно утверждать, что Курильские острова также должны одинаково пониматься в названных двух международных договорах ввиду совпадения участвующих в них сторон (а именно: США и Великобритании) и употребления одинакового термина для их обозначения[837].

Прямым следствием положения Ялтинского соглашения 1945 г. является первый проект мирного договора, где под «Курильскими островами» прямо понимались острова, пролегающие «между Камчаткой и Хоккайдо». Уже следующий проект, предложенный в августе 1947 г., предусматривал, что СССР передавались Курильские острова, т.е. острова от Урупа до Шумшу включительно, причем делалась отсылка к Санкт-Петербургскому трактату 1875 г. [838] . Впоследствии острова либо не определялись вовсе, как в окончательной редакции, либо из определения прямо исключались южно-курильские острова, либо, в одном случае – о-ва Шикотан и Хабомаи[839]. Значение термина «Курильские острова», тем самым, почти сразу стало предметом субъективного пересмотра. В такой ситуации, по нашему представлению, существует два возможных пути толкования: во-первых, это попытка восстановить более или менее объективное значение по иным юридическим документам, в которых закреплено то же понятие [840] , во-вторых, попытка выявить преобладающий подход союзников-участников

---

[836] Ibid. – P. 21, 25.

[837] Mormanne T. Op. cit. – P. 11.

[838] Там же.

[839] Там же.

[840] Mormanne T. Op. cit. – P. 16. Мы говорим о «более или менее» объективном значении, поскольку, учитывая глубокие разногласия о значении этого понятия, существовавшие на протяжении всего военного периода, подлинно объективное значение, вероятно, не существует.

конференции в Сан-Франциссko[841]. Наибольшую силу должен иметь результат, по возможности сочетающий в себе итоги обоих шагов.

Первый шаг, произведенный нами ранее, привел к признанию большей убедительности за утверждением, что южно-курильские острова входили в понятие «Курильские» по международным договорам XIX века, чем за утверждением об обратном. Наши выводы об американской и советской позициях на момент заключения Ялтинского соглашения 1945 г. подтверждают этот же вывод. В сочетании с текстом первого проекта Сан-Францисского договора, процитированного выше, необходимо заключить, что понятие «Курильские острова» как юридическое понятие при употреблении в предшествующих международно-правовых документах обозначало также и южно-курильские острова. Административные и иные японские материалы, относящиеся к периоду до заключения мирного договора, свидетельствуют о том, что с 1869 г. в провинцию «Тисима» входили о-ва Итуруп, Кунашир и Шикотан, но о-ва Хабомаи туда не входили[842]. Вместе с тем, согласно некоторым японским энциклопедиям и о-ва Хабомаи также причисляются к «архипелагу Тисима»[843]. После исследования американских и японских документов и публичных заявлений, С. Ли. приходит к выводу о том, что нет веских оснований не считать частью Курил Итуруп, Кунашир и Шикотан, тогда как Хабомаи действительно имели больше политических связей с округом Немуро о. Хоккайдо[844]. Следовательно, по итогам этого шага можно остановиться на двух гипотезах: что «Курильские острова» юридически и административно означали либо все Курильские острова, включая южные, либо все Курильские острова, включая южные, но не включая о-ва Хабомаи.

Что касается выявления намерений или понимания участников конференции в Сан-Франциссko, то С. Ли утверждает, что это действие включает два этапа: во-первых, требуется выяснить, от чего Япония отказалась, приняв Статью 2 мирного договора (т.е. как она понимала «Курильские острова», и, во-вторых, установить, что конкретно под формулировкой «Курильские острова» отторгли от Японии государства-участники мирного договора[845]. Такую постановку проблемы можно было бы считать верной, если, на наш взгляд, изменить порядок задач согласно выводам выше: первостепенное значение имеет вопрос о том, что право определять послевоенную территорию государства-агрессора Японии признавалось не за ней, а

---

[841] Здесь, также, очевидно, что единообразный подход отсутствовал, поэтому, как и в случае первого предложенного шага, представляется единственно возможным решить вопрос в относительной форме, на основании перевеса доказательств.

[842] Ibid. – P. 4 – 5.

[843] Ibid.

[844] Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 77 – 79.

[845] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution. – P. 14.

за Союзными державами, т.е. их позиция о том, какие территории были отторгнуты, и эта позиция закреплена в Ялтинском соглашении 1945 г.

Исходя из упомянутого первого проекта мирного договора, некоторые авторы делают вывод о том, что все государства-участники договора понимали «Курильские острова» одинаково – как острова от о. Хоккайдо до п-ова Камчатки[846]. Учитывая, что данное положение было почти сразу изменено, эта точка зрения не может быть признана достоверной. Более вероятно, что уже на момент проведения мирной конференции такой консенсус отсутствовал. Вместе с тем, на наш взгляд, определять мнения всех 48 государств для решения поставленного вопроса не требуется – достаточно выявить понимание тех же государств, которые участвовали в документах, обязательных для других Союзных держав по Потсдамской декларации 1945 г., Акту о капитуляции Японии 1945 г. и Ялтинскому соглашению 1945 г. Поскольку Китай не был приглашен на конференцию в Сан-Франциссо, речь идет о мнениях США и Великобритании.

Позиция США была высказана на конференции Дж.Ф. Даллесом – в понятие «Курильские» входят все острова, кроме о-вов Хабомаи[847]. Это изменение правовой позиции США по сравнению с ее позицией на Ялтинской конференции в 1945 г. В литературе преобладает мнение, что позиция США произвольно изменялась в зависимости от политического курса, поэтому ее недостаточно, однако по итогам исследования американских документов делается заключение, что вероятность того, что какие-либо из спорных островов не входят в число «Курильских», существует только в отношении о-вов Хабомаи[848].

Министр иностранных дел Великобритании Г. Моррисон прибыл на конференцию по мирному договору лишь на ее заключительной стадии, ввиду незначительной роли страны в процессе оккупации японской территории, где доминировали США [849]. Нам не удалось обнаружить свидетельств каких-либо высказываний, которые бы делегат от Великобритании сделал на конференции по рассматриваемому вопросу. Среди постановлений английского Кабинета министров за период 1945 – 1951 гг. только одно упоминает в контексте подготовки мирного договора с Японией Курильские острова и Южный Сахалин – Постановление № 41 от 7 июня 1951 г., где указывается: «Они (Курильские острова и Южный Сахалин – *Е.Н.*) были заняты Россией, и Россия полагает, что уже обладает полным правовым титулом на них. В

---

[846] Mormanne T. Op. cit. – P. 3.

[847] Даллес выразил мнение о том, что окончательно этот вопрос должен решать Международный Суд ООН. Этот подход родился из нежелания однозначно поддержать ни Японию, ни СССР (La Guardia, E. De. Op. cit. – P. 413; Mormanne T. Op. cit. – P. 11).

[848] Ibid. – P. 16, 26. По вопросу о толковании понятия «Курильские острова» см. также: Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 108 – 109.

[849] Lowe P. After Fifty Years: The San Francisco Peace Treaty in the Context of Anglo-Japanese Relations // Japan Forum. – 2003 – Vol. 15, № 3. – P. 389 et seq.

связи с этим предлагается, чтобы Договор не заходил дальше положения о том, что Япония отказывается от своего суверенитета над этими территориями. Кабинет … согласился с тем, что проект Договора должен предусматривать, что Япония отказалась от своего суверенитета над Курилами и Южным Сахалином»[850]. Прямо эта формулировка не касается понятия «Курил», однако же к моменту принятия этого постановления СССР был занят Южный Сахалин и все Курильские острова, включая о-ва Хабомаи, в связи с чем этот текст можно счесть свидетельством понимания, что все занятые СССР Курильские острова были «Курильскими» по мирному договору. Вместе с тем, в более раннем предложенном Великобританией проекте Сан-Францисского договора территория Японии обозначалась географическими координатами, с уточнением, что ее граница включает о. Кунашир, но исключает о. Шикотан[851]. Причина такого разграничения не указывается – очевидно, и до этого проекта[852], и после, как указано выше, оно не проводилось. Следует отметить также подготовленный Министром иностранных дел Великобритании Меморандум № 155 от 7 июня 1951 г., который прилагался к процитированному выше Постановлению, где обсуждалась идея отказа от положения о цессии в пользу СССР и указывалось, помимо прочего: «Мы сможем, тем самым, ответить на российскую критику, сказав, что... мы в любом случае сделали все, что могли, чтобы позаботиться о ее интересах (России – *E.H.*), обеспечив отказ Японии от суверенитета над территориями, обещанными (России – *E.H.*) в Ялте»[853]. Эта отсылка к Ялтинскому соглашению 1945 г. в совокупности с отмеченным ранее положением об отказе Японии от Курил, которые

---

[850]Cabinet Conclusions 41 (51), 7th June 1951, CAB 128/19 Original Reference CM 1 (51)-50 (51), 1951 22 Jan-9 Jul. URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab128-post-war-conclusions.htm#Cabinet%20Conclusions%201951%20to%201955 (дата обращения: 07.11.2017) (полный текст на английском языке: “The Minister of State said that the United States Administration now saw difficulty in the proposal that the Kuriles and South Sakhalin should be ceded to Russia, since another clause of the Treaty provided that a State which did not sign the Treaty could not receive any benefits under it. The effect might be to leave the territories under Japanese sovereignty. They were occupied by Russia, and Russia considered that she already had a full title to them. It was, therefore, proposed that the Treaty should not go further than to provide that Japan renounced her sovereignty over these territories. The Cabinet – (4) Agreed that the draft Treaty should provide that Japan renounced her sovereignty over the Kuriles and South Sakhalin”).

[851] Ibid. Cab 29 (51) 19 April 1951; C.P. (51) 104 16 April 1951.

[852] Здесь можно указать и на Меморандум Министра иностранных дел № 160 от 17 мая 1950 г., предусматривавший положения, которые обсуждались рабочей группой представителей от стран Британского Содружества Наций, а именно, помимо прочего, что «...80 миллионов жителей Японии, которая предположительно будет ограничена мирным договором четырьмя основными островами...», и что «суверенитет Японии должен быть ограничен четырьмя основными островами и рядом прилежащих малых островов, конкретное определение которых будет вопросом для Конференции по мирному договору» (ibid. C.P. (50) 160 17 May 1950).

[853] Ibid. C.P. (51) 155 07 June 1951, para. 14. (полный текст пункта на английском языке: “..the new proposal seems to have positive advantages: it would have the effect that, whether or not Russia signs the Treaty, Japan still renounces her sovereignty over these territories. Russia would thus in fact get more out of it than under the Treaty as at present drafted, assuming she did not sign in either case. At least the link between these territories and Japan would now be legally severed. We would thus be able to answer Russian criticism by saying that… we at any rate had done the most we could to look after her interest by getting Japan to renounce sovereignty over the territories promised to her at Yalta”).

уже были заняты СССР, дополнительно подтверждает, что Великобритания, скорее всего, включала в состав «Курильских» все острова, занятые СССР к моменту подготовки мирного договора. Как бы то ни было, свидетельства протестов Великобритании против занятия СССР островов в 1945 г. отсутствуют.

Наконец, как уже упоминалось, представители Японии (С. Йосида и К. Нисимура) в 1951 г. не делали различия между южно-курильскими и северо-курильскими островами[854].

На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что большинство свидетельств мнения союзников до изменения США своей позиции действительно склоняется к признанию «Курильскими» всех островов от Хоккайдо до Камчатки, и, в крайнем случае – в том числе и трех южно-курильских островов, кроме о-вов Хабомаи. Эта же позиция подтверждается мнением Японии, которая, вероятно, зная о наличии среди союзников различных мнений, тем не менее не возразила против включения в мирный договор Статьи 2(c) и, тем самым, в свете рассмотренных выше в главе 1 теоретических положений о современном международном праве о территории, может быть признана лишенной права впоследствии изменять свою позицию.

Мнение о том, что притязания России на о-ва Шикотан и Хабомаи слабее японских, поскольку «очевидно, что Шикотан и Хабомаи были включены в Курилы Советским Союзом для целей заявления требования по Ялтинскому соглашению 1945 г.»[855], по всей вероятности, фактологически верные, с правовой точки зрения не относимы к делу ввиду следующего. Как было установлено, в преддверии занятия СССР всех четырех южно-курильских островов, США не сделали в ответ на соответствующие вопросы главы советского государства никакого различия между этими островами, не было такого различия и в Общем приказе № 1 о зонах сдачи советским войскам, и, наконец, от союзников не поступило возражений после занятия в порядке исполнения такого приказа, в том числе и о-вов Шикотан и Хабомаи. Положения Меморандума № 677, текстологически сделавшего такое различие, как содержащиеся в более позднем документе, принятом уже после не оспоренного объявления указанных территорий советскими, не могут иметь решающий характер и отменять указанные факты.

Наконец, помимо определения понятия «Курильские острова», необходимо изучить проблему неуказания в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. СССР как государства, которому передавался суверенитет на территории, являвшиеся объектом отказа Японии от нее, в свете Статьи 25 мирного договора. Последняя прямо отрицает предоставление государствам, не участвующим в нем, каких-либо прав по нему. Кроме того, позиция США, как утверждается, состояла в том, что и Сан-Францисский договор 1951 г. никогда не был направлен на

---

[854] Lee S.-W. Towards a Framework .... – P. 15 – 16.

[855] Ibid.

отчуждение какой-либо территории Японии в пользу СССР[856]. Подобное крайнее утверждение в контексте первых проектов договора и понимания США и Великобритании, и на начальном, и на более позднем этапе подготовки мирного договора, искажает реальное положение дел. Как было установлено, Статья 2(c) договора не только изначально основывалась на Ялтинском соглашении 1945 г., прямо предусматривавшем отчуждение Курильских островов в пользу СССР, но СССР все еще указывался в качестве нового суверена в проекте от 3 мая 1951 г., всего за четыре месяца до согласования окончательного текста[857]. В связи с этим исключительно верно мнение о том, что «Советский Союз является единственным адресатом отказа (Японии от Курильских островов – *E.H.*), которого представляли Союзные державы»[858].

Некоторые авторы ставят под вопрос приобретение СССР титула по договору, опираясь на Статьи 34, 35 и 36 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., касающиеся действия международных договоров для третьих государств. Заключая, что требования этих статей о намерении сторон по договору создать право для третьего государства и согласии такого третьего государства на принятие этого права в данном случае не выполняются, они делают вывод о том, что СССР юридически нельзя считать выгодоприобретателем по Статье 2 Сан-Францисского договора. Указанные статьи Венской конвенции 1969 г. действительно отражают обычное международное право[859]. Вероятно, верно и мнение, что Статья 36 о предоставлении договорами прав для третьих государств не выполняется ввиду наличия в Сан-Францисском мирном договоре 1951 г. Статьи 25. Как мы уже указывали в главе 1, ряд исследователей квалифицирует Сан-Францисский договор как договор цессии, но в свете вышесказанного согласие с этим было бы необоснованным. Сан-Францисский договор не является цессией – в нем не предусмотрен цессионарий; кроме того, положения об отторжении не являются обычной договорной передачей территории, при которой все участники передачи участвуют в договоре на равноправной основе – в свете остальных документов военного времени, а именно, Каирской, Потсдамской деклараций, Ялтинского соглашения и Акта о безоговорочной капитуляции Японии, последняя не являлась равноправным участником мирного урегулирования, но скорее его объектом. Поэтому, подводя итоги, можно заключить, что мирный договор как таковой не предоставил СССР правовой

---

[856] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 23.

[857] См. выше Главу 2, §2.3.

[858] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 35.

[859] The Vienna Conventions on the Law of Treaties. – Vol. 1. – P. 888 – 889, 903 – 905, 930 – 931. В отношении обычного характера нормы, закрепленной в Статье 36, существуют сомнения, связанные с недостатком практики, однако комментаторами делается вывод о том, что утверждение об обратном – что такая норма не носит характера обычая, не выдерживает критики.

титул на отторгнутые у Японии Курильские острова, включая южно-курильские полностью, или, возможно, но менее вероятно (поскольку эта позиция поддерживается только более поздними заявлениями и документами США и позицией Японии, не имевшей полномочий определять свой территориальный состав), без учета о-вов Хабомаи. Однако же Япония отказалась от «от всех прав, правооснований и претензий» на эти острова, следовательно, по договору они стали «ничьей землей». «Строго юридически», заключает правовед С. Ли в этой связи, «Россия, с другой стороны, не наделяется и не может обладать явным правовым титулом по (Сан-Францисскому договору 1951 г. – *Е.Н.*) на Курильские острова» – т.е. в отношении о-вов Итуруп, Шикотан и Хабомаи существует «вакуум юридической собственности»[860]. Поскольку же в отношении них уже существовал другой международный договор – Ялтинское соглашение 1945 г., признанный прямо или молчаливо[861] на момент фактического занятия этих островов, и поскольку на момент заключения мирного договора СССР несколько лет осуществлял эффективный контроль над всеми четырьмя островами и официально включил их в состав своей территории без возражений со стороны союзников или Японии, следует признать, что он приобрел правовой титул на основании цессии в соглашении 1945 г. и эффективного завладения островами в том же году.

Совместная советско-японская декларация 1956 г. В связи с данным документом необходимо ответить на три вопроса: во-первых, равнозначна ли Совместная декларация российско-японскому мирному договору, как утверждают некоторые авторы[862]; во-вторых, можно ли, согласно аргументу в пользу японской стороны, считать положение пункта 9 декларации признанием правоты Японии в отношении о-вов Шикотан и Хабомаи; и, в-третьих, сохраняет ли указанное положение пункта 9 силу.

Первый вопрос требует отрицательного ответа в свете толкования как положений самой декларации, так и последующих совместных российско-японских документов. Если бы декларация являлась юридически мирным договором, ссылка в ее п. 9 на заключение мирного договора («...после заключения мирного договора...») не имела бы смысла, как и ссылки на это во всех последующих документах. Другое дело, что декларация юридически прекратила состояние войны между двумя государствами согласно ее п. 1 и восстановила отношения

---

[860] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 39-40. О-ва Хабомаи, по мнению указанного автора, Россия «должна быть обязана возвратить Японии» в соответствии с его заключением о том, что они не входят в понятие «Курильских». Как отмечено выше, по нашему мнению последний вывод основан на не относимых к анализу по временному признаку материалах и заявлениях, поэтому мы не можем согласиться с однозначным обязательством по возврату этих островов. См. также: Kimura H. Op. cit. – P. 62.

[861] Ильинская О.И. Указ. соч. – С. 136.

[862] Латышев И.А. Япония – Россия. Еще раз о территориальном споре // Азия и Африка сегодня. – 1997. – № 8 (481). – С. 72.

между ними. Являются ли такие отношения «нормальными» и необходим ли мирный договор с практической точки зрения, – это вопрос не права, а политической целесообразности[863].

Что касается заявления о признании в п. 9 декларации лучшего японского титула на о-ва Шикотан и Хабомаи[864], то, вновь, при толковании положения о будущей передаче в контексте окружающих его формулировок, более убедителен довод об обратном. Согласно тексту указанного пункта, «...Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан». Т.е., как верно утверждалось еще в советской доктрине, советская сторона говорила об о-вах Хабомаи и Шикотане из дружеских побуждений[865], без какого-либо указания на то, что она тем самым уступает требованиям Японии. Формулировка скорее свидетельствует о том, что СССР с точки зрения данного положения стоял на позиции силы, «идя навстречу» «пожеланиям» Японии, соглашаясь на «передачу», а не на «возвращение» островов, при этом существуют свидетельства того, что стороны намеренно исключили слово «возврат»[866]. Напротив, из этой формулировки может вытекать признание японской стороной ранее установившегося легитимного суверенитета СССР над этими двумя островами – не сделав никаких оговорок к данному ратифицированному международному договору, Япония может считаться признавшей, что СССР был уполномочен, согласно международному праву, передать указанные острова, т.е., что сама Япония этим правомочием не обладала. Согласно общему принципу праву *nemo dat qui non habet*, как уже отмечалось выше, государство может осуществить передачу территории, только если обладает правом на нее. Данный довод, впрочем, не лишен недостатков: поскольку указано, что СССР «соглашается на передачу... островов», а не «соглашается на передачу... права на острова». Т.е. можно квалифицировать это положение не как цессию, а как передачу фактического контроля над этими территориями Японии как государству, якобы уже обладающему правовым титулом на них. Однако же такое казуистическое различие вряд ли убедительно в контексте практики и для целей принципов молчаливого признания или эстоппеля.

В октябре 1955 г. Япония направила письмо правительству США с требованием признать как исторический факт, что Санкт-Петербургский трактат 1875 г. предусматривал, что только северные острова до о. Уруп были «Курильскими», на что правительство США

---

[863] На него, впрочем, также можно ответить, взглянув на последующие российско-японские документы, в которых единообразно продолжает присутствовать вопрос о заключении мирного договора как об условии нормализации российско-японских отношений.

[864] См.: Пунжин С.М. Указ. соч.; Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 34 – 35.

[865] Такова оценка Ю.Г. Барсегова (Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 189-190).

[866] Ермошин В.В. К вопросу о праве России .... – С. 129; Kimura H. Op. cit. – P. 73 – 74.

ответило, что границы архипелага не были установлены ни Ялтинским соглашением 1945 г., ни Сан-Францисским договором 1951 г.[867]. Несомненно, текст письма и ответа согласовывался заранее, и в этом усматривается еще один пример отступления США от его обязательств по Ялтинскому соглашению 1945 г. Более того, в мае 1957 г. США направили ноту в адрес СССР с указанием того, что «термин «Курильские острова», употребленный в Сан-Францисском мирном договоре и в Ялтинском соглашении, не включал, и не должен толковаться как включающий Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп»[868]. Тем не менее, как отмечает Т. Морманн, «нельзя менять определение территорий по обстоятельствам»[869], что в правовом выражении исключается принципом эстоппеля. Т.е. эта нота не только не имеет правовых последствий, но если уж на то пошло, вредит интересам Японии: если США и до этого считали, что Курильские острова не включают спорные четыре острова, зачем требовалось подтверждать это в 1957 г.? Хотя этот факт также не может *per se* служить основанием для отдельного аргумента с российской стороны, опять же, ввиду его недостаточной четкости; как представляется, он дополняет число свидетельств ненадежности позиции США, которую, несмотря на позитивную роль этого государства в мирном урегулировании с Японией, можно было бы не учитывать.

Наконец, что касается потенциальной утраты силы положением п. 9 декларации[870], то в соответствии со строгими требованиями права международных договоров, согласиться с утверждением об утрате силы не представляется возможным. Официальной денонсации СССР или Россией данной декларации не было – наоборот, российская сторона неоднократно подтверждала ее значимость и силу[871]. Можно ли сказать, что утратило силу или приостановлено до вывода американских войск из Японии положение п. 9 декларации, в частности, в силу коренного изменения обстоятельств или предположительного существенного нарушения со стороны Японии? По обычному правилу, кодифицированному в Статье 44 Венской конвенции 1969 г.[872], денонсировать декларацию можно лишь полностью, в отсутствие в самой декларации пункта о делимости ее положений. Вместе с тем, допускается право

---

[867] Mormanne T. Op. cit. – P. 15.

[868] Ibid.

[869] Ibid. – P. 16.

[870] Куртов А.А. Указ. соч. – С. 184.

[871] См. выше Главу 2, §2.3. См. также: Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 г., Москва, 26 января 2016 г. 26.01.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2032328 (дата обращения: 07.11.2017).

[872] Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Статья 44; The Vienna Conventions on the Law of Treaties. – Vol. 2. – P. 1053.

ссылаться на коренное изменение обстоятельств (в том числе) и существенное нарушение международного договора в отношении отдельных положений, если (а) они отделимы от остальной части договора в отношении их применения, (б) из договора вытекает, что принятие этих положений не составляло существенного согласия другого участника на обязательность всего договора в целом, и (в) продолжение выполнения остальной части договора не было бы несправедливым[873]. Попытка применить к п. 9 декларации коренное изменение обстоятельств разбивается об условие о делимости, поскольку велика вероятность того, что принятие положения в пункте 9 составляло существенное согласие Японии на обязательность декларации в целом. Кроме того, применению обычно-правового [874] принципа коренного изменения обстоятельств к факту заключения Японией договора о безопасности с США (хотя остальным критериям этого основания, похоже, памятная записка СССР 1960 г. соответствует) препятствует то, что это обстоятельство не изменяет коренным образом сферу действия оставшихся положений декларации, – один из кумулятивных признаков, которые должны быть выполнены для действия этого принципа, и СССР не заявил об изменении действия таких иных положений. Что касается существенного нарушения, то норма о нем, закрепленная Статьей 60(3)(b) Венской конвенции 1969 г. и имеющая характер обычая [875], требует, чтобы предположительно нарушенное положение имело существенное значение для осуществления объекта и целей договора. Далее, согласно решению Международного Суда в *Деле Габчиково – Надьмарош* 1997 г., в уведомлении о желании приостановить действие или прекратить международный договор на этом основании должны указываться конкретные нарушения именно этого договора [876]. В памятной записке от 27 января 1960 г. такое указание отсутствовало – заявлялось, что «складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания о передаче» [877]. Так как невозможность исполнения (которая подразумевает «безвозвратное исчезновение или уничтожение объекта, «необходимого для выполнения договора»[878]) явно не присутствует в данном случае (режим, предусмотренный декларацией, не исчез и не уничтожен безвозвратно, и о таком безвозвратном исчезновении или уничтожении не заявлялось в памятной записке 1960 г.), следует заключить, что Совместная декларация 1956 г. продолжает действовать в полном объеме.

---

[873] Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Статьи 44 (2) и 44 (3).

[874] *Fisheries Jurisdiction (Federal Republic of Germany v Iceland),* Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1974, p. 63, para. 36.

[875] *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia),* Judgment, I.C.J. Reports 1997, p. 7, para. 99.

[876] Ibid., para. 106.

[877] Русские Курилы .... – С. 189 – 191.

[878] Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Статья 61; *Gabcikovo*, para. 102-103.

Геология, география, карты и отношение третьих стран. Указанные факторы, не имеющие правового характера согласно главе 1 настоящего исследования, не влияют на сделанный выше вывод о правовом титуле. С. Шарма указывает российско-японский спор в категории споров, затрагивающих соображения сопредельности, заключая, что «ни в одном из вышеуказанных споров один только аргумент, основанный на сопредельности, не имел никаких шансов на успех. В лучшем случае, он может помочь определить степень эффективного завладения» [879] . С этим мнением мы согласны – аргументы Японии, основанные на геологическом происхождении или географическом положении спорных островов не имеют самостоятельного значения и не могут возобладать над эффективным контролем со стороны Российской Федерации. Что касается карт, то современные карты, как представляется, не выполняют иной роли, кроме закрепления существующих позиций соответствующих сторон. Может иметь значение, вместе с тем, тот факт, что на японских картах спорные территории стали указываться как японские только с 1969 г. Хотя, вероятно, это изменение произошло столь поздно (позднее первого заявления Японией требований о «возврате» «Северных территорий»), в отсутствие доказательств обратного, вероятно, оно представляет собой упущение, т.е. намерение и осознанность этого «признания» отсутствуют и не позволяют говорить об этом факте как об оправдывающем применение доктрин молчаливого признания или эстоппеля подобно положению в *Деле о Храме Преах Вихеар*, рассмотренном в главе 1. Что же касается отношения к спору третьих стран, а именно, поддержки США и КНР требований Японии, то, как было установлено, с точки зрения современного международного права такая поддержка не имеет решающего значения для вопросов правового титула и не может подменить фактор эффективного контроля. Что касается роли признания третьих стран для целей эстоппеля, то КНР согласно этому принципу не вправе изменить свое положение в ущерб Японии, а признание США само представляет собой изменение предшествующей позиции и неправомерно. Следовательно, ни один из указанных факторов не изменяет вывод об относительно более сильном правовом титуле на стороне Российской Федерации.

Воля населения в контексте принципа самоопределения народов. Наличие на спорных островах значительного по численности российского населения общепризнанно составляет значимый для данного вопроса фактор[880]. Этот фактор будет затронут в главе 4, но в любом случае как таковой не требует смены государства, осуществляющего эффективный суверенитет над территориями в настоящий момент. Напротив, он подтверждает, что, даже если у Японии есть основания заявлять требования на какие-либо из спорных островов (что, как мы доказали

---

[879] Sharma S.P. Op. cit. – P. 264 – 265.

[880] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution. – P. 40, 42.

выше, не так в отношении как минимум трех из них), то острова не могут быть ей переданы без учета воли проживающего там российского населения. В свою очередь, какое-либо утверждение о предположительном нарушении воли японского населения в 1945 г. сводится к вопросу о соотношении принципа самоопределения народов по состоянию на 1945 г. и прав союзных государств по реализации ответственности государства-агрессора. Что также неоднократно указывалось выше, Союзные державы обладали абсолютным усмотрением в вопросе распоряжения территориями Японии по итогам войны, поэтому воля бывшего японского населения спорных островов, хотя она, безусловно, имела значение в тот период, в любом случае не может аннулировать результат осуществления такого усмотрения, закрепивший итоги нового послевоенного мироустройства. Наконец, вопрос о самоопределении бывших японских граждан – жителей южно-курильских островов, утрачивает актуальность по мере того, как увеличивается срок эффективного суверенитета России над этими территориями, поскольку признается, что «современное самоопределение» преобладает над «историческими притязаниями», поскольку обратная ситуация породила бы бесконечную череду конфликтов[881].

Последствия исхода настоящего спора для других территориальных споров России и Японии. Наконец, ответим на высказывания о том, что исход рассматриваемой проблемы может послужить прецедентом для других споров или разногласий, включая на настоящий момент неактивные, в отношении территории с участием России и Японии, то здесь, по нашему мнению, имеет место некоторая ошибка в логике правового анализа, связанная с допущением в этот анализ неправовых, а политических соображений. Поскольку в международном праве отсутствует институт обязательного прецедента, будь то в понимании обязательного для применения в последующих делах предшествующего решения судебного органа, такого как Международный Суд ООН, или в значении ситуации, которая должна служить примером для разрешения схожих ситуаций, и поскольку не существует совершенно идентичных территориальных споров или проблем, то или иное решение проблемы суверенитета над южно-курильскими островами никоим образом не может обязать Россию или Японию решить свои прочие территориальные споры или разногласия идентичным образом. Тот факт, что уступка с той или иной стороны может политически привести к впечатлению, что государство проявило слабость, и, вероятно, к заявлению притязаний других государств на иные российские или японские территории, вместе с тем, неизбежный факт. Однако же он, по нашему мнению, со строгой позиции международного права также не может решительным образом изменить полученный выше вывод.

---

[881] См.: Brown J.D.J. Op. cit. – P. 99 – 100.

Глава 4. Концепция создания международно-правового механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов

В главе 3 был выполнен международно-правовой анализ позиций России и Японии по вопросу о суверенитете над южно-курильскими островами. За длительную историю существования этой территориальной проблемы предлагалось немало как официальных, так и неофициальных концепций его разрешения. Его неразрешенность по сей день свидетельствует о том, что такие концепции оказались неплодотворными. Вместе с тем, анализ этих предшествующих предложений необходим для нахождения перспективного компромиссного решения, т.е. для выявления не только причин их безрезультатности, но и положительных аспектов, которые могут быть заимствованы для формулирования нового подхода, потребность в котором была подчеркнута лидерами России и Японии в ходе взаимных визитов в 2016 – 2017 гг. Эта задача будет выполнена в первом разделе настоящей главы 4. Во втором разделе будет изложена авторская концепция совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов, с приведением причин, по которым, на наш взгляд, она может быть принята обеими сторонами. Наконец, в третьем разделе будет разъяснено, почему такая концепция поспособствует последующему разрешению территориальной проблемы и какие последствия она может иметь с точки зрения международного права.

§ 4.1. Существующие международно-правовые концепции разрешения спора

Выявление свидетельств относительно большей силы правовых притязаний одного государства по сравнению с притязаниями другого не означает, что первое государство незамедлительно будет по итогам такого анализа признано «победителем» в территориальном споре, а второе сразу же откажется от своих притязаний. Международно-правовое обязательство не оставлять территориальные споры неурегулированными и оперативно разрешать их с применением мирных средств (если только спор не представляет признанную угрозу для мира и безопасности) не обеспечено механизмами принудительного исполнения, в связи с чем состояние спора, разногласий или проблемы может по политическим и иным причинам сохраняться в течение длительного времени. Таковы обстоятельства и в связи с рассматриваемой проблемой суверенитета над южно-курильскими островами.

В литературе по территориальному спору этот вывод делался как в советский период, так и делается российскими и зарубежными исследователями сейчас. Опубликовавший свое исследование в 1974 г. американский ученый Дж. Стефан отмечал, что СССР благодаря несопоставимой с Японией военной мощи и способности осваивать природные ресурсы островов и без помощи Японии, обладал несравненным преимуществом; кроме того, «у

Москвы [не было] ни малейшего обязательства возвращать Южные Курилы»[882]. Вероятность фактической передачи Японии каких-либо из Курильских островов – даже упомянутых в Совместной советско-японской декларации 1956 г. о-вов Шикотан и Хабомаи – Россией остается невысокой по изложенным выше причинам. Это признается как правоведами, так и политологами[883]. Наиболее ценными в связи с данным вопросом являются выводы, сделанные американским аналитиком Дж.Д.Дж. Брауном, в 2016 г. опубликовавшим исследование аргументов, которые, по замыслу Японии, в конечном итоге приведут к практической передаче ей Россией спорных территорий. Согласно этому исследованию, доводы Японии не могут подтолкнуть или убедить Россию передать ей спорные территории по следующим причинам[884]:

1. *Историко-правовые* доводы Японии, в дополнение к их неубедительности по мнению российской стороны, основаны на утверждениях о неправомерности советского занятия южно-курильских островов, помимо прочего, подрывают национальную память о жертвах, понесенных во Второй мировой войне (в т.ч. в боях против Японии), оспаривают роль СССР в войне против Японии, и потому ущемляют убеждения, находящиеся в самом центре российского национального самосознания.

2. *Экономические* доводы Японии, исходящие из уверенности в том, что Россия остро нуждается в японской экономической помощи и инвестициях, построены на «излишне оптимистичном взгляде на современное экономическое положение Японии», не учитывают заинтересованность самой Японии в России как в партнере[885] и наличие у России других потенциальных партнеров (Южной Кореи, Сингапура и, самое главное, КНР), преувеличивают значение территориальной проблемы как препятствия для экономической помощи и инвестиции (в действительности таким препятствием является, скорее, нестабильность российского инвестиционного климата и законодательства, высокие уровни бюрократии и коррупции, недостаток гарантий и мер поощрения инвесторов, необходимой инфраструктуры[886]), а также игнорируют фактор экономической ценности островов для России и растущих объемов средств, вкладываемых самой Россией в южно-курильские острова, что также снижает вероятность их передачи Японии.

---

[882] Stephan, J.J. The Kuril Islands. – P. 235 ("... Moscow has not the slightest obligation to return the southern Kurils...").

[883] Lee, S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 40.

[884] Brown, J.D.J. Op. cit. – P. 24 – 27, 37 – 47, 61 – 75, 86 – 103.

[885] См. также: Тренин Д. Тихоокеанское будущее .... – С. 15.

[886] Ibid. – P. 43; Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 58 (где приводится аналогичное мнение С. Агафонова); Williams B. The Criminalisation of Russo-Japanese Border Trade: Causes and Consequences // Europe – Asia Studies. – 2003. – Vol. 55, No. 5. – P. 715 – 718.

3. Доводы *из соображений безопасности*, суть которых состоит в том, что угрозы безопасности России, связанные с усилением КНР[887], могут вынудить ее пойти на сближение с Японией, и, соответственно, на территориальные уступки в ее пользу, представляют собой не что иное, как «попытку выдать желаемое за действительное», поскольку упускается из виду, что Япония не меньше заинтересована в поиске партнера для уравновешивания влияния КНР в регионе[888], преувеличивается вероятность реального столкновения России и КНР, которое могло бы создать угрозу безопасности для России[889], и, как и в случае с экономическими доводами, недооценивается стратегическое значение островов для России.

4. *Соображения общественного мнения*, которые приводятся Японией в виде заявлений о безоговорочной поддержке ее требований японским народом и ссылок Японии на неудовлетворенность большинства российского населения Дальнего Востока реальным экономическим состоянием и деятельностью федеральной власти по управлению экономикой, и которые питают ее надежду на «возвращение «Северных территорий», неверно представляют факты, опуская свидетельства отсутствия единства японского населения в приверженности к требованиям о возврате «Северных территорий» или поддержке политики Правительства по требованию о возврате сразу четырех островов, и признаки крепнущего среди российского населения (в том числе жителей островов) противостояния возможности передачи островов Японии[890], а также игнорируют или не предлагают убедительное решение для проблемы оставления или переселения российского населения четырех южно-курильских островов[891].

---

[887] Упоминаются и предположения японских политологов и международников о том, что помимо Центральной Азии, областью соперничества между Россией и КНР может стать Арктика, а также возможные требования КНР о «возврате» территорий на Дальнем Востоке России Ibid. – P. 52 – 60).

[888] Это признается и МИД Японии (URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/hoppo_qa.html). В литературе отмечается, что Япония заинтересована в поиске партнера для целей обеспечения собственной безопасности в особенности ввиду напряженности в ее отношениях с КНР вследствие спора о суверенитете над о-вами Сенкаку (кит. Дяоюйдао) и потенциальной недоступности Южной Кореи в качестве такого партнера из-за еще одной японской территориальной проблемы, спора о принадлежности о. Такэсима (кор. Токто). Одновременно действия самой Японии по сближению или избежанию столкновений с Россией четко прослеживаются из ее заинтересованности (большей, чем с российской стороны) в проведении переговоров в формате «2+2» между министрами обороны и иностранных дел двух стран, а также в умеренности антироссийских санкций, принятых Японией в 2014 г., похоже, лишь постольку, поскольку это было неизбежно ввиду следования Японией общему курсу вместе с США (Ibid. – P. 62 – 67).

[889] Наоборот, как указывает Дж.Д.Дж. Браун, внешняя политика России и КНР во многом схожа и направлена на строительство дружественных отношений, в связи с чем указанный аргумент Японии «никогда не был особенно убедительным», а «в результате кризиса на Украине, эта идея является не более, чем фантазией» (Ibid. – P. 67 – 71). Вместе с тем, как показывает пример конфликтов между СССР и КНР в 1960 – 1970 гг. (особенно перестрелки на о. Даманском, а также территориальные претензии КНР на ряд земель, напр., в Алтае), российско-китайские отношения необязательно будут оставаться близкими всегда.

[890] С японской стороны, помимо прочего, приводятся данные по поддержке населением островов и Сахалинской области положений об условий передаче территорий Японии в Совместной советско-японской декларации, призывы некоторых публичных фигур к возвращению Японии островов (А. Солженицына, Г. Явлинского), однако на данный момент обстановка полностью противоположна и говорит о растущем нежелании совершать какие-либо уступки в пользу Японии как на федеральном, так и на региональном уровне. Причем

Указанные Дж.Д.Дж. Брауном причины в общем убедительны, но создают видимость полной невозможности разрешения территориальной проблемы (и, соответственно, заключения мирного договора) в настоящих обстоятельствах. В связи с этим некоторыми авторами (в основном не-специалистами – в СМИ) высказывается необоснованное предположение, что ни Япония, ни Россия не заинтересованы в ее разрешении в достаточной степени, чтобы пойти на «прорыв», или что необходимость в разрешении данной проблемы или заключении мирного договора отсутствует[892]. По нашему мнению, это не так: в первую очередь, территориальная проблема *требует* разрешения, во-вторых, оба государства *заинтересованы* в ее разрешении и заключении мирного договора, и, в-третьих, отдельные аспекты предлагаемых концепций могут быть приняты для разработки если и не окончательного решения, то для определения мер, которые могут быть приняты при существующих позициях и способны содействовать разрешению территориальной проблемы в будущем.

Первый аспект – необходимость в разрешении территориальной проблемы – основывается на тесной взаимосвязи между этой проблемой и проблемой заключения мирного договора. Указанные две проблемы неразрывно связаны, как показывают российско-японские отношения начиная с 1950-х годов, и утверждения о том, что мирный договор может быть заключен без разрешения территориального вопроса, представляются в свете сохраняющейся твердой японской позиции противоречащими реальности[893]. Т.е., мирный договор может быть заключен только вместе с или после окончательного разрешения вопроса о суверенитете над южно-курильскими островами. Некоторые авторы ставят под вопрос объективную нужду в изменении статус-кво, обосновывая это мнение спорной, в свою очередь, необходимостью в заключении мирного договора в свете существования состояния мира между Россией и Японией с момента заключения Совместной декларации в 1956 г. и достаточно успешного развития двусторонних отношений между двумя странами без мирного договора в течение нескольких десятков лет[894]. В действительности эта точка зрения не является заведомо

отмечается, что региональные власти готовы пойти против воли центрального правительства, если последнее (что маловероятно с учетом сложившегося политического курса), согласится на такие уступки (Ibid. – P. 83, 88 – 93).

[891] Проблемы в этой связи вызывает, в том числе, отсутствие у Японии успешного опыта по безболезненной ассимиляции в централизованное и построенное на сильном чувстве национального самосознание японское общество масс инородцев, что видно на примере жизни южнокорейских общин в Японии, и, не в последнюю очередь, длительная японская политика, препятствовавшая не только переселению, но даже и визитам японских граждан на спорные территории (Ibid. – P. 96 – 101).

[892] См. Михайлов В.С. Указ. соч. – С. 35 (профессор В.С. Михайлов совершенно справедливо указывает, что такие предположения беспочвенны и неверны).

[893] См. Kimura H. Op. cit. – P. 147 – 155.

[894] См., напр., Латышев И.А. Япония – Россия. Еще раз о территориальном споре // Азия и Африка сегодня. – 1997. – № 8 (481). – 72 («Но о каком, спрашивается, «мирном договоре» между двумя странами может идти сегодня речь, если... уже более сорока лет между нашей страной и Японией существуют нормальные

необоснованной, как и не является самоцелью обязательное заключение мирного договора между государствами, не находящимися в состоянии войны. Вместе с тем, множество исследований показывают, что существование территориальных разногласий объективно препятствует реализации полного потенциала межгосударственных отношений[895]. Наглядным примером являются отношения Японии с КНР и Южной Кореей, с которыми у нее существуют территориальные споры. Несмотря на то, что Японией заключен Договор о мире и дружбе с КНР 1978 г. и Базовый договор об отношениях с Южной Кореей 1965 г., территориальные споры признаны препятствием для дальнейшего сближения этих азиатских стран и представляют постоянную угрозу напряжения, включая вооруженные столкновения[896].

Кроме того, заключение мирного договора и разрешение территориальных разногласий отвечают долговременным интересам как России, так и Японии. Причины этого можно найти в каждой области государственных интересов как в отношении значения для России и Японии южно-курильских островов, так и более широко в связи с их двусторонними и геополитическими интересами. В первую очередь, осуществление указанных двух целей означало бы окончательное завершение для двух стран исторических и национальных разногласий. Сильное чувство виктимизации как Японии, проигравшей Вторую мировую войну и подвергшейся атомной бомбардировке со стороны США, так и России (как правопреемницы СССР), чьи ожидания от других Союзных держав – США и Великобритании, – в связи с их просьбой к СССР вступить в войну с Японией были обмануты и которая пережила длительный период Холодной войны, вне всяких сомнений значительно смягчит заключение мирного договора и полноценная нормализация[897] российско-японских отношений. Во-вторых, подобная нормализация бесспорно послужит толчком для роста и укрепления экономических отношений. То, что территориальная проблема сдерживает экономические отношения, не вызывает сомнений. До 1980-х годов, пока Япония проводила политику *seikei bunri* – разделения политики и экономики, вопрос территорий действительно не влиял на экономическое

отношения?!»); Ткаченко Б.И. Международно-правовые проблемы передачи .... – С. 16 («Проблема заключения двухстороннего мирного договора... спустя 71 год после окончания войны не имеет практического значения и прагматического смысла... Такой мирный договор нужен Японии, а отнюдь не России»); Куртов А.А. Указ. соч. – С. 184 («Вообще, не надо делать трагедию из того, что... не подписан мирный договор. Никто не мешает нам сотрудничать и без него»).

[895] См., напр.: Fraser R.J. Jr. Op. cit. – P. 1, 12.

[896] В особенности такое напряжение проявляется в отношении спора между Японией и КНР о суверенитете над о-вами Сенкаку (кит. Дяоюйдао) (см.: Brown, J.D.J. Op. cit. – 62). В связи с этим нельзя согласиться с мнением (Жуковский В.М. Указ соч. – С. 48) о том, что оставление территориального вопроса «на усмотрение будущих поколений», как предусмотрено японско-китайским Договором о мире и дружбе 1978 г., можно назвать «хорошим примером» пути к решению российско-японского спора.

[897] Винникова Р.В. Территориальный спор между Россией и Японией: история вопроса и международно-правовые формы урегулирования // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11). – С. 43.

сотрудничество; когда же в середине – конце 1980-х годов Япония перешла на политику *seikei fukabun* – неразделимости политики и экономики[898], и особенно позже при переходе на политику *kakudai kinkō* (расширенного баланса)[899], которая предполагала отсутствие движения и в других областях в случае отсутствия подвижек в разрешении территориальной проблемы, экономические отношения ухудшились[900]. Примитивно полагать, что экономическое сотрудничество представляет интерес только для Российской Федерации, нуждающейся в инвестициях для освоения значительного потенциала Дальнего Востока. В литературе отмечается, что японская префектура Хоккайдо, взаимодействуя на региональном уровне с Сахалинской областью и развивая меры по такому сотрудничеству, развивает, в том числе, собственную экономику за счет российских проектов в области строительства, инфраструктуры, транспорта, торговли[901]. Торговля с Россией префектуры Хоккайдо в 2002 г. составила 17% от общего объема торговых операций Японии с Россией[902]. Экономики двух стран являются взаимодополняющими: в то время как Россия нуждается в технологиях и знаниях, признанным поставщиком которых является Япония, Япония испытывает потребность в энергетическом сырье и иных природных ресурсах, в том числе морских живых ресурсах, которыми богата Россия[903]. Более того, разрешение территориальной проблемы необходимо ввиду плачевного экономического состояния спорных территорий, которое, в свою очередь, сказывается на условиях жизни их населения[904]. Несомненный экономический потенциал Курил освоен слабо, проблемы развития экономики указанного региона даже в официальных правовых документах России оцениваются как серьезные, системные, комплексные, не

---

[898] Данная политика предполагала эксплуатацию потребности СССР в средствах в качестве инструмента политического давления по территориальному вопросу, но «никогда не была особо успешной», поскольку даже в Японии не все ведомства были приверженны ей так же сильно, как ее главный пропонент – МИД Японии. См.: Ibid. – P. 36, 40-41; Еремин, В.Н. Указ. соч. – С. 43.

[899] Еремин, В.Н. Указ. соч. – С. 44.

[900] Williams, B. Op. cit. – P. 31-32.

[901] Akaha, Despite the Northern Territories. – P. 101.

[902] Ibid. – P. 107.

[903] Brown, J.D.J. Op. cit. – P. 35 – 36.

[904] Как отмечает Дж. Браун, вероятно, ввиду тяжелых климатических условий на южно-курильских островах они никогда не станут «одним из самых желанных мест проживания» (Ibid. – P. 46). Вместе с тем, экономическое развитие этих территорий объективно улучшит условия жизни уже существующего населения островов и привлечет новых постоянных жителей, а также сезонных работников (отмечается, что приток инвестиций уже упростил жизнь населения островов – см. Pardo E. Northern Territories and Japan-Russia Relations: Will the Knot Ever Untie? // UNISCI Discussion Papers. – 2012. – No. 28. – P. 168).

решаемые исключительно за счет рыночных механизмов регулирования, но требующие привлечения ресурсов государственного бюджета[905].

Можно назвать одну из главных причин плохого положения российской экономики, пользуясь словами Г.О. Грефа: повышение качества государственного управления — одна из ключевых проблем, которая стоит перед Россией. По его словам, в мире много примеров, когда страны с большим количеством ресурсов, но с неэффективными институтами, остаются бедными. «Страны, создавшие институты, обслуживающие только узкую прослойку правящей элиты, проигрывают. Если качество власти высокое — создаются качественные институты. Для России сегодня это является одной из наиболее существенных проблем» [906]. С резко негативной оценкой государственного управления экономикой в России согласился и глава Комитета гражданских инициатив, экс-министр финансов А.Л. Кудрин, который также участвовал в пленарной сессии форума[907]. К этому надо добавить известное недовольство большей части населения России тем, как была проведена приватизация и, как следствие, растущим разрывом между положением «узкой прослойки» российской элиты и большинства населения[908].

У СССР, а затем и России как его продолжательницы было несколько десятилетий на то, чтобы «поднять» экономику дальневосточных регионов; вместо этого же они были в основном забыты. Не иначе как постыдные можно охарактеризовать такие случаи, как неуплата работникам предприятий южно-курильских островов заработной платы на сумму свыше 10 млн рублей, в результате которой они попросту не имели средств, чтобы покинуть острова (при этом их обращения в правоохранительные органы не привели к улучшению ситуации), о чем стало известно в ходе прямой линии с Президентом РФ весной 2016 г.[909]. Очевидно, что для решения таких проблем нужна компетентная помощь и опыт качественно иного типа управления экономикой, пусть и в масштабе ограниченной части территории России – в данном случае, южно-курильских островов, как это делают США, Великобритания и другие страны, создавая зоны с различными льготами для инвесторов (такие как о. Джерси или штат Делавэр).

---

[905] Постановление Правительства РФ № 793 от 4 августа 2015 г. «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016-2025 годы»». С. 7, 8 – 9. URL: http://government.ru/docs/19217/ (дата обращения: 07.11.2017).

[906] Греф назвал госуправление основной проблемой России. 18.06.2015 [сайт] // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2015/06/18/grefmanagement (дата обращения: 07.11.2017).

[907] Там же.

[908] См., напр.: КПРФ, Программа партии. URL: https://kprf.ru/party/program (дата обращения: 07.11.2017); Справедливая Россия, Программа партии. – С. 5, 46 и далее. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_76349.html (дата обращения: 07.11.2017); ЛДПР, Программа партии. URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения: 07.11.2017); Предвыборная программа Партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва. URL: http://er.ru/party/program/ (дата обращения: 25.12.2017).

[909] Власти разбираются с невыплатой зарплат на рыбозаводе Шикотана. 15.04.2016 [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. URL: https://ria.ru/society/20160415/1411737013.html (дата обращения: 07.11.2017).

Конструктивный диалог с Японией как с соседствующей и экономически высокоразвитой державой при таком подходе является естественным путем к выходу из кризисной ситуации для экономики островов. В-третьих, как было отмечено выше, и Россия, и Япония нуждаются в надежном партнере для обеспечения собственной и региональной безопасности и стабильности[910]. Наконец, заявление об отсутствии необходимости в заключении мирного договора идет вразрез с позициями самих государств, отраженных в их двусторонних заявлениях и документах: можно утверждать, что вопрос мирного договора включался в них под давлением одной из сторон в качестве условия для сотрудничества в иных областях, но нерационально и нереалистично признавать такое давление *единственной* причиной систематического включения данного вопроса в повестку дня двусторонних отношений.

Таким образом, поиск возможностей для заключения мирного договора и разрешения территориальной проблемы не являются праздным вопросом. По состоянию на 1995 г., Дж. Стефан насчитал около 66 различных предложений по разрешению российско-японской территориальной проблемы[911]. Ниже кратко рассматриваются основные из них.

Передача четырех южно-курильских островов Японии или возврат к Симодскому трактату 1855 г. Этот вариант представляет собой полное удовлетворение официальных притязаний Японии. Данная «стратегия ревиндикации» оценивается как крайне «не эффективная»[912] (поскольку она порождает недоверие между спорящими странами), «морально сомнительная» (так как апеллирует к искусственным конструктам – таким, как, например, попытки доказать раздельность Северных и Южных Курильских островов, географически составляющих один архипелаг) и нереалистичная[913]. Японский парламент регулярно принимает резолюции с подобным требованием[914], но в практическом плане ситуацию это никак не изменяет. Для России эта японская позиция нелегитимна и неприемлема[915]. Япония, впрочем, не может полностью отказаться от нее просто так, поскольку отказ от южно-курильских островов может, в частности, негативно повлиять на судьбу ее других территориальных споров

---

[910] Gavrilov V.V. Challenges and Prospects .... – P. 305; Тренин Д., Вебер Ю. Тихоокеанское будущее России. Урегулирование спора вокруг Южных Курил // Рабочие материалы Карнеги. – 2013, январь. – URL: http://carnegie.ru/2013/01/30/ru-pub-50956. – С. 5; Chotani G. Op. cit. – P. 6.

[911] Stephan J.J. On the historiographical frontier // “Northern Territories” and Beyond: Russian, Japanese, and American Perspectives // Goodby J.E., Ivanov V.I., Shimotamai N. (eds.). – Westport, CT: Praeger, 1995. – P. 47 – 54.

[912] А ее сторонники, например, Х. Кимура, Т. Фукиура и С. Хакамада описываются бывшим Премьер-министром Японии (2000-2001 гг.) Ё. Мори как «ископаемыми российско-японских отношений», не заинтересованными в поиске конструктивного решения. См.: Brown J.D.J. Op. cit. – P. 108.

[913] Mormanne T. Op. cit. – P. 27 – 28; Тренин Д. Тихоокеанское будущее .... – С. 11 – 12, 22; Bowman G. Op. cit. – P. 455 fn 100; Fraser R.J. Jr. Op. cit. – P. 65.

[914] La Guardia E. de. Op. cit. – P. 415.

[915] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 6.

в регионе: с Китаем в отношении островов Сенкаку (Дяоюйдао), с Южной Кореей – в отношении острова Такэсима (Токто). Тем самым, данный вариант является «тупиковым»[916].

«Возврат» к Совместной декларации 1956 г. Этот вариант предусматривает заключение мирного договора и передачу Японии двух островов в соответствии с указанной Совместной декларацией. Он был озвучен в 1991 г. советником М.С. Горбачева, С.Ф. Ахромеевым, который хоть и указал, что это предложение исходит от него лично, а не от правительства, тем не менее, стал первым официальным лицом с советской стороны, высказавшим это мнение[917]. С тех пор, впрочем, позиция российской стороны изменилась и, как было отмечено выше, при признании значения указанного документа не допускает предусмотренные им территориальные уступки[918]. Но и для Японии этот вариант – не выход из спора: когда это предложение высказывалось на японской стороне, например, К. Того (вместе с бывшим российским дипломатом А. Пановым), они не находило поддержки у центрального правительства и в особенности у МИД Японии[919].

«Уступка» островов за финансовое вознаграждение. Информация о подготовке секретной сделки по «продаже» четырех островов Японии распространились в российской прессе в 1991-1992 гг., но представляла собой беспочвенные слухи[920]. Этот вариант был воспринят российской стороной (в том числе, населением) резко негативно еще до распространения подобных слухов, когда в 1989 г. А. Яковлевым был предложен «третий путь», предполагавший компромисс в виде либо передачи островов Японии за вознаграждение, либо совместного управления ими. Так, губернатор Сахалинской области В.П. Федоров подчеркнул, что этот вариант, как «продажа Аляски» США, не способен привести к действенному или выгодному результату, поскольку острова будут переданы, полученные за них средства – потрачены, не исключено, что неэффективно[921]. Вследствие описанного в главе 2 текущего подхода российского государства и населения к проблеме южно-курильских островов, как представляется, данный вариант продолжает оставаться за рамками допустимого.

Формула «два плюс альфа» (Ельцинская формула): территории в обмен на экономическое сотрудничество. Этот вариант начал продвигаться в 1990-е годы в рамках

---

[916] Eveno Ch. Op. cit. – P. 25 – 26.

[917] Эта точка зрения также продвигалась некоторыми российскими специалистами, в числе которых – Г. Кунадзе и К. Саркисов. См.: Еремин, В.Н. Указ. соч. – С. 49, 53; Fouquoire-Brillet E. Un contentieux insulaire majeur en Extrême-Orient les Kouriles, 19.04.2016. URL: http://www.institut-strategie.fr/strat_050_FOUQOUIREJ.html. – P. 4.

[918] Русские Курилы.. – С. 176 – 178, 235, 262 – 263.

[919] См.: Brown J.D.J. Op. cit. – P. 108 – 109.

[920] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 45; Еремин В.Н., Указ. соч. – С. 41.

[921] Ibid. – P. 104.

нового политического курса в России [922] и заключался в том, чтобы передать Японии незамедлительно острова Шикотан и Хабомаи, а затем постепенно договориться о «судьбе» островов Кунашир и Итуруп, тогда как Япония, со своей стороны, должна была содействовать созданию режима «совместного хозяйственного освоения» спорных островов[923]. При этом на островах должен был быть создан особый правовой режим совместной экономической взаимопомощи, и территориальное «размежевание» не должно было затронуть национальные интересы двух стран [924]. В преддверии визита Б. Ельцина в Японию в 1992 г. эта идея столкнулась с широчайшим сопротивлением на уровне российского населения, и с тех пор курс был задан на более твердую позицию, не предусматривающую никакие территориальные уступки в пользу Японии[925]. С японской стороны, хотя политика *yontō ikkatsu sokuji henkan* (требований о немедленном возвращении четырех островов) ненадолго (до начала 2000-х годов) сменилась на «двухэтапную формулу» *nidankai henkan ron*[926], при которой Япония была согласна на возвращение о-вов Шикотан и Хабомаи сразу, а двух оставшихся – потом, этот новый подход все равно полностью зависел от согласия России признать суверенитет Японии сразу над всеми четырьмя островами [927] (т.е. Япония была готова договариваться лишь о поэтапной фактической передаче, а не юридической, где ее подход не изменился).

Более современный аналог этого предложения принадлежит директору Центра Карнеги в Москве Д. Тренину и предположительно построен по *«гонконгской модели»*. Д. Тренин предлагает России немедленно передать Японии острова Хабомаи и остров Шикотан, демилитаризировать всю южно-курильскую зону, а затем, через пятьдесят лет, за которые на оставшихся двух островах Кунашире и Итурупе будет создана и введена в действие система экономического сотрудничества и правовой режим совместного пользования, передать и их[928].

---

[922] Кроме того, он нашел сторонников и среди японских специалистов – здесь можно назвать японского историка Х. Ваду. Русские Курилы .... – С. 179, 228 – 229; Brown J.D.J. Op. cit. – P. 133.

[923] Русские Курилы .... – С. 230 – 231. Авторы сборника указывают (к сожалению, без ссылок на источники), что предложения по созданию зоны для предпринимательской деятельности японских граждан и предприятий на южно-курильских островах, были «истолкован[ы] в Японии как косвенное признание российской стороной «обоснованности» японских притязаний на эти острова, но мы не можем согласиться с тем, что эти предложения имеют исключительно «пораженческий» характер – все зависит от формулировки такой договоренности.

[924] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 36.

[925] Русские Курилы.. – С. 228 – 229. С тем, что заключение подобной «сделки» привело бы к ощутимому падению доверия населения к правительству, соглашаются и зарубежные авторы. См.: Takahashi R.M. Op. cit. – P. 241.

[926] Brown J.D.J. Op. cit. – P. 2.

[927] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 32 – 33.

[928] Тренин Д. Тихоокеанское будущее .... – С. 5 – 6, 18; Hakamada S. Op. cit. – P. 1 – 2; Brown J.D.J. Op. cit. – P. 2, 83. Схожая пятиэтапная концепция предложена социологом и специалистом в области международных отношений Г. Розманом в 2002 г. и предусматривает: 1) выполнение Россией обязательства по передаче двух островов согласно Совместной декларации 1956 г.; 2) заключение соглашения о совместном освоении о-вов

Даже японскими комментаторами эта перспектива оценивается как нереалистичная, поскольку она слишком далека от подхода текущего российского руководства и отношения российской общественности[929]. Отмечается также, что этот вариант ничем не отличается от предложений по созданию режима экономического сотрудничества, которые воспринимаются как политическое решение, едва ли позволяющее действительно разрешить спор[930].

Пятиэтапный план. В сентябре 1991 г. Р. Хасбулатов передал Правительству Японии письмо от Б. Ельцина с планом разрешения территориального вопроса, предполагавшим «пять этапов: признание советской стороной существования территориальной проблемы; установление на спорных островах свободной экономической зоны с предоставлением приоритета японскому бизнесу; демилитаризация спорных островов; заключение между СССР и Японией мирного договора; разрешение территориального спора (возможно, с передачей островов Японии). Последний этап отодвигался на будущее»[931]. Япония не приняла план из-за сроков, которые, в особенности в части обязательства по демилитаризации, казались ее правительству излишне затянутыми[932].

Аландская модель. Это предложение принадлежит М. Хайсканену и предполагает преобразование островов в автономный демилитаризованный район с собственными местными органами власти, направлением представителей в парламенты Японии и России, двойное гражданство и два государственных языка[933]. Спор о суверенитете над Аландскими островами, которым вдохновлена эта модель, был разрешен Швецией и Финляндией после Первой мировой войны путем признания Аланда автономной провинцией Финляндии при предоставлении проживающему на островах шведскому населению особых прав[934]. С этой моделью схоже предложение Х. Кимуры по решению вопроса гражданства российского

Кунашир и Итуруп с сохранением позиций по территориальному вопросу; 3) заключение договора о мире и дружбе для нормализации отношений; 4) заключение соглашения об усилении геополитического и экономического сотрудничества с упором на энергетику, развитие инфраструктуры и региональную экономическую интеграцию; и 5) продолжение переговоров по статусу о-вов Кунашир и Итуруп при предоставлении Японией дополнительной экономической помощи (Rozman G. A Chance for a Breakthrough in Russo-Japanese Relations: Will the Logic of Great Power Relations Prevail? // The Pacific Review. – 2002. – Vol. 15, No. 3. – P. 327 – 328. См. также Akaha T. Despite the Northern Territories. – P. 91 fn 4 (где автор соглашается с тем, что эти элементы представляют собой единственное реалистичное решение)).

[929] Ibid. – P. 2 – 4.

[930] Ibid. – P. 3.

[931] Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 6 – 7.

[932] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 42.

[933] Northern Territories, Asia-Pacific Regional Conflicts .. – P. 106 – 107 et seq.; Brown J.D.J. Op. cit. – P. 84 – 85.

[934] Ibid. Данный спор также являлся одним из первых споров, затрагивавших принцип самоопределения народов в форме внутригосударственной автономии. См.: *The Aaland Islands Question (On Jurisdiction),* Report by the International Committee of Jurists, LNOJ Sp. Supp. No. 3.

населения островов в случае их передачи Японии. Его предложение состоит в обращении в качестве модели к Санкт-Петербургскому трактату 1975 г., предусматривавшему ограниченную автономию русского населения северной части Курильских островов, которое пожелало после передачи островов Японии остаться на их территории[935]. На наш взгляд, данная концепция схожа с неадаптированной «гонконгской моделью» Д. Тренина. Причина в том, что модель все же предполагает однозначное закрепление суверенитета за одним из государств, и при сравнении российско-японской проблемы с финско-шведским спором получается, что таким государством должна стать Япония, как и в случае применения к проблеме без каких-либо оговорок модели возврата Великобританией Китаю суверенитета над Гонконгом[936]. Как уже неоднократно отмечалось выше, это решение едва ли когда-либо будет одобрено российской стороной. Вместе с тем, на наш взгляд, конкретные составляющие «Аландского правового режима» могут, как предложил автор модели, быть учтены для создания реалистичной, жизнеспособной концепции особого социально-экономического и правового режима южно-курильских островов, при условии адаптации таких составляющих.

Модель парка мира принадлежит политологу Дж. Ламбахеру и предусматривает учреждение совместно управляемого национального парка на спорных территориях[937]. Эта инициатива обладает несомненной положительной ценностью, поскольку направлена на сохранение природной, в частности, морской среды, от загрязнения и иных видов вмешательства. Однако как таковая, эта модель не является моделью разрешения территориального вопроса о принадлежности южно-курильских островов. Речь идет о функциональном или целевом режиме совместного управления в конкретной области – охране окружающей среды; модель не предусматривает комплексный правовой режим осуществления суверенитета над островами, будь то единолично Россией или Японией или ими совместно. Тем самым, она не может самостоятельно лечь в основу разрешения российско-японского спора, хотя, безусловно, любая концепция, предполагающая создание на южно-курильских островах особого правового режима освоения, должна учитывать и экологический аспект, который можно построить на основании этой модели.

Обращение в Международный Суд ООН за разрешением спора. Этот вариант, как упоминалось выше, был предложен американским делегатом на конференции в Сан-Франциссо. Предполагалось, что Международному Суду в случае подобного разбирательства

---

[935] Brown J.D.J. Op. cit. – P. 84.

[936] См. Приложение № 3.

[937] Lambacher J. Nesting cranes: Envisioning a Russo-Japanese peace park in the Kuril Islands. // Peace Parks: Conservation and Conflict Resolution / Ali S.H. (ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 2007. – P. 261 – 276.

будет необходимо установить значение понятия «Курильские острова». К этой категорию способов разрешения можно также отнести и высказанное в проектах мирного договора от 7 августа 1950 г. и 11 сентября 1950 г. предложение в случае недостижения сторонами двустороннего соглашения передать спор на окончательное разрешение Генеральной Ассамблеей ООН[938]. Как мы видели, в Сан-Францисский договор 1951 г. эта формулировка так и не попала; более того, за полвека после переговоров по его заключению ни Япония, ни Россия не обратились ни в Международный Суд, ни в арбитраж[939]. Япония дважды пыталась вынести вопрос на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН, но он никогда не включался в повестку дня[940]. Хотя обращение в судебные или арбитражные органы в связи со спорами о суверенитете над островными территориями является одним из наиболее эффективных способов разрешения таких споров[941], маловероятно, что стороны прибегнут к нему в рассматриваемой ситуации. Дело, на наш взгляд, в том, что обращение в судебный орган за территориальной адъюдикацией – это политически сложное решение, требующее оценки всех имеющихся рисков и выгод и для России, и для Японии. С этим согласен ряд ученых[942]. Для Японии, как представляется, риски перевешивают вероятность успеха такого обращения: даже если в ходе дорогостоящей и многолетней процедуры (на которую Россия может и не согласиться)[943] Международный Суд ООН и признает ее правоту (что не гарантировано, учитывая предпочтение, которое отдается в практике государствам, осуществляющим фактический контроль над территорией, и непреложность договоренностей Союзных держав согласно Уставу ООН)[944], у нее будет отсутствовать гарантия исполнения решения[945], а добиться принудительного исполнения

---

[938] Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 117.

[939] Как и (в том числе по схожим причинам) Япония и Корея в отношении спора об о. Такэсима (кор. Токто). См.: Bowman G. Op. cit. – P. 435 – 436, 451 – 452; Emmers R. Resource Management and Contested Territories in East Asia. – New York: Palgrave, 2013. – P. 24, 79; Тимохин К.В. Указ. соч. – С. 90 – 91.

[940] La Guardia E. de. Op. cit. – P. 415; Stephan J. The Kurile Islands. – P. 202.

[941] Тимохин К.В. Указ. соч. – С. 16, 128.

[942] Lee. S. -W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 41; Гаврилов В.В. Южные Курильские острова .... – С. 82 ("... this variant seems to be unlikely as Russia and Japan are not ready to submit the dispute to the third party because the issue has a high level of political nature and because the two countries are not confident in their positions' legal sufficiency").

[943] В отличие от Японии, Российская Федерация не подавала заявление о признании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН (URL: http://www.icj-cij.org/jurisdiction/index.php?p1=5&p2=1&p3=3). Что касается арбитража, то маловероятно, что Россия дала бы свое согласие на такое разбирательство.

[944] Schwarzenberger G. Op. cit. – P. 312; Shaw M.N. Territory in International Law. – P. 81.

[945] Мы не имеем в виду какую-либо недобросовестность со стороны Российской Федерации в случае вынесения против нее такого решения. Вместе с тем, теоретическая возможность исполнения всегда присутствует (и иногда используется; самый знаменитый пример – выход США из разбирательства, и последующее неисполнение решения Международного Суда ООН по Делу о *военных и полувоенных действиях на территории Никарагуа и против Никарагуа*. См.: Reisman W.M., Has the International Court Exceeded Its Jurisdiction? // American

практически невозможно, особенно учитывая традиционное нежелание, к примеру, Международного Суда, признавать юрисдикцию в случае, если шансы на то, что решение будет исполнено, с самого начала невелики[946].

Раздел 50 на 50. Рассчитать площадь четырех островов и поделить их «пополам» в 2006 г. предложил японский министр иностранных дел А. Таро[947]. Это предложение было основано на исследованиях профессора А. Иваситы, который признал, что «вдохновился» способом, с помощью которого в 2004 г. были окончательно разрешены территориальные разногласия в отношении островов на реке Амур между Россией и Китаем[948]. Плюс этого предложения в том, что в нем делается акцент на достижение компромисса в ходе постепенных переговоров, однако представляется маловероятным, что вариант может быть принят; сомнительна его применимость к ситуации – во-первых, существует бесспорная разница между речными островами и островами, вместе с которыми при переходе титула на них будут автоматически переданы значительные морские пространства, в том числе дно территориального моря и континентального шельфа[949]. Во-вторых, как указал Министр иностранных дел России, статус амурских островов до подписания дополнительного соглашения в 2004 г. не был определен в принципе, тогда как принадлежность южно-курильских островов является предметом не одного международного соглашения[950]. Он же прямо подчеркнул, что российско-китайский опыт не может ни в коем случае сыграть роль прецедента для российско-японского спора[951].

Применение права народов на самоопределение. Этот вариант предлагается как отдельный С. Ли, однако далее рассматривается им не как самостоятельный способ разрешить спор, но с позиции необходимости учета воли населения, проживающего на островах в настоящий момент, в случае любых изменений территориального статуса спорных островов[952]. Вторая часть этого предложения не вызывает возражений, но следует отметить, что само по

Journal of International Law. – 1986. – Vol. 80. – P. 128 et seq.) и тоже должна учитываться в анализе рисков и преимуществ обращения в суд или арбитраж.

[946] Reisman W.M., The Enforcement of International Judgments and Awards // American Journal of International Law. – 1969. – Vol. 63. – P. 3.

[947] Yamada Yu. Op. cit. – P. 151. Другими авторами (Иванов А.В. Острова преткновения // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 8) это предложение приписывается представителю Правительства Японии С. Яти, высказавшемуся о разделе островов «пополам» в интервью японской газете «Майнити» в 2009 г.

[948] Ibid.; Gorenburg D. Op. cit. – P. 4 – 6.

[949] Эта разница также является практической: в случае Китая, Россия уступила 340 кв.км. практически необитаемой земли, тогда как южно-курильские острова характеризуются и большей площадью, и значительным населением. См.: Brown J.D.J. Op. cit. – P. 47.

[950] Россия и Китай поделили границу, 21.07.2008 [Электронный ресурс] // Интерфакс [сайт]. URL: http://www.interfax.ru/russia/22633 (дата обращения: 07.11.2017).

[951] Там же.

[952] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 41.

себе предложение применить право народов на самоопределение как способ разрешения данной территориальной проблемы некорректно. Принцип самоопределения, являясь императивной нормой международного права, действует объективно и постоянно. Не вполне верно говорить о возможности применить его к конкретной ситуации в отрыве от общего контекста применимых международно-правовых норм. По всей вероятности, речь идет о предложении передать вопрос о принадлежности южно-курильских островов на разрешение населению России. Хотя с позиций морали, которая, в том числе, обосновывает лежащий в основании принципа самоопределения постулат о том, что именно население должно иметь право распоряжаться своей территорией, это предложение можно приветствовать, нам оно представляется имеющим незначительные шансы на практическую реализацию.

«*Четвертый путь*» – это предложение, которое было озвучено первым губернатором Сахалинской области В.П. Федоровым в ходе визита на Хоккайдо в августе 1990 г., которое предполагало превращение четырех островов, о-ва Сахалин и части о. Хоккайдо в «свободную экономическую зону» для совместного развития ее с Японией. Хотя некоторые авторы считают его «реальным выходом из межгосударственного кризиса» [953], это предложение было неприемлемым для Японии, поскольку подразумевало сохранение островов под советским суверенитетом (что означало и советское понимание режима «свободной экономической зоны») [954]. Та же участь постигла и предложение рассмотреть возможность совместного хозяйственного освоения спорных островов, сделанное на региональном уровне в сентябре 1997 г. губернатором Сахалинской области И.П. Фархутдиновым губернатору Хоккайдо Т. Хори – в октябре того же г. МИД Японии направил губернатору письмо с упреком об отступлении от основной линии японской политики по данному вопросу[955]. В 2010 г. Президент РФ также предложил создать в регионе свободную экономическую зону, но предложение было отвергнуто Японией, не желавшей отступить от требования по немедленному возврату спорных территорий [956]. Как и некоторые другие предложения, описанные выше, этот вариант не является *per se* способом разрешения территориальной проблемы, поскольку направлен на выстраивание сотрудничества на южно-курильских островах в обход решения территориального вопроса. Потенциал же этой концепции опирается на готовность принять ее

---

[953] Бабурин С.Н. Мир империй. Территория государства и мировой порядок. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 247; Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 231, 241.

[954] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 104; Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 55.

[955] Ibid. – P. 94.

[956] Eveno Ch. Op. cit. – P. 23. Там же указывается, что за шесть лет до этого, в 2004 г., В. Путин предлагал передать два острова с учетом определенных условий, но Япония отказалась и от этого.

японской стороны, по-видимому, в настоящий момент реальную, в отличие от прошлых периодов, в связи с чем этот шаг представляется перспективным.

Заключение мирного договора или договора о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве без привязки к территориальной проблеме. Этот вариант предлагался многими правоведами, как зарубежными, так и российскими. С. Ли упоминает его, но сразу же отрицает его осуществимость: подписание мирного договора (главная цель обеих сторон в данном сценарии) потребовало бы договоренности о территориальном размежевании и о механизме передачи части спорной территории, тогда как именно невозможность заключения такой договоренности и не позволяет заключить мирный договор[957]. На наш взгляд, впрочем, не следует отказываться от этой концепции. Как указывают О.Н. Хлестов и В.В. Гаврилов, с мнением которых разумно согласиться, принятие подобного решения в форме, например, договора «о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве», «создал[о] бы правовую базу для развития российско-японского сотрудничества по всем направлениям»[958]. Оба автора отмечают, что в договоре «можно было бы указать, что его заключение не затрагивает позиции сторон по территориальному вопросу»[959]. Последняя идея соответствует положению, заявленному на последних российско-японских переговорах 2016 – 2017 гг. о заключении комплексного договора, который урегулировал бы сразу несколько областей (экономического) сотрудничества и при этом не изменил бы правовые позиции сторон в отношении суверенитета над южно-курильскими островами[960]. Тем самым, хотя в формулировке С. Ли и на момент издания его публикации в начале 2000-х годов. эта перспектива представлялась нереалистичной, на данный момент, хотя ее, вероятно, и нельзя признать, строго говоря, способом разрешить территориальную проблему, она имеет преимущество над всеми прочими вариантами продвижения российско-японских отношений. По мнению Дж.Д.Дж. Брауна, исходя из результатов его исследования, описанных выше, отсутствует малейший шанс того, что Россия когда-либо согласится передать Японии все четыре спорных острова. Он указывает, что «настойчивая вера (Японии. – Е.Н.) в то, что эта бескомпромиссная позиция на самом деле имеет настоящий шанс на успех (не имеет смысла. – Е.Н.)... Такая ложная надежда, горячо лелеямая невзирая на все свидетельства обратного, попросту является отвлекающим

---

[957] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution .... – P. 41.

[958] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 7; Gavrilov V.V. Challenges and Prospects .... – P. 304; Гаврилов В.В. Южные Курильские острова .... – С. 75, 82 – 83; Ильинская О.И. Указ. соч. – С. 140 – 141.

[959] Там же.

[960] Заявление для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

заблуждением. Настойчивость на ней представляет серьезное препятствие для прогресса двусторонних отношений, и если Япония желает когда-либо дождаться возврата всех островов, от нее необходимо отказаться»[961]. Российское руководство в лице В. Путина неоднократно высказывалось о необходимости поиска *приемлемого компромисса*[962]. Этот подход для российской стороны не нов – иностранные исследователи отмечают, что еще СССР вел переговоры «очень деловито» и ориентировался «на прагматический курс»[963]. Обращение к «старым» решениям может оказаться нецелесообразным: как справедливо подчеркивают правоведы, специфика международных споров состоит в том, что за время их существования в затронутых государствах может произойти множество изменений; государство «не говорит всегда одним голосом»[964], а потому решения, подготовленные предшествующими поколениями, могут не соответствовать ни позиции, ни потребностям сегодняшнего дня. Самое большее, на что может надеяться Япония – передача ей о-вов Шикотан и Хабомаи по Совместной советско-японской декларации 1956 г., однако и эта перспектива на данный момент на основании большинства заявлений российских должностных лиц оценивается как небесспорная. Таким образом, главной приемлемой для двух сторон концепцией, как признали они сами, является совместное хозяйственное освоение южно-курильских островов при сохранении статус-кво. Вместе с тем, как верно отмечает Э. Манкман, «политические предписания могут сформировать принципиальные рамки (разрешения спора – Е.Н.), но они недостаточно детализированы, чтобы разрешать конкретные споры»[965], т.е. подобный подход требует разработки более конкретной международно-правовой основы[966].

§ 4.2. Авторская концепция создания международно-правового механизма совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов

Далее излагается концепция совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов, разработанная диссертантом. Концепция построена на двух ключевых компонентах: 1) рекомендации по тексту обязательной для включения в такую договоренность защитной клаузулы о сохранении позиций России и Японии по территориальной проблеме, основанной

---

[961] Ibid. – P. 6. См. также: Kacowicz A.M. The Problem of Peaceful Territorial Change // International Studies Quarterly. – 1994. – Vol. 38, No. 2. – P. 219 – 254, особ. P. 250 (где автор указывает российско-японский спор среди территориальных споров, находящихся в состоянии «стагнации» или «тупика» из-за отсутствия общих интересов, невзирая на общее согласие России и Японии с кругом применимых международно-правовых норм).

[962] В.В. Путин в прошлом использовал для оценки этого подхода термин «хикивакэ», означающий ничью. При этом позиция его оценивается как крайне твердая – Россия не намерена передавать Кунашир и Итуруп, и даже о передаче островов Хабомаи и Шикотана не может идти речи. См.: Hakamada S. Op. cit. – P. 3 – 4.

[963] Takahashi R.M. Op. cit. – P. 235.

[964] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 22, 97 – 98.

[965] Munkman A.L.W. Op. cit. – P. 20 – 21.

[966] Пунжин С.М. Указ. соч. – С. 104 – 119.

на опыте советско-японских и российско-японских международно-правовых договоренностей об освоении морских живых ресурсов в районах, прилежащих к южно-курильским островам, и 2) предложении общих правовых рамок такой договоренности с учетом модели Совместной китайско-британской декларации по вопросу о Гонконге от 19 декабря 1984 г.

В порядке предварительного пояснения необходимо рассмотреть вопрос о форме двусторонней российско-японской договоренности о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов. В заявлении Президента РФ и Премьер-министра Японии для прессы по итогам российско-японских переговоров по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южно-курильских островах от 16 декабря 2016 г. предусматривается: «В зависимости от согласованных направлений хозяйственной деятельности будут рассматриваться вопросы о соответствующей правовой основе ее осуществления, в том числе о заключении отдельного международного договора»[967]. Эта формулировка раскрывает три элемента достигнутой договоренности: во-первых, что стороны намерены разработать правовую основу осуществления такой деятельности, во-вторых, что такая основа будет зависеть от согласованных направлений хозяйственной деятельности, и, в-третьих, что сторонами будет рассмотрена возможность заключения отдельного международного договора. Остановимся на последних двух элементах, поскольку первый не вызывает вопросов. В заявлении указывается, что такая деятельность может включать рыболовство, марикультуру, туризм, медицину и экологию, но указание «и другие» вместе с оборотом «такие направления, как» говорит о том, что этот перечень примерный и не исчерпывающий[968]. В рамках дальнейших переговоров и консультаций он был расширен и включил энергетику, промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру, инновации, гуманитарные обмены[969]. Вышеозначенный круг направлений, тем самым, охватывает не исключительно экономические области, и даже в число экономических входят области, которые требуют различного регулирования. В таких обстоятельствах можно предположить, что сторонами будет заключено либо несколько узконаправленных договоренностей (или изменений в уже существующие документы, например, в виде протоколов о создании особого режима именно на южно-

---

[967] Заявление для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), п. 3, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

[968] Там же, п. 2.

[969] См.: Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474 (дата обращения: 07.11.2017).

курильских островах)[970], либо один рамочный и(или) комплексный документ, который или предусмотрит общие принципы, в соответствии с которыми на федеральном или региональном уровне будут разработаны более конкретные схемы применительно к каждому направлению деятельности, или сам урегулирует все согласованные направления деятельности. Любой из этих вариантов потребует обширной работы по обобщению имеющегося опыта сотрудничества в избранных областях и согласованию мер, которые могут быть приняты конкретно в связи с совместной деятельностью на южно-курильских островах. Независимо от содержания такого документа или документов, однако, в связи с третьим вышеуказанным элементом представляется, что международный договор является единственной формой, которую может принять подобная договоренность. В некоторых случаях, как утверждает Дж. Кроуфорд, заключение юридически необязательного, но политически веского документа действительно является целесообразным: например, такое решение, помимо прочих случаев, помогло добиться вовлечения СССР в согласование Хельсинкского заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.[971]. Вместе с тем, в рассматриваемой ситуации такая необходимость отсутствует, и необязательный документ, такой как, например, рамочный меморандум о взаимопонимании (если он не отвечает признакам обязывающего международного договора), не принесет пользы и не позволит осуществить поставленную главами двух государств цель по «выводу отношений на качественно новый уровень»[972]. В истории российско-японских отношений экономическое сотрудничество не раз упоминалось в необязательных совместных заявлениях[973], но поскольку эта цель была поставлена вновь, похоже, что предшествующие упоминания не обеспечили желаемых или ожидаемых результатов. Международный российско-японский договор, на наш взгляд, имеет бóльший потенциал, поскольку он будет устанавливать конкретные[974] обязательства, толкование, исполнение и прекращение которых подчиняется достаточно четким нормам и порядку.

---

[970] Между Российской Федерацией и Японией уже заключены и действуют договоры, которые могут пересекаться с будущей договоренностью по предмету регулирования, напр., соглашения о промысле морских живых ресурсов, о защите и поощрении капиталовложений.

[971] Crawford J. Chance, Order, Change. – P. 139.

[972] Заявление для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), п. 1, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

[973] Здесь можно назвать Совместное советско-японское заявление 1973 г. (п. 2), Московскую декларацию 1998 г. (п. 10), Токийское заявление 2000 г. (п. 2). См.: Русские Курилы .... – С. 208, 239 – 242, 255 – 257.

[974] Когда международное право предоставляет конкретное и точное решение, по мнению некоторых авторов, оно обладает несомненным преимуществом над чисто политическими усилиями по разрешению территориальных споров. См. Huth P.K. Does International Law Promote the Peaceful Settlement of International Dispute? .... – P. 418.

Защитная клаузула о сохранении территориального статус-кво. «Новый подход» не означает полный отказ от уже наработанного позитивного опыта российско-японского сотрудничества. Напротив, работоспособная концепция разрешения территориального спора (в долгосрочной перспективе) и совместного освоения южно-курильских островов (в ближайшем будущем), на наш взгляд, должна основываться на таких результатах, а не быть совершенно беспрецедентной (представляется, что беспрецедентная концепция не нашла бы отклика не только в контексте рассматриваемого территориального спора, но и в рамках усилий по преодолению разногласий любого характера между любыми государствами). В этой связи предлагается обратить особое внимание на российско-японскую практику освоения морских биоресурсов в районах, примыкающих к спорным островам, которая является одним из наиболее активных и перспективных направлений экономического сотрудничества между спорящими государствами[975].

В период после капитуляции Японии Меморандумами Главнокомандующего Союзных держав, адресованными Правительству Японии, из ее территории были исключены Курильские острова[976], а также ограничены районы, в которых Япония была вправе вести рыболовный и китобойный промысел[977]. Эти и иные причины вынудили Японию искать компромиссные договорные основания для продолжения своего морского промысла. В свою очередь, СССР нуждался в средствах для укрепления своей экономики в регионе[978]. Эти взаимные потребности со временем привели к заключению между Россией и Японией нескольких соглашений в области морского природопользования. Такие соглашения в международно-правовом плане имеют значение как свидетельство поведения сторон в отношении спорных территорий после установления над ними фактического контроля СССР (России), которое может потенциально играть роль (1) средства толкования договоренностей о границе или отношения сторон к спорной ситуации, (2) способа изменить предшествующие договоренности, и, наконец, (3) свидетельства признания существования молчаливой договоренности[979]. Как следует из выводов, сделанных в главе 1, рыбопромысловая и иная экономическая деятельность в прилегающих к островам морских районах, пусть даже и регулируемая специальным международным договором, сама по себе не создает целостный правовой титул одного

---

[975] Akaha T. Despite the Northern Territories. – P. 98 – 99; Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 19.

[976] См.: Русские Курилы .... – С. 144. См. также: Lee S.-W. The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 104 – 105; Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 5.

[977] SCAPIN No. 1033, Area Authorized for Japanese Fishing and Whaling.

[978] Takahashi R.M. Op. cit. – P. 235.

[979] Title to Territory. – P. xxiv.

государства на территорию[980]; тем более, населенную гражданами другого государства и эффективно им управляемую; напротив, правовой титул на территорию острова предоставляет прибрежному государству исключительные права на примыкающие морские районы[981]. Отсутствуют основания и для использования такой деятельности для целей применения доктрин молчаливого признания, приобретательской давности и эстоппеля как решающего и единственного фактора, воздействующего на правовой титул.

Несмотря на то, что совместная деятельность по промыслу морских живых ресурсов в морских районах, примыкающих к южно-курильским островам[982], тем самым, не влияет на правовой титул над их сухопутной территорией, однако, каждое из российско-японских соглашений о такой деятельности содержит «защитную» клаузулу, не позволяющих считать какую-либо основанную на соглашениях деятельность либо положения этих соглашений доказательством в пользу позиции той или иной стороны. Ниже приводятся соответствующие клаузулы:

(1) Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии по ведению рыбопромысловых операций от 7 июня 1975 г.[983], Ст. 1:

> «1. Настоящее Соглашение применимо к морским районам в открытом море у побережья Японии.
>
> 2. Никакие положения настоящего Соглашения не должны рассматриваться, как оказывающие какое-либо влияние на позиции обоих Правительств по вопросам о ширине территориальных вод и юрисдикции в области рыболовства».

(2) Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии о взаимных отношениях в области рыболовства у побережья обеих стран от 7 декабря 1984 г., Ст. 7:

> «Ничто в настоящем Соглашении не должно рассматриваться как наносящее ущерб позициям или точкам зрения Договаривающихся Сторон как по вопросам морского права, так и по вопросам взаимных отношений».

(3) Соглашение между Правительством СССР и Правительством Японии о сотрудничестве в области рыбного хозяйства от 12 мая 1985 г., Ст. VIII:

---

[980] *Miquiers and Ecrehos*, p. 44.

[981] UN General Assembly, *Convention on the Law of the Sea*, 10 December 1982, Статьи 2 (суверенитет прибрежного государства над территориальным морем), 33 (право прибрежного государства осуществлять меры по контролю в прилежащей к территориальному морю зоне), 56 (права и юрисдикция прибрежного государства в исключительной экономической зоне) и 77 (права прибрежного государства на континентальный шельф).

[982] См. более подробно: Неверова Е.В. Российско-японские договоренности о морских районах, примыкающих к Южно-Курильским островам / Вылегжанин А.Н., Е.В. Неверова // Московский журнал международного права. – 2016. – №2. – С. 35 – 57.

[983] Здесь и далее (кроме пункта (5)) сведения о статусе соглашений приводятся в соответствии с информацией Федерального агентства по рыболовству – Раздел «Международное сотрудничество». URL: http://old.fish.gov.ru/activities/Pages/IntCooper.aspx (дата обращения: 07.11.2017).

«Ничто в настоящем Соглашении не должно рассматриваться как наносящее ущерб позициям или точкам зрения Договаривающихся Сторон по вопросам морского права».

(4) Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о некоторых вопросах промысла морских живых ресурсов от 21 февраля 1998 г., Ст. 6:

«Настоящее Соглашение, а также осуществляемая в соответствии с настоящим Соглашением деятельность и меры по выполнению, равно как и связанные с ними любые деятельность и меры, не должны рассматриваться как наносящие ущерб позициям и точкам зрения любой из Сторон по вопросам взаимных отношений».

(5) Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о сохранении, рациональном использовании, управлении живыми ресурсами в северо-западной части Тихого океана и предотвращении незаконной торговли живыми ресурсами 2012 г.[984], Ст. 9:

«Настоящее Соглашение, а также осуществляемая в соответствии с настоящим Соглашением деятельность и меры по его выполнению, равно как и связанные с ними любые деятельность и меры, не должны рассматриваться как наносящие ущерб позициям или точкам зрения любой из Сторон по вопросам взаимных отношений».

Указанные «защитные клаузулы» помогли разрешить дилемму, с которой столкнулись оба государства в обстоятельствах необходимости осваивать морские живые ресурсы при отсутствии международной границы между ними: для Японии морские пространства вокруг спорных островов являлись и являются одним из наиболее выгодных районов для ведения промысла, однако при осуществлении СССР фактического контроля над ними обращение за разрешением СССР для ведения такого промысла могло быть равноценно уже признанию данного контроля с вытекающими правовыми последствиями; с помощью таких клаузул Япония, признав реальность советского контроля, тем не менее юридически осталась на своем[985]. Такие клаузулы, кроме того, распространены в восточно-азиатских соглашениях о морских живых ресурсах. Так, Статья VIII Соглашения 1985 г. идентична Статье 14 Соглашения о рыболовстве, заключенного в 2001 г. между Китаем и Южной Кореей, спорящих о включении в их соответствующие ИЭЗ рифа Иодо (кит. Суян); сходное положение предусмотрено в Статье 15 Соглашения между Японией и Южной Кореей о промысле в районе спорного острова Такэсима (кор. Токто) 1999 г.[986]. Клаузулы сформулированы таким образом, чтобы исключить влияние договоренностей о промысле на исход соответствующего спора. Указанное соглашение между Японией и Южной Кореей предусматривает в Статье 15, что

---

[984] Сведения о данном Соглашении на вебсайте Федерального агентства по рыболовству отсутствуют. Однако, согласно его положениям, Соглашение вступило в силу 10 декабря 2014 г. Согласно информации в правовой базе «Гарант», текст Соглашения опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) 10 декабря 2014 г., в «Бюллетене международных договоров» (2015, апрель, № 4).

[985] Akaha T. Despite the Northern Territories. – P. 98 – 99.

[986] Park H.K. The Law of the Sea and Northeast Asia. Kluwer Law International, 2000. – P. 63.

«никакие положения настоящего Соглашения не должны рассматриваться, как наносящие ущерб позиции каждой из Договаривающихся сторон по вопросам международного права, иным, нежели вопросы рыболовства»[987]. Данная клаузула – более емкая и конкретная, чем Статья 6 Соглашения 1998 г. о промысле морских ресурсов в районе Курильских островов, но нацелена она на создание тех же правовых последствий[988]. Еще один пример схожего положения – упомянутые выше формулировки Меморандумов Главнокомандующего Союзных держав, согласно которым «дозволение» Японии вести промысел в таких районах не влекло установление каких-либо границ (Меморандум № 1033 от 22 июня 1946 г., Статья 5)[989].

Защитные клаузулы, таким образом, являются дополнительной предосторожностью в случае территориальных разногласий, призванной исключить всякую возможность осложнения отношений сторон ввиду осуществления ими совместной экономической деятельности.

Указание на то, что такая клаузула необходима в рассматриваемом случае, усматривается из заявлений Президента РФ и Премьер-министра Японии, сделанных в ходе переговоров в декабре 2016 г. Так, было указано: «Стороны исходят из того, что ничто в настоящем Заявлении, любых достигнутых на его основе договоренностях о налаживании совместной хозяйственной деятельности и ее осуществление не наносит ущерба позициям Российской Федерации и Японии по проблеме мирного договора»[990].

Эта формулировка отличается от процитированных выше, относящихся к «позициям или точкам зрения» сторон по вопросам «о ширине территориальных вод и юрисдикции в области рыболовства», «морского права» и «взаимных отношений», и на первый взгляд представляется предпочтительной, как более конкретная – «проблема мирного договора», как было установлено выше, на текущем этапе российско-японских отношений синонимична «территориальной проблеме». Вероятно, еще более точным стало бы указание конкретно на территориальную проблему или проблему суверенитета над южно-курильскими островами, которое помогло бы отделить эту проблему от проблемы мирного договора в соответствии с

---

[987] Ibid.

[988] В связи с наличием такой клаузулы, высказано мнение, что «Россия по этому Соглашению отказывается от своего суверенитета в своем же территориальном море в районе Южных Курил» в связи с тем, что область ведения промысла обозначена как «Морской район» (т.е. недостаточно конкретно) (Зиланов С.К. Южные Курилы: вопрос, который не изжит, 26.05.1999 [Электронный ресурс] // Pravda Daily [сайт]). Вместе с тем, как уже было показано, предоставление прав на осуществление рыболовства юридически не рассматривается как отказ от территориального суверенитета.

[989] Цит. по: Lee S.-W., The 1951 San Francisco Peace Treaty .... – P. 105 ("*The present authorization is not an expression of allied policy relative to ultimate determination of national jurisdiction, international boundaries or fishing rights in the area concerned or in any other area*").

[990] Заявление для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), п. 4, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

интересами российской стороны, а также тем самым «определить» предмет проблемы как «южно-курильские острова», а не «Северные территории», что упростило бы доказывание того, что Япония отказалась от этих территорий по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Тем не менее, данное уточнение не представляется реалистичным (Япония с ее осторожным подходом навряд ли согласится на обозначение территорий как «южно-курильских островов», а Российская Федерация со своей стороны может не пожелать включать подобное прямое признание (хоть и объективно существующей) территориальной проблемы); отделить две проблемы друг от друга в настоящее время также невозможно. Наконец, данная формулировка представляется предпочтительной, поскольку говорит о конечной цели сторон – заключении мирного договора, а не останавливается на территориальной проблеме.

Более четкой является и первая часть этой формулировки, содержащая как всеобъемлющее выражение «ничто в настоящем Заявлении» (равнозначное формулировке «ничто в настоящем Соглашении» или «никакие положения настоящего Соглашения»), так и дополнительное указание на достигнутые договоренности и будущую совместную деятельность. Формулировку можно дополнить указанием на деятельность и меры по выполнению Соглашения по образцу клаузул, рассмотренных выше, а также на субъектный состав договоренностей, деятельности и мер, включив в нее как публичные договоренности, деятельность и меры (межгосударственные, межправительственные), так и договоренности, деятельность и меры частных лиц – инвесторов (и не только). Такой подход сгладит внутреннюю настороженность Японии относительно действий ее частных лиц – предпринимателей и простых граждан, которые пожелают посещать, работать и, может быть, даже проживать на спорных территориях. Следует, на наш взгляд, расширить и определение указанных договоренностей, деятельности и мер, указав, что они могут быть «любого характера», т.е. не только экономического, но и социального, гуманитарного, иного. С учетом таких добавлений и уточнений, формулировка защитной клаузулы для будущего международного договора будет достаточно широкой, чтобы устранить препятствия для российско-японского сотрудничества в самых различных сферах[991].

Общие правовые рамки: создание специального экономического района на территории южно-курильских островов. Наиболее перспективным, по нашему мнению, является выбор в пользу одного, рамочного и(или) комплексного международного договора, который будет учитывать специфику южно-курильских островов как в экономическом и гуманитарном, так и в правовом плане. Эта идея, как видно из описания предлагаемых концепций разрешения территориальной проблемы, избирательно учитывает ряд компонентов формулы «2 плюс

[991] Текст предлагаемой формулировки см. в Приложении № 4.

альфа» (предполагающей создание особого правового режима совместной экономической взаимопомощи), модели Д. Тренина (предусматривающую введение системы экономического сотрудничества и правового режима совместного пользования «таких же масштаба и характера, как это удалось создать с Германией»)[992], пятиэтапного плана Б. Ельцина (по созданию, в том числе, зоны свободного предпринимательства, не ограничивая этот режим преференциями только для японских бизнесменов) и «четвертого пути» В.П. Фёдорова (в части создания свободной экономической зоны для совместного развития южно-курильских островов под российским суверенитетом, но только не сводя его в российскому режиму свободной экономической зону, критикуемому за излишнюю избирательность и заложенные в нем механизмы вымогательства и коррупции). Любая концепция, предполагающая экономическое российско-японское сотрудничество на территории южно-курильских островов в качестве локомотива российской экономики, относится не к отдельным направлениям такого сотрудничества, а предполагает создание единой «зоны», «системы» или «правового режима». Подобные комплексные системы не беспрецедентны, и мы предлагаем построить российско-японскую модель, *mutatis mutandis,* при учете не только перечисленных концепций, но и одного из наиболее успешных[993] примеров, а именно, примера китайско-английского сотрудничества по созданию Специального административного района Гонконг.

Суть компромисса, достигнутого между Великобританией и КНР на основе англо-китайской совместной декларации, подписанной в 1984 г. и ратифицированной в 1985 г., состояла в создании под суверенитетом КНР, признаваемым Великобританией, *Специального административного района «Гонконг»* (далее – «САР Гонконг»):

- с «высокой степенью автономии» (кроме как в иностранных делах и вопросах безопасности, которые остаются в ведении Пекина);
- со своей «законодательной, исполнительной и независимой судебной властью, включая полномочие принимать окончательные судебные решения»;
- при «сохранении ранее принятых английских законов, как общего права, так и права справедливости»;
- при сохранении социально-экономической системы САР Гонконг и образа жизни «без изменений»;

---

[992] Тренин Д. Тихоокеанское будущее .... – С. 14.

[993] В 2013 и 2014 гг. Гонконг занимал третье место после Лондона и Нью-Йорка (в 2014 г. – Нью-Йорка и Лондона) в списке десяти наиболее успешных международных финансовых центров по индексу всемирных финансовых центров Global Financial Centres Index. Moosa I., Li L., Jiang R. Determinants of the Status of an International Financial Centre // The World Economy. – 2016. – Vol. 39, No. 12. – P. 2082.

- с правом для «физических лиц Великобритании и иных иностранных государств занимать государственные должности в Специальном административном районе»;
- при «использовании в государственных учреждениях и судах САР Гонконг, помимо китайского, также и английского языка»;
- с «независимой финансовой системой» (при независимых доходах, «свободе движения капитала»; сохранении доллара САР Гонконг, статуса международного финансового центра, рынков валюты, золота, ценных бумаг и фьючерсов; запрете центральному Правительству КНР «облагать налогами» САР Гонконг; установлении режимов «отдельной таможенной территории» и «вольного порта»);
- при принятии Основного закона САР Гонконг;
- с учетом переходного периода, в течение которого Правительство Соединенного Королевства должно было «нести ответственность за управление Гонконгом с цель поддержания и сохранения его экономического процветания и социальной стабильности»;
- с формированием Китайско-британской контактной группы, ответственной за вопросы, возникающие в связи с имплементацией декларации[994].

Эта договоренность между социалистическим государством – КНР – и капиталистическим – Великобританией – несколькими важными аспектами отличается от будущей российско-японской договоренности о южно-курильских островах. В первую очередь, Гонконг находился в аренде у Великобритании, и Совместная декларация стала решением об условиях *возврата* суверенитета над Гонконгом Китаю по истечении аренды[995]. В связи с вышеуказанным, очевидно, «возвращение» южно-курильских островов означало бы согласие с требованиями Японии, не только неприемлемое для российской стороны, но и идущее вразрез с Ялтинским соглашением Союзных держав 1945 г. В максимально благоприятном для России сценарии, напротив, при использовании прецедента Гонконга, в документе о создании особого режима на южно-курильских островах должен был быть окончательно закреплен и признан суверенитет Российской Федерации. Это, тем не менее, на данный момент не представляется возможным с точки зрения переговорной позиции Японии. Следовательно, положение о закреплении суверенитета той или иной стороны, не может быть включено в будущий

---

[994] См. перевод декларации в Приложении № 3. Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong with Annexes [Электронный ресурс] // Int'l Tax & Bus. Law. – 1987. – Vol. 5. – P. 484. URL: http://scholarship.law.berkeley.edu/bjil/vol5/iss2/6/. См. также обзор Совместной декларации в: Bundy A.J. The Reunification of China with Hong Kong and Its Implications for Taiwan: An Analysis of the "One Country, Two Systems" Model // California Western International Law Journal. – 1988. – Vol. 19, No. 2, Art. 3. – P. 273 – 282.

[995] Ibid. – P. 271.

российско-японский международный договор. Вместе с тем, было бы обеднением доступных в международном праве механизмов считать, что возможности в части разрешения территориальных споров ограничиваются полной передачей территории одному из спорящих государств. Несмотря на отсутствие современных фундаментальных доктринальных разработок в отношении иных способов, они упоминались еще в дореволюционной российской литературе. Так, В.Э. Грабарь указывает, что аренда и передача в управление влекут переход территориального верховенства, «при этом суверенитет, вернее – личное верховенство, остается за государством, передающим территорию в «аренду» или в «управление»», а кроме того существуют режимы, предполагающие «совместное властвование в пределах известной территории («соверховенство», «*condominium*», «*coimperium*»)», при которых «нет ограничения территориальной власти, а имеется особый способ осуществления суверенитета вообще»[996]. Об этой возможности упоминает – хоть и не раскрывая ее содержание – С. Ли[997]. Не всегда российская наука международного права, впрочем, относилась к подобным конструктам благосклонно. Ю.Г. Барсегов с крайним неодобрением описывает неравноправные договоры, заключавшиеся в Китае, «когда там господствовали империалисты», о создании «иностранных сеттльментов и концессий: сдававшиеся «в вечную аренду» иностранцам для поселения и торгово-промышленной деятельности, сеттльменты фактически представляли «государства в государстве»» (поскольку в них осуществлялась власть иностранного государства, иностранная юрисдикция, были расквартированы иностранные вооруженные силы и полиция) [998] . Представляется, однако, что неодобрение данного автора вызвал неравноправный характер этих договоров, а не сама идея о передаче территорий в аренду или о создании в одном государстве анклавов другого. С учетом защитной клаузулы, о которой шла речь ранее, и при должном уровне юридической техники, один из подобных механизмов можно было бы адаптировать и под рассматриваемую ситуацию и положить в основу международного договора о создании специального режима совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов.

Во-вторых, Совместная китайско-британская декларация 1984 г. была направлена на сохранение сформировавшегося за время британской администрации правового, экономико-социального режима и государственного устройства в САР Гонконг. южно-курильские острова, напротив, никогда не обладали сравнимой автономией и потребуют создания эффективных

---

[996] Грабарь В.Э. Указ. соч. – С. 522. См. также подробную современную оценку конструкций совместного суверенитета, владения и управления территорией, аренды государственной территории: Бабурин С.Н. Территория государства .... – С. 67 – 70, 131 – 133.

[997] Lee S.-W. Towards a Framework for the Resolution. – P. 40.

[998] Барсегов Ю.Г. Территория в международном праве. – С. 34. См. также Коче Л.Х. Указ. соч. – С. 148 (где автор указывает, что если «фактически аренда означала цессию, иначе говоря, отторжение территории, то это – грубое нарушение принципа неприкосновенности и целостности государственной территории»).

структур управления сызнова[999]. В связи с этим следует тщательно и осторожно рассмотреть возможность заимствования британско-китайского опыта, в особенности с учетом того, что Конституция РФ, в отличие от Конституции КНР (Статья 31), не предусматривает отдельной возможности создания специальных административных районов[1000]. Вопрос о том, возможно ли учредить сходный режим, который фактически подменит на отдельно взятой территории четырех южно-курильских островов действующее российское законодательство, с помощью ратифицированного международного договора Российской Федерации, который по Статье 15(4) Конституции РФ 1993 г. будет иметь приоритет над действующим законодательством, также не является однозначным с точки зрения, прежде всего, российского конституционного права. Не в последнюю очередь тому, чтобы на южно-курильских островах действовали собственные органы законодательной, исполнительной и судебной власти, может воспротивиться руководство Сахалинской области, поскольку эта территория, став автономной, будет выведена из-под его контроля. Наконец, нельзя не учитывать, что 23 августа 2017 г. Премьер-министр РФ Д.А. Медведев подписал акт о создании территории опережающего развития (ТОР) «Курилы», охватывающей южно-курильский городской округ (т.е. о-ва Кунашир, Шикотан и Хабомаи)[1001]; соответствующие изменения были внесены в федеральную программу освоения этих территорий[1002]. Создание на южно-курильских островах ТОР предполагает введение особого правового режима для предпринимательской деятельности в шести обозначенных в актах Правительства РФ областях. Вместе с тем, этот шаг не означает отказа России от сотрудничества с Японией; по-видимому, обе модели освоения будут существовать одновременно: одна будет направлена на привлечение внутренних, российских инвестиций, вторая – японских. Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что, напротив, федеральное Правительство заинтересовано в более непосредственном и активном участии в экономической

---

[999] Некоторые аспекты особого режима САР Гонконг, напротив, не будут применимы, поскольку они были направлены на решение специфических вопросов, связанных с государственным строем, формой власти и политикой КНР. Так, свободное передвижение товаров, услуг и капитала (финансовых средств) не потребуется специально устанавливать для южно-курильских островов: эта свобода гарантируется Статьями 8 и 74 Конституции РФ 1993 года.

[1000] Конституция Китайской Народной Республики. URL: http://www.hkhrm.org.hk/english/law/const02.html (дата обращения: 07.11.2017).

[1001] Постановление Правительства РФ № 992 от 23.08.2017 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Курилы»». URL: http://static.government.ru/media/files/xNkRl6dakoAbvVQi9iBxjpxwGeKtAH0i.pdf.

[1002] Постановление Правительства РФ № 793 от 4 августа 2015 г. «Об утверждении Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область» на 2016 – 2025 годы». URL: http://static.government.ru/media/files/JCaHgEI5IzUMCxPZDPmoLmLBU3FsTKB6.pdf (дата обращения: 27.09.2017); Постановление Правительства РФ № 990 от 23.08.2017 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016 – 2025 годы». URL: http://static.government.ru/media/acts/files/0001201708240007.pdf (дата обращения: 07.11.2017).

судьбе данных территорий, что может быть признаком сопутствующей неготовности предоставить им бóльшую автономию. Те же проблемы возникают в связи с вопросом о возможности принятия южно-курильскими островами, в случае образования на них специального района или зоны, собственного законодательства или о том, какое законодательство будет применяться в пределах такого района, а также о праве принятия окончательных судебных решений судебными органами южно-курильских островов в случае создания такой автономии. Однако же эти и иные потенциальные сложности не означают, что из гонконгского опыта автономии невозможно извлечь полезные и адаптируемые к российско-японским отношениям положения.

Ограниченная автономия южно-курильских островов, по нашему мнению, представляет собой *conditio sine qua non* создания на них уникального правового режима совместного освоения. Однако эта автономия может быть целевой и предоставляться именно в тех областях, которые стороны определят в международном договоре, и в той мере, в которой автономия необходима для осуществления эффективной деятельности в указанных областях. В этом смысле идея учреждения Совместной контактной группы, по образу действовавшей в Гонконге и обеспечивавшей плавный переход суверенитета, может быть видоизменена для учета специфики южно-курильского контекста и использована для создания наднационального российско-японского органа, наделенного четко сформулированными полномочиями и ответственного за выполнение конкретных задач в рамках обеспечения реализации приоритетных проектов. Учитывая, что нежелание японских предпринимателей и компаний (на примере делового сообщества Хоккайдо) работать и осуществлять проекты на южно-курильских островах связано с «неопределенностью российского законодательства об иностранных инвестициях, ограничительным налоговым законодательством, неэффективной правоохранительной деятельностью, слабой инфраструктурой»[1003], контактной группе можно было бы поручить поиск способов решения указанных проблем и принятие, при содействии региональных органов исполнительной власти и правоприменительных органов, мер по их устранению. Функции и, соответственно, компетенция подобной российско-японской группы могли были бы быть расширены по сравнению с китайско-британским аналогом[1004] и включить разработку и имплементацию правового регулирования и политико-экономических мер, которые позволят исключить препятствия для эффективной и успешной хозяйственной

[1003] Akaha T. Despite the Northern Territories. P. 108.

[1004] Китайско-британской совместной контактной группе поручалось выполнение трех функций: проведение консультаций по вопросам имплементации Совместной декларации, обсуждение вопросов, относящихся к плавной передаче управления в 1997 г., и обмен информацией и проведение консультаций по предметам, о которых договорятся обе стороны. См. Приложение № 3.

деятельности, а также контроль за соблюдением особого таможенного, налогового и валютно-финансового режима, который может быть создан на южно-курильских островах по модели Гонконга или свободного порта Владивосток[1005]. Эта же группа, помимо прочего, могла бы определять спорные вопросы, возникающие в связи с реализацией таких проектов и положений международного договора о совместном освоении южно-курильских островов, и разрешать их путем проведения консультаций, чтобы не выводить вопросы совместной хозяйственной деятельности за пределы двусторонних российско-японских отношений[1006], разрабатывать и реализовывать меры неэкономического характера, такие как расширение гуманитарных, культурных обменов, введение образовательных, языковых программ и программ повышения квалификации, которые позволят воспитать специалистов управленческого и делового профиля для решения проблем, связанных с совместной российско-японской хозяйственной деятельностью. Следует рассмотреть возможность передачи полицейских функций выборному органу, а также наделения совместной контактной группы правом регулировать налогообложение, таможенные вопросы, участвовать в дипломатических переговорах по вопросам, прямо затрагивающим южно-курильские острова, а также, возможно, возложить на нее обязанность по подготовке заключений по вопросам применения к территории южно-курильских островов международных договоров, заключенных или заключаемых Российской Федерацией.

Наконец, важно не допустить «историческую ошибку» или даже «преступление», которое совершают многие исследователи российско-японской территориальной проблемы, предлагая решения без учета истинных интересов и воли коренного населения южно-курильских островов – айну, и именно их самих, а не их японских представителей[1007]. Хотя ориентированное на отношения государств, а не отдельных народов и меньшинств международное право предоставляет им ограниченные права в этой связи, справедливое решение вопросов в связи с территорией их коренного проживания (до их выселения Японией) должно осуществляться с их обязательным участием. Для этого, как представляется,

---

[1005] Федеральный закон от 13.07.2015 N 212-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О свободном порте Владивосток». Доступ из информационно-правовой базы данных «КонсультантПлюс».

[1006] По нашему мнению, такая автономная процедура разрешения споров предпочтительней внешних механизмов, таких как обращение в межгосударственный арбитраж или Международный Суд ООН; положение о порядке разрешения споров в связи с заключаемым российско-японским международным договором также должно быть четко прописано в таком договоре, в отличие от Совместной китайско-британской декларации 1984 г.

[1007] О недостаточном представлении подлинных интересов народа айну, их борьбе за автономию внутри Японии и их позиции по «проблеме Северных территорий» (которая состоит в том, чтобы оставить острова у России, но создать на них парк или особую зону, куда они будут иметь доступ и где получат права на проживание (вместе с текущим российским населением) и ведение традиционных промыслов – охоты и рыболовства) см.: Harrison S. The Indigenous Ainu of Japan and the “Northern Territories” Dispute: Thesis / M.A. University of Waterloo. – Ontario, Canada, 2007. – P. 1 – 122.

необходимо создать все возможности для включения представителей народа айну в российско-японские переговоры и деятельность предлагаемой Совместной контактной группы.

§ 4.3. Анализ правовых последствий совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов

Закономерный вопрос, на который необходимо ответить в связи с вышеизложенной концепцией совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов, состоит в том, как эта концепция может содействовать разрешению территориальной проблемы и заключению мирного договора между Россией и Японией. Положительная перспектива, на наш взгляд, существует по следующим причинам[1008].

Эту меру в качестве шага к заключению мирного договора считают удачной обе стороны. В заявлении по итогам переговоров в декабре 2016 г. указывается, что именно консультации о совместной хозяйственной деятельности России и Японии на южно-курильских островах являются, по их мнению, «важным шагом на пути к заключению мирного договора», поскольку эта договоренность «будет способствовать развитию всего комплекса связей между двумя странами и созданию атмосферы доверия и сотрудничества, выводу отношений на качественно новый уровень»[1009]. Несмотря на прошлые редкие высказывания скептиков[1010], эта точка зрения широко поддерживается в литературе, затрагивающей вопрос российско-японской территориальной проблемы. Как отмечает С. Ли, для территориальной проблемы, подобной рассматриваемой, «нет панацеи», однако существуют меры «по укреплению доверия», которые могут способствовать поиску мирного решения[1011], и в качестве такой меры называет как раз договоренность о совместном управлении островами и/или совместном освоении морских пространств на взаимовыгодной основе [1012]. Японский специалист Ц. Акаха, среди трех факторов, которые могли бы смягчить символическое значение островов и обеспечить

[1008] См. также: Неверова Е.В. Курс на совместное освоение Южно-Курильских островов: международно-правовой комментарий // Право и управление. XXI век. – 2017. – №3(44). – С. 48 – 57.

[1009] Заявление для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), п. 1, 16.12.2016. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151 (дата обращения: 07.11.2017).

[1010] Так, например, в 1990 г. В. Лукин, Г. Кунадзе, К. Саркисов и И. Тыщецкий высказали мнение, помимо прочего, о том, что создание на южно-курильских островах свободной экономической зоны не может решить вопрос. См.: Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 46 – 47.

[1011] Lee S.-W. Despite the Northern Territories. – P. 40.

[1012] Ibid.; см. также: Ibid. – P. 40 fn 276 (где приводятся примеры договоренностей о совместном освоении ресурсов в ситуации отсутствия границ: Соглашение между Кувейтом и Саудовской Аравией 1965 г., Меморандум о взаимопонимании между Ираном и эмиратом Шарджа (ОАЭ) 1971 г., Соглашение между Японией и Южной Кореей 1974 г., Меморандум о взаимопонимании между Малайзией и Тайландом 1979 г., Договор между Австралией и Индонезией 1989 г., Меморандум о взаимопонимании между Малайзией и Вьетнамом 1992 г., Договор между Колумбией и Ямайкой 1993 г., Совместная декларация Аргентины и Соединенного Королевства 1995 г.), 42.

возможность решения проблемы в будущем, в качестве наиболее перспективного фактора называет значительное расширение экономических и социокультурных связей для улучшения отношения японцев к России[1013]. Действительно, одно из главных препятствий, которые необходимо преодолеть не только для заключения мирного договора, но и для успешной совместной хозяйственной деятельности, представляет негативное отношение японского правительства и народа к идее сотрудничества с Россией[1014]. Развитие экономических, социокультурных связей может «привести к значительному улучшению японского отношения к России и существенной эрозии японского чувства виктимизации и несправедливости в рамках территориального вопроса»[1015]. Наблюдается «диссонанс дипломатии между государствами и народами» двух стран – пример: инициатива японской негосударственной организации *Peace Boat* («Лодка мира») в 1991 г., которая заключалась в посещении о-вов Итуруп, Кунашир и Шикотан, и «едва ли по правовым последствиям отличалась от японской рыболовной деятельности у контролируемых Россией островов, которые официально санкционированы как Россией, так и Японией»[1016]. Ведение расширенной хозяйственной деятельности на основании четко сформулированного международного договора, содержащего соответствующую защитную клаузулу, устранило бы правовые препятствия, вызывающие настороженность как у российской, так и у японской стороны, и обеспечило бы возможность для сближения.

Подобные механизмы сближения в российско-японских отношениях уже работают в двух областях: в региональных связях между Сахалинской областью и префектурой Хоккайдо и в вышеописанном сотрудничестве в освоении морских биоресурсов. В 1990 г. губернатор Хоккайдо и председатель Совета министров СССР подписали соглашение о дружеском партнерстве между префектурой Хоккайдо и СССР, предусматривающее сотрудничество в экономической, научно-технической и культурной областях[1017]. В сентябре 1997 г. губернаторы Хоккайдо и Сахалинской области подписали совместную декларацию о сотрудничестве в таких

[1013] Другие два фактора – значительные уступки со стороны России (маловероятные, как признает сам указанный автор и как установлено выше) и возникновение общей угрозы безопасности или общей стратегической проблемы, которые вынудят Россию и Японию взаимно пойти на уступки или договориться отложить проблему (в качестве кандидатов указываются КНР или кризис на Корейском п-ове). Akaha T. Despite the Northern Territories. – P. 89, 92 – 93.

[1014] По мнению Б. Уильямса, со стороны Правительства Японии это объясняется двумя основными факторами. «Во-первых, - пишет он, - оно боится того, что совместная экономическая деятельность на островах, которая будет по сути односторонним японским содействием, учитывая неспособность России финансировать такие проекты, может привести к значительному улучшению в условиях жизни текущих российских жителей, что увеличит их склонность остаться и возражать против возвращения территорий Японии. Во-вторых, поскольку экономическая деятельность велась бы по российскому праву, это было бы равнозначно признанию российского суверенитета над островами» (Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 40 – 41).

[1015] Akaha T. Despite the Northern Territories. – P. 93.

[1016] Ibid. – P. 106.

[1017] Ibid. – P. 102.

областях, как нефтегазовые проекты на Сахалине; впоследствии, в 1998 г., на ее основании было заключено уже официальное соглашение о дружбе и экономическом сотрудничестве[1018]. Причем это сотрудничество рассматривается региональным правительством Хоккайдо как мера, которая может стать «первым шагом или предтечей разрешения *конкретной* территориальной проблемы»[1019]. Задача нового подхода в том, чтобы перенести такие формы сотрудничества на национальный и международный уровень как для России, так и для Японии.

Что касается сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов, то за несколько десятилетий взаимодействия был признан его несомненный благотворный характер. Для соседствующих государств такое сотрудничество играло огромную роль в течение послевоенного периода[1020], что подчеркнуто, например, в совместном коммюнике Президента СССР М. Горбачева и Премьер-министра Японии Т. Кайфу в апреле 1991 г., очень позитивно воспринятом в Японии[1021]. В статье, посвященной этой тематике, японский автор Ц. Акаха отмечает (в отношении рыболовства в Японском море), что поведение Японии после войны «зачастую не создавало у иностранных государств уверенности в готовности Японии «играть по правилам»» при эксплуатации морских ресурсов, в связи с чем установление такого режима, какой был создан ею с СССР, стало шагом вперед к «более справедливому» сотрудничеству[1022]. В протоколах ежегодных сессий совместной советско-японской Комиссии по рыболовству (учрежденной по Соглашению 1984 г.) фиксируются положительные тенденции этого сотрудничества: стороны идут друг другу навстречу при рассмотрении вопросов научно-технического содействия; в рамках такого содействия Япония выражает готовность безвозмездно передавать российским организациям оборудование; обе стороны принимают друг у друга специалистов; промысел осуществляется под контролем уполномоченных лиц обеих сторон[1023]. Наибольший интерес представляет упомянутое выше Соглашение 1998 г. В нем предусмотрен порядок осуществления японскими рыбаками промысла в морском районе у о-вов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, включая сотрудничество в целях сохранения,

---

[1018] Ibid. – P. 101 – 102.

[1019] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 15.

[1020] Akaha T. From Conflict to Cooperation: Fishery Relations in the Sea of Japan // Pacific Rim Law & Policy Journal. – 1993. – Vol. 1. No. 2 (Summer 1992). – P. 246.

[1021] Akaha T. Japanese – Russian Fishery Joint Ventures and Joint Operations in the Sea of Okhotsk: An Evolving Form of Cooperation [Электронный ресурс] // Northeast Asian Economic Cooperation, Vladivostok, Russia, August 25 – 27, 1992. URL: http://mail.neaef.org/pubs/neaef03/14.Akaha.pdf. – P. 214.

[1022] Akaha T. From Conflict to Cooperation. – P. 227.

[1023] См., например, Протокол Российско-Японской комиссии по рыболовству 1984 г. Федеральное агентство по рыболовству. Банк правовых актов. URL: http://npb.fishcom.ru. См. также: информацию об итогах 32-й сессии Российско-Японской комиссии по рыболовству, завершившейся 18 декабря 2015 г. URL: http://fish.gov.ru/press-tsentr/novosti/10121-v-moskve-zavershilas-32-ya-sessiya-rossijsko-yaponskoj-smeshannoj-komissii.

рационального использования и воспроизводства живых ресурсов, на возмездной основе. В российских комментариях это Соглашение признается «исключительно разумным и полезным»; удачными названы компромиссные формулировки Соглашения (а именно: в тексте не использован термин «территориальное море России», а область ведения промысла обозначена с помощью геодезических линий)[1024]. В зарубежной литературе указывается, в связи с трудной историей согласования этого соглашения, что оно стало «эпохальным» для двусторонних отношений, поскольку позволило удовлетворить высокую заинтересованность прежде всего населения Хоккайдо в ведении рыболовного промысла (в том числе за плату) в прибрежных водах южно-курильских островов, вместе с тем устранив опасения МИД Японии, что это может быть рассмотрено как подчинение российскому суверенитету[1025]. Позитивное значение данных договоренностей также было подтверждено в Российско-Японском плане действий от 10 января 2003 г., где неоднократно упоминается успешное сотрудничество в рамках таких соглашений в целях «углубления доверия» между Россией и Японией[1026]. В 2013 г. Президент РФ и Премьер-Министр Японии в Совместном заявлении подтвердили продолжение сотрудничества на основании Соглашений 1984, 1985 и 1998 гг., приветствовали вступление в силу Соглашения 2012 г. (оно вступило в силу в 2014 г.) с целью противодействия морскому браконьерству и контрабанде [1027] . Изначально осторожный, практический компромисс в узком сегменте экономического взаимодействия оказался перспективным для широкого политического поля отношений между Россией и Японией.

Подобный взаимоприемлемый *modus vivendi* играет важную роль для ослабления напряженности в вопросах суверенитета над спорными территориями, что подтверждается также и примерами других споров на Дальнем Востоке. Так, хотя отношения между Японией и Южной Кореей из-за спора о принадлежности о. Такэсима (кор. Токто) были крайне напряженными[1028], заключенное в 1998 г. соглашение о рыболовстве позволило «рыболовным сообществам обеих сторон... сосуществовать без открытого конфликта»[1029]. Уместен также пример из японско-китайских отношений: несмотря на спор о принадлежности о-вов Сенкаку

[1024] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 6.

[1025] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 37 – 38.

[1026] Российско-Японский план действий, Москва, 10 января 2003 г., пп. 2, 4, 5. Министерство иностранных дел РФ [сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/536634 (дата обращения: 07.11.2017).

[1027] Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства от 29 апреля 2013 г., пп. 27 – 28. Президент РФ [сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/1446.

[1028] Akaha T. From Conflict to Cooperation. – P. 252.

[1029] Kazuhiko T. Japan’s Territorial Problem.

(кит. Дяоюйдао), в 1978 г. Япония и Китай заключили Договор о мире и дружбе[1030]. Заключенное в том же г. Россией и Японией соглашение о рыболовстве в районе Курильских островов также «имеет важное значение с точки зрения ослабления остроты территориальной проблемы»[1031]. В российско-японской практике есть также и позитивный опыт создания *modus vivendi* для решения «местных» вопросов. Так, Соглашение между Минрыбхозом СССР и Хоккайдской ассоциацией рыбопромышленников о промысле морской капусты японскими рыбаками 1981 г., не являясь международным договором и регулируя деятельность частных лиц (поэтому указанное Соглашение, как представляется, не содержит защитной клаузулы), признано значимым с экономической и политической точки зрения[1032].

«Как отмечается в советской и зарубежной литературе, – пишет Б.Н. Клименко, – переговоры могут быть наиболее успешными, когда они ведутся в период дружественных отношений и особенно если ожидание выгоды от территориального урегулирования, например, развитие торговых отношений и сотрудничества, значительно компенсирует территориальные потери», хотя взаимный учет интересов и взаимные уступки, указывает он, не освобождают государства от обязанности решать спорные вопросы на основе международного права[1033].

Существуют, наконец, свидетельства того, что вышеописанное совместное хозяйственное освоение южно-курильских островов выполнимо, невзирая на довлеющие над политикой Японии интересы США. Упомянутый Д. Тренин отмечает, что, в отличие от периода Холодной войны, которая породила саму территориальную проблему[1034], у США отсутствуют причины для сопротивления сближению России и Японии[1035]. Против этого можно возразить, что в 2014 г. США ввели всесторонние санкции против России, к которым присоединилась и Япония[1036], и, кроме того, американское государство заинтересовано в этом конфликте, поскольку он позволяет сохранять в регионе присутствие США[1037]. Вместе с тем, японские санкции, как было отмечено выше, рассматриваются специалистами-политологами как умеренные; кроме того, договоренность о «новом подходе» была достигнута между главами

[1030] Хлестов О.Н. Указ. соч. – С. 7.

[1031] Вебсайт Федерального агентства по рыболовству – Раздел «Международное сотрудничество». URL: http://old.fish.gov.ru/activities/Pages/IntCooper.aspx (дата обращения: 01.09.2016).

[1032] Вебсайт Федерального агентства по рыболовству – Раздел «Международное сотрудничество». URL: http://www.fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 01.09.2016).

[1033] Клименко Б.М. Мирное решение .... – С. 60 – 61.

[1034] Yamada Yu. Op. cit. – P. 148.

[1035] Hakamada S. Op. cit. – P. 3.

[1036] Лавров: отношения между РФ и Японией осложнились из-за введенных Токио санкций, 21.01.2015 // ТАСС [сайт]. URL: http://tass.ru/politika/1711383 (дата обращения: 07.11.2017).

[1037] Eveno Ch. Op. cit. – P. 27.

России и Японии в течение периода после принятия санкций – в 2016 – 2017 гг. Это говорит о том, что для Японии данное направление представляет приоритет. В свою очередь, это рождает надежду на то, что в российско-японских отношениях может быть достигнут компромисс, несмотря на возможное влияние США. Таким образом, совместная хозяйственная деятельность на южно-курильских островах, вне всяких сомнений, действительно поспособствует разрешению в будущем территориальной проблемы и заключению мирного договора. Опасения (бытующие в том числе в научных кругах[1038]) в том, что она будет равноценна территориальной уступке в пользу Японии беспочвенны.

Помимо самой договоренности о такой деятельности следует предложить несколько мер в дополнение к экономическому сотрудничеству, которые, на наш взгляд, обеспечат воздействие на большее число аспектов территориальной проблемы.

Прежде всего, речь о механизмах учета воли населения самих южно-курильских островов и Сахалинской области в целом при принятии руководством Российской Федерации любого решения по статусу южно-курильских островов. Этого требует в обязательном порядке общепризнанный в качестве императивной нормы международного права принцип права народов на определение. Когда заместитель Министра иностранных дел России Г.Ф. Кунадзе посетил острова в сентябре 1991 г. для встречи с жителями, они враждебно отнеслись к раскрытой им идее о том, что о-ва Хабомаи и Шикотан, по планам ельцинского правительства, могли быть переданы Японии[1039]; подобные планы территориальных уступок при полном неведении населения собственно затронутых территорий в корне противоречат указанному принципу и должны быть исключены. Выбор механизма учета воли населения будет зависеть от характера принятой в итоге концепции, а именно, от того, будет ли на южно-курильских островах создан некий автономный режим. Устав Сахалинской области требует проведения регионального референдума в случае планируемых изменений ее границ (Статья 3(4))[1040]; это же положение поддерживается Статьей 131 Конституции РФ 1993 г.[1041]. По всей видимости, если территориальные уступки договоренностью будут исключены, с точки зрения этих

[1038] Латышев И.А. Япония – Россия. Еще раз о территориальном споре .... – С. 73 – 74.

[1039] Williams B. Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute .... – P. 43.

[1040] Устав Сахалинской области, принят Сахалинской областной Думой 28 июня 2001 г. (в ред. Закона Сахалинской области от 11.04.2017 N 26-ЗО), Статья 3(4) («Согласие Сахалинской области на изменение ее границ выражается путем проведения референдума Сахалинской области»). URL: http://www.dumasakhalin.ru/documents/region-regulations/article68.

[1041] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ), Статья 131(2) («2. Изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий»). Доступ из информационно-правовой системы «КонсультантПлюс».

основополагающих актов проведение референдума не потребуется[1042]. Однако же, по нашему мнению, предоставление определенной степени автономии конкретной территории означает необходимость в более серьезном процессе выявления мнения и согласия (несогласия) местного населения, чем в случае заключения более традиционного (т.е. не предусматривающего создание отдельного, автономного правового режима или системы) двустороннего международного договора об экономическом сотрудничестве, который предполагает одобрение населения посредством его участия в ратификации такого договора главным законодательным органом страны. В рассматриваемой ситуации можно рекомендовать проведение референдума по вопросам объема предоставляемой автономии одновременно с подготовкой проекта соответствующего международного договора, с обязательным учетом результатов такого референдума в проекте[1043].

Связанным с этим элементом является обстоятельное[1044], независимое, не носящее характер политической пропаганды информирование общественности обо всех основных аспектах планируемого совместного хозяйственного освоения южно-курильских и его связи с решением территориальной проблемы и заключением мирного договора[1045]. Данная мера необходима в том числе для обеспечения получения неискаженных, надежных, достоверных и обоснованных результатов упомянутого выше референдума. При этом просветительская деятельность конкретно по содержанию договоренности о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов должна вестись и в Японии. Опросы (хоть и ограниченные по числу опрошенных, но, тем не менее, проливающие важный свет на отношение к проблеме) Ц. Акахи и А. Васильевой в Хоккайдо (в городах Саппоро и Вакканай) в 2001 г. показали, что опрошенные жители считают, что низкая доля японского бизнеса на Дальнем Востоке России объясняется экономическими сложностями (по мнению должностных лиц в Администрации губернатора Хоккайдо), а не с территориальным спором (всего один опрошенный в Саппоро упомянул о заключении мирного договора и разрешении спора в качестве причин для стремления к расширению связей; вместе с тем, в г. Вакканай территориальный спор как первостепенная проблема для двусторонних отношений был упомянут большинством

[1042] В противном случае (согласования передачи территории), по небезосновательному мнению некоторых авторов, потребуется референдум «в масштабе всей Российской Федерации с предварительным ознакомлением населения страны с научно обоснованными положительными и отрицательными последствиями заключения такого... договора» (Чамаров В.Б. Указ. соч. – С. 163).

[1043] Непроведение таких консультаций в Гонконге вызвало сильную отрицательную реакцию жителей и правительства Гонконга, в котором не были представлены граждане территории и которое не участвовало в переговорах. См.: Bundy A.J. Op. cit. – P. 275.

[1044] В отличие от упоминаний вопроса в СМИ «от случая к случаю» (Жуковский В.М. Указ соч. – С. 49).

[1045] См.: Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 165 – 175.

респондентов), что расширение контактов между людьми оценивается опрошенными положительно, хотя при этом СМИ акцентируют внимание на негативных происшествиях и моментах[1046]. Это также укрепит шансы такого решения на долговечность – решение, принятое с учетом интересов людей, которым предстоит жить, трудиться и вкладывать свой опыт, ресурсы и средства в эти территории, с большей вероятностью приведет к плодотворным результатам и эффективному освоению южно-курильских островов и позволит избежать рисков возникновения напряженности и недоверия в будущем, а также непоправимых исторических ошибок, таких как фактическое уничтожение нации айнов. Наконец, информированность общественности в значительной степени исключит вероятность искаженных, неадекватных, «истерических» оценок ситуации, вырывания из контекста для представления планируемой совместной хозяйственной деятельности на южно-курильских островах в невыгодном свете и создаст у населения трезвое и зрелое представление о проблеме, которое является ключом к принятию взвешенного решения.

Наконец, последней дополнительной мерой является процессуальное предложение по способу достижения приемлемого компромисса. Переговоры по такой серьезной и комплексной задаче, как создание на южно-курильских островах специального административного режима и модели хозяйствования, потребуют, помимо подготовленности участников переговоров и обязательного вовлечения в нахождение компромисса общественности и специалистов двух стран, готовности к решению множества частных трудностей, которые могут возникать не только в связи с укоренившимися разногласиями российской и японской стороны по территориальному вопросу, но и к потенциально различающимся подходам к решению практических вопросов по тем направлениям экономики и управления, которые будут задействованы в разработке такого решения. С этой точки зрения исключительно полезным, на наш взгляд, может оказаться опыт согласования Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а именно подход «пакета» и «мини-пакетов» и метод консенсуса, подробно описанные в труде Ю.Г. Барсегова о мировом океане[1047]. Содержание такого подхода и метода состоит в принятии следующих шагов: (1) уточнение и консолидация международно-правовой и переговорной позиций каждой стороны (под переговорной позицией подразумеваются цели и задачи, которых каждая сторона желает достичь по итогам переговоров и закрепить в соответствующем соглашении); (2) выявление точек соприкосновения и точек разногласия в позициях сторон; (3) выработка и предложение решений по точкам разногласия, которые будут приемлемыми для

[1046] Akaha T. Despite the Northern Territories. – P. 114 – 121. См. также Еремин В.Н. Указ. соч. – С. 80 – 81 (где указываются мнения деловых кругов Японии в 1991 году по вопросу препятствий для экономического сотрудничества).

[1047] Барсегов Ю.Г. Мировой океан: право, практика, дипломатия. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 237 с.

сторон, по крайней мере, в качестве временного решения, которое позволит не «зацикливаться» на параметрах соглашения, которые вызывают спор, но идти дальше и все же заключить соглашение, возможно, с оговорками по таким точкам разногласия о том, что они будут разрешены позднее или будут пересматриваться на периодической основе в свете результатов уже принятых договоренностей (т.е. того, оказались ли они по прошествии времени действенными, или нет, требуют ли они корректировок). Представляется, что подобный дипломатический подход позволит сторонам наконец совершить сдвиг в сторону эффективного сотрудничества.

Заключение

Территория – хоть и давний, даже традиционный предмет науки международного права, но, вместе с тем, не исчерпанный. Поскольку она относится к центральному для каждого государства понятию суверенитета, является его физическим выражением, вопросы, связанные с территорией и правовым титулом на нее, неизбежно находятся на пересечении права и международно-правовой политики государства. Вероятно, по этой причине в большей степени, чем по какой-либо иной, относительным является не только правовой титул на определенную территорию при наличии не являющихся заведомо необоснованными конкурирующих притязаний, т.е. в ситуации территориального спора, но и само регулирование способов возникновения, перехода и утраты такого титула международным правом. В период становления международного права и науки о нем подобные способы или основания, которые впоследствии стали считаться классическими – завладение, приобретательская давность, цессия, аккреция, завоевание, – появились в практике и закрепились в ней, но так и не приобрели однозначного характера правовых норм. Скорее, как было установлено, они представляют собой не более, чем доктринальные международно-правовые категории, предназначенные и полезные для разъяснения и классификации конкретных ситуаций и споров.

Вместе с тем, в основании указанных категорий лежат фундаментальные принципы нормативного характера, в число которых в современном международном праве входят принципы стабильности (нерушимости границ, территориальной целостности), эффективности, запрета применения силы и права народов на самоопределение. Данные принципы, а также выработанные судебной и арбитражной практикой на их основании принципы молчаливого признания и эстоппеля, очерчивают рамки применения указанных и иных доктринальных моделей и служат ориентиром для поиска справедливого, зачастую компромиссного – поскольку лишь компромисс позволяет такому решению стать долговременным и не подвергнуться оспариванию – решения в случае разногласий или споров о территории.

При этом, при рассмотрении территориальных споров, международные суды и арбитражи опираются не только собственно на свидетельства существования правового титула на территорию, исходя из вышеуказанных принципов и доктрин, но и на ряд неправовых соображений, таких как география, вопросы безопасности и стратегии, этнография, история, политика, экономика, воля населения, признание притязаний на территорию со стороны третьих государств и, наконец, справедливость. Особую роль играет воля населения в случае спора о населенной территории, которая в свете права народов на самоопределение является обязательным для учета фактором для обеспечения правомерности принимаемого решения.

Тем самым, разрешение судебным или арбитражным органом территориального спора или поиск решения самими государствами требуют подробного изучения современного состояния международно-правового регулирования вопросов территории, всех аспектов правовых позиций обоих спорящих государств, а также их интересов и фактических характеристик соответствующих территорий или разногласий о них, которые способны повлиять на эффективность выявленного решения.

В этой связи в отношении российско-японских разногласий о суверенитете над южно-курильскими островами следует отметить недостаточную изученность в советской и российской международно-правовой литературе современной позиции Японии по статусу южно-курильских островов. Совершенно естественна определенная гиперболизация при анализе свидетельств и фактов в пользу собственного государства. Однако же, она создает риск того, что некоторые факторы и факты, которые могут быть решающими, останутся без должного внимания или будут искажены. Это подчеркивает ценность изучения правовых оценок зарубежных правоведов, которые стоят как бы в отдалении от спора (о полной беспристрастности можно говорить не во всех случаях) и поэтому могут представить взгляд со стороны, не преувеличивая значение одних фактов и не преуменьшая значение других.

Позиция Японии в связи с ее притязаниями на суверенитет над южно-курильскими островами, как официальная, так и расширенная исторической, политической и юридической литературой, строится на исторической принадлежности этих территорий Японии, закрепленной международными договорами XIX века и не измененной решениями и документами периода Второй мировой войны и последующего определения территориального состава Японии при заключении Сан-Францисского мирного договора 1951 г., подписанного сепаратно без участия СССР.

Проведенное нами международно-правовое исследование вышеизложенной позиции, а также заявляемых российской стороной и специалистами, как отечественными, так и зарубежными, аргументов позволило установить следующее. Территориальная проблема объективно существует, соответствует принятому в российской международно-правовой литературе определению понятия «территориальный спор», и в любом случае была признана современным российским руководством. Сложность фактического и правового содержания данной проблемы, однако, делает нецелесообразным и несправедливым выделение критической даты для отсечения каких-либо относимых к ее анализу доказательств.

Что касается контр-аргументов в ответ на позицию Японии, то, во-первых, ее исторические аргументы об «исконной» принадлежности южно-курильских островов Японии не позволяют, как и российские, прийти к однозначному выводу в свете действовавших в XVIII-XIX вв. и, таким образом, применимых в силу принципа интертемпорального права,

международно-правовых доктрин первооткрытия и первоосвоения. Что касается Симодского трактата 1855 г. и Санкт-Петербургского трактата 1875 г., то понятие «Курильских островов» в них поддается различному толкованию, в том числе ввиду расхождений в текстах этих договоров на русском, французском и японском языках. При этом существуют свидетельства того, что японская сторона разделяла понимание данного понятия с российской стороной, которая, в свою очередь, по всей видимости, признавала Курильскими все острова от о. Хоккайдо до п-ова Камчатки. Указанные договоры не прекратили действие ввиду Русско-японской войны 1904-1905 гг. и не оспаривались российской стороной, являясь основанием для осуществления Японией суверенитета над всей Курильской грядой до 1945 г.

Критическое значение для оценки позиции Японии с точки зрения международного права имеет анализ комплекса соглашений и решений периода Второй мировой войны. Первым таким документом является Пакт о нейтралитете 1941 г., в нарушении которого Япония обвиняет СССР ввиду выхода из него до истечения срока его действия. Этот документ, однако, при его надлежащем толковании, не может использоваться Японией в качестве доказательства незаконности действий СССР, поскольку Япония сама добросовестно не соблюдала свои обязательства по сохранению нейтралитета, была «вражеским государством» наряду с фашистской Германией. Что касается решений об определении Союзными державами послевоенного территориального состава Японии в качестве мер ее ответственности за агрессию, т.е. Каирской декларации 1943 г. и Потсдамской декларации 1945 г., то, хотя данные решения не определяли конкретный состав территорий Японии, важно, что они предопределили усмотрение Союзных держав отторгнуть у Японии любые территории по их решению. Япония признала это усмотрение в Акте о безоговорочной капитуляции 1945 г., согласившись в том числе и с тем, что СССР являлся одной из указанных Союзных держав. Ссылки Японии на положения о запрете территориальной экспансии в Атлантической хартии 1941 г. и Каирской декларации 1943 г. ошибочно квалифицируют действия СССР как неправомерное расширение территорий вопреки указанному признанию. Дискуссии по вопросу о действительной необходимости участия СССР в войне с Японией и вкладе СССР в победу над ней не имеют правового наполнения. Правовым основанием для отторжения у Японии Курильских островов и передачи их СССР является Ялтинское соглашение Союзных держав 1945 г., которое является юридически обязательным договором и не утрачивает обязательной силы ввиду своего секретного характера. СССР исполнил свои обязательства по нему, вступив в войну против Японии, и это соглашение вплоть до конференции по заключению мирного договора я Японией в Сан-Францисско признавалось как США, так и другой стороной по соглашению, Великобританией. По этой причине, последующий отказ США от положений этого соглашения неправомерен и не влияет на действительность данного соглашения или

российских притязаний на южно-курильские острова. Что же касается отторжения южно-курильских островов у Японии в составе понятия «Курильские острова» в силу Статьи 2 Сан-Францисского мирного договора 1951 г., оно подтверждается подготовительными материалами к мирному договору, документами по его имплементации Японией и заявлениями и документами США и Великобритании, а также и самой Японии. Доводы о том, что СССР не подписал Сан-Францисский мирный договор 1951 г. и в этой связи не является выгодоприобретателем этого акта отторжения территорий, опровергаются наличием и действием Ялтинского соглашения 1945 г. как отдельного правового основания для такого приобретения, а также отсутствием протестов Японии после занятия советскими войсками южно-курильских островов в 1945 г. Наконец, в силу факторов стабильности, эффективного контроля и запрета на пересмотр территориальных границ, установленных по итогам Второй мировой войны, Россия обладает более сильным правовым титулом на фактически находящиеся под российским суверенитетом в течение нескольких десятилетий южно-курильские острова. Совместная советско-японская декларация 1956 г., в свою очередь, не является недвусмысленным признанием со стороны СССР правового титула Японии на о-ва Шикотан и Хабомаи, и тем более на о-ва Итуруп и Кунашир. В любом случае, эти территории не могут быть переданы Японии вопреки воле российского народа.

Невзирая на вышеизложенное, Япония продолжает твердо придерживаться требований о возврате всех четырех южно-курильских островов, на протяжении существования разногласий не раз, с поддержкой США, пользуясь ими в качестве средства политического давления на СССР и Россию. Несомненно, именно непримиримость позиций Японии и СССР (России) привели к тому, что за семьдесят лет разногласий по территориальной проблеме, несмотря на большое количество предлагаемых как на официальном, так и на научном и профессиональном уровне решений, ни одно такое решение не было претворено в жизнь. Также не вызывает сомнений положение о том, что решение будет в любом случае приниматься на политическом уровне. Вместе с тем, только основанное на международном праве и облеченное в форму обязательного, четко сформулированного международного договора решение имеет шанс на эффективность и долговечность.

На данный момент, по итогам переговоров в конце 2016 – начале 2017 гг., руководство России и Японии пришло к принципиальной договоренности о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов для создания в этом регионе зоны экономического процветания для нынешних и будущих поколений, в том числе в качестве шага к дальнейшему разрешению территориальной проблемы и неразрывно связанному с этим заключению мирного договора, но с оговоркой, что такая деятельность не затронет из соответствующие позиции по проблеме мирного договора, и, следовательно, по территориальной проблеме.

Россия заинтересована в таком решении – в экономическом плане оно является объективной и не терпящей отлагательства необходимостью ввиду неэффективности существующей в указанном районе модели хозяйствования. Для успешного освоения значительного потенциала южно-курильских островов и прилежащих к ним морских районов и улучшения качества жизни населения требуются не только вложения капитала и ресурсов, будь то исходящие от российского государства или внешние, но корректировка и качественный сдвиг самой системы хозяйственного управления в указанном регионе. Данное решение отвечает интересам и японской стороны, как экономическим – поскольку препятствием для вложения средств, ресурсов и опыта японских специалистов и бизнеса в развитие спорных территорий является именно недостаток системы управления ими, коррупция, бюрократия и отсутствие необходимой инфраструктуры, и, кроме того, как показывает двусторонняя российско-японская практика сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов, Япония крайне заинтересована в ведении промысла в прилежащих к островам морских пространствах, – так и иным, поскольку данное решение позволит укрепить доверие между двумя государствами и расширить их партнерство в том числе в области обеспечения безопасности в регионе.

Для целей создания особого правового режима, который позволит реализовать полный потенциал совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов, целесообразно учесть два принципиальных элемента. Первым таким элементом является включение в международный договор о таком освоении защитной клаузулы, в основу которой могут быть положены примеры, содержащиеся в договорной практике России и Японии по хозяйственному освоению морских пространств в районе южно-курильских островов. «Защитная» клаузула, фиксирующая статус-кво по территориальной проблеме, и не позволяющая совместной деятельности изменить сложившиеся позиции, позволила СССР и России и Японии вести признанно успешную совместную деятельность в период наибольшей напряженности двусторонних отношений, и является обязательным для включения в будущий международный договор положением.

Вторым элементом предлагаемой концепции является построение комплексной модели совместного освоения южно-курильских островов, которая будет охватывать несколько направлений сотрудничества по хозяйственным вопросам, а также взаимодействие в области гуманитарных обменов, науки, культуры и технологий, с учетом примера Совместной китайско-британской декларации по вопросу о Гонконге. Декларация представляет собой учредительный акт, т.е. отличается от обычных международных договоренностей тем, что создает автономную зону совместного управления и юрисдикции – Специальный административный район Гонконг. Это решение, которое в сложных условиях столкновения

идеологически противоположных политических систем (социалистической и капиталистической) позволило с успехом сохранить и продолжить развивать положительные аспекты существовавшей британской модели хозяйствования после возврата суверенитета над территорией Гонконга КНР, может, *mutatis mutandis*, послужить примером для создания «зоны процветания» на южно-курильских островах. Конструктивное сочетание усилий двух государств, а не одного, расширит палитру возможностей и механизмов инвестирования и хозяйствования. Такое решение также более привлекательно, чем прямо инвестирование в форме кредитов, ввиду того, что вложения средств, ресурсов, технологий и опыта в конкретные проекты, будут осуществляться тут же, на южно-курильских островах, под надзором двух государств, с прицелом на то, чтобы граждане и юридические лица и России, и Японии могли и дальше вести деятельность, работать и жить на островах на долгосрочной основе.

Важно, что при принятии решения, затрагивающего международно-правовой и внутригосударственный статус южно-курильских островов, в силу права народов на самоопределение – т.е. участие в определении своего политического, экономического и иного положения в государстве проживания, – необходимо учесть интересы населения не только южно-курильских островов и Сахалинской области, но и всей Российской Федерации. Представляется, что последнее будет выполнено в форме утверждения федерального закона о ратификации международного договора о совместном хозяйственном освоении южно-курильских островов высшим законодательным органом Российской Федерации, однако рекомендуется с особым вниманием отнестись к предпочтениям жителей южно-курильских островов и остальной Сахалинской области. Выяснение их воли может принять форму референдума или опроса общественного мнения, результаты которых должны быть приняты во внимание при подготовке текста российско-японского договора.

При этом следует исходить из того, что любое изменение в позиции и соглашение по какому-либо из аспектов, в которых мнения сторон расходятся, обязано быть полностью осведомленным. Речь не только о проработке позиций соответствующей стороной, о чем было сказано выше, но и об открытости или гласности относительно таких решений по отношению к населению России и Японии. Территориальная проблема сопряжена с сильными национальными чувствами (справедливости или, наоборот, обиды), опасениями в связи с безопасностью, страхами, что территории будут «проданы» или «обменяны». Просвещение широкой общественности и устранение какой-либо секретности в отношении позиций и вариантов решения, которые будут предлагаться или обсуждаться на официальном уровне, позволит избежать «вырывания из контекста», взаимного недоверия между двумя странами, их народами и правительствами, нагнетания эмоций, и прийти к взвешенному решению, о котором и население России и Японии сможет судить спокойно и разумно.

Наконец, для разработки модели совместного хозяйственного освоения южно-курильских островов рекомендуется определить подход, который позволит сторонам прийти к согласию, учитывая значительное количество существующих между ними расхождений во мнениях. В качестве такого подхода возможно принять принципы «пакета» и консенсуса, которые использовались при составлении и согласовании такого сложного (и оказавшегося в итоге во многих аспектах исключительно успешным) международно-правового инструмента, как Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Тот факт, что речь шла о заключении универсальной конвенции с множеством участников, направленной на кодификацию норм по целой самостоятельной отрасли международного права, не лишает эти два принципа дипломатии ценности для сложных двусторонних отношений между Россией и Японией – и они требуют своего рода «переучета» и обобщения всех подвижек и ошибок, происшедших более чем за полвека с окончания Второй мировой войны, разногласия между сторонами, как показала история, имеются не менее острыми, и от их разрешения зависят не менее важные интересы (стратегические, экономические, интересы безопасности и т.д.), которые потребуют дальнейшего взвешивания и исследований для нахождения наилучшего решения.

Список использованной литературы

I. Международно-правовые акты и официальные документы

1. *Ключников, Ю.В., Сабанин, А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях [Текст]. – М.: Изд. Литиздата, НКИД, 1925. – Ч. 1. – VI, 441 с.
2. Кяхтинский трактат 1727 г. [Текст] // Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII — середина XIX в. – Хабаровск, 1986: Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем, 21 октября 1727 г. // Русско-китайские договорно-правовые акты (1689 – 1916) – М., 2004. – С. 41 – 47.
3. Пакт о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией, [13 апр. 1941 г.] [Текст] // Документы внешней политики [СССР], 1940. – 22 июля 1941 г.: в 2 кн. / М-во иностр. дел. Российской Федерации. – М.: Междунар. отношения, 1988. – Кн. 2, ч. 2.: 2 марта 1941 г. – 22 июня 1941 г. – С. 565.
4. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М.: Госполитиздат, 1955 г. – Вып. 11. – С. 105 – 106.
5. Сборник договоров по делам Дальнего Востока. – СПб., 1906. – С. 741 – 752.
6. Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. – СПб., 1891 г. – С. 292 – 299.
7. Cairo Communiquè, December 1, 1943. Japan National Diet Library.
8. Conference on the Limitation of Armament, Washington, November 12, 1921 – February 6, 1922, Treaty Between the United States of America, the British Empire, France, Italy, and Japan, Signed at Washington, February 6, 1922, Art. XIX(3) [Text] // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. – 1922. – Vol. 1. – P. 247 – 266.
9. Conference on the Limitation of Armament, Washington, November 12, 1921 – February 6, 1922, Treaty Between the United States of America, the British Empire, France, Italy, and Japan, Signed at Washington, February 6, 1922, Art. XIX(3) // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1922. Vol. 1.
10. GHQ, SCAP, 1946f (SCAPIN No. 1033).
11. GHQ, SCAP, 1951 (SCAPIN No. 677).
12. Instrument of Surrender. 2 September 1945. Accepted at Tokyo Bay, Japan at 09 03 on the second day of September, 1945, for the United States, Republic of China, United Kingdom and the Union of Soviet Socialist Republics, and in the interests of the other United Nations at war with Japan.
13. Japan and Union of Soviet Socialist Republics – Convention embodying basic rules of the Relations between Japan and the Union of Soviet Socialist Republics, together with Protocols A

and B, Declaration, Exchange of Notes, Annexed Note and Protocol of Signature. Peking, January 20, 1925, 34 LNTS 31.

14. Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong with Annexes [Text] // International Tax and Business Law. – 1987. – Vol. 5. – P. 424.
15. Offer of Surrender from Japanese Government [Text] // Department of State Bulletin. – Vol. XIII. – No. 320. – Aug. 12, 1945.
16. Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender [Text] // Department of State Bulletin. – Vol. XIII. – No. 318. – July 29, 1945.
17. San Francisco Peace Treaty, 46 U.N.T.S. 1952.
18. Statute of the International Court of Justice, June 26, 1945, 59 Stat. 1055, 33 U.N.T.S. 933.
19. UN General Assembly, Convention on the Law of the Sea, 10 December 1982, 1833 U.N.T.S. 3.
20. UN General Assembly, Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples, 14 December 1960, A/RES/1514(XV).
21. United Nations, Charter of the United Nations, 24 October 1945, 1 U.N.T.S. XVI.
22. Vienna Convention on the Law of Treaties, 23 May 1969, 1155 U.N.T.S. 331.

II. Нормативно-правовые акты Российской Империи, СССР и Российской Федерации

23. Закон Сахалинской области № 25-ЗО от 23 марта 2011 г. «Об административно-территориальном устройстве Сахалинской области» [Электронный ресурс]: (с изменениями и дополнениями). Доступ из правовой базы «Гарант».
24. Именной, данный Сенату указ «О возобновлении привилегии Российской Американской Компании, и о утверждении составленных для оной новых правил», 13 сентября 1821 г. [Текст] // Полное собрание Законов Российской империи. Собрание 1-е. – Т. 37. – № 28756.
25. Именной, данный Сенату указ «О именовании компании, составившейся для промыслов и торговли по Северо-Восточному морю промыслов и торговли Российско-Американскою компаниею — с приложенитем правил, привилегий и акта оной компании», 8 июля 1799 г. [Текст] // Полное собрание Законов Российской империи. Собрание 1-е. – Т. 25. – № 19030.
26. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: (принята всенародным голосованием 12.12.1993): (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
27. Постановление Правительства РФ № 793 от 4 августа 2015 г. «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов

(Сахалинская область) на 2016 – 2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/19217/

28. Постановление Правительства РФ № 990 от 23.08.2017 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016 – 2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/acts/files/0001201708240007.pdf
29. Постановление Правительства РФ № 992 от 23.08.2017 «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Курилы» [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/xNkRl6dakoAbvVQi9iBxjpxwGeKtAH0i.pdf
30. Устав Сахалинской области: принят Сахалинской областной Думой 28 июня 2001 г. [Электронный ресурс] (в ред. Закона Сахалинской области от 11.04.2017 № 26-ЗО). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
31. Федеральный закон от 13.07.2015 N 212-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О свободном порте Владивосток» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

III. Иные официальные документы Российской империи, СССР и Российской Федерации

32. Заявление Государственной думы РФ «О принятии Палатой представителей Парламента Японии поправок к «Закону о специальных мерах по содействию решению проблемы северных территорий» от 24 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/218362-5
33. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – М., 1976. – Т. 2.
34. Программа российско-японского сотрудничества по развитию совместной хозяйственной деятельности на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, 5 сентября 2000 г. // Министерство иностранных дел РФ [сайт]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/600264
35. Российско-Японский план действий, Москва, 10 января 2003 г. // Министерство иностранных дел РФ [сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/536634
36. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства от 29 апреля 2013 г. // Президент РФ [сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/1446

37. Стенограмма обсуждения проекта постановления № 218362-5 [Электронный ресурс]. URL: http://api.duma.gov.ru/api/transcriptResolution/218362-5

IV. Нормативно-правовые акты и официальные документы иностранных государств

38. Закон «О специальных мерах по содействию решению вопроса Северных территорий» № 85 от 31 августа 1982 г.: (с изменениями и дополнениями). URL: http://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=357AC1000000085
39. Конституция Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.hkhrm.org.hk/english/law/const02.html
40. Cabinet Conclusions 41 (51), 7th June 1951, CAB 128/19 Original Reference CM 1 (51)-50 (51), 1951 22 Jan – 9 Jul [Electronic source]. URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab128-post-war-conclusions.htm#Cabinet%20Conclusions%201951%20to%201955
41. Memorandum, Kurile Islands, State Dep't Decimal File No. 661.941/8-356, State Dep't Records, Record Group 59 (Aug. 3, 1956).
42. State Department Memorandum on the Japan-Soviet Negotiations, The Aide-Memoire (Sept. 7, 1956) [Electronic source]. URL: http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPRU/19560907.O1E.html

V. Материалы международной судебной и арбитражной практики

43. *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro),* Judgment, I.C.J. Reports 2007. – P. 43.
44. *Argentine-Chile Frontier Case*, R.I.A.A. Vol. XVI (1966). – P. 109-182.
45. *Award of the President of the French Republic on the Claims of Great Britain and Portugal to Certain Territories Formerly Belonging to the Kings Tembe and Mapoota, on the Eastern Coast of Africa, Including the Islands of Inyack and Elephant (Delagoa Bay or Lorenzo Marques)*, Decision of 24 July 1975, 28 R.I.A.A. 159.
46. *Awards Regarding the Border betwen Costa Rica and Nicaragua*, Decisions of 22 March 1888, 30 September 1897, 20 December 1897, 22 March 1898, 26 July 1899, XXVIII R.I.A.A. 189.
47. *Botswana/Namibia case*, ICJ Reports, 1999.
48. *Case concerning Sovereignty over certain Frontier Land* (Belgium/Netherlands), Judgment of 20 June 1959: I.C.J. Reports 1959. – P. 209.
49. *Case concerning the Arbitral Award made by the King of Spain on 23 December 1906*, Judgment of 18 November 1960: I.C.J. Reports 1960.
50. *Case concerning the Temple of Preah Vihear* (Cambodia v Thailand), Merits, Judgment of 15 June 1962: I.C.J. Reports 1962. – P. 6.

51. *Clipperton Island Case (France v. Mexico)* (1931) 2 R.I.A.A. 1105.
52. *Decision Regarding Delimitation of the Border between The State of Eritrea and The Federal Democratic Republic of Ethiopia*, Eritrea-Ethiopia Boundary Commission, 13 April 2002.
53. *East Timor* (Portugal v Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995. – P. 90.
54. *El Salvador v. Nicaragua,* CACJ, Judgment of 9 March 1917, 11 Am. J. Int'l L. 674 (1917).
55. *Eritrea v Yemen, Award on Territorial Sovereignty and Scope of the Dispute*, (1998) XXII RIAA 211.
56. *Fisheries Jurisdiction* (Federal Republic of Germany v Iceland), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1974. – P. 175.
57. *Frontier Dispute* (Burkina Faso/Republic of Mali), Judgment, I.C.J. Reports 1986. – P. 554.
58. *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia),* Judgment, I.C.J. Reports 1997 – P. 7.
59. *Honduras borders (Guatemala, Honduras),* II R.I.A.A. 1933.
60. *Indiana v Kentucky* (13 U.S. 479, 503).
61. *Indonesia/Malaysia case*, ICJ Reports, 2002.
62. International Military Tribunal for the Far East, Judgment of 4 November 1948 // The Tokyo War Crimes Trial / Pritchard J.ϭ Zaide S.M. (eds.). – Vol. 22.
63. *Island of Palmas Case (or Miangas),* United States v Netherlands, Award, (1928) II RIAA 829, ICGJ 392 (PCA 1928), 4th April 1928, Permanent Court of Arbitration.
64. *Kasikili/Sedudu Island* (Botswana/Namibia), Judgment, I.C.J. Reports 1999. – P. 1045.
65. *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria* (Cameroon v Nigeria: Equatorial Guinea intervening), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2002. – P. 303.
66. *Land, Island and Maritime Frontier Dispute* (El Salvador/Honduras, Nicaragua intervening), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1992. – P. 351.
67. *Legal Status of Eastern Greenland*, Denmark v Norway, Judgment, PCIJ Series A/B No 53, ICGJ 303 (PCIJ 1933).
68. *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v Bahrain),* Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2001. – P. 40.
69. *Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya),* I.C.J., Preliminary Objections, Judgment of 2 February 2017.
70. *North Sea Continental Shelf* (Federal Republic of Germany/ Netherlands), Judgment, I.C.J. Reports 1969 – P. 3.
71. *Rann of Kutch (India v. Pakistan)* (1968) 17 R.I.A.A. 553.
72. *Rights of Nationals of the United States of America in Morocco (Fr. v. U.S.),* Judgment, 1952 I.C.J. Rep. 176 (Aug. 27).

73. *South China Sea Arbitration (The Republic of Philippines v. The People's Republic of China)*, Award, PCA Case No. 2013-19, 12 July 2016.
74. *South West Africa Cases (Ethiopia* v. *South Africa; Liberia* v. *South Africa), Preliminary Objections*, Judgment of 21 December 1962: I.C.J. Reports 1962.
75. *Sovereignty over Pedra Branca/Pulau Batu Puteh, Middle Rocks and South Ledge (Malaysia/Singapore)*, Judgment, I.C.J. Reports 2008. – P. 12.
76. *Tacna-Arica Arbitration (Chile v. Peru)*. 2 R.I.A.A. 921 (1925).
77. *Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad)*, Judgment, I.C.J. Reports 1994 – P. 6.
78. *The Aaland Islands Question (On Jurisdiction)*, Report by the International Committee of Jurists, LNOJ Sp. Supp. No. 3.
79. *The Alaska Boundary Case (Great Britain, United States)*, XV R.I.A.A. 481.
80. *The Chamizal Case (Mexico, United States)* (1911) 11 R.I.A.A. 309.
81. *The Grisbadarna Case (Norway v. Sweden)*, PCA, Award, 23 October 1909.
82. *The Guiana Boundary Case (Brazil, Great Britain)*, 6 June 1904, R.I.A.A. Vol. XI.
83. *The Mavrommatis Palestine Concessions*, Publications of the Permanent Court of International Justice, Series A, No. 2, August 30th, 1924, Collection of Judgments.
84. *The Minquiers and Ecrehos case* (France/UK), Judgment of November 17th, 1953: I.C.J. Reports 1953. – P. 47.
85. *Western Sahara*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1975 – P. 12.

VI. Материалы национальной судебной практики

86. *Arkansas v Tennessee* (310 U.S. 563).
87. *Louisiana v Mississippi* (202 U.S. (1906), 1).
88. *Lübeck v Mecklenburg-Schwerin* (*Annual Digest*, 1925-6, Case No. 85).
89. *Virginia v Tennesee* (148 U.S. 503).

VII. Книги и статьи на русском языке

90. *Бабурин, С.Н.* Мир империй. Территория государства и мировой порядок [Текст]. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 495 с.
91. *Барсегов, Ю.Г.* Мировой океан: право, практика, дипломатия [Текст]. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 237 с.
92. *Барсегов, Ю.Г.* Территория в международном праве [Текст]. – М.: Госюриздат, 1958. – 270 с.
93. *Винникова, Р.В.* Территориальный спор между Россией и Японией: история вопроса и международно-правовые формы урегулирования [Текст] // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11). – С. 40 – 45.

94. *Вылегжанин, А.Н.* Исторические воды: проблема обоснования статуса. – Актуальные проблемы международного права. Международно-правовые проблемы территории. Сборник научных трудов [Текст] / ред. коллегия Кожевников Ф.И., Задорожный Г.П., Кривчикова Э.С. - М.: МГИМО, 1980. – С. 93 – 99.
95. *Вылегжанин, А.Н.* Международный обычай как основной источник международного права [Текст] / А.Н. Вылегжанин, Р.А. Каламаркян // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 78 – 89.
96. *Вылегжанин, А.Н.* Международный обычай как основной источник международного права [Текст] / А.Н. Вылегжанин, Р.А. Каламаркян // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 78 – 89.
97. *Вылегжанин, А.Н.* Морские природные ресурсы (международно-правовой режим) [Текст] / А.Н. Вылегжанин; Предисловие академика РАН А.Г. Гранберга. – М., 2001. – 298 с.
98. *Вылегжанин, А.Н.* Понятие «международно-правовая политика государства» [Текст] / А.Н. Вылегжанин, И.П. Дудыкина // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4. – С. 21 – 37.
99. *Вылегжанин, А.Н.* Приобретательская давность в международном праве [Текст] / А.Н. Вылегжанин, Е.Л. Соколова // Московский журнал международного права. – 2014. – № 2(94). – С. 37 – 58.
100. *Вылегжанин, А.Н.* Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств [Текст]. – М.: Юридическая литература, 2004. – 222 с.
101. *Гаврилов, В.В.* Южные Курильские острова: проблемы и перспективы определения правового статуса [Текст] // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2015. – № 2 (35). – С. 75 – 85.
102. *Грабарь, В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647 – 1917) [Текст] / науч. ред., авт. биогр. очерка и сост. библиографии У.Э. Батлер; отв. ред. и авт. предисл. В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2005. – 888 с.
103. *Гроций, Г.* О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права [Текст] / Гуго Гроций; Перевод с латинского А.Л. Саккетти. – М.: Госюриздат, 1956. – 868 с., 4 л. ил.
104. *Дайрабаев, В.У.* Международно-правовой статус Курильских островов в историческом аспекте [Текст] / В.У. Дайрабаев, Д.В. Лохманов // Современный юрист. – 2014. –№ 1(6). – С. 66 – 81.
105. *Еремин, В.Н.* Россия – Япония. Территориальная проблема: поиск решения [Текст]. – М.: Республика, 1992. – 190 с.

106. *Еремин, В.Н.* Советско-японская совместная декларация 1956 г.: фундаментальна, хотя не без слабостей [Текст] // Информационно-аналитический бюллетень депутатской группы по связям с Парламентом Японии Госдумы РФ. – 2001, январь. – № 5.

107. *Ермошин, В.В*. К вопросу о праве России на Южный Сахалин и Курильские острова // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 118 – 131.

108. *Ермошин, В.В.* К вопросу о характере российско-японских разногласий относительно принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов [Текст] // Московский журнал международного права. – 1995. – № 4. – С. 106 – 128.

109. *Жуковский, В.М.* Россия и Япония: территориальный вопрос [Текст] / В.М. Жуковский, Л.М. Жуковская // Юриспруденция. – М., 2010. – № 2 (18). – С. 44 – 51.

110. *Зиланов, С.К.* Южные Курилы: вопрос, который не изжит [Электронный ресурс] // Правда.Ру. – 26.05.1999. – URL: https://www.pravda.ru/news/world/26-05-1999/905210-0/

111. *Иванов, А.М.* Острова преткновения [Текст] // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 7 – 9.

112. *Ильинская, О.И.* Правовые основы территориального размежевания между Россией и Японией [Текст] // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – С. 129 – 141.

113. *Клименко, Б.М.* Государственная территория (вопросы теории и практики международного права) [Текст]. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 168 с.

114. *Клименко, Б.М*. Государственные границы – проблема мира. – М.: Междунар. отношения, 1964. – 137 с.

115. *Клименко, Б.М.* Мирное решение территориальных споров [Текст]. – М.: Междунар. отношения, 1982. – 184 с.

116. *Курицын, В.М.* Проблема Курильских островов [Текст] // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 2 – 6.

117. *Куртов, А.А*. Историко-правовые основания принадлежности Курильских островов Российской Федерации [Текст] // Проблемы национальной стратегии. – 2009. – № 1. – С. 166 – 185.

118. *Кутаков, Л.Н*. Портсмутский мирный договор (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905 – 1945 гг.) [Текст]. – М.: Соцэкгиз, 1961. – 292 с.

119. *Кутаков, Л.Н*. Россия и Япония [Текст]. – М.: Наука, 1988. – 383 с.

120. *Латышев, И.А.* Япония – Россия. Еще раз о территориальном споре [Текст] // Азия и Африка сегодня. – 1997. – № 8 (481). – С. 72 – 74.

121. *Лузянин, С.* О принадлежности Курильских островов [Электронный ресурс]. URL: http://mgimo.ru/news/experts/document181669.phtml

122. Международное право: учебник для академического бакалавриата [Текст]. – в 2 т. / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – 3-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 602 с.

123. Международное право. Практикум: учебное пособие [Текст] / под ред. А.Н. Вылегжанина, А.Я. Капустина, М.Н. Копылова. – М.: Juris Prudens, 2011. – 415 с.

124. *Мелков, Г.М.* Территориальные претензии Японии к СССР/России [Текст] / Г.М. Мелков, В.Б. Чамаров // Российский ежегодник международного права. – СПб., 2000. – С. 238 – 250

125. *Михайлов, В.С.* Проблема заключения мирного договора с Японией с точки зрения международного права [Текст] // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2005. – № 4. – С. 29 – 38.

126. *Молодцов, С.В.* Некоторые вопросы территории в международном праве [Текст] // Советское государство и право. – М., 1954. – № 8. – С. 63 – 72.

127. *Неверова, Е.В.* Курс на совместное освоение Южно-Курильских островов: международно-правовой комментарий [Текст] // Право и управление. XXI век. – 2017. – №3(44). – С. 48 – 57.

128. *Неверова, Е.В.* Основания изменения прав на государственную территорию (по материалам зарубежной международно-правовой литературы) [Текст] // Евразийский юридический журнал. – 2017. – №1(104). – С. 30 – 36.

129. *Неверова, Е.В.* Российско-японские договоренности о морских районах, примыкающих к Южно-Курильским островам [Текст] / Вылегжанин А.Н., Е.В. Неверова // Московский журнал международного права. – 2016. – №2. – С. 35 – 57.

130. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка [Текст] / под ред. Скворцова Л.И. – М.: ОНИКС 21 век: Мир и образование, 2003. – 895 с.

131. *Орлов, А.С.* Понятие международного территориального спора [Текст] // Вестник Удмуртского университета. – 2010. – № 3. – С. 94 – 100.

132. *Плотников, А.Ю.* Курилы – исконно русская земля [Текст] // Азия и Африка сегодня. – 1994. – № 10 (447). – С. 2 – 8.

133. *Пунжин, С.М.* СССР – Япония: можно ли при помощи права решить проблему «северных территорий»? [Текст] // Советское государство и право. – 1991. – № 7. – С. 104-119.

134. Русские Курилы: история и современность: (сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы [Текст] / авт.-сост.: В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, А.Ю. Плотников (отв. секретарь), С.А. Пономарев. – М.: Алгоритм, 2015. – 399 с.

135. *Симкин, В.С.* Рассмотрение территориальных претензий Японии к России с точки зрения международного права [Текст] / В.С. Симкин, А.В. Люксембург // История и современность. – 2007. – № 6 (15). – С. 74 – 78.

136. *Скуратова, А.Ю.* Юридические итоги Великой Победы над фашистской Германией и современные попытки их искажения [Текст] / А.Н. Вылегжанин, Г.В. Игнатенко, А.Ю. Скуратова // Российский ежегодник международного права, 2010. — СПб.: Россия-Нева. — Т. 2011. — С. 9 – 27.

137. Словарь международного права / отв. ред. С.А. Егоров, ред. колл.: С.В. Черниченко, А.Н. Вылегжанин, Б.Р. Тузмухамедов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 495 с.

138. *Ткаченко, Б.И.* Курильская проблема: история и право [Текст] // Россия и АТР. – 1995. – № 4. – С. 11 – 21.

139. *Ткаченко, Б.И.* Международно-правовые проблемы передачи Южно-Курильских островов Японии // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2(75). – С. 11 – 21.

140. *Тренин, Д.* Тихоокеанское будущее России. Урегулирование спора вокруг Южных Курил [Электронный ресурс] / Д. Тренин, Ю. Вебер // Рабочие материалы Карнеги. – 2013, январь. – URL: http://carnegie.ru/2013/01/30/ru-pub-50956

141. *Тункин, Г.И.* Теория международного права [Текст]. – М.: Междунар. отношения, 1970. – 511 с.

142. *Улановский, Ю.Б.* Территориальные вопросы мирного урегулирования с Японией [Текст] // Советское государство и право. – М., 1952. – № 5. – С. 66 – 70.

143. *Харюшина, Н.А.* О территориальной проблеме в российско-японских отношениях [Текст] // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2014. – № 4. – С. 17 – 24.

144. *Хлестов, О.Н.* Южнокурильская проблема в российско-японских отношениях [Текст] // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 4. – С. 2 – 8.

145. *Черевко, К.Е.* Серп и молот против самурайского меча [Текст]. – М.: Вече, 2003. – 384 с.

146. *Черевко, К.Е.* Являются ли южно-курильские острова исконной территорией Японии? [Текст] // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – № 2(17). – С. 141 – 162.

147. *Чернявский, С.В.* Сан-Францисский договор: российский взгляд [Электронный ресурс]. URL: http://rgavmf.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=483:-1951-&catid=37:fleethistory&Itemid=56

148. *Яновский, М.В.* Проблема «приобретения» государственной территории в международном праве [Текст]. – Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. – 43 с.

VIII. Диссертации, авторефераты диссертаций

149. *Бабурин, С.Н.* Территория государства: теоретико-правовые проблемы [Текст]: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. – М., 1998. – 297 с.

150. *Гузей, С.В.* Развитие международного права Международным Судом ООН (на примере территориальных споров) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2006. – 160 с.

151. *Клименко, Б.М.* Основные проблемы государственной территории в международном праве [Текст]: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 716. – М., 1970. – 31.

152. *Коче, Л.Х.* Международно-правовые основания и способы определения принадлежности и статуса территории [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Казань, 2000. – 235 с.

153. *Но, Т.Ч.* Территориальные споры на Дальнем Востоке: международно-правовые аспекты [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 1999. – 201 с.

154. *Скулкаков, Р.М.* Международно-правовая регламентация формирования государственной территории и установления государственной границы России [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03. – М., 2003. – 218 с.

155. *Сысоева, Е.А.* Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855 – 1875 гг. (от Симодского трактата до Петербургского договора) [Текст]: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. – Владимир, 2004. – 217 с.

156. *Сысоева, Е.А.* Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855 – 1875 гг. (от Симодского трактата до Петербургского договора) [Текст]: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. – Владимир, 2004. – 33 с.

157. *Тимохин, К.В.* Островные территории в международном праве и практике Международного суда ООН [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2008. – 178 с.

158. *Федотовская, З.А*. Решающая роль Советского Союза в справедливом разрешении территориальных вопросов в Европе и Азии после Второй мировой войны [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1951. – 20 с.

159. *Чамаров, В.Б.* Международно-правовые проблемы разграничения государственных территорий и морских пространств [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 2001. – 212 с.

160. *Шалланд, Л.А.* Юридическая природа территориального верховенства. Историко-догматическое исследование. Том I [Текст] / Л. Шалланд, Приват-доцент Императорского С.-Петербургского Университета. – СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1903. – VI, 308 с.

161. *Яновский, М.В.* Борьба СССР за справедливое разрешение территориальных вопросов в период и после Второй мировой войны (проблема «приобретения» государственной

территории в международном праве) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ташкент, 1958. – 15 с.

IX. Книги и статьи на иностранных языках

162. *Белова, О.В.* Делімітация кордону між Японією та Росією: аналіз правових наслідків договорів 1855 – 1905 років [Текст] // Вісник Маріупольского державного університету. Серія «Історія. Політологія». – 2013. – № 6. – С. 80 – 85.

163. *Agnew, J.* The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory [Text] // Review of International Political Economy. – 1994. – Vol. 1, No. 1. – P. 53 – 80.

164. *Akaha, T.* Despite the Northern Territories: Hokkaido's Courting of the Russian Far East [Text] // Pacific Focus. – 2003, Spring. – Vol. XVIIII, No. 1. – P. 89 – 122.

165. *Akaha, T.* From Conflict to Cooperation: Fishery Relations in the Sea of Japan [Text] // Pacific Rim Law & Policy Journal. – 1993. – Vol. 1, No. 2. – P. 225 – 280.

166. *Akaha, T.* Japanese - Russian Fishery Joint Ventures and Joint Operations in the Sea of Okhotsk: An Evolving Form of Cooperation [Text] // Papers from the vladivostok Conference. – August 25 – 27, 1992. – P. 211 – 227.

167. *Amanzholov, Z.M.* Japanese-Russian Disagreements and Their International Legal Substantiations [Text] / Z.M. Amanzholov, Ye.B. Akhmetov // Middle-East Journal of Scientific Research. – 2013. – No. 13: Special Issue of Politics and Law. – P. 16 – 24.

168. *Anderson, M.* Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World [Text]. – London: Polity Press, 1996. – VIII, 272 p.

169. *Antunes, N.S.M.* Estoppel, Acquiescence and Recognition in Territorial and Boundary Dispute Settlement [Text]. – Durham, UK: International Boundaries Research Unit, 2000. – 42 p. – (Boundary & Territory Briefings; Vol. 2, No. 8.).

170. *Aust, A.* Modern Treaty Law and Practice [Text]. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 547 p.

171. *Belousov, A.,* Kurile Islands [Text]/ A. Belousov, M. Belousova, T. Miller // Encyclopedia of Islands / Gillespie R.G., Clague D.A. (eds.). – Berkeley: University of California Press, 2009. – P. 520 – 525.

172. *Blum, Y.Z.* Historic Titles in International Law [Text]. – Dodrecht: Springer Science+Business Media B.V., 1965. – XXIII, 360 p.

173. *Boothe, J.M.* Kuril Islands Dispute: Case Study of Russian-Japanese Relations, 2013 [Electronic source]. URL: https://ru.scribd.com/document/134805746

174. *Bowman, G.* Why Now Is the Time to Resolve the Dokdo/Takeshima Dispute [Text] // Case Western Reserve Journal of International Law. – 2013. – Vol. 46, No. – P. 433 – 462.

175. *Brown, J.D.J.* Japan, Russia and Their Territorial Dispute: The Northern Delusion [Text]. – New York: Routledge, 2016. – 161 p.

176. *Bundy, A.J.* The Reunification of China with Hong Kong and Its Implications for Taiwan: An Analysis of the "One Country, Two Systems" Model [Text] // California Western International Law Journal. – 1988. – Vol. 19, No. 2, Art. 3. – P. 273 – 282.

177. *Caddell, R.* Secret Treaties [Electronic source] // Max Planck Encyclopedia of Public International Law (last updated: June 2006). URL: http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1489?rskey=3sO5Jw&result=1&prd=EPIL

178. *Call, K.A.* Southern Kurils or Northern Territories?: Resolving the Russo-Japanese Border Dispute [Text] // Brigham Young University Law Review. – 1992. – No. 3. – P. 727 – 758.

179. *Carter, D.B.* The Making of the Territorial Order: New Borders and the Emergence of Interstate Conflict [Electronic source]/ D.B. Carter, H.E. Goemans // International Organization. URL: http://www.rochester.edu/college/faculty/hgoemans/Publications/NewBorders34.info.pdf

180. *Carty, A.* The Black Hole of Modernity: From Sovereignty to International Legal Order and Back Again! [Text] // Journal of the Philosophy of International Law. – 2006. – Vol. 1, No. 1. – P. 7 – 37.

181. *Chan, J.* Japan and Russia in Diplomatic Row over Disputed Kuril Islands [Электронный ресурс]. URL: http://www.wsws.org/en/articles/2011/02/jpru-f17.html

182. *Charney, J.I.* The Persistent Objector Rule and the Development of Customary International Law [Text] // British Yearbook of International Law, 1986. – Oxford, 1987. – Vol. 56. – P. 1 – 24.

183. *Cheng, B.* General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals [Text]. –Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 544 p.

184. *Chotani, V.M.* Can Japan and Russia Reconcile? [Text] / V.M. Chotani, U. Purushothaman // ORF Issue Brief. –2015, October. – No. 110. – P. 1 – 7.

185. *Clark, G.* Tokyo's Claim to the Kurils is Shaky [Electronic source]. URL: http://www.nytimes.com/1992/07/18/opinion/18iht-edcl_0.html

186. *Collins, R.A.* The Russo-Japanese Dispute over the Ownership of the Southern Kuril Islands [Text]. – Bangkok: Webster University, 2013. – 51 p.

187. *Craven, M.* The Problem of State Succession and the Identity of States under International Law [Text] // European Journal of International Law. – 1998. – Vol. 9. – P. 142 – 162.

188. *Crawford, J.* Brownlie's Principles of International Law [Text]. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 888 p.

189. *Crawford, J.* Chance, Order, Change: The Course of International Law [Text]. – The Hague: Hague Academy of International Law, 2014. – 537 p.

190. *Crawford, J.* The Creation of States in International Law [Text]. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 2007. – 870 p.

191. *Cukwurah, A.O.* The Settlement of Boundary Disputes in International Law [Text]. – Manchester: Manchester University Press, 1967. – XLIX, 273 p.

192. *Davidson, R.H.* The Far East Agreements of the Yalta Conference of February 4-11, 1945, and the Sino-Soviet Agreements of August, 1945 [Text]: Thesis. – [Portland, Or.], 1969. – 198 p.

193. *Davidson, S.* The Law of Treaties [Text]. – Burlington: Ashgate Publishing Company, 2004. – 580 p.

194. *Davis, G.B.* The Effects of War Upon International Conventions and Private Contracts [Text] // Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1907 – 1917). – April 25-27, 1912. – Vol. 6. – P. 124 – 132.

195. *Deeks, A.S.* A (Qualified) Defense of Secret Agreements [Text] // Arizona State Law Journal. – 2017. – Vol. 49. – P. 713 – 794.

196. *Donohue, B.* An Ontological Approach to Territorial Disputes [Text] / B. Donohue, N. Otte, B. Smith // Proceedings of the Conference on Semantic Technology in Intelligence, Defense and Security (STIDS 2014), CEUR. – Vol. 1304. – P. 2 – 9.

197. *Downing, D.* An Atlas of Territorial and Border Disputes [Text]. – L.: New English Library, 1980. – 121 p.

198. *Dudden, A.* Japan's Island Problem [Электронный ресурс]. URL *http://www.dissentmagazine.org/article/japans-island-problem*

199. *Dugard, J.* The Secession of States and Their Recognition in the Wake of Kosovo [Text]. – The Hague: Hague Academy of International Law, 2013. – 297 p.

200. *Elias, T.O.* The Doctrine of Intertemporal Law [Text] // American Journal of International Law. – 1980. – Vol. 74. – P. 285 – 307.

201. *Emmers, R.* Resource Management and Contested Territories in East Asia [Text]. – New York: Palgrave, 2013. – 96 p.

202. *Eveno, Ch.* Le contentieux des îles Kouriles [Texte] / Centre d'Études Supérieures de la Marine. – [S.l., s.a.]. – 32 p.

203. Extraterritorial Application of Human Rights Treaties [Text] / Coomans F., Kamminga M. (Eds.). – Antwerp: Intersentia, 2004. – 281 p.

204. *Fazal, T.* State Death in the International System [Text] // International Organization. – 2004. – Vol. 58, No. 2. – P. 311 – 344.

205. *Fouquoire-Brillet, E.* Un contentieux insulaire majeur en Extrême-Orient les Kouriles, 19.04.2016 [Source électronique]. URL: http://www.institut-strategie.fr/strat_050_FOUQOUIREJ.html

206. *Fraser, R.J. Jr.* The Kuril Islands Dispute: an Obstacle in Russo-Japanese Relations, 1993 [Electronic source] (Theses and Major Papers, Paper 371). URL: http://digitalcommons.uri.edu/ma_etds/371/

207. *Fravel, T.* Regime Insecurity and International Cooperation: Explaining China's Compromises in Territorial Disputes [Text] // International Security. 2005. – Vol. 30, No. 2. – P. 46 – 83.

208. *Gavrilov, V.V.* Challenges and Prospects of the Southern Kuril Islands' Status [Text] // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2016, January. – Vol. 7, No. 1. – P. 301 – 305.

209. *George, D.A.* The Southern Kurile Islands: Shrouded in Eternal Fog [Text] // The U.S. Army War College. – [Carlisle, Pa], 2012. – 87 p.

210. *Giraudeau, G.* Les differends territoriaux devant le juge international: entre droit et transaction [Texte]. – Leiden: Martinus Nujhoff Publishers, 2013. – 547 p.

211. *Glahn, G., von.* Law Among Nations [Text]: An Introduction to Public International Law. – 4th ed. – New York: Macmillan Publishing Co., Inc., 1981. – XV, 810 p.

212. *Goertz, G.* Territorial Changes and International Conflict. Studies in International Conflict. Volume 5 [Text] / G. Goertz, P.F. Diehl. – London & New York: Routledge, 2002. – XI, 179 p.

213. *Gonzalez, M.A.* The Genesis of the Falklands (Malvinas) Conflict [Text]. – New York: Palgrave Macmillan, 2013. – XVII, 258 p.

214. *Gorenburg, D.* The Southern Kuril Islands Dispute [Text] // PONARS Eurasia Policy Memo. – 2012, September. – No. 226. – P. 1-7.

215. *Graf, V.B.* The Russians Debate the Kuril Islands Territorial Dispute: An Aspect of Russo-Japanese Relations in the Post-Cold War World [Text]: Thesis (M.A. in National Security Affairs). – [Monterey, Calif.: U.S. Naval Postgraduate School], 1993. – 160 p.

216. *Greenwood, C.* Sovereignty: A View from the International Bench [Text] // R.Rawlings, P. Leyland, A.L. Young (eds.) / Sovereignty and the Law. Domestic, European, and International PErspectives. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 251 – 268.

217. *Grotius, H.* The Freedom of the Seas or the Right Which Belongs to the Dutch to Take Part in the East Indian Trade [Text]: A Dissertation / by Hugo Grotius; translated with a revision of the Latin text of 1633 by Ralph Van Deman Magoffin, Ph.D. – New York: Oxford University Press, 1916. – XV, p. 83.

218. *Gustafson, L.S.* The Sovereignty Dispute over the Falkland (Malvinas) Islands [Text]. – New York: Oxford University Press, 1988. – XII, 268 p.

219. *Hakamada, S.* On Trenin's Proposal for Russia to Return Four Disputed Islands to Japan [Electronic resource] // GFL Commentary. – 28 February 2013.

220. *Hakamada, Sh.* On Trenin's Proposal for Russia to Return Four Disputed Islands to Japan [Text] // GFJ Commentary. – February 28, 2013.

221. *Hara, K.* Cold War Frontiers in the Asia-Pacific: Divided Territories in the San Francisco System [Text]. – London, New York: Routledge, 2007. – XVII, 247 p.

222. *Hara, K.* Japanese-Soviet/Russian Relations Since 1945 [Text]. – London: Routledge, 1998. – 257 p.

223. *Harrison, S.* The Indigenous Ainu of Japan and the "Northern Territories" Dispute [Text]: Thesis / M.A. University of Waterloo. – Ontario, Canada, 2007. – 152 p.

224. *Hasegawa, T.* The Soviet Factor in Ending the Pacific War: From the Hirota-Malik Negotiations to Soviet Entry into the War [Text]. – Washington: The National Council for Eurasian and East European Research, 2003. – 29 p.

225. *Heflin, W.B.* Diayou/Senkaku Islands Dispute: Japan and China, Oceans Apart [Text] // Asian-Pacific Law & Policy Journal. – 2000. – Vol. 1. – P. 1 – 22.

226. *Hensel, P.* Territory: Theory and Evidence on Geography and Conflict [Text] // What Do We Know About War? / J. Vasquez (ed.). – Lanham: Rowman & Littlefield, 2000. – P. 57 – 84.

227. *Huth, P.K.* Does International Law Promote the Peaceful Settlement of International Dispute? Evidence from the Study of Territorial Conflicts since 1945 [Text] / P.K. Huth, S.E. Croco, B.J. Appel // The American Political Science Review. – 2011. – Vol. 105, No. 2. – P. 415 – 436.

228. *Huth, P.K.* Standing Your Ground: Territorial Disputes and International Conflict [Text]. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996 [2000]. – X, 275 p.

229. *Huth, P.K.* The Democratic Peace and Territorial Conflict in the Twentieth Century [Text] / P.K. Huth, T.L. Allee. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – XVII, 488 p.

230. *Hyun-kyung, K.* Japan Differs over Dokdo, Kuril Islands [Electronic source]. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2012/08/116_117446.html.

231. *Jacobini, H.B.* International Law: A Text [Text]. – Homewood, Ill.: [The Dorsey Press], 1968. – XV, 456 p.

232. Japan's Territorial Issues and the Historical Understandings of the Concerned Countries. Case Studies on the Senkaku Islands, Takeshima and the Northern Territories [Electronic source] / The Japan Institute of International Affairs, March 2014. – 43 p. – URL: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/FY2013_Japan_Territorial_Issues_and_Historical_Understandings/Japan_Territorial_Issues_and_Historical_Understandings_FY2013.pdf

233. *Jennings, R., Watts, A.* Oppenheim's International Law. Vol. I: Peace [Text]. – 9th ed. – Harlow: Longman, 1992. – 2 bks, 1572 p.

234. *Jennings, R.Y.* The Acquisition of Territory in International Law [Text]. – Manchester: Manchester University Press, 1963. – VII, 130 p.

235. *Jessup, P.C.* The Law of Territorial Waters and Maritime Jurisdiction [Text]. – New York: G.A. Jennings Co., Inc., 1927. – 548 p.

236. *Johnson, D.H.N.* Acquisitive Prescription in International Law [Text] // British Year Book of International Law, 1950. – London etc., 1951. – Vol 27. – P. 332 – 354.

237. Juridical Regime of Historic Waters Including Historic Bays [Text]: Study prepared by the Secretariat // Yearbook of the International Law Commission / United Nations. Vol. II: 1962. A/CN.4/143.

238. *Kacowicz, A.M.* The Problem of Peaceful Territorial Change [Text] // International Studies Quarterly. – 1994. – Vol. 38, No. 2. – P. 219 – 254

239. *Kaczorowska, A.* Public International Law [Text]. – 4th ed. – New York: Routledge, 2010. – XV, 877 p.

240. *Kaikobad, K.H.* Interpretation and Revision of International Boundary Decisions. – Cambridge: Cambridge University Press 2007. – XII, 340 p.

241. *Kaikobad, K.H.* Some Observations on the Doctrine of Continuity and Finality of Boundaries // British Yearbook of International Law, 1983. – London etc., 1985. – Vol. 54, No. 1. – P. 119 – 141.

242. *Kazuhiko, T.* Japan's Territorial Problem: The Northern Territories, Takeshima, and the Senkaku Islands [Text] // The National Bureau of Asian Research. – 8 May 2012.

243. *Kazumine, A.* The Strategic Value of Territorial Islands from the Perspective of National Security [Electronic source] // Review of Island Studies. October 9, 2013. Translated from "Toshono senryakuteki kachi" = Tosho Kenkyu Journal, Vol. 1 (June 2012), p. 54 – 69. URL: https://www.spf.org/islandstudies/research/a00008/

244. *Kelsen, H.* Principles of International Law [Text]. – New York: Rinehart & Company, Inc., 1952. – XVII, 461 p.

245. *Kimura, H.* The Kurilian Knot: The History of Japanese-Russian Border Negotiations [Text]. – California: Stanford University Press, 2008. – 260 p.

246. *Ko, S.S.* Nationality and International Law in Asian Perspective [Text]. – Dodrecht [etc.]: Martinus Nijhoff Publishers, 1990. – L, 506 p.

247. *Korman, S.* The Right of Conquest. The Acquisition of Territory by Force in International Law and Practice [Text]. – Oxford: Clarendon Press, 2003. – X, 346 p.

248. *Koskenniemi, M.* From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument [Text]. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 683 p.

249. *Kozlowski, A.* The Legal Construct of Historic Title to Territory in International Law – an Overview [Text] // Polish Yearbook of International Law. – 2010. – Vol. 30. – P. 61 – 100.

250. *Krasheninnikov, S.P.* The history of Kamtschatka, and the Kurilski Islands, with the countries adjacent [Text]; illustrated with maps and cuts. – Glocester: printed by R. Raikes for T. Jefferys, 1764. – 280 p.

251. *Kuroiwa, Yu.* Russo-Japanese Territorial Dispute from the Border Region Perspective [Text] // UNISCI Discussion Papers. – 2013, May. – No. 32. – P. 187 – 2014. ISSN 1696-2206.

252. *La Guardia, E. de.* La question des îles Kouriles [Texte] // Annuaire français de droit international. – 1991. – Vol. 37. – P. 407 – 418.

253. *Lalonde, S.* Determining Boundaries in a Conflicted World. The Role of *Uti Possidetis* [Text]. – Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. – 351 p.

254. *Lambacher, J.* Nesting cranes: Envisioning a Russo-Japanese peace park in the Kuril Islands [Text] // Peace Parks: Conservation and Conflict Resolution / S.H. Ali (ed.). – Cambridge, MA: MIT Press, 2007. – P. 261 – 276.

255. *Langer, R.* Seizure of Territory. The Stimson Doctrine and Related Principles in Legal Theory and Diplomatic Practice [Text]. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1947. – 313 p.

256. *Lara, R.L.* The Problem of Sovereignty, International Law, and Intellectual Conscience [Text] // Journal of the Philosophy of International Law. – 2014. – Vol. 5, No. 1. – P. 40 – 44.

257. *Lauterpacht, H.* Recognition in International Law [Text]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1947. – LIX, 443 p.

258. *Lawrence, T.J.* The Principles of International Law [Text]. – 7th ed. – London: Macmillan & Co., Ltd., [1937]. – XIX, 766 p.

259. *Lee, S.-W.* The 1951 San Francisco Peace Treaty with Japan and the Territorial Disputes in East Asia [Text] // Pacific Rim Law & Policy Journal. – 2002. – Vol. 11, No. 1. – P. 63 – 146.

260. *Lee, S.-W.* Towards a Framework for the Resolution of the Territorial Dispute over the Kurile Islands [Text]. – Durham, UK: International Boundaries Research Unit; University of Durham, 2001. – 55 p. – (Boundary & Territory Briefing; Vol. 3, No. 6).

261. *Lesaffer, R.* Argument from Roman Law in Current International Law: Occupation and Acquisitive Prescription [Text] // The European Journal of International Law. – 2005. – Vol. 16, No. 1. – P. 25 – 58.

262. *Lowe, P.* After Fifty Years: The San Francisco Peace Treaty in the Context of Anglo-Japanese Relations [Text] // Japan Forum. – 2003. – Vol. 15, No. 3. – P. 389 – 398.

263. *MacGibbon, I.C.* Estoppel in International Law [Text] // The International and Comparative Law Quarterly. – 1958. – Vol. 7, No. 3. – P. 468 – 513.

264. *MacGibbon, I.C.* The Scope of Acquiescence in International Law [Text] // British Yearbook of International Law, 1954. – London etc., 1956. – Vol. 31. – P. 143 – 186.

265. Managing Fragile Relations: Method and Application [Text] / R. Guo, C. Freeman (Eds.). – Dodrecht: Springer, 2011. – 174 p.

266. Manual of Public International Law [Text] / Sørensen M. (Ed.). – London: Macmillan, 1968. – LXV, 930 p.

267. *McAdam, J.* Climate Change, Forced Migration, and International Law [Text]. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 338 p.

268. *McAdam, J.* Disappearing States, Statelessness and the Boundaries of International Law [Electronic source]. URL: http://ssrn.com/abstract=1539766

269. *McCorquodale, R.* Pushing Back the Limitations of Territorial Boundaries [Text] / R. McCorquodale, R. Pangalangan // European Journal of International Law. – 2001. – Vol. 12, No. 5. – P. 867 – 888.

270. *Mellor, R.E.H.* Nation, State and Territory [Text]. – London: Routledge, 1989. – 218 p.

271. *Milano, E.* Unlawful Territorial Situations in International Law. Reconciling Effectiveness, Legality and Legitimacy [Text]. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. – 304 p.

272. *Miller, R.J.* Discovering Indigenous Lands: The Doctrine of Discovery in the English Colonies [Text] / R.J. Miller, J. Ruru, L. Behrendt, T. Lindberg (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2010. – XX, 294 p.

273. *Miller, R.J.* The Doctrine of Discovery in American Indian Law [Electronic source] // Idaho Law Review. – 2005. – Vol. 42, No. 1. – P. 1-122. – URL: SSRN: https://ssrn.com/abstract=721631

274. *Moosa, I.* Determinants of the Status of an International Financial Centre [Text] / I. Moosa, L. Li, R. Jiang // The World Economy. – 2016. – Vol. 39, No. 12. – P. 2074 – 2096.

275. *Mormanne, T.* Le problème des Kouriles: pour un retour à Saint-Pétersbourg. 1991. [Электронный ресурс]. URL: http://inalcocej.free.fr/travaux/documents/cip1pdf/Cip.1.5.Mormanne.pdf

276. *Morris, G.L.* Japan, Russia and The "Northern Territories" Dispute: Neighbors in Search of a Good Fence: Thesis. – [United States]: Naval Postgraduate School, Monterey, Ca, 2002. – 120 p.

277. *Mueller, B.M.* Falkland Islands: Will the Real Owner Please Stand Up [Text] // Notre Dame Law Review. – 1983. – Vol. 58, No. 3 – P. 616 – 634.

278. *Munkman, A.L.W.* Adjudication and Adjustment. International Judicial Decision and the Settlement of Territorial and Boundary Disputes [Text] // British Yearbook of International Law, 1972. – London etc., 1973. – Vol. 46. – P. 93 – 107.

279. *Murphy, A.B.* Historical Justifications for Territorial Claims [Text] // Annals of the Association of American Georgaphers. – 2000. – Vol. 80, No. 4. – P. 531 – 548.

280. Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy [Text] / Sato Y., Hirata K. (Eds.). – New York: Palgrave Macmillan, 2008. – 279 p.

281. Northern Territories, Asia-Pacific Regional Conflicts and the Aaland Experience: Untying the Kurilian Knot [Text] / K. Hara, G. Jukes (Eds.). – London: Routledge, 2009. – XXII, 145 p.

282. *O'Shea, P.* Playing the Sovereignty Game: Understanding Japan's Territorial Disputes [Text] // GEMC Journal. – 2013. – No. 8. – P. 199 – 209.

283. *Oppenheim, L.* International Law: a Treatise [Text] / H. Lauterpacht (ed.). – 8th ed. – Vol. 1. – London: Longmans; New York: Green and Co, 1955. – XVI, 1029, 42 p.

284. *Ott, D.H.* Public International Law in the Modern World [Text]. – London: Pitman, 1987. – XXI, 390 p.

285. *Pardo, E.,* Northern Territories and Japan-Russia-Relations: Will the Knot Ever Untie? [Text] // UNISCI Discussion Papers. – 2012, January. – No. 28. – P.155 – 170.

286. *Park, H.K.* The Law of the Sea and Northeast Asia: A Challenge for Cooperation [Text]. – The Hague: Kluwer Law International, 2000. – XXX, 228 p.

287. *Pedrozo, R.(P.)* International Law and Japan's Territorial Disputes [Text] // International Law Studies. – 2016. – Vol. 92. – P. 119 – 152.

288. *Ratner, S.R. Drawing a Better Line: Uti Possidetis and the Borders of New States* [Text] // American Journal of International Law. – 1996. – Vol. 90, No. 4. – P. 590 – 624.

289. Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East [Text] / S. Kotkin, D. Wolff (Eds.). – New York: M.E. Sharpe, 1995. – XXIII, 356 p.

290. *Reisman, W.M.* Has the International Court Exceeded Its Jurisdiction? [Text] // American Journal of International Law. – 1986. – Vol. 80. – P. 128 – 134.

291. *Reisman, W.M.* The Enforcement of International Judgments and Awards [Text] // American Journal of International Law. – 1969. – Vol. 63. – P. 1 – 27.

292. *Reisman, W.M.* The Quest for World Order and Human Dignity in the Twenty-First Century: Constitutive Process and Individual Commitment. General Course on Public International Law [Text]. – The Hague: Martinus Nijhoff, 2013. – 487 p.

293. *Ress, G.* Ch. XVII Transitional Security Arrangements, Article 107 [Electronic source] / The Charter of the United Nations: A Commentary // B. Simma B., D.-E. Khan, G. Nolte, A. Paulus, N. Wessendorf (Eds.). – Vol. II. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. URL: http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/9780199639762.001.0001/law-9780199639762

294. *Rozman, G.,* A Chance for a Breakthrough in Russo-Japanese Relations: Will the Logic of Great Power Relations Prevail? [Text] // The Pacific Review. – 2002. – Vol. 15, No. 1. – P. 325 – 327.

295. *Schoenbaum, Th.J.* Peace in Northeast Asia: Resolving Japan's Territorial and Maritime Disputes with China, Korea and the Russian Federation [Text] // Waseda Global Forum. – 2009. – No. 6. – P. 361 – 368.

296. *Schwarzenberger, G.* Title to Territory: Response to a Challenge [Text] // American Journal of International Law. – 1957. – Vol. 51. – P. 308 – 324.

297. *Sharma, S.P.* Territorial Acquisition, Disputes and International Law [Text]. – Leiden: Brill, 1997. – 358 p.

298. *Shaw, M.* International Law [Text]. – 6th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1542 p.

299. *Shaw, M.* Peoples, Territorialism and Boundaries [Text] // European Journal of International Law. – 1997. – Vol 3. – P. 478 – 492.

300. *Shaw, M.* Territory in International Law [Text] // Netherlands Yearbook of International Law. – 1982. – Vol. 13. – P. 71 – 92.

301. *Simmons, B.A.* Rules Over Real Estate; Trade, Territorial Conflict and International borders as Institution [Text] // Journal of Conflict Resolution. – 2005. – Vol. 49, No. 6. – P. 823 – 848.

302. *Starke, J.G.* The Acquisition of Title to Territory by Newly Emerged States [Text] // British Yearbook of International Law, 1956-1966. – London etc., 1968. – Vol. 41. – P. 411 – 416.

303. State of Sovereignty: Territories, Laws, Populations [Text] / D. Howland, L. White (Eds.). – Blomington, IN: Indiana University Press, 2009. – 284 p.

304. *Stephan, J.J.* On the historiographical frontier [Text] // "Northern Territories" and Beyond: Russian, Japanese, and American Perspectives / Goodby J.E., Ivanov V.I., Shimotamai N. (eds.). – Westport, CT: Praeger, 1995. – P. 47 – 53.

305. *Stephan, J.J.* The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific [Text]. – Oxford: Clarendon Press, 1974. – 279 p.

306. *Storey, G.* Territory: the Claiming of Space [Text]. – 2nd ed. – Abington: Routledge, 2002. – 256 p.

307. *Sumner, B.T.* Territorial Disputes at the International Court of Justice [Text] // Duke Law Journal. – 2004. – No. 53. – P. 1779 – 1812.

308. *Takahashi, R.M.* The Kuriles: Passage or Obstruction to Regional Peace? [Text] // International Law Studies. – 1994. – Vol. 68. – P. 231 – 241.

309. Territoriality and Conflict in an Era of Globalization [Text] / M. Kahler, B.F. Walter (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 340 p.

310. The Charter of the United Nations: A Commentary [Text] / Simma B., Khan D.-E., Nolte G., Paulus A., Wessendorf N. (Eds.). – 3rd ed., New York: Oxford University Press, 2012. – 2000 p.

311. The Library of Essays in International Law. Title to Territory [Text] / Shaw M.N. (Ed.). – Aldershot; Burlington: Ashgate Publishing Company, 2005. – XXXV, 525 p.

312. The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary: in II vols. [Text] / O. Corten, P. Klein (eds.). – Oxford, New York: Oxford University Press, 2011. – Vol. 1. – LXXXIII, 960 p.; Vol. 2. – XIII, 964 p. – 2071. – (Oxford Commentaries on International Law).

313. *Untawale, M.G.* The Kutch-Sind Dispute: A Case Study in International Arbitration [Text] // The International and Comparative Law Quarterly. – 1974, October. – Vol. 23, No. 4. – P. 818 – 839.

314. *Valencia, M.J., Ludwig, N.* Southern Kurile Islands / Northern Territories Resource Potential [Text] // Geojournal. – 1991. – Vol. 24, No. 2 (June). – P. 227 – 231.

315. *Vattel, E., de.* Le droit des gens ou principes de la loi naturelle, appliqués à la conduite et aux affaires dea Nations et des Souverains [Texte]. – Washington: Carnegie Institution of Washington, 1916. – 541 p.

316. *Visscher, C., de*. Theory and Reality in Public International Law [Text]. – New Jersey: Princeton University Press, 1968. – 398 p.

317. *Von der Heydte, F.A.F.* Discovery, Symbolic Annexation and Virtual Effectiveness in International Law [Text] // American Journal of International Law. – 1935. – No. 29. – P. 448 – 471.

318. *Vos, J.A.* The Function of Public International Law [Text]. – The Hague: Asser Press, 2013. – 303 p.

319. *Waldock, C.H.M.* Disputed Sovereignty in the Falkland Islands Dependencies [Text] // British Yearbook of International Law, 1948. – Vol. 25. – P. 311 – 353.

320. *Westlake, J.* The Collected Papers of John Westlake on Public International Law / L. Oppenheim (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1914. – XVI, 705 p.

321. *White, G.W.* Nationalism and Territory. Constructing Group Identity in Southeastern Europe [Text]. – Lanham: Rowan & Littlefield, 2000. – xv, 309 p.

322. Williams B. The Russo-Japanese Visa-Less Exchange Program: Opportunities and Limits [Text] // East Asia. – 2003. – P. 108 – 132.

323. *Williams, B.* Resolving the Russo-Japanese Territorial Dispute: Hokkaido-Sakhalin Relations [Text]. – London: Routledge, 2007. – 223 p.

324. *Williams, B.* The Criminalisation of Russo-Japanese Border Trade: Causes and Consequences [Text] // Europe – Asia Studies. – 2003. – Vol. 55, No. 5. – P. 711 – 728.

325. *Yamada, Yu.* Un conflit géopolitique persistant entre le Japon et la Russie. La question des «Territoires du Nord» [Texte] // Géostratégiques. – 2010, 1er Trimestre. – No. 26. – P. 137 – 155.

326. *Yamamoto, H.* Chishima Shikotan Habomai no kizoku mondai [History of the Kuriles, Shikotan and the Habomai Islands] [Text] // Contemporary Japan. – 1951, October – December. – Vol. 20. – P. 461 – 461.

327. *Zacher, M.* The Territorial Integrity Norm [Text] // International Organization. – 2001. – 55, 2. – P. 215 – 250.

X. Электронные ресурсы

328. Безвизовые обмены между гражданами Японии и жителями трех Курильских островов будут продолжаться, 27 марта 2017 г. [Электронный ресурс] // Sakhalin.Info: информационный портал. URL: https://www.sakhalin.info/news/129989

329. В МИД РФ отказались вести переговоры с Японией по поводу Курил, 02.09.2015 [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: http://www.interfax.ru/russia/464270

330. Владимир Поздняков: Любой компромисс с Японией по поводу Курильских островов - пересмотр итогов Второй мировой войны и отрицание подвига советского народа, 6 октября 2016 г. // Коммунистическая партия РФ [сайт]. URL: https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/156054.html

331. Власти разбираются с невыплатой зарплат на рыбозаводе Шикотана, 15.04.2016 [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: https://ria.ru/society/20160415/1411737013.html

332. Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ, 27.04.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54388

333. ВЦИОМ: большинство россиян негативно оценивает итоги приватизации 90-х годов, 02.10.2017 [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: http://tass.ru/ekonomika/4608474

334. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 г., Москва, 26 января 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2032328

335. Греф назвал госуправление основной проблемой России, 18.06.2015 [Электронный ресурс] // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2015/06/18/grefmanagement

336. Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров (по вопросам совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах), 16.12.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/supplement/5151

337. Информация об итогах 32-й сессии Российско-Японской комиссии по рыболовству, завершившейся 18 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://fish.gov.ru/press-tsentr/novosti/10121-v-moskve-zavershilas-32-ya-sessiya-rossijsko-yaponskoj-smeshannoj-komissii

338. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей [Электронный

ресурс] // Росстат. Приложение 3. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html

339. КПРФ, Программа партии [Электронный ресурс]. URL: https://kprf.ru/party/program

340. Лавров: отношения между РФ и Японией осложнились из-за введенных Токио санкций, 21.01.2015 [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: http://tass.ru/politika/1711383

341. ЛДПР, Программа партии [Электронный ресурс]. URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/

342. Лига жителей Курил-Хабомаи (*Chishima Habomai Shotō Kyojūsha Renmei*) [сайт]. URL: http://www.chishima.or.jp

343. Мао Цзэдун предлагал отобрать у СССР Курилы [Электронный ресурс] / Взгляд, 10.02.2011. URL: https://vz.ru/information/2011/2/10/467851.html

344. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации [сайт]. URL: http://www.mnr.gov.ru/

345. Об обстановке в Мировом океане [Электронный ресурс] // Единая государственная система информации. URL: http://pacificinfo.ru/

346. Правительство Российской Федерации [сайт]. URL: http://government.ru

347. Предвыборная программа Партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс]. URL: http://er.ru/party/program/

348. Предисловие [Электронный ресурс] // Совместный сборник документов. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/compilation.html

349. Протокол Российско-Японской комиссии по рыболовству 1984 г. [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по рыболовству: банк правовых актов. URL: http://npb.fishcom.ru

350. Путин отверг готовность «продать» Курильские острова, 20.05.2016 [Электронный ресурс] // РБК-Daily. URL: http://www.rbc.ru/politics/20/05/2016/573f1c229a79472926ea774f

351. Россия и Китай поделили границу, 21.07.2008 [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: http://www.interfax.ru/russia/22633

352. Спор России и Японии вокруг Курильских островов, 05.08.2016 [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: http://www.levada.ru/2016/08/05/spor-rossii-i-yaponii-vokrug-kurilskih-ostrovov/

353. Справедливая Россия, Программа партии [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_76349.html

354. Справка Курильские острова. Их открытие и присоединение к России (1711 – 1778 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-

arch.nsf/88ff23e5441b5caa43256b05004bce11/59b312d6225c5de9c3257929001f7bc1!OpenDocument

355. Япония не желает усвоить уроки истории, 20 мая 2015 г. // Русская планета: информационный портал. URL: http://rusplt.ru/policy/yaponiya-ne-jelaet-usvoit-uroki-istorii-17114.html

356. Charter of the United Nations [website]. URL: http://www.un.org/en/charter-united-nations/

357. International Court of Justice [сайт]. URL: http://www.icj-cij.org

358. International Court of Justice. Pending Cases [Электронный ресурс]. URL: http://www.icj-cij.org/en/pending-cases

359. Majority say Japan shouldn't insist on return of all disputed Northern Territories islands: poll. The Mainichi, 07.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://mainichi.jp/english/articles/20161107/p2a/00m/0na/019000c

360. Ministry of Foreign Affairs of Japan [сайт]. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/hoppo/hoppo.html

361. Northern Territories Issue. Japan's Basic Position // Ministry of Foreign Affairs of Japan [сайт]. URL: http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/overview.html

362. Relations with Japan. Updated on 7 April 2016 // The North Atlantic Treaty Organization [сайт]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50336.htm

363. Seeing Ainu as They Want to Be Seen. Japan Times, 12 March 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.japantimes.co.jp/community/2017/03/12/issues/seeing-ainu-want-seen/#.Wc-3L8aB29Y

364. Seeking the earliest possible return of the Northern Territories Interview with Acting Chairperson of the LDP's Special Mission Committee on Territories Hiroshi Imazu, September 3, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.jimin.jp/english/news/125864.html

365. Shii comments on Japan-Russia summit meeting, 17 December 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.jcp.or.jp/english/jcpcc/blog/2016/12/20161217shii-comments-on-japan-russia.html

366. The Hokkaido Government's Views on the Northern Territories Issue [Электронный ресурс]. URL: http://www.pref.hokkaido.lg.jp/sm/hrt/hp-en/polic-en.htm

367. The World Factbook. Disputes – International // Central Intelligence Agency [сайт]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2070.html

368. UN, Law of Treaties [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXIII-1&chapter=23&Temp=mtdsg3&clang=_en

Приложения

Приложение 1. Карты Курильских островов.

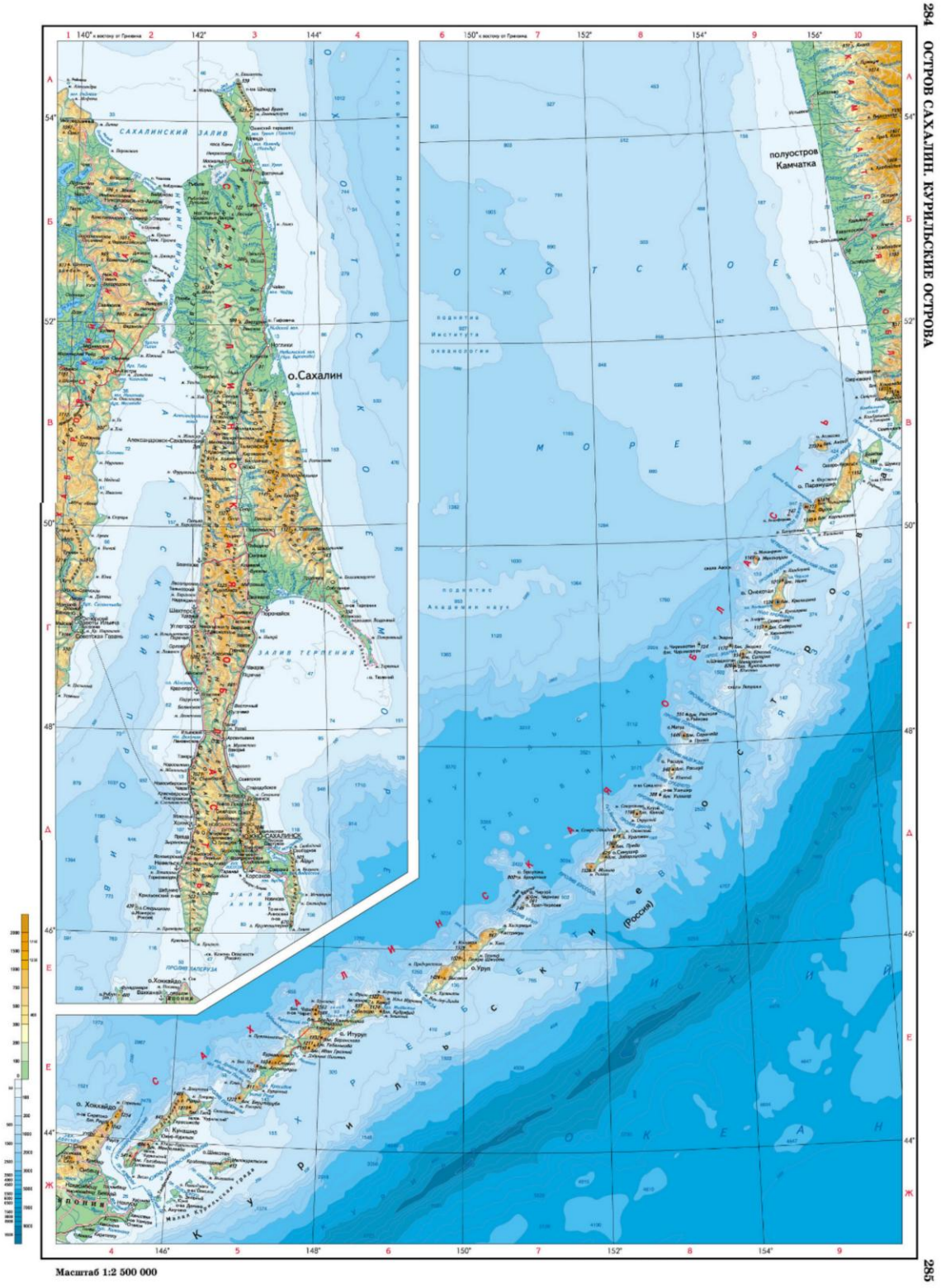

Рис. 1. Карта Сахалинской области.

Источник: Национальный атлас России: утвержден в качестве официального государственного издания Распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2000 г. № АГ-П9 14991, URL: file:///Volumes/National%20atlas%20of%20Russia%20vol.1/284-285.html

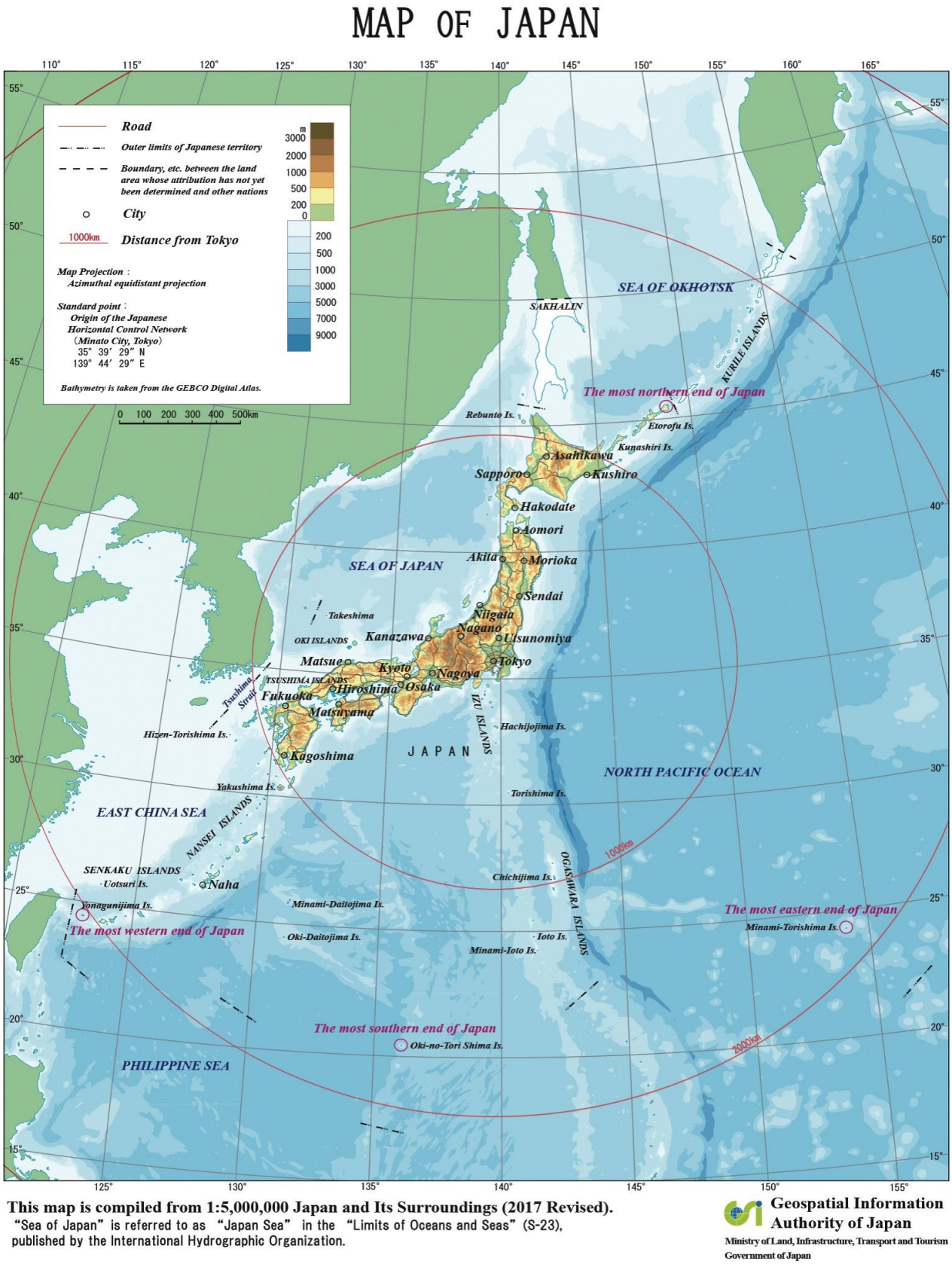

Рис. 2. Карта – Япония и сопредельные территории (ред. 2017 г.)

Источник: Ведомство геопространственной информации Японии при Министерстве земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии [сайт]. URL: http://www.gsi.go.jp

Рис. 3.1 Карта Азии (позиция США)

Источник: Центральное разведывательное управление США [сайт]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/docs/refmaps.html

Рис. 3.2 Карта России (позиция США)

Источник: Центральное разведывательное управление США [сайт]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/docs/refmaps.html

Рис. 3.3 Карта Японии (позиция США)

Источник: Центральное разведывательное управление США [сайт]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/docs/refmaps.html

Приложение 2. Закон Японии о специальных мерах по содействию решению проблемы Северных территорий от 31 августа 1982 г.

Закон о специальных мерах по содействию решению проблемы Северных территорий от 31 августа 1982 г. (перевод выполнен О.Л. Сычуговой)

Статья 1. Цели

В текущих обстоятельствах, когда проблема Северных территорий остается нерешенной несмотря на то, что Северные территории являются исконными территориями Японии, настоящий Закон определяет меры, необходимые для скорейшего разрешения проблемы Северных территорий и множества связанных с ней вопросов, и ставит следующие цели:

- учет особого положения бывших жителей Северных территорий и соседствующих с ними районов;
- развитие общественного мнения по проблеме Северных территорий и множеству вопросов, касающихся соседствующих с ними районов, на национальном уровне;
- развитие программы взаимных посещений;
- разработка комплекса специальных мер по поддержке бывших резидентов Северных территорий, развитию соседствующих с ними районов, а также планирование дальнейшей стабилизации жизни жителей.

В дополнение к вышеперечисленному, Закон направлен на скорейшее возвращение Северных территорий путем заключения мирного договора между Японией и Российской Федерацией для развития дружественных отношений между двумя странами на действительно твердой основе.

Статья 2. Определения

2.1.1. В настоящем законе под «Северными территориями» понимаются острова Этороф (Итуруп[1048]), Кунасири (Кунашир) и Сикотан (Шикотан), а также группа островов Хабомаи.

2.1.2. В настоящем Законе под термином «районы, соседствующие с Северными

[1048] Примеч. переводчика: в скобках дано устоявшееся русское написание, которое будет использоваться в документе далее.

территориями» понимаются район города Немуро в префектуре Хоккайдо (за исключением архипелага Хики), поселок Бецукай в уезде Ноцуке, поселки Накасибецу и Сибецу в уезде Сибецу и поселок Раусу в уезде Менаси.

2.1.3. В настоящем Законе под «бывшими резидентами Северных территорий» понимаются лица, проживавшие на Северных территориях по состоянию 15 августа 1945 г., а также дети данных лиц, рожденные на Северных территориях в указанную дату, а также их дети и внуки.

2.1.4. В настоящем Законе под «программой взаимного обмена» понимаются следующие проекты, утвержденные приказом Правительства:

- проект по продвижению взаимопонимания между японским народом и жителями Российской Федерации, проживающими на Северных территориях;
- проект по созданию возможности взаимных посещений без виз и паспортов в качестве шага к разрешению проблемы Северных территорий;
- проект по созданию возможности посещения могил для бывших резидентов Северных территорий (здесь и далее – японских граждан, которые являлись резидентами Северных территорий, и их семей);
- в дополнение к принятым ранее решениям, максимальное упрощение посещения Северных территорий для бывших резидентов.

2.2. Обязанности государства

Государство обязуется активно принимать меры, необходимые для разрешения проблемы Северных территорий, при тесном сотрудничестве с частными организациями, местными исполнительными органами и региональными общественными организациями префектуры Хоккайдо и районов, соседствующих с северными, а также приложить максимальные усилия для скорейшего возвращения исконно японских Северных территорий.

Статья 3. Базовая политика по содействию разрешению проблемы Северных территорий

3.1.1. Базовая политика по содействию разрешению проблемы Северных территорий (здесь и далее – «базовая политика») определяется компетентными государственными министрами при содействии глав соответствующих органов исполнительной власти для достижения целей, закрепленных в Статье 1 настоящего Закона.

3.1.2. Базовая политика охватывает следующие меры:

- меры по развитию общественного мнения по различным вопросам, касающимся проблемы Северных территорий на национальном уровне;
- меры по осуществлению программы взаимного обмена;
- меры по поддержке бывших резидентов Северных территорий;
- меры по развитию районов, соседствующих с Северными территориями, и стабилизации повседневной жизни жителей.

3.1.3. При необходимости, компетентные министры обязаны пересмотреть базовую политику и внести в нее требуемые изменения.

3.1.4. Изменения, внесенные в базовую политику, регулируются в соответствии с частями 1 и 2 настоящей Статьи настоящего Закона.

Статья 4. Развитие общественного мнения по различным вопросам, относящимся к проблеме Северных территорий и других северных районов

4.1.1. В соответствии с базовой политикой государство обязуется активно принимать меры, требуемые для создания среды, необходимой для популяризации движения за возвращение Северных территорий, в целях развития общественного мнения по различным вопросам, относящимся к проблеме Северных территорий и соседствующих с ними районов, на национальном уровне.

4.1.2. С целью углубления интереса и развития понимания гражданами проблемы Северных территорий и соседствующих с ними районов, государство обязуется развивать публичные отношения, распространять информацию, развивать образовательные и исследовательские проекты по множеству вопросов, относящихся к проблеме Северных территорий в рамках общественного и школьного образования.

4.2 Развитие программы взаимного обмена

4.2.1. Государство обязуется принимать меры по активному продвижению программы взаимного обмена до момента разрешения проблемы Северных территорий.

4.2.2. Государство обязуется рассмотреть возможности оказания необходимой финансовой поддержки для гармоничного развития программы взаимного обмена, с учетом значения в этом вопросе районов, соседствующих с Северными территориями.

4.2.3. До разрешения проблемы Северных территорий государство обязуется уделять особое внимание вопросам беспрепятственного осуществления посещений, с учетом особых обстоятельств, ввиду которых бывшие резиденты Северных территорий не имеют возможности обеспечить себе самостоятельные путешествия вследствие проблемы Северных территорий.

Статья 5. Поддержка бывших резидентов Северных территорий

5.1. Руководствуясь базовой политикой, государство обязуется принять финансовые и иные меры, необходимые для формирования и укрепления политики по поддержке бывших резидентов Северных территорий, предусмотренной настоящей Статьей и Статьей 10 настоящего Закона, с учетом особого статуса, присвоенного бывшим резидентам Северных территорий в связи с политикой, принятой для разрешения проблемы Северных территорий, а также для установления особого статуса бывших резидентов в силу неразрешенности проблемы Северных территорий.

5.2. Воспитание последователей движения за возвращение Северных территорий среди родственников бывших резидентов Северных территорий

Принимая во внимание текущую ситуацию, вызванную преклонным возрастом бывших резидентов Северных территорий, оказывающих существенное влияние на движение за возвращение Северных территорий, государство обязуется принять необходимые меры по соответствующему воспитанию последователей этого движения, чтобы обеспечить, что бывшие резиденты Северных территорий (также включая их родственников по нисходящей линии вплоть до правнуков, как определено частью 3 Статьи 2 настоящего Закона) продолжат играть в нем важную роль.

Статья 6. План развития районов, соседствующих с Северными территориями, и стабилизации повседневной жизни резидентов

6.1.1. Руководствуясь базовой политикой, для формирования стабильного общества в районах, соседствующих с Северными территориями и являющихся центром движения за возвращение Северных территорий, губернатор префектуры Хоккайдо обязан реализовать план по стабилизации повседневной жизни населения и развитию районов, соседствующих с Северными территориями, с учетом мнения мэров городов таких районов.

6.1.2. План, изложенный в предшествующей части настоящей Статьи, охватывает следующие меры:

- базовые меры по развитию районов, соседствующих с Северными территориями, и стабилизации повседневной жизни резидентов;
- меры по налаживанию транспортной и информационной систем;
- меры по разработке водных ресурсов и сохранению сухопутных территорий;
- меры по развитию деятельности в сфере образования и культуры;
- меры по налаживанию работы институтов социального обеспечения и сохранению окружающей среды;
- меры по обеспечению оказания медицинских услуг;
- меры по развитию сельского хозяйства, лесоводства и рыболовной промышленности, а также других видов производства;
- меры по развитию туризма;
- в дополнение к вышеперечисленному, меры, необходимые для обеспечения стабильности повседневной жизни резидентов районов, соседствующих с Северными территориями.

6.1.3. В том случае, если проекты, соответствующие плану, предусмотренному частью 1 настоящей Статьи, будут утверждены, план подлежит утверждению ответственным министром. В этом случае компетентные министры обязаны проконсультироваться с руководством соответствующих департаментов.

6.1.4. Положения предыдущих трех пунктов применяются также при внесении изменений в план развития (здесь и далее – план, описанный в части 1 настоящей Статьи, в соответствии с положениями предыдущей части).

Статья 7. Особый вклад

7.1. На основании плана развития, далее в настоящей Статье из финансирования, субсидий и грантов, выделяемых государством и префектурой Хоккайдо на поддержание городов и поселков в районах, соседствующих с Северными территориями (финансирование, субсидии и гранты, выделенные префектурой Хоккайдо, – средства, подлежащие выделению префектурой Хоккайдо в форме грантов, субсидий или финансирования в пределах суммы финансирования, грантов и субсидий, установленной государством),

будет определена и рассчитана доля (в том случае, если государство несет полную или частичную финансовую ответственность за финансирование, гранты и субсидии, необходимые префектуре Хоккайдо для поддержания городов и поселков, находящихся в районах, соседствующих с Северными территориями) государственных вложений, которые будут выделяться на субсидии и материальную поддержку в части расходов, связанных с осуществлением проекта, определенного Кабинетом министров (далее – «особый проект») в перечисленных ниже областях (объекты, нуждающиеся в восстановлении после катастроф, исключая объекты, находящиеся в зоне полной ответственности государства префектуры Хоккайдо или не находящиеся в районах, соседствующих с Северными территориями):

1. Меры по поддержанию следующих объектов:

а) дороги;

б) реки;

в) канализационная система;

г) жилые дома;

д) городские парки;

е) образовательные учреждения;

ж) институты социального обеспечения;

з) сельскохозяйственные территории, в том числе сельскохозяйственные, лесоводческие учреждения, утвержденные кабинетом министров;

и) рыболовецкие порты и учреждения рыболовной промышленности, утвержденные кабинетом министров;

к) учреждения по сбору и утилизации отходов;

л) учреждения пожарной охраны;

м) водопроводная система.

2. В дополнение к вышеперечисленному, любые меры, которые могут быть определены кабинетом министров как способствующие улучшению условий жизни и промышленности.

7.2. Процент подъема

7.2.1. Доля финансового участия государства в расходах, связанных с особым проектом, будет рассчитываться для каждого города и поселка в районах, соседствующих с Северными

территориями, путем умножения чисел (число округляется до второго знака после запятой, далее – «процент повышения»), полученных по приведенной ниже формуле для стандартного расчета доли государственного финансирования в проектах, аналогичных особому проекту, в округах помимо округа Хоккайдо.

1 + 0,25 ((от общей суммы средств соответствующих городов и поселков, выделенных на особый проект за соответствующий финансовый год, при этом такая сумма может превышать стандартное финансирование соответствующих городов и поселков до двух раз) : (стандартное финансирование соответствующих городов и поселков)) × корректирующая ставка.

7.2.2. Под упомянутой в предыдущем пункте формулой «стандартного финансирования соответствующих городов и поселков» подразумевается сумма (x) стандартного местного налога, рассчитанного в соответствии с положениями Статьи 10 Закона о перераспределении местного налога (Закон № 211 от 1952 г.) соответствующих городов и поселков за соответствующий финансовый год, и (y) 0,02 от суммы (xx) 0,75 от разницы между стандартными бюджетными поступлениями, рассчитанными на основании Статьи 14 указанного Закона, и региональным налогом на поставки летучих продуктов перегонки нефти, специальным налогом на передачу недвижимого имущества, налогом на вес автомобиля, налогом на авиационное топливо и усредненным поступлением по специальному финансированию мер дорожной безопасности, и (yy) регионального налога на поставки летучих продуктов перегонки нефти, специального налога на передачу недвижимого имущества, налога на вес автомобиля, налога на авиационное топливо и усредненного поступления по специальному финансированию мер дорожной безопасности.

7.2.3. Под «корректирующей ставкой», упомянутой в части 1 настоящей Статьи, понимается число, рассчитанное по следующей формуле (в том случае, если оно меньше нуля, оно не учитывается):

1+0,25 × ((0,72 – индекс финансовой устойчивости соответствующих городов и поселков) : (0,72 – индекс финансовой устойчивости города или поселка в районах, соседствующих с Северными территориями, с самым низким показателем среди всех городов и поселков в этих районах)).

7.2.4. Под «индексом финансовой устойчивости», употребляемым в формуле, приведенной в предшествующей части настоящей Статьи, понимается число, равное одной третьей от

суммы, рассчитанной путем деления суммы стандартных бюджетных поступлений, рассчитанных на основании Статьи 14 Закона о перераспределении местного налога, на сумму стандартных финансовых потребностей, рассчитанных на основании Статьи 11 указанного Закона, за последние три г.

7.2.5. При применении положений части 1 настоящей Статьи, в случае, если доля участия государства в финансировании городов и поселков в районах, соседствующих с Северными территориями, становится менее 20%, независимо от положений той же части, государство обязуется покрыть 20% финансирования текущего особого проекта в городах и поселках в районах, соседствующих с Северными территориями.

7.2.6. Министр внутренних дел и коммуникаций обязан подсчитать процент повышения, упомянутый в части 1 настоящей Статьи, и уведомить о результатах Министра земли, транспорта, инфраструктуры и туризма, а также всех руководителей государственных ведомств и министерств (это положение касается всех глав министерств, упомянутых в части 2 Статьи 20 Закона о государственных финансах (Закон № 34 от 1947 г.)), которые несут ответственность за реализацию особого проекта, губернатора Хоккайдо и глав поселков и городов в районах, соседствующих с Северными территориями.

7.3. Невзирая на положения пунктов 5 и 6 Статьи 7.2, в том случае, если доля финансового участия государства в особом проекте в городах и поселках в районах, соседствующих с Северными территориями, определенная в Статье 7.2, не превышает долю финансового участия государства в особом проекте района Хоккайдо, государство обязуется оказывать поддержку и выполнять свои финансовые обязательства в размерах, установленных по отношению к доле государственного участия в особом проекте района Хоккайдо.

7.4. В соответствии с частями 1, 2 и 3 Статьи 7, решение о финансировании и поддержке в сумме, превышающей долю участия государства, принимается Кабинетом министров.

7.5. При выделении Кабинетом министров грантов на покрытие расходов, связанных со особым проектом, в случае, если по решению Кабинета министров соответствующие расходы попадают под описание, приведенное в частях 1, 2 и 3 Статьи 7 настоящего Закона, государство обязуется определить сумму финансирования, исходя из сравнения с долей его финансового участия.

Статья 8. Обязательства муниципалитета

В отношении обязательств муниципалитета, установленных для финансирования текущего проекта, основанного на плане развития городов и поселков, находящихся в Хоккайдо или районах, соседствующих с Северными территориями, государство обязуется уделить особое внимание выделению бюджетных средств в целях выдачи займов или возможного финансирования в связи с особым финансовым положением Хоккайдо и соответствующих городов и поселков.

Статья 9. Финансовые вопросы

9.1. В дополнение к перечисленному в Статьях 7 и 8, государство обязуется уделить внимание техническим, банковским и финансовым мерам, необходимым для развития районов, соседствующих с Северными территориями, и стабилизации жизни населения.

9.2. Обеспечение безопасного ведения рыбного промысла в территориальных водах

Учитывая особое положение, в котором оказались представители рыбной промышленности нашей страны, ведущие деятельность в северных территориальных водах, в связи с неразрешенностью проблемы Северных территорий, государство обязуется сделать все возможное для принятия мер, необходимых для обеспечения гармоничного ведения деятельности нашей рыболовной промышленности в соответствующих морских районах.

Статья 10. Развитие и финансирование районов, соседствующих с Северными территориями

10.1. В связи с многочисленными проблемами, вызванными неразрешенностью вопроса о принадлежности Северных территорий, префектура Хоккайдо вправе учредить Фонд развития районов, соседствующих с Северными территориями согласно Статье 241 Закона о местном самоуправлении (Закон № 67 от 1947 г.) для требуемого частичного финансирования перечисленных ниже целей в следующих проектах:

- проекты, основанные на планах развития общественных организаций в районах Хоккайдо и в городах и поселках в районах, соседствующих с Северными территориями;
- проекты, касающиеся просвещения населения о проблеме Северных территорий и различных проблемах в северных районах;

- проекты по поддержке бывших резидентов Северных территорий (число которых ограничено проектами, не предусматривающими финансовое участие государства).

А именно:

1) Перечисленные ниже проекты по стабилизации жизни жителей и развитию районов, соседствующих с Северными территориями:
   а) проекты по развитию основных местных производств в соответствии с отличительными характеристиками районов, соседствующих с Северными территориями;
   б) проекты, касающиеся усовершенствования образовательных учреждений, институтов культуры, институтов социального обеспечения.
2) Проекты, касающиеся просвещения населения о проблеме Северных территорий и других различных проблемах в северных районах.
3) Перечисленные ниже проекты по поддержке бывших резидентов Северных территорий:
   а) проекты, нацеленные на обучение бывших резидентов Северных территорий знаниям и навыкам, необходимым для трудоустройства их на должности, наиболее соответствующие их возможностям, для улучшения качества и стабилизации их жизни;
   б) проекты, нацеленные на закрепление за бывшими резидентами Северных территорий специального статуса как движущей силы различных мер по разрешению проблемы Северных территорий.

10.2. В том случае, если префектура Хоккайдо создаст фонд по развитию районов, соседствующих с Северными территориями, в соответствии с приведенными выше положениями государство обязуется оказать Хоккайдо финансовую поддержку для частичного покрытия финансовых расходов.

10.3. Согласно части 1 настоящей Статьи, сумма фонда по развитию районов, соседствующих с Северными территориями, не должна быть меньше совокупной суммы государственных субсидий, выделенных согласно предшествующим положениям данного Закона, и одной четвертой от суммы прочих соответствующих субсидий.

Статья 11. Обязанности главы сельского поселения

11.1.1. В настоящее время административные вопросы, относящиеся к книгам посемейной записи, касающиеся лиц, на постоянной основе зарегистрированных в северных районах (здесь и далее – за исключением группы островов Хабомаи), разрешаются лицом, назначенным Министром юстиции из числа глав городов и поселков районов, соседствующих с Северными территориями, вне зависимости от указаний других законов и постановлений.

11.1.2. В настоящее время административные вопросы, относящиеся к информации о лицах, на постоянной основе зарегистрированных в северных районах, содержащейся в части 2 Статьи 9 Базового закона о регистрации резидентов (Закон № 81 от 1967 г.), и дополнительных выписках из книг посемейной записи, регулируемых частью 3 указанной Статьи, разрешаются лицом, назначенным Министром юстиции или Министром внутренних дел и коммуникаций из числа глав городов и поселков районов, соседствующих к Северными территориями, вне зависимости от указаний других законов и постановлений.

11.1.3. В дополнение к предписаниям частей 1 и 2 настоящей Статьи, в настоящее время административные вопросы, входящие в полномочия глав сельского поселения, регулируемые постановлениями Кабинета Министров, исполняются лицом, назначенным губернатором Хоккайдо из числа глав городов и поселков районов, соседствующих к Северными территориями, вне зависимости от указаний других законов и постановлений.

11.1.4. Необходимые решения, касающиеся административных вопросов, упомянутых в частях 1, 2 и 3 данной Статьи, регулируются постановлениями Кабинета министров.

Статья 12. Компетентные министры

Упомянутыми в настоящем Законе компетентными министрами считаются следующие министры:

- по вопросам, относящимся к программам взаимного обмена – Министр иностранных дел;
- по вопросам, относящимся к развитию районов, соседствующих к Северными территориями, и стабилизации жизни населения в данных районах, – Министр земли, транспорта, инфраструктуры и туризма;
- по другим вопросам – Премьер-министр Японии.

Базовая политика по содействию решению проблемы Северных территорий от 1 апреля 2010 г. (Министерство иностранных дел, Министерство земли, транспорта, инфраструктуры и туризма)

На основании пункта 3 Статьи 3 Закона о специальных мерах по содействию решению проблемы Северных территорий (Закон № 85), базовая политика по содействию решению проблемы Северных территорий пересматривается следующим образом (Заявление № 13 Администрации Премьер-министра от 1983 г.).

В апреле 1983 г. вступил в силу Закон о специальных мерах по содействию решению проблемы Северных территорий (Закон № 85 от 1982 г., здесь и далее: «Закон о специальных мерах»), в июне 1983 г. на основании пункта 1 Статьи 3 Закона о специальных мерах Премьер-министр сформулировал базовую политику по содействию решению проблемы Северных территорий (здесь и далее – «базовая политика»). На основании базовой политики государство сосредотачивает свое внимание на следующих вопросах:

- развитие публичного мнения по проблеме Северных территорий и другим проблемам северного региона;
- поддержка бывших резидентов Северных территорий и стабилизация повседневной жизни жителей районов, соседствующих с Северными территориями (в районы, соседствующие с Северными территориями, входит район города Немуро в префектуре Хоккайдо (за исключением архипелага Хики), поселок Бецукай в уезде Ноцуке, поселки Накасибецу и Сибецу в уезде Сибецу и поселок Раусу в уезде Менаси).

В текущих обстоятельствах, когда проблема Северных территорий остается нерешенной, несмотря на то, что Северные территории являются исконными территориями Японии, а также с учетом особого положения бывших резидентов Северных территорий и районов, соседствующих с ними, базовая политика пересматривается и уточняется следующим образом.

(Помимо этого, базовая политика подлежит пересмотру по необходимости в соответствии с изменениями обстоятельств, связанных с проблемой Северных территорий и с относящимися к ней вопросами.)

№ 1. Меры, относящиеся к развитию публичного мнения по проблеме Северных территорий и другим проблемам северного региона

1. Основные направления

Максимально настойчивая стимуляция дипломатических переговоров посредством формирования единогласного общественного мнения по проблеме Северных территорий

Несмотря на объединенные усилия государства и частного сектора по возвращению Северных территорий, текущая ситуация сохраняется, в то время как бывшие резиденты Северных территорий стареют. Чтобы повысить и продолжить влияние общественного мнения, необходимо увеличить степень вовлеченности каждого гражданина, а также углубить понимание ситуации для того, чтобы разделить сильное стремление к возвращению Северных территорий со всеми поколениями.

С этой целью государство обязуется развивать публичные отношения, распространять информацию, развивать образовательные и исследовательские проекты по множеству вопросов, относящихся к проблеме Северных территорий, в рамках общественного и школьного образования. Кроме этого, в сочетании с дальнейшим усилением движения за возвращение Северных территорий, которое играло большую роль в развитии публичного мнения, необходимо принятие мер для стимуляции участия в движении за возвращение Северных территорий ответственного за грядущую эпоху молодого поколения из различных регионов и социальных слоев.

2. Метод развития просвещения

1) Мы будем стремиться при каждой возможности продвигать просветительскую деятельность на мероприятиях, направленных на развитие связей с общественностью, а также на конференциях в медийных и образовательных учреждениях, лекциях, выставках и прочих подобных мероприятиях.

2) Для дальнейшего развития движения за возвращение Северных территорий на национальном уровне, при содействии затронутых организаций и планировании усиления движения в регионе, мы будем стремится к размещению общедоступной и точной информации касательно движения за возвращение Северных территорий и упрощению процесса вступления в движение, а также к расширению мер, направленных на участие в движении широких слоев населения.

3) Для углубления и распространения правильного понимания и восприятия проблемы Северных территорий, мы будем стремиться к назначению надлежащих лиц ответственными за общественное и школьное образование, использованию эффективных учебных материалов и прочего, к усовершенствованию образования и обучения при содействии затронутых организаций.

4) Мы будем стремиться к расширению и усилению передачи информации касательно проблемы Северных территорий путем развития и распространения эффективного использования интернета и иных средств.

5) С целью развития движения за возвращение Северных территорий, а также расширения и усиления этого движения, мы будем стремиться обеспечивать деятельность участников просветительского движения по проблеме Северных территорий как ответственных за продвижение и развитие этого движения путем предоставления новых возможностей для участия в его деятельности.

6) Для реализации мер, указанных выше, мы попытаемся собрать мнения жителей и затронутых групп для их учета.

№ 2. Иные вопросы культурного обмена

1. Основные направления

Ввиду неразрешенности проблемы Северных территорий, сохраняющей огромную значимость, в целях продвижения взаимопонимания между нашим народом и жителями Северных островов (здесь и далее – «жители четырех островов»), в рамках проекта, основанного на положениях пункта 1 параграфа 2 Статьи 4 Закона о специальных мерах (здесь и далее – «культурный обмен с жителями четырех островов»), мы обязуемся всеми способами активно развивать надежное взаимопонимание между гражданами нашего государства и гражданами Российской Федерации, проживающими на Северных территориях.

Помимо этого, проект, основанный на положения пункта 2 части 4 Статьи 2 (здесь и далее – «проект по посещению могил на Северных территориях»), а также проект, основанный на положениях пункта 3 той же части (здесь и далее – «проект свободных посещений»), играют значимую роль с гуманитарной точки зрения, и, в силу неразрешенности проблемы Северных территорий, будут приняты попытки продвижения этих проектов.

Кроме того, принимая во внимание устаревание судов, прежде использовавшихся в целях культурного обмена, соответствующие министерства будут стремиться способствовать замене судов и принимать другие необходимые меры для обеспечения стабильности и безопасности этих проектов.

2. Поощрение проектов в рамках культурного обмена

(1) Культурный обмен с жителями четырех островов

A. Помимо развития взаимопонимания между нашим государством и жителями четырех островов будут приняты попытки начать стимуляцию положительных результатов культурного обмена, совместно с планированием участия следующих различных субъектов для внесения ими вклада в данный процесс:

- движения за возвращение Северных территорий, состоящего из бывших резидентов Северных территорий и иных лиц;
- потомков бывших резидентов Северных территорий в широком понимании;
- экспертов академического, культурного и социального кругов.

Б. Мы стремимся к стимуляции граждан нашего государства, которые принимали участие в культурном обмене с жителями четырех островов, к участию в образовательных мероприятиях, таких как встречи, лекции и выставки, при любой возможности, а также к поощрению широкого спектра деятельности, в которую будет вовлечено население, и положительного развития осведомленности общества.

(2) Проект по посещению могил на Северных территориях

В дополнение к рекомендациям по участию бывших резидентов Северных территорий в нереализованных посещениях по данному проекту, принимая во внимание места визитов и количество участников, а также количество дней пребывания, и уделяя внимание гуманитарной составляющей вопроса, необходимо активно продвигать эффективное положительное применение этих данных.

(3) Проект свободных посещений

В дополнение к рекомендациям по участию бывших резидентов Северных территорий в нереализованных посещениях по данному проекту, принимая во внимание места визитов и количество участников, а также количество дней пребывания, уделяя внимание гуманитарной составляющей вопроса и ставя перед собой цель по подготовке среды, оптимальной для разрешения территориальной проблемы, необходимо активно поощрять эффективное положительное применение этих данных.

(4) Прочее

В процессе планирования и осуществления каждого из проектов, мы будем стремиться совершенствовать каждый проект путем тесного взаимодействия затронутых министерств и прочих органов и лиц, а также отдельных групп, ответственных за реализацию такого проекта.

№ 3. Проекты по оказанию поддержки бывшим резидентам Северных территорий

1. Основные направления

Бывшие резиденты Северных территорий были оторваны от своих земель, утратили весь свой быт и ввиду сложных обстоятельств были вынуждены искать новые пути для своей жизни.

Их надежда на скорейшее возвращение Северных территорий – это отправная точка участия всей нашей нации в движении за возвращение Северных территорий, и она играет огромную роль в этом движении, как и сами бывшие резиденты.

Учитывая особые обстоятельства и особое социальное положение, в котором оказались бывшие резиденты Северных территорий, чтобы обеспечить стабильность и благополучие их жизни, мы будем стремиться принимать различные меры по углублении осознания важности их роли в деятельности, нацеленной на содействие решению проблемы Северных территорий.

Помимо этого, осознавая преклонный возраст бывших резидентов на настоящий момент, мы будем стремиться к продвижению мер по обеспечению подготовки потомков бывших резидентов Северных территорий с тем, чтобы обеспечить их способность продолжить выполнение этой важной роли в движении за возвращение Северных территорий.

2. Методы реализации политики помощи

1) В отношении политики займов, основанной на Законе об особых мерах, касающихся лиц, обладавших правом на рыбную ловлю на Северных территориях (Закон № 162 от 1961 г.), мы будем стремиться к принятию мер по эффективному применению на практике знаний, полученных от экспертов, а также общедоступных знаний для более точного понимания требований по различным суммам и решений по детальному планированию финансов, основанному на этом понимании.

2) Мы будем стремиться к осуществлению проектов по культурному обмену и обучению, которое будет способствовать повышению уровня благосостояния бывших резидентов Северных территорий и воспитанию их правопреемников путем воспитания групп бывших резидентов Северных территорий.

№ 4. Вопросы развития районов, соседствующих с Северными территориями, и стабилизации жизни резидентов

1. Основные направления

Районы, соседствующие с Северными территориями, как регионы, в которых проживает множество бывших резидентов Северных территорий, играют важную роль опорного пункта движения по возвращению Северных территорий и в то же время являются местом его зарождения.

Эта территория развивалась в административном и экономическом плане с момента формирования социально-экономической зоны, объединенной с Северными территориями, но в

послевоенное время желаемое развитие общества в этих районах было приостановлено из-за неразрешенности проблемы Северных территорий.

Принимая во внимание особые обстоятельства в которых находятся районы, соседствующие с Северными территориями, для внесения вклада в формирование стабильного общества в этих районах, мы будем стремиться к определению плана (здесь и далее – «план развития») развития районов, соседствующими с Северными территориями, и стабилизации жизни резидентов на основании Статьи 6 Закона о специальных мерах, а также к координации соответствующих мер, основанных на том же плане, с учетом текущего состояния и проблем районов, соседствующих с Северными территориями.

2. План развития

1) Характер плана развития

План развития обозначает фундаментальные принципы политики, необходимой для внесения вклада в формирование стабильного общества в районах, соседствующих с Северными территориями.

2) Сроки плана развития

План развития осуществляется в течение примерного пятилетнего срока и подлежит продлению до момента возвращения Северных территорий.

Срок действия плана развития истекает в год возвращения Северных территорий.

3) Целевые районы плана развития

План развития применяется к районам, подпадающим под часть 2 Статьи 2 Закона о специальных мерах.

4) Основное направление мер

А. Для формирования базы для стабильного формирования экономики и общества в районах, соседствующих с Северными территориями, мы будем стремиться к сохранению национальной земли и развитию водных ресурсов, совместно с подготовкой транспортных информационных объектов.

Б. Для внесения вклада в стабилизацию жизни населения районов, соседствующих с Северными территориями, наряду со стремлением развивать культуру и образование, мы будем стремиться налаживать институты социального обеспечения и институты сохранения объектов окружающей среды, а также приложим все усилия для обеспечения оказания медицинских услуг.

В. Для развития динамичной региональной экономики районов, соседствующих с Северными территориями, мы будем стремиться к развитию сельского хозяйства, лесоводства и рыболовной промышленности, а также других видов производства.

Г. Помимо перечисленного в подпунктах 1 – 2, для внесения вклада в решение различных проблем, связанных с особой ситуацией в которой находятся районы, соседствующие с Северными территориями, будут определены надлежащие меры в связи с политикой, необходимой для развития данных районов и стабилизации жизни резидентов.

5) Согласование с иными различными планами

А. При принятии решений в связи планом развития будет уделяться особое внимание его согласованию с общим планом развития Хоккайдо.

Б. При принятии решений в связи с планом развития будет уделено тщательное внимание его связи с основными концепциями развития городов и поселков соответствующих районов.

6) Прочие вопросы, требующие внимания

А. При осуществлении и определении плана развития будет уделено большое внимание сохранению окружающей среды, в том числе природной.

Б. В отношении проектов, реализуемых в городах и поселках в районах, соседствующих с Северными территориями, и основанных на плане развития, будет уделено особое внимание тому, чтобы не создать препятствий финансовому управлению соответствующих городов и поселков.

В. При принятии решений в связи с планом развития мы будем стремиться к гибкой реализации указанного плана с учетом изменений в финансовом положении органов местного самоуправления или их социально-экономическом состоянии.

Дополнительные положения

№ 6. План развития районов, соседствующих с Северными территориями, и стабилизации жизни жителей (утвержден Министром земли, инфраструктуры, транспорта и туризма 18 апреля 2008 г.) основан на настоящей базовой политике.

Приложение 3. Совместная Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительства Китайской Народной Республики по вопросу о Гонконге

Перевод выполнен Е.В. Неверовой

Совместная декларация

Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительство Китайской Народной Республики с удовлетворением рассмотрели дружественные отношения, существующие между двумя Правительствами и народами на протяжении последних лет, и согласились с тем, что надлежащим образом согласованное урегулирование сохраняющегося с прошлого вопроса о Гонконге будет способствовать поддержанию процветания и стабильности Гонконга и дальнейшему укреплению и развитию отношений между двумя государствами на новой основе. С этой целью, по окончанию переговоров, делегации двух Правительств договорились принять следующую декларацию:

1. Правительство Китайской Народной Республики заявляет, что возврат территории Гонконга (включая остров Гонконг, Коулун и Новые Территории, далее именуемые «Гонконгом») является общим желанием всего китайского народа, и что оно решило возобновить осуществление суверенитета над Гонконгом начиная с 1 июля 1997 г.

2. Правительство Соединенного Королевства заявляет, что возвратит Гонконг Китайской Народной Республике начиная с 1 июля 1997 г.

Правительство Китайской Народной Республики заявляет, что основными направлениями политики Китайской Народной Республики в отношении Гонконга являются следующие направления:

1) Соблюдая национальное единство и территориальную целостность и учитывая прошлое Гонконга и его настоящее, Китайская Народная Республика приняла решение учредить, в соответствии с положениями Статьи 31 Конституции Китайской Народной Республики, Специальный административный район Гонконг с момента возобновления осуществления суверенитета над Гонконгом.
2) Специальный административный район Гонконг будет находиться под непосредственной властью Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. Специальный административный район Гонконг будет пользоваться высоким уровнем автономии, кроме как в иностранных делах и вопросах безопасности, которые относятся к обязанностям Центрального народного правительства.
3) Специальный административный район Гонконг будет наделен исполнительной, законодательной и независимой судебной властью, включая полномочие

принимать окончательные судебные решения. Законодательство, в настоящий момент действующее в Гонконге, сохранится в основе своей неизменным.

4) Правительство Специального административного района Гонконг будет состоять из местных жителей. Глава исполнительной власти будет назначаться Центральным народным правительством на основании результатов выборов или консультаций, подлежащих проведению на местном уровне. Кандидатуры основных должностных лиц будут выдвигаться главой исполнительной власти Специального административного района Гонконг для назначения Центральным народным правительством. Граждане Китая и иностранцы, работающие на государственной службе и в полиции в органах исполнительной власти Гонконга могут остаться на службе. Британские и другие иностранные граждане и подданные могут также приниматься на работу в качестве советников, или занимать определенные государственные должности в органах исполнительной власти Специального административного района Гонконг.

5) Текущая социально-экономическая система Гонконга сохранится без изменений, как и образ жизни. Права и свободы, включая права и свободы личности, слова, печати, собраний, ассоциаций, передвижения, перемещения, переписки, забастовки, выбора профессии, проведения теоретических исследований и вероисповедания будут обеспечены законом в Специальном административном районе Гонконг. Частная собственность, собственность предприятий, законное право наследования и иностранные инвестиции будут охраняться законом.

6) Специальный административный район Гонконг сохранит статус свободного порта и отдельную таможенную территорию.

7) Специальный административный район Гонконг сохранит статус международного финансового центра, и его рынки валюты, золота, ценных бумаг и фьючерсов будут продолжать действовать. Будет осуществляться свободное движение капитала. Гонконгский доллар останется в обращении и останется свободно конвертируемой валютой.

8) Специальный административный район Гонконг будет иметь независимые доходы. Центральное народное правительство не будет облагать налогами Специальный административный район Гонконг.

9) Специальный административный район Гонконг вправе устанавливать взаимовыгодные экономические отношения с Соединенным Королевством и другими странами, чьи экономические интересы в Гонконге будут должным образом учитываться.

10) Используя наименование «Гонконг, Китай», Специальный административный район Гонконг будет иметь право самостоятельно поддерживать и развивать экономические и культурные отношения и заключать соответствующие соглашения с государствами, регионами и соответствующими международными организациями. Правительство Специального административного района Гонконг вправе выдавать собственные проездные документы на въезд и выезд из Гонконга.

11) За охрану общественного порядка в Специальном административном районе Гонконг несет ответственность Правительство Специального административного района Гонконг.

12) Вышеуказанные основные направления политики Китайской Народной Республики в отношении Гонконга и их более подробное изложение в Приложении I к настоящей Совместной декларации будут закреплены в Основном законе Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики, принятом Всекитайским собранием народных представителей, и будут оставаться неизменными в течение 50 лет.

4. Правительство Соединенного Королевства и Правительство Китайской Народной Республики заявляют, что в течение переходного периода между датой вступления в силу настоящей Совместной декларации и 30 июня 1997 г. Правительство Соединенного Королевства будет нести ответственность за управление Гонконгом с целью поддержания и сохранения его экономического процветания и социальной стабильности, и что Правительство Китайской Народной Республики окажет ему содействие в этой связи.

5. Правительство Соединенного Королевства и Правительство Китайской Народной Республики заявляют, что в целях обеспечения плавной передачи управления в 1997 г. и для эффективной имплементации настоящей Совместной декларации в момент вступления в силу настоящей Совместной декларации будет создана Китайско-британская контактная группа, которая будет учреждена и будет функционировать в соответствии с положениями Приложения II к настоящей Совместной декларации.

6. Правительство Соединенного Королевства и Правительство Китайской Народной Республики заявляют, что аренда земли в Гонконге и другие связанные с этим вопросы будут разрешаться в соответствии с положениями Приложения III к настоящей Совместной декларации.

7. Правительство Соединенного Королевства и Правительство Китайской Народной Республики договариваются имплементировать предшествующие заявления и Приложения к настоящей Совместной декларации.

8. Настоящая Совместная декларация подлежит ратификации и вступит в силу с даты обмена ратификационными грамотами[1049], который состоится в Пекине до 30 июня 1985 г. Настоящая Совместная декларация и Приложения к ней имеют одинаковую обязательную силу.

Совершено в двух экземплярах в Пекине 19 декабря 1984 г. на английском и китайском языках, при этом оба текста являются аутентичными и имеют одинаковую силу.

ПРИЛОЖЕНИЕ I
Изложение Правительством Китайской Народной Республики своих основных направлений политики в отношении Гонконга

Правительство Китайской Народной Республики излагает основные направления политики Китайской Народной Республики в отношении Гонконга в соответствии с положениями пункта 3 Совместной декларации Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительства Китайской Народной Республики по вопросу о Гонконге следующим образом:

I

Конституция Китайской Народной Республики предусматривает в Статье 31, что «государство вправе при необходимости учреждать специальные административные районы. Системы, подлежащие установлению в специальных административных районах, должны предписываться законами, принятыми Всекитайским собранием народных представителей в свете конкретных условий». В соответствии с указанной Статьей Китайская Народная Республика, после возобновления осуществления суверенитета над Гонконгом с 1 июля 1997 г., учреждает Специальный административный район Гонконг Китайской Народной Республики. Всекитайское собрание народных представителей Китайской Народной Республики обязуется принять и ввести в действие Основной закон Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики (далее именуемый «Основным законом») в соответствии с Конституцией Китайской Народной Республики, предусматривающий, что после учреждения Специального административного района Гонконг социалистическая система и социалистическая политика не будут проводиться в Специальном административном районе Гонконг и что существующая капиталистическая система и образ жизни Гонконга сохранятся неизменными в течение 50 лет.

Специальный административный район Гонконг будет находиться под непосредственной властью Центрального народного Правительства Китайской Народной Республики и будет пользоваться высоким уровнем автономии. Кроме как в иностранных делах

[1049] Совместная декларация и Приложения вступили в силу 27 мая 1985 г.

и вопросах безопасности, которые относятся к обязанностям Центрального народного правительства, Специальный административный район Гонконг будет наделен исполнительной, законодательной и независимой судебной властью, включая полномочие принимать окончательные судебные решения. Центральное народное правительство уполномочивает Специальный административный район Гонконг самостоятельно вести те иностранные дела, которые указаны в Статье XI настоящего Приложения.

Правительство и законодательный орган Специального административного района Гонконг будут состоять из местных жителей. Глава исполнительной власти будет избираться на основании результатов выборов или консультаций, подлежащих проведению на местном уровне, и будет назначаться Центральным народным правительством. Кандидатуры основных должностных лиц (равнозначных Секретарям) будут выдвигаться главой исполнительной власти Специального административного района Гонконг для назначения Центральным народным правительством. Законодательный орган Специального административного района Гонконг будет формироваться путем выборов. Исполнительные органы обязаны соблюдать закон и несут ответственность перед законодательным органом.

В дополнение к китайскому языку, в государственных органах и судах в Специальном административном районе Гонконг также может использоваться английский язык.

Помимо демонстрации государственных флага и герба Китайской Народной Республики, Специальный административный район Гонконг вправе использовать собственные региональные флаг и герб.

II

После учреждения Специального административного района Гонконг законодательство, ранее действовавшее в Гонконге (т.е. общее право, нормы права справедливости, ордонансы, подзаконные нормативно-правовые акты и обычаи) сохраняются, кроме тех норм, которые противоречат Основному закону и требуют внесения поправок законодательным органом Специального административного района Гонконг.

Законодательной властью Специального административного района Гонконг наделяется законодательный орган Специального административного района Гонконг. Законодательный орган уполномочен самостоятельно принимать законы в соответствии с положениями Основного закона и в установленном порядке и сообщать о них Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей. Законы, принятые законодательным органом, которые соответствуют положениям Основного закона и приняты в установленном порядке, считаются действительными.

В состав законодательства Специального административного района Гонконг входят Основной закон, законы, ранее действовавшие в Гонконге, и законы, принятые

законодательным органом Специального административного района Гонконг, как указано выше.

III

После учреждения Специального административного района Гонконг судебная система, ранее действовавшая в Гонконге, сохранится, за исключением изменений, связанных с наделением судов Специального административного района Гонконг полномочием по принятию окончательных судебных решений.

Судебной властью в Специальном административном районе Гонконг будут наделены суды Специального административного района Гонконг. Суды осуществляют судебную власть независимо и свободно от какого-либо вмешательства. Члены судебной власти обладают иммунитетом от исков в отношении действий, совершенных ими при исполнении судебных функций. Суды разрешают дела в соответствии с законодательством Специального административного района Гонконг и вправе опираться на судебные прецеденты, принятые в других юрисдикциях общего права.

Судьи судов Специального административного района Гонконг назначаются главой исполнительной власти Специального административного района Гонконг, действующим в соответствии с рекомендацией независимой комиссии, состоящей из местных судей, лиц юридической профессии и прочих видных лиц. Судьи избираются исходя из их квалификации в отправлении правосудия и могут привлекаться из других юрисдикций общего права. Судья может быть отстранен исключительно по причине невозможности осуществления своих служебных функций или неправомерных действий главой исполнительной власти Специального административного района Гонконг, действующим в соответствии с рекомендацией трибунала, назначенного старшим судьей суда последней инстанции, состоящего не менее, чем из трех местных судей. Кроме того, назначение или отстранение основных судей (т.е. судей вышестоящих судов) осуществляется главой исполнительной власти с одобрения законодательного органа Специального административного района Гонконг, и о нем сообщается Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей. Система назначения и отстранения должностных лиц судебной системы помимо судей сохраняется.

Полномочием по принятию окончательных решений в Специальном административном районе Гонконг наделяется суд последней инстанции Специального административного района Гонконг, который может при необходимости приглашать судей из других юрисдикций общего права для заседания в суде последней инстанции.

Орган уголовного преследования Специального административного района Гонконг контролирует уголовное преследование без какого-либо вмешательства.

На основании системы, ранее действовавшей в Гонконге, Специальный административный район Гонконг самостоятельно обеспечивает привлечение местных юристов и юристов извне Специального административного района Гонконг для работы и практики в Специальном административном районе Гонконг.

Центральное народное правительство содействует в заключении и уполномочивает Специальный административный район Гонконг заключать соответствующие договоренности о взаимной правовой помощи с иностранными государствами.

IV

После учреждения Специального административного района Гонконг все государственные служащие, ранее работавшие в Гонконге во всех органах исполнительной власти, включая полицию, а также все члены судебной системы вправе сохранить свои должности и продолжать осуществлять свою деятельность с заработной платой, премиями, льготами и условиями службы, не менее благоприятными, чем раньше. Правительство Специального административного района Гонконг обязано выплатить таким лицам, которые выходят в отставку или у которых истекает срок найма, а также тем, кто вышел в отставку 1 июля 1997 г., или их иждивенцам все пенсии, пособия, премии и льготы, причитающиеся им, на условиях, не менее благоприятных, чем раньше, и невзирая на их гражданство или место жительства.

Правительство Специального административного района Гонконг вправе нанимать британских и иных иностранных граждан, ранее находившихся на государственной службе в Гонконге, а также привлекать британских и иных иностранных граждан, которым выданы удостоверения личности Специального административного района Гонконг, в качестве государственных служащих любых уровней, кроме глав крупных государственных ведомств (соответствующих отделениям или ведомствам уровня Секретаря), включая полицию, а также в качестве заместителей глав некоторых таких ведомств. Правительство Специального административного района Гонконг также вправе нанимать британских и иных иностранных граждан в качестве советников государственных ведомств, и, в случае необходимости, вправе привлекать соответствующих требованиям кандидатов извне Специального административного района Гонконг на профессиональные и технические должности в государственные ведомства. Вышеуказанные лица будут наниматься только в их личном качестве и, как и другие государственные служащие, будут нести ответственность перед Правительством Специального административного района Гонконг.

Назначение и повышение государственных служащих будет осуществляться на основании их квалификации, опыта и навыков. Ранее существовавшая в Гонконге система привлечения, найма, аттестации, дисциплины труда, профессиональной подготовки и

управления для государственной службы (включая специальные органы по назначению, оплате труда и определению условий службы) будет, за исключением каких-либо положений о предоставлении особого режима иностранным гражданам, сохранена.

V

Специальный административный район Гонконг самостоятельно занимается вопросами финансов, включая распоряжение своими финансовыми ресурсами и составление своих бюджетов и финансовой отчетности. Специальный административный район Гонконг обязан передавать свои бюджеты и окончательные отчеты Центральному народному правительству для учета.

Центральное народное правительство не будет взимать налоги со Специального административного района Гонконг. Специальный административный район Гонконг будет использовать свои финансовые доходы исключительно для собственных целей, и они не будут подлежать передаче Центральному народному правительству. Системы, посредством которых налогообложение и государственные расходы должны утверждаться законодательным органом, а также в рамках которых осуществляется отчетность перед законодательным органом, и системы проверки государственной отчетности сохраняются.

VI

Специальный административный район Гонконг сохраняет капиталистические экономическую и торговую системы, ранее существовавшие в Гонконге. Правительство Специального административного района Гонконг самостоятельно определяет свою экономическую и торговую политику. Права, касающиеся собственности в отношении имущества, включая права приобретения, пользования, отчуждения, наследования и право на получение компенсации за законное лишение собственности (соответствующей реальной стоимости соответствующего имущества, свободно конвертируемой и подлежащей выплате без необоснованной задержки), продолжают охраняться законом.

Специальный административный район Гонконг сохраняет статус свободного порта и продолжает вести политику свободной торговли, включая свободное передвижение товаров и капитала. Специальный административный район Гонконг вправе самостоятельно поддерживать и развивать экономические и торговые отношения со всеми государствами и регионами.

Специальный административный район Гонконг является отдельной таможенной территорией. Он вправе участвовать в соответствующих международных организациях и международных торговых соглашениях (включая преференциальные торговые соглашения), такие как Генеральное соглашение по тарифам и торговле и договоренности относительно международной торговли текстилем. Экспортными квотами, тарифными льготами и другими

схожими договоренностями, полученными Специальным административным районом Гонконг, вправе пользоваться только Специальный административный район Гонконг. Специальный административный район Гонконг обладает полномочием выпускать собственные свидетельства о происхождении товаров, производимых на местном уровне, в соответствии с преобладающими правилами происхождения.

Специальный административный район Гонконг вправе при необходимости учреждать официальные и полуофициальные экономические и торговые миссии в иностранных государствах, сообщая об учреждении таких миссий Центральному народному правительству для учета.

VII

Специальный административный район Гонконг сохраняет статус международного финансового центра. Валютная и финансовая системы, ранее существовавшие в Гонконге, включая системы регулирования и надзора за кредитными организациями и финансовыми рынками, сохраняются.

Правительство Специального административного района Гонконг вправе самостоятельно определять свою валютно-финансовую политику. Оно обязано защищать свободную деятельность финансового бизнеса и свободное движение капитала внутри, в и из Специального административного района Гонконг. В Специальном административном районе Гонконг не применяется никакая политика валютного контроля. Рынки валюты, золота, ценных бумаг и фьючерсов сохраняются.

Гонконгский доллар, в качестве местного законного средства платежа, продолжает обращаться и остается свободно конвертируемым. Полномочия по выпуску гонконгской валюты закрепляются за Правительством Специального административного района Гонконг. Правительство Специального административного района Гонконг вправе уполномочивать специально указанные банки выпускать или продолжать выпускать гонконгскую валюту во исполнение предоставленных законом полномочий, после того, как оно убедится в том, что любой выпуск валюты будет всецело обоснованным и что условия такого выпуска будут соответствовать цели по поддержанию стабильности валюты. Гонконгская валюта, имеющая отметки, не соответствующие статусу Гонконга как Специального административного района Китайской Народной Республики, должна быть прогрессивно заменена и изъята из обращения.

Валютный фонд управляется и контролируется Специальным административным районом Гонконг, в первую очередь в том, что касается регулирования обменного курса гонконгского доллара.

VIII

Специальный административный район Гонконг сохраняет существующие гонконгские системы управления морскими перевозками и регулирования морских перевозок, включая систему регулирования условий труда моряков. Конкретные функции и обязанности Правительства Специального административного района Гонконг в области морских перевозок будут определены самостоятельно Правительством Специального административного района Гонконг. Частные судоходные предприятия или предприятия, связанные с судоходством, и частные контейнерные терминалы в Гонконге вправе продолжать действовать свободно.

Специальный административный район Гонконг наделяется Центральным народным правительством полномочием продолжать вести реестр морских судов и издавать связанные с ним свидетельства в соответствии с его собственным законодательством от имени «Гонконга, Китай».

За исключением иностранных военных кораблей, доступ для которых требует разрешения Центрального народного правительства, суда пользуются доступом к портам Специального административного района Гонконг в соответствии с законодательством Специального административного района Гонконг.

IX

Специальный административный район Гонконг сохраняет свой статус центра международной и региональной авиации. Авиалинии, учрежденные и имеющие основное место ведения деятельности в Гонконге, а также предприятия гражданской авиации вправе продолжить вести свою деятельность. Специальный административный район Гонконг сохраняет существующую систему регулирования гражданской авиации в Гонконге, а также ведет свой собственный реестр воздушных судов в соответствии с положениями, установленными Центральным народным правительством относительно государственных и регистрационных опознавательных знаков на воздушных судах. Специальный административный район Гонконг самостоятельно несет ответственность по вопросам текущей деятельности и технического обслуживания гражданской авиации, включая регулирование аэропортов, оказание услуг по обеспечению воздушного сообщения в районе полетной информации Специального административного района Гонконг, а также исполнение иных обязанностей, возложенных на него согласно региональным аэронавигационным процедурам Международной организации гражданской авиации.

Центральное народное правительство обязано по итогам консультаций с Правительством Специального административного района Гонконг заключить договоренности об оказании услуг по авиаперевозкам между Специальным административным районом Гонконг и другими частями Китайской Народной Республики для авиалиний, учрежденных и

имеющих основное место ведения деятельности в Гонконге, или других авиалиний Китайской Народной Республики. Все Соглашения о воздушном сообщении между другими частями Китайской Народной Республики или другими государствами и регионами, которые делают остановки в Специальном административном районе Гонконг, а также между Специальным административным районом Гонконг и другими государствами и регионами с остановками в других частях Китайской Народной Республики, должны заключаться Центральным народным правительством. Для этой цели Центральное народное правительство учитывает особые условия и экономические интересы Специального административного района Гонконг и консультируется с Правительством Специального административного района Гонконг. Представители Правительства Специального административного района Гонконг вправе участвовать в качестве членов делегаций Правительства Китайской Народной Республики в консультациях об услугах по авиаперевозкам с иностранными правительствами по вопросам заключения договоренностей об оказании таких услуг.

Действуя в соответствии с конкретными полномочиями, предоставленными Центральным народным правительством, Правительство Специального административного района Гонконг вправе:

- продлять или вносить изменения в ранее действовавшие Соглашения о воздушном сообщении и договоренности; в принципе, все такие Соглашения и договоренности могут продляться или изменяться с сохранением, в максимальной возможной степени, прав, предусмотренных такими ранее действовавшими Соглашениями и договоренностями;
- вести переговоры и заключать новые Соглашения о воздушном сообщении, предусматривающие маршруты для авиалиний, учрежденных и имеющих основное место ведения деятельности в Специальном административном районе Гонконг, а также права на пролет над территорией и технические остановки; и
- вести переговоры и заключать временные договоренности в случаях отсутствия действующих Соглашений о воздушном сообщении с иностранным государством или иным субъектом.

Все регулярные воздушные перевозки в, из и через Специальный административный район Гонконг, которые не осуществляются в, из или через континентальную территорию Китая, регулируются Соглашениями о воздушном сообщении или временными договоренностями, указанными в настоящем пункте.

Центральное народное правительство обязано предоставить Правительству Специального административного района Гонконг полномочия по:

- согласованию и заключению с другими органами всех договоренностей относительно имплементации вышеуказанных Соглашений о воздушном сообщении и временных договоренностей;
- выдавать лицензии авиалиниям, учрежденным и имеющим основное место ведения деятельности в Специальном административном районе Гонконг;
- назначать такие авиалинии в соответствии с вышеуказанными Соглашениями о воздушном сообщении и временными договоренностями; и
- выдавать разрешения иностранным авиалиниям на оказание услуг по авиаперевозкам помимо авиаперевозок в, из или через континентальную территорию Китая.

X

Специальный административный район Гонконг сохраняет систему образования, ранее существовавшую в Гонконге. Правительство Специального административного района Гонконг самостоятельно определяет политику в области культуры, образования, науки и технологии, включая политику относительно системы образования и ее регулирования, языка обучения, распределения средств, системы проверки знаний, системы академических наград и признания образовательных и технологических свидетельств об образовании. Учреждения любого характера, включая учреждения, управляемые религиозными или общинными организациями, вправе сохранить свою автономию. Они вправе продолжать набирать сотрудников и использовать методические материалы извне Специального административного района Гонконг. Студенты пользуются свободой выбора образования и свободой получения образования за пределами Специального административного района Гонконг.

XI

С учетом принципа, согласно которому иностранные дела относятся к обязанностям Центрального народного правительства, представители Правительства Специального административного района Гонконг вправе участвовать, в качестве членов делегаций от Правительства Китайской Народной Республики, в переговорах на дипломатическом уровне по вопросам, прямо затрагивающим Специальный административный района Гонконг, которые ведутся Центральным народным правительством. Специальный административный района Гонконг вправе самостоятельно, используя наименование «Гонконг, Китай», поддерживать и развивать отношения и заключать и имплементировать соглашения с государствами, регионами и соответствующими международными организациями в соответствующих областях, включая экономическую, торговую, финансово-денежную сферы, морские перевозки, коммуникации, сферы туризма, культуры и спорта. Представители Правительства Специального

административного района Гонконг вправе участвовать, в качестве членов делегаций от Правительства Китайской Народной Республики, в международных организациях или конференциях в соответствующих областях, участие в которых допускается только для государств и которые затрагивают Специальный административный района Гонконг, или вправе участвовать в таком ином качестве, которое может быть разрешено Центральным народным правительством и соответствующей организацией или конференцией, и вправе выражать свои мнения от имени «Гонконга, Китай». Специальный административный района Гонконг вправе, используя наименование «Гонконг, Китай», участвовать в международных организациях и конференциях, участие в которых допускается не только для государств.

Вопрос о применении к Специальному административному району Гонконг международных соглашений, стороной которых Китайская Народная Республика является или становится, решается Центральным народным правительством, исходя из обстоятельств и интересов Специального административного района Гонконг, а также после получения мнения Правительства Специального административного района Гонконг. Международные соглашения, стороной которых Китайская Народная Республика не является, но которые имплементированы в Гонконге, могут остаться имплементированными в Специальном административном районе Гонконг. Центральное народное правительство обязано при необходимости уполномочивать или содействовать Правительству Специального административного района Гонконг в заключении надлежащих договоренностей для применения к Специальному административному району Гонконг других соответствующих международных соглашений. Центральное народное правительство обязано предпринимать необходимые шаги для обеспечения того, чтобы Специальный административный района Гонконг сохранял свой статус в соответствующем качестве в тех международных организациях, в которых Китайская Народная Республика является членом и Гонконг участвует в том или ином качестве. Центральное народное правительство обязано при необходимости содействовать продолжению участия Специального административного район Гонконг в соответствующем качестве в тех международных организациях, в которых Гонконг участвует в том или ином качестве, но Китайская Народная Республика не является членом.

Иностранные консульские и иные официальные или полуофициальные миссии могут учреждаться в Специальном административном районе Гонконг с одобрения Центрального народного правительства. Консульские и иные официальные миссии, учрежденные в Гонконге государствами, которые имеют установленные официальные дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой, могут быть сохранены. В соответствии с обстоятельствами, существующими в каждом случае, консульские или иные официальные миссии государств, у которых не установлены официальные дипломатические отношения с Китайской Народной

Республикой, могут быть либо сохранены, либо изменены на полуофициальные миссии. Государства, не признанные Китайской Народной Республикой, вправе создавать только негосударственные учреждения.

Соединенное Королевство вправе учредить Генеральное консульство в Специальном административном районе Гонконг.

XII

Поддержание публичного порядка в Специальном административном районе Гонконг относится к обязанностям Правительства Специального административного района Гонконг. Вооруженные силы, направленные Центральным народным правительством для дислокации в Специальном административном районе Гонконг с целью поддержания обороны, не вправе вмешиваться во внутренние дела Специального административного района Гонконг. Расходы на такие вооруженные силы несет Центральное народное правительство.

XIII

Правительство Специального административного района Гонконг охраняет права и свободы жителей и иных лиц, находящихся в Специальном административном районе Гонконг, в соответствии с законом. Правительство Специального административного района Гонконг обязано защищать права и свободы, предусмотренные законодательством, ранее действовавшим в Гонконге, включая свободу личности, слова, печати, собрания, ассоциаций, создания и присоединения к профсоюзам, переписки, передвижения, перемещения, забастовки, демонстраций, выбора профессии, проведения теоретических исследований и вероисповедания, право на неприкосновенность жилища, свободу заключения брака и право на свободное воспитание детей.

Каждое лицо имеет право получать конфиденциальные юридические консультации, иметь доступ к судам, быть представленным в судах адвокатами по его/ее выбору, а также получать иные судебные средства защиты его/ее прав. Каждое лицо вправе оспаривать действия исполнительных органов в судах.

Религиозные организации и верующие вправе сохранять свои отношения с религиозными организациями и верующими вне Гонконга, и школы, госпитали и организации социального обеспечения, управляемые религиозными организациями, вправе продолжить действовать. Правоотношения между религиозными организациями в Специальном административном районе Гонконг и в иных частях Китайской Народной Республики, основываются на принципах отсутствия субординации, а также принципах невмешательства и взаимоуважения.

Положения Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, применимые к Гонконгу, продолжают действовать.

XIV

Следующие категории лиц вправе проживать в Специальном административном районе Гонконг и в соответствии с законом Специального административного района Гонконг вправе получить постоянные удостоверения личности, выданные Правительством Специального административного района Гонконг, которые закрепляют их право на проживание:

- все граждане Китая, которые родились или постоянно проживали в Гонконге до или после учреждения Специального административного района Гонконг непрерывно в течение 7 или более лет, а также лица, обладающие гражданством Китая, которые родились вне Гонконга у таких граждан Китая;
- все иные лица, которые постоянно проживали в Гонконге до или после учреждения Специального административного района Гонконг непрерывно в течение 7 или более лет и которые избрали Гонконг в качестве места их постоянного жительства до или после учреждения Специального административного района Гонконг, а также лица до 21 г., рожденные у таких лиц в Гонконге до или после учреждения Специального административного района Гонконг;
- любые иные лица, которые имели право на проживание только в Гонконге до учреждения Специального административного района Гонконг.

Центральное народное правительство уполномочивает Правительство Специального административного района Гонконг выдавать, в соответствии с законом, паспорта после учреждения Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики всем гражданам Китая, которые обладают постоянными удостоверениями личности Специального административного района Гонконг, а также проездные документы Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики всем иным лицам, на законных основаниях проживающим в Специальном административном районе Гонконг. Вышеуказанные паспорта и документы действуют для всех государств и регионов, а также закрепляют право владельца на возвращение в Специальный административный район Гонконг.

Для цели выезда и въезда в Специальный административный район Гонконг жители Специального административного района Гонконг вправе использовать проездные документы, выданные Правительством Специального административного района Гонконг или иными

компетентными органами Китайской Народной Республики, или другими государствами. Владельцы постоянных удостоверений личности Специального административного района Гонконг вправе потребовать указания этого факта в их проездных документах в качестве свидетельства того, что владельцы имеют право на проживание в Специальном административном районе Гонконг.

Въезд в Специальный административный район Гонконг лиц из других частей Китая продолжает регулироваться в соответствии с текущей практикой.

Правительство Специального административного района Гонконг вправе применять меры по контролю за иммиграцией при въезде, временном пребывании и выезде из Специального административного района Гонконг лиц из иностранных государств и регионов.

Если такое право не ограничено законом, владельцы действительных проездных документов вправе свободно покинуть Специальный административный район Гонконг без специального разрешения.

Центральное народное правительство обязано содействовать в заключении или уполномочить Правительство Специального административного района Гонконг на заключение соглашений об отмене виз с государствами или регионами.

ПРИЛОЖЕНИЕ II
Китайско-британская совместная контактная группа

1. Во исполнение их общей цели, а также для обеспечения плавной передачи управления в 1997 г., Правительство Соединенного Королевства и Правительство Китайской Народной Республики договорились продолжать свои обсуждения в дружеском духе и развивать отношения сотрудничества, которые уже существуют между двумя Правительствами относительно Гонконга, с целью эффективной имплементации Совместной декларации.

2. Для удовлетворения требований к взаимодействию, консультациям и обмену информации, два Правительства согласились создать Совместную контактную группу.

3. В функции Совместной контактной группы входит:

(а) проведение консультаций по имплементации Совместной декларации;

(б) обсуждение вопросов, относящихся к плавной передаче управления в 1997 г.;

(в) обмен информацией и проведение консультаций по предметам, о которых договорятся обе стороны.

Вопросы, по которым существуют разногласия в рамках Совместной контактной группы, передаются двум Правительствам для разрешения путем консультаций.

4. Вопросы, подлежащие рассмотрению в течение первой половины периода между учреждением Совместной контактной группы и 1 июля 1997 г., включают:

(а) действия, которые должны быть предприняты двумя Правительствами, чтобы позволить Специальному административному району Гонконг сохранить свои экономические отношения в качестве отдельной таможенной территории, и, в частности, сохранить участие Гонконга в Генеральном соглашении по тарифам и торговле, Многостороннем соглашении по текстильным волокнам и других международных соглашениях; и

(б) действия, которые должны быть предприняты двумя Правительствами для обеспечения непрерывного применения международных прав и обязанностей, затрагивающих Гонконг.

5. Два Правительства договорились о том, что в течение второй половины периода между учреждением Совместной контактной группы и 1 июля 1997 г. возникнет необходимость в более тесном сотрудничестве, которое, таким образом, будет усилено в ходе такого периода. Вопросы, подлежащие рассмотрению в ходе второго периода, включают:

(а) порядок, подлежащий принятию для плавного перехода в 1997 г.;

(б) действия для помощи Специальному административному району Гонконг в сохранении и развитии экономических и культурных отношений и заключении соглашений по данным вопросам с государствами, регионами и соответствующими международными организациями.

6. Совместная контактная группа будет являться органом взаимодействия, но не органом власти. Она не будет каким-либо образом участвовать в управлении Гонконгом или Специальным административным районом Гонконг. Она также не будет осуществлять никакого надзора за таким управлением. Члены и вспомогательный персонал последней Совместной контактной группы будут осуществлять свою деятельность только в пределах функций Совместной контактной группы.

7. Каждая сторона назначит старшего представителя, который должен иметь ранг посла, а также четырех других членов группы. Каждая сторона вправе назначить до 20 членов вспомогательного персонала.

8. Совместная контактная группа учреждается в момент вступления в силу Совместной декларации. С 1 июля 1998 г. Совместная контактная группа будет располагаться в Гонконге. Совместная контактная группа будет продолжать свою работу до 1 января 2000 г.

9. Совместная контактная группа будет проводить заседания в Пекине, Лондоне и Гонконге. Она должна заседать не менее одного раза в каждом из указанных трех городов в каждый год своего существования. Место проведения каждого заседания согласовывается двумя сторонами.

10. Члены Совместных контактных групп пользуются соответствующими дипломатическими привилегиями и иммунитетами при проведении заседаний в трех указанных городах. Работа Совместной контактной группы должна оставаться конфиденциальной, если обе стороны не договорятся об ином.

11. Совместная контактная группа вправе по договоренности между двумя сторонами принять решение о создании подгрупп из специалистов для рассмотрения конкретных вопросов, требующих помощи экспертов.

12. На заседаниях Совместной контактной группы и подгрупп могут присутствовать иные эксперты помимо членов Совместной контактной группы. Каждая сторона вправе определить состав своей делегации на конкретном заседании Совместной контактной группы или подгруппы, исходя из вопросов к обсуждению и избранного места проведения заседания.

13. Порядок работы Совместной контактной группы будет обсужден и определен двумя сторонами в рамках руководящих принципов, изложенных в настоящем Приложении.

ПРИЛОЖЕНИЕ III
Договоры аренды земли

Правительство Соединенного Королевства и Правительство Китайской Народной Республики договорились о том, что с даты вступления в силу Совместной декларации договоры аренды земли в Гонконге и иные связанные с ними вопросы будут разрешаться в соответствии со следующими положениями:

1. Все договоры аренды земли, которые были предоставлены или о которых было принято решение до вступления в силу Совместной декларации, а также которые были предоставлены впоследствии в соответствии с пунктом 2 или 3 настоящего Приложения, и которые действуют в том числе после 30 июня 1997 г., и все права в связи с такими договорами аренды, продолжат признаваться и охраняться по закону Специального административного района Гонконг.

2. Все договоры аренды земли, предоставленные Британским гонконгским правительством, не предусматривающие право на продление, которые истекают до 30 июня 1997 г., за исключением краткосрочных договоров найма и аренды для особых целей, могут быть продлены, если арендатор желает этого, на период, истекающий не позднее 30 июня 2047 г., без уплаты дополнительной премии. Годовая арендная плата будет взиматься с даты продления в размере, эквивалентном 3 процентам от оценочной стоимости объекта недвижимого имущества по состоянию на такую дату, корректируемой на любые изменения оценочной стоимости, которые могут произойти впоследствии. В случае старых выделенных

участков[1050], участков в деревнях, малых жилых домов и схожих сельских владений, если объект недвижимого имущества на 30 июня 1984 г. принадлежал, или, в случае малых жилых домов, выделенных после указанной даты, объект недвижимого имущества был предоставлен лицу, происходящему по мужской линии от лица, которое являлось в 1898 г. жителем традиционной деревни в Гонконге, арендная плата не будет изменяться, пока объектом недвижимого имущества владеет такое лицо или один из его законных наследников по мужской линии. Вопросы, связанные с договорами аренды земли без права на продление, которые истекают после 30 июня 1997 г., разрешаются в соответствии с применимым земельным законодательством и политикой Специального административного района Гонконг.

3. С момента вступления в силу Совместной декларации до 30 июня 1997 г. новые договоры аренды земли могут предоставляться Британским гонконгским правительством на сроки, истекающие не позднее 30 июня 2047 г. Такие договоры аренды должны предоставляться за премию и номинальную арендную плату до 30 июня 1997 г. и после этой даты не будут требовать выплат дополнительной премии, но по ним будет взиматься годовая арендная плата в размере, эквивалентном 3 процентам от оценочной стоимости объекта недвижимого имущества по состоянию на такую дату, корректируемой на любые изменения оценочной стоимости, которые могут произойти впоследствии.

4. Общий объем новых земель, которые могут быть предоставлены в аренду согласно пункту 3 настоящего Приложения, ограничивается 50 гектарами в год (исключая землю, подлежащую передаче Жилищному ведомству Гонконга для предоставления в аренду социального жилья) с даты вступления в силу Совместной декларации до 30 июня 1997 г.

5. Изменения условий, предусмотренных договорами аренды, предоставленными Британским гонконгским правительством, могут продолжать вноситься до 1 июля 1997 г. за премию, эквивалентную разнице между стоимостью земли в соответствии с предшествующими условиями и ее стоимостью в соответствии с измененными условиями.

6. С даты вступления в силу Совместной декларации до 30 июня 1997 г. доход от премий, полученный Правительством Специального административного района Гонконг от сделок с землей, должен, после вычета средней стоимости земли как фактора производства, распределяться в равных долях между Британским гонконгским правительством и будущим Правительством Специального административного района Гонконг. Весь доход, полученный Британским гонконгским правительством, включая сумму вышеупомянутого вычета, должен переводиться в Резервный фонд на капитальные работы для финансирования застройки земли и

[1050] Примеч. переводчика – англ. “*old schedule lots*”. Имеются в виду участки, выделенные правительством под застройку в 1905 г.

гражданской застройки в Гонконге. Доля Правительства Специального административного района Гонконг в доходе от премий должна передаваться на хранение в банки, учрежденные в Гонконге, и не использоваться ни для каких целей, кроме финансирования застройки земли и гражданской застройки в Гонконге в соответствии с положениями пункта 7(г) настоящего Приложения.

7. Незамедлительно после вступления в силу Совместной декларации в Гонконге учреждается Земельная комиссия. Земельная комиссия будет состоять из равного числа должностных лиц, назначенных Правительством Соединенного Королевства и Правительством Китайской Народной Республики, соответственно, вместе с необходимым вспомогательным персоналом. Должностные лица двух сторон несут ответственность перед своими соответствующими правительствами. Земельная комиссия подлежит роспуску 30 июня 1997 г.

В компетенцию Земельной комиссии входят:

(а) проведение консультаций по имплементации настоящего Приложения;

(б) надзор за соблюдением ограничения, указанного в пункте 4 настоящего Приложения, объема земли, предоставляемым Жилищным ведомством Гонконга для предоставления в аренду социального жилья, а также за использованием дохода от премий, упомянутого в пункте 6 настоящего Приложения;

(в) рассмотрение и принятие решений по предложениям, полученным от Британского гонконгского правительства, об увеличении порога, указанного в пункте 4 настоящего Приложения;

(г) изучение предложений по выборке средств из доли Правительства Специального административного района Гонконг в доходе от премий, упомянутом в пункте 6 настоящего Приложения, а также дача рекомендаций китайской стороне для принятия решения.

Вопросы, по которым существуют разногласия в рамках Земельной комиссии, передаются Правительству Китайской Народной Республики и Правительству Соединенного Королевства для разрешения.

8. Конкретные аспекты учреждения Земельной комиссии будут окончательно оформлены отдельно двумя сторонами посредством консультаций.

Меморандумы
(к обмену между двумя сторонами)

Меморандум

В связи с Совместной декларацией Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительства Китайской Народной Республики, подлежащей подписанию сегодня, Правительство Соединенного Королевства заявляет, что, с

учетом завершения внесения необходимых поправок в соответствующее законодательство Соединенного Королевства:

(а) Все лица, которые на 30 июня 1997 г. являются, в силу связи с Гонконгом, гражданами Британских зависимых территорий (ГБЗТ) в соответствии с законом, действующим в Соединенном Королевстве, прекратят являться ГБЗТ с 1 июля 1997 г., но будут иметь право на надлежащий статус, который, без предоставления права на проживание в Соединенном Королевстве, наделит их правом продолжать пользоваться паспортами, выданными Правительством Соединенного Королевства. Данный статус будет приобретаться такими лицами, только если они владеют или включены в такой британский паспорт, выданный до 1 июля 1997 г., но при этом лица, обладающие правом на получение такого статуса и родившиеся 1 января 1997 г. или после указанной даты, но до 1 июля 1997 г., вправе получить или быть включенными в такой паспорт до 31 декабря 1997 г.

(б) Никакое лицо не вправе приобрести статус ГБЗТ 1 июля 1997 г. или после этой даты в силу связи с Гонконгом. Никакое лицо, родившееся 1 июля 1997 г. или после этой даты не вправе приобрести статус, указанный в качестве надлежащего в подпункте (а).

(в) Консульские работники Соединенного Королевства в Специальном административном районе Гонконг и вне его вправе обновлять или заменять паспорта лиц, указанных в подпункте (а), а также вправе выдавать их людям, родившимся до 1 июля 1997 г. у таких лиц, которые ранее были включены в паспорт их родителя.

(г) Лица, получившие или включенные в паспорта, выданные Правительством Соединенного Королевства согласно подпунктам (а) и (в), имеют право обращаться, по запросу, за услугами и защитой британских консульских учреждениях при пребывании в третьих странах.

Меморандум

Правительство Китайской Народной Республики получило меморандум Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от ... (*sic*) 1984 г.

В соответствии с Законом о гражданстве Китайской Народной Республики все гонконгские китайские соотечественники, независимо от того, являются ли они владельцами «паспорта гражданина Британских зависимых территорий» или нет, являются гражданами Китая.

Учитывая историю Гонконга и его текущее положение, компетентные органы Правительства Китайской Народной Республики с 1 июля 1997 г. разрешат гражданам Китая в Гонконге, которые ранее именовались «гражданами Британских зависимых территорий», использовать проездные документы, выданные Правительством Соединенного Королевства, для цели выезда в другие страны и регионы.

Вышеуказанные граждане Китая не будут иметь право на британскую консульскую защиту в Специальном административном районе Гонконг и других частях Китайской Народной Республики на основании владения ими вышеупомянутыми британскими проездными документами.

Приложение 4. Рекомендация по тексту защитной клаузулы для российско-японского соглашения о совместной деятельности на южно-курильских островах / о создании особого правового режима на южно-курильских островах

<...>

Статья ...

Ничто в настоящем Соглашении, любых достигнутых на его основе договоренностях, будь то межгосударственных, межправительственных или частных, а также никакая деятельность и меры по их выполнению, равно как и связанные с ними деятельность и меры любого характера не могут рассматриваться как оказывающие какое-либо влияние на позиции Российской Федерации и Японии по проблеме мирного договора.

<…>